

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2(1)

Киров
2011

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Внутских А. Ю.* От nanoиндустрии к постинформационному обществу 6
Ярыгин Н. Н. Вера и обыденное сознание 11
Тазетдинова Р. Р. Философские основания феномена «театральность повседневной жизни» 15
Сретенская С. В. О природе понимания: к вопросу об онтологических началах герменевтики 19

ИСТОРИЯ

Отечественная история

- Подпратов Н. В., Соловьев Р. А., Суслов М. Г.* Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50–80-е гг. XX в. 23
Поляков А. Г. Личность епископа Виктора (Островидова) в системе церковно-государственных отношений (в период 1920 г. – лето 1926 г.) 26
Ореханов Ю. А. (свящ. Г. Ореханов) Восприятие конфликта между Русской православной церковью и Л. Н. Толстым современниками писателя в России 30
Виденеева А. Е. Московский Реут: трагические страницы истории древнейшего благовестника Московского Кремля 38

Всеобщая история

- Воробьева Т. А.* Роль китайского фактора в возникновении корейской войны и его влияние на советско-американские отношения 1949–1950 гг. 43
Наумов А. О. Иностранцы добровольцы армии Франко в Гражданской войне в Испании (на примере Ирландской бригады) 52
Росина М. А. Экономическая политика США и СССР в отношении Румынии в 1949–1953 гг. 59
Збоев А. В. К вопросу о приостановлении отношений между Народной Республикой Болгарией и Соединёнными Штатами Америки в феврале 1950 г. 66

ПРАВО

- Сучков А. В., Коновалова А. Б.* К вопросу о методике расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками 76
Петрунёва А. Н. К вопросу об исторических основах законодательства обществ с ограниченной ответственностью 81
Благодиц А. А. О понятии, свойствах и структуре системы права 84
Сучкова Т. Е., Семенов А. В. О юридической ответственности медицинских работников при совершении ими профессиональных правонарушений 91

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Черниговский Д. Н. М. Л. Гофман* о политическом мировоззрении Пушкина 99
Самоделова Е. А. Предыстория публикаций русских народных сказок А. Н. Толстого в 1938–1939 гг. (по архивным источникам) 102
Сухих О. С. Художественный эксперимент над историей («легенда о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского, «покушение на миражи» В. Ф. Тендрякова, «нетерпение» Ю. В. Трифонова) 110
Вахрушев А. А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX в.). К постановке проблемы 115
Березина Ю. В. Основные фонетические процессы в немецких говорах Кировской области 119

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Розенберг Н. А.</i> Современная художественная культура Уральского региона в контексте формирования новой культурной идентичности	123
<i>Поспелова Н. И.</i> Иносказание в творчестве Д. Д. Шостаковича как способ интеллектуальной коммуникации	128

ПЕДАГОГИКА

<i>Береснева Е. В.</i> Формирование технолого-методической компетентности учителя химии	135
<i>Захарщица М. А.</i> Историко-педагогическое исследование содержания педагогического образования в уездном городе Удмуртской Республики	141
<i>Кувалдина Е. А.</i> Научно-методическое обеспечение деятельности классного руководителя в современной школе	146

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Мосунова А. А.</i> Смысловое чтение как деятельность: её содержание и структура	151
<i>Комкова Е. И.</i> Анализ интеллектуального и личностного развития детей, воспитывающихся при разных формах родительского попечения	158
<i>Киселева Е. П.</i> Динамика направленности учебной мотивации у студентов в ходе проведения развивающих занятий	165

ПЕРСОНАЛИИ

Вячеславу Николаевичу Оношко – 70 лет	170
Владимиру Степановичу Данюшенкову – 60 лет	172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Юлов В. Ф.</i> Международная научно-практическая конференция «Старость как социокультурный феномен»	174
<i>Кустова Е. В.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение» (к 150-летию отмены крепостного права в России)	176
<i>Коршунова О. В., Печенкин А. А.</i> Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Развитие познавательной активности обучающихся в инновационной образовательной среде»	178
<i>Волощенко Е. П., Малина А. Д., Попова Е. С.</i> Всероссийская конференция с международным участием «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей»	184
Сведения об авторах	186
Information about authors	189

CONTENTS

- Vnutskikh A. Yu.* From nanoindustry to postinformation society
- Yarygin N. N.* The belief and ordinary consciousness
- Tazetdinova R. R.* Philosophical Foundations of the phenomenon of “theatricality of everyday life”
- Sretenskaya S. V.* On the essence of understanding: the problem of ontological basis of hermeneutics
- Podpryatov N. V., Solovyev R. A., Suslov M. G.* Ethnic differences and reasons for the growth of nationalism in the Soviet Union in 50–80-ies of the 20th century
- Polyakov A. G.* The Bishop Victor (Ostrovidov) in the system of church and state relations in the period of 1920 – summer of 1926.
- Orekhanov Yu. L. (priest G. Orekhanov).* The perception of a conflict between the Russian Orthodox Church and Leo Tolstoy by his contemporaries in Russia
- Videneeva A. E.* Moscow Reut: the tragic history of the Moscow Kremlin’s ancient blessed messenger
- Vorobjova T. A.* Role of the Chinese factor in occurrence of the Korean War and its influence on the Soviet-Americans relations 1949-1950
- Naumov A. O.* Foreign volunteers in the army of Franco during Spanish Civil War (by the example of the Irish Brigade)
- Rosina M. A.* Economic policy of the USA and the USSR concerning Romania in 1949–1953
- Zboyev A. V.* To the question of the suspension of relations between the People’s Republic of Bulgaria and the United States of America in February 1950
- Suchkov A. V., Konovalova A. B.* To a question on a technique of investigation of the professional crimes made by medical personal
- Petrunyova A. N.* On legal historical background of closed joint stock companies
- Blagodir A.L.* On the notion, character and structure of system of law
- Suchkova T. E., Semeno A. V.* About legal responsibility of medical personnel at fulfilment of professional offences by them
- Chernigovskiy M. L.* Hoffmann about political views of Pushkin
- Samodelova E. A.* Background of Russian A. Tolstoy’s folk tales publications in 1938–1939 (on ??archival sources).
- Sukhib O. S.* Artistic experiment on the history (“Legend about the Great inquisitor” F. M. Dostoevsky, “Attempt against illusions” V. F. Tedryakov, “Impatience” Y. V. Triphonov)
- Vackrushev A. A.* Educational mission of the press and literature in provincial Russia (based on the material from Vyatka province of XVII – early XX century)
- Berezina Y. V.* Basic phonetic processes in the German dialects in the Kirov region
- Rosenberg N. A.* Contemporary art culture of the Urals region in the context of new cultural identity forming
- Pospelova N. I.* Allegory in the work of D. D. Shostakovich as a mean of intellectual communication
- Beresneva E. V.* Formation of a technologo-methodical competence of a chemistry teacher
- Zakharischeva M. A.* Historical-pedagogical research of the pedagogical education content in a town of Udmurt Republic
- Kuvaldina E. A.* Scientific-methodical provision of class teacheru activity in modern school
- Mosunova L. A.* Semantic reading as an activity: the content and structure
- Komkova E. I.* Analyses of intellectual and personal children development, raising in different parental solicitude form
- Kiseleva E. P.* Students learning motivation direction dynamics during lessons on the development of abilities
- Uylov V. F.* International science-practical conference “Old-age as a socio-cultural phenomena”
- Kustova E. V.* All-Russian Scientific Practical Conference «The peasant reform of Alexander II: regional dimension» (devoted to 150th anniversary of the abolition of serfdom in Russia)
- Korshunova O. V., Pechenkin A. A.* All-Russian Scientific Practical Conference with international participation “The development of students cognitive activity in innovative educational environment”
- Voloschenko E. P., Malina A. D., Popova E. S.* All-Russian Conference with international participation “Language, identity, activity: a view of young researchers”

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 101.11::316

А. Ю. Внутских

ОТ НАНОИНДУСТРИИ К ПОСТИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

В данной статье обсуждаются варианты интерпретации понятий «нанотехнология» и «наноиндустрия». В современной науке эти понятия нередко используются чрезмерно широко, что в первую очередь связано с их маркетизацией. Вне контекста концепции технологического детерминизма высказано предположение, что развитие NBIC-технологий как объективный процесс может привести к новому наноиндустриальному, или постинформационному, обществу.

In the article variants of interpreting the concept nanotechnology and nanoindustry are discussed. In modern science this concept is used often excessively broadly; first of all it is connected with expansion of market in the sphere of science. Outside of context of technological determinism conception, we suggest that perhaps objective development NBIC-technology can result into new nanoindustrial, or postinformation, society.

Ключевые слова: наноиндустрия, мифодизайн, постиндустриальное общество, молекулярные нанотехнологии, наноиндустриальное общество, постинформационное общество.

Keywords: nanoindustry, design of myths, postindustrial society, molecul nanotechnology, nanoindustrial society, postinformation society.

В настоящее время все больше зреет понимание, что нанотехнологии являются необходимой компонентой нового инновационного прорыва и что их развитие может привести в перспективе к серьезным социально-экономическим и политическим изменениям [1].

Возникает вопрос – а что, собственно, в строгом смысле следует понимать под нанотехнологиями? Очевидна актуальность прояснения ключевых терминов и принципов нанонауки и нанотехнологии, а также необходимость критического осмысления сущности и реальных возможностей развития этой новой сферы в рамках некоей общей философской концепции. Попытке решения этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Начнем с общеизвестных моментов. Считается, что вещество находится в «наносостоянии», если проявляются свойства, отличные от физи-

ческих, химических или биологических свойств макросостояния (объемного состояния) вещества. «Наносостояние» объектов проявляется в диапазоне пространственной шкалы от 1 до 100 нм (нано – одна миллиардная часть, или множитель 10^9). Объекты, размеры которых меньше 1 нм, относятся к области того или иного традиционного раздела физики и химии. Объекты с размерами больше 100 нм относятся к микро- и макрообъектам и не проявляют особенностей наносостояния. Соответственно, нанотехнологиями в широком смысле можно назвать все физические, химические, биологические процессы, позволяющие контролируемо оперировать нанообъектами, формирующими те или иные материалы, устройства или технические системы [2].

Однако вопрос состоит в том, каким способом осуществляется выход к операциям с нанообъектами. В конце концов, практическое применение наночастиц, например, в стекольном и гончарном деле известно с античности и средневековья [3]. Известно также, что первоначальным предметом исследования нанонауки, обозначенным в знаменитых работах американских исследователей Р. Фейнмана и Э. Дрекслера [4], было именно манипулирование с отдельными атомами и молекулами – так называемый «механосинтез», или «молекулярная нанотехнология» (МНТ). Предполагалось, что данная технология, реализуя принципиально новый производственный принцип «снизу вверх», в будущем позволит собирать, «выращивать» любые макрообъекты по образцу биологического синтеза, осуществляемого живыми клетками [5]. Речь идет об идее принципиально новой наноиндустрии, щадящей природу, способной помимо экологической решить также и другие глобальные проблемы человечества, выводя его на траекторию «устойчивого развития». Именно эта идея была первичной при начале серьезного обсуждения перспектив этого направления в сенате США под руководством Альберта Гора в 1992 г. Однако уже в 1994 г. А. Гор в качестве вице-президента в докладе «Наука на службе страны» делает акцент на «важности нанотехнологий для текущего промышленного развития США» [6]. То есть нынешней американской промышленности!

Некоторые исследователи связывают это обстоятельство с активизацией лобби традиционной индустрии в США, которое в борьбе за фе-

деральное финансирование сумело в период оформления первой в мире американской программы развития нанотехнологий NNI (National Nanotechnology Initiative) практически полностью «избавить» ее от упоминания о молекулярной нанотехнологии. Манипулирование атомами, молекулярная электроника и опытные образцы молекулярных машин... в сущности, остались за бортом. И все прочие национальные программы развития нанотехнологий оказались в большей или меньшей степени «калькой» с программы NNI – «ни одна другая страна не устояла перед этим американским определением...» [7]. Причина этого во всех случаях была одной и той же – экспансия рынка и политики в сферу науки, экономическая конкуренция и корпоративные интересы отдельных групп. Возникло сообщество ученых, которые ради получения грантов и преференций объявили себя представителями «нанонауки» и закрепили предельно широкое определение нанотехнологий, выгодное для ряда ключевых отраслей традиционной индустрии – материаловедения и микроэлектроники в первую очередь. Иными словами, «академии наук в разных странах соглашались на... растяжимое определение нанотехнологий, чтобы защитить и оправдать политические выгоды, извлекаемые из науки кругами, от науки далекими, но зато влиятельными» [8]. Таким образом, перед нами очевидный пример современного мифодизайна.

Проблема, однако, состоит в том, что мифодизайн, эффективно решающий задачу перераспределения финансовых потоков в существующей социально-экономической системе, не способен решить глобальные проблемы человечества, которые с конца XX в. имеют общую тенденцию к обострению [9].

Однако поставим вопрос, возможна ли реализация проекта молекулярной нанотехнологии в принципе? Поскольку аналогичные процессы реализуются в живой природе и не нарушают ни один закон физики и химии, то, по-видимому, да. В этом в свое время состоял главный аргумент Э. Дрекслера. Более того, еще в конце 80-х гг. XX в. появились устройства, которые можно рассматривать как прообразы орудий труда будущей атомно-молекулярной индустрии, наноиндустрии в указанном выше строгом смысле. Речь идет о создании сканирующего туннельного микроскопа, а затем атомно-силового микроскопа; эти устройства впервые позволили не только наблюдать за отдельными атомами, но и перемещать их [10].

В условиях очевидного для многих исследователей «кризиса инноваций», который заключается в неприятии существующей общественной системой фундаментальных нововведений в науке, экономике, политике [11], полноценное раз-

витие наноиндустрии также тормозится. Но эта стагнация не может продолжаться бесконечно в силу упомянутого обострения глобальных проблем, общепризнанного кризиса мировой цивилизации, кризиса самого современного человека [12].

Представляется, что уже в ближайшие десятилетия должно произойти нечто такое, что выведет общество на принципиально иной уровень социально-экономической и политической реальности. В противном случае человечество просто погибнет. Не являясь сторонниками концепции технологического детерминизма – в диалоге человека и техники определяющая роль всегда останется за человеком, мы вместе с тем считаем, что технику и технологию можно и нужно рассматривать как важный показатель уровня развития человеческой сущности. И если человечеству в ближайшее столетие суждено выжить, то уже в настоящее время должны существовать *прообразы* технико-технологических «эквивалентов» грядущего изменения сущности человека. Может быть, в качестве таких эквивалентов можно рассматривать существующие пока в зародыше молекулярные нанотехнологии? И если это так, в какую *обществоведческую метатеорию* можно было бы вписать тенденции их развития?

Как известно, в настоящее время в качестве общей социально-гуманитарной концепции, призванной охватить состояние современного общества в целом и прогнозировать его изменения, рассматривается концепция постиндустриального (информационного) общества. Понятие «информационное общество» отражает существенный аспект постиндустриальной трансформации, начавшейся в развитых странах Европы и Азии в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. Дело в том, что главным источником производительности во всех областях экономической деятельности в этот период становятся знания, информация. В постиндустриальном обществе более 80% затрат во временном и стоимостном отношении приходится на работу с информацией [13]; соответственно, все большую роль играют профессии, связанные с генерацией, обработкой и потреблением информации. Это обстоятельство и дает ряду исследователей основание интерпретировать данную стадию общественного развития как «информационную» или «информациональную» эпоху (Ф. Махлуп, Т. Умесао, М. Кастельс).

При этом экспоненциально быстрый рост производства и переработки информации рассматривается как однозначное свидетельство «дематериализации труда» и окончательной «деиндустриализации». Однако следует согласиться: «Мы никогда не сумеем понять общество, основанное на созданной знанием стоимости, если будем рассматривать его... как... элементарный отход

от производства материальных благ как таковых» [14]. Действительно, при фундаментальном политэкономическом анализе выясняется, что наиболее существенная тенденция общества нового типа заключается отнюдь не в дематериализации труда, а во все более глубокой интеграции материального и духовного труда, т. е. в развитии всеобщего (научного) труда как наиболее сложной формы труда материального.

Как отмечал еще Карл Маркс, с развитием научного труда «созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые... зависят... от применения... науки к производству»; соответственно, «рабочее время перестает... быть мерой богатства...» [15]. А это значит, что стоимость как объективная основа ценообразования, характерная для эпохи индустриального капитализма, постепенно разрушается – в той мере, в какой наука в новом постиндустриальном обществе закрепляет за собой статус главной производительной силы. Высокотехнологичное материальное производство «напитывается, насыщается» наукой.

При этом субъекты научного труда не ограничиваются «царством чистой мысли»; они эффективно совмещают функции организаторов и исполнителей в рамках вполне материального производственного процесса. Эту «тенденцию к объединению труда и средств производства» отмечают многие исследователи современного социума [16]. В связи с этим перспективным кажется предположение о том, что стоимость в ее новой форме, возможно, «измеряется временем, которое в среднем тратится человеком на интеграцию частичных действий и соответственно реализацию интегрированной... трудовой деятельности», т. е. реализацию некоего элементарного акта всеобщего или научного труда, интегрирующего труд духовный и материальный [17].

На наш взгляд, нанопроизводство способно довести эту интеграцию материального и духовного труда до логического завершения, причем, что особенно важно, именно в реальном секторе экономики. Как отмечает профессор Технического колледжа штата Джорджия Ральф Меркл, нанотехнологии произведут такую же революцию в манипулировании природной материей, какую произвели компьютеры в манипулировании информацией [18].

Дело в том, что нанотехника впервые дает возможность создавать *орудия труда*, адекватные уровню тех вспомогательных средств производства (ПЭВМ и информационные сети), которые порождены последней информационной революцией. Точно так же, как паровая машина была средством производства, не вполне адек-

ватным производству индустриального типа (в силу легкости передачи и делимости электроэнергии более адекватным оказался электродвигатель), так традиционная техника не вполне адекватна производству «информационного» типа.

Действительно, факты свидетельствуют, что информационные технологии (на основе производимой традиционным способом микроразмерной электротехники) до сих пор, как правило, представлены в качестве элементов индустрии развлечений или в качестве сервисов, обслуживающих традиционную (макроразмерную) производственную технику. Однако уже сканирующий туннельный микроскоп и атомно-силовой микроскоп можно рассматривать как предтечи принципиально новых орудий труда.

Первым, вполне адекватным сущности информационных технологий орудием труда в реальной экономике может стать пока гипотетический наноассемблер – универсальный сборщик для «выращивания» практически любых макрообъектов на основе атомарно-молекулярного сырья и «информационной матрицы» при сравнительно небольших затратах энергии. Природный аналог таких ассемблеров давно известен и продолжает интенсивно исследоваться; это живая клетка. Не случайно, что биотехнологии, как и технологии информационные, относятся к числу четырех основных технологий производственной нанореволюции. Речь идет о так называемых «конвергентных» нано-, био-, информационных и когнитивных технологиях. Сюда можно отнести и «NBIC-technologies», разумеется, в той их части, которая не имеет своей главной целью упоминавшийся «распил» бюджетного пирога. Изучение физико-химических основ жизни, возможно, позволит создать уже в середине XXI в. искусственные ассемблеры (причем ассемблеры реплицирующиеся, т. е. способные к копированию), хотя развитие нанотехнологий, конечно же, не сведется лишь к их разработке [19].

Важно здесь то, что в рамках нанопроизводства человек вступает в реальное взаимодействие со *всей* природой – взаимодействие универсальное, предполагающее преобразование физической, химической и биологической форм материи. Конечно, человек в ходе производственной деятельности всегда создавал артефакты материальной культуры, или «вторую природу», однако только нанотруд формирует предпосылки для *универсального* созидания «второй природы» – со всеми вытекающими из этого конструктивными возможностями и рисками. Совершенно не случайно поэтому и кардинальное изменение понятия «машина», которое имеет место в наносистемотехнике и отражает как собственную гибридную природу наномашин, так и их способность создавать сложную, комплексную реаль-

ность [20]. Таким образом, нанотруд можно рассматривать как высшую, наиболее сложную разновидность научного (всеобщего) труда, которая воплощает наиболее фундаментальные интенции последнего.

Возвращаясь к информационным технологиям, необходимо сделать еще одно уточнение: лишь нанотехнологии способны создать необходимые материальные предпосылки для продолжения развития элементной базы компьютерной техники. Речь идет об известной эмпирической закономерности, получившей название «первого закона Мура». Согласно ей, емкость микросхем удваивается каждые 18–24 месяца при соответствующем увеличении производительности. Однако, по оценкам экспертов, возможности традиционных микротехнологий в этом отношении будут исчерпаны к 2015 г. [21] Только применение нанотехнологий способно в перспективе помочь созданию квантовых компьютеров с быстрой скоростью порядка ТераГц ($\sim 10^{12}$ операций в секунду) (Тера – приставка, обозначающая 10^{12} , т. е. увеличение в триллион раз) и плотностью записи информации примерно 10^3 Терабит/см², что на несколько порядков выше достигнутых сегодня, а энергопотребление – на много порядков ниже [22]. В свою очередь, прогресс технологий информационных жизненно важен для широкого внедрения нанотехнологий в производство. Показательно, что в проводимых экспериментах по изготовлению нанобъектов отношение времени, которое требуется на разработку соответствующего программного обеспечения, к времени, которое требуется для проведения самих наноманипуляций, пока составляет 1000:1 [23].

Если же добавить к «закону Мура» общую тенденцию развития техники в направлении миниатюризации, то станет очевидным – формирование нанопроизводства имеет глубокие объективные основания, и как научно-производственный принцип (мы не говорим о конкретных будущих вариантах его воплощения) молекулярная нанотехнология не имеет альтернатив, по мнению Нобелевского лауреата Р. Фейнмана, это «разработка, которой... нельзя избежать». При этом можно предположить, что «будущее нанообщество «вберет в себя» существующее сейчас информационное общество на качественно ином технологическом уровне» [24].

Но это значит, что об «абсолютной деиндустриализации», о «замене» материального производства производством «чистой информации» в ходе постиндустриальной трансформации речь идти не может. Скорее, наоборот: нанотехнологии в качестве универсального преобразования физической, химической, биологической форм материи, в неразрывной связи с прогрессом ин-

формационных технологий могут стать основой принципиально новой индустрии, основой, если можно так выразиться, «наноиндустриального общества».

В связи с этим интересно продолжить мысль одного из основоположников теории постиндустриализма О. Тоффлера, согласно которому «по многим признакам цивилизация Третьей волны (постиндустриальное общество. – А. В.) несет в себе черты сходства с Первой волной (доиндустриальным обществом. – А. В.), в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства... мы наблюдаем нечто вроде диалектического возвращения к прошлому» [25]. Может быть, конечно, если не считать постиндустриальную стадию «концом истории», нанотехнология играет в дальнейшем развитии общества роль своеобразного диалектического отрицания в триаде «индустриализм – постиндустриализм (информационизм) – наноиндустриализм».

В таком случае мы находимся на пороге глобального и многогранного поворота, в чем-то подобного пулу научной, технической и политической революций XVII–XVIII вв., но куда более грандиозного по своим возможным последствиям. Поворота к постинформационному обществу как результату нанореволюции.

Попытаемся более строго определить понятие нанореволюции, которое мы уже использовали в ряде работ, посвященных философскому анализу развития нанотехнологий [26]. Нанореволюция – это коренное преобразование производительных сил на основе внедрения в реальный сектор экономики атомно-молекулярных технологий, которое должно привести к кардинальным социально-экономическим, политическим, общекультурным изменениям в качестве завершающего этапа постиндустриальной трансформации.

В ходе этих изменений социально-экономический, политический и культурный ландшафт общества неизбежно претерпит глубочайшие изменения. Вот что по этому поводу пишет известный специалист в области нанотехнологий Марк Габрад: «С появлением молекулярного производства... мировая экономика переживет глубокие сдвиги. Международная торговля как сырьем, так и готовой продукцией будет постепенно заменяться децентрализованным производством для местного потребления с использованием доступного местного сырья. Оплачиваемый труд, транснациональный капитализм и глобальные рынки будут исчезать как организационные принципы мировой системы. Что их заменит? Мы не знаем» [27]. По-видимому, в ближайшие десятилетия мы столкнемся с неспособностью существующей экономической модели ассимилировать

достижения нанопроизводства, что, по нашему мнению, вполне укладывается в концепцию развития всеобщего труда и разрушения основанных на общественно необходимом рабочем времени стоимостных отношений.

Но дело не только в грядущих экономических потрясениях. При сохранении существующих политических отношений возникает реальная возможность боевого применения наносистем. Эта возможность связана с такими ужасающими последствиями, что крупный специалист по военным нанотехнологиям Юрген Альтман вынужден констатировать: в условиях нанореволюции «безопасность страны уже не может обеспечиваться действиями национальной армии». Это обстоятельство в свою очередь знаменует «усиление роли международных организаций (и вообще роли международных законов)...», конституирует «монопольное право международного сообщества на законное применение силы» [28].

Если же добавить сюда возможности тотального контроля и управления поведением индивидов, вмешательства в человеческий генофонд с применением нанотехнологий и т. д., то помимо прочего станет очевидной необходимость создания принципиально новой этической и в целом мировоззренческой системы – практико-ориентированной и подлинно общечеловеческой. Пока же приходится констатировать, что «дебаты по этическим, правовым и социальным аспектам нанотехнологии не успевают за ее развитием» [29].

Итак, мир «информационного общества» в ближайшие десятилетия кардинально изменится, поскольку нанореволюция в своем развитии неизбежно затронет его фундаментальные экономические и политические механизмы. Как учит история, «новое измерение стоимости всегда приводит к созданию новой системы обмена», оно рано или поздно «перерастет в систему взаимосвязей и взаимодействий, кажущуюся сегодня невысказанной» [30]. И принципиально важно, чтобы человечество, в интересах собственного выживания и дальнейшего развития, встретило эти изменения осознанно, в готовности к открытому обсуждению возникающих проблем и солидарному действию по их решению.

Ведь как справедливо отмечал Юрген Хабермас, «производительные силы... не представляют собой... потенциал освобождения при любых условиях и не обязательно инициируют процессы эмансипации» – «спасительную силу рефлексии невозможно заменить распространением технически применимого знания» [31]. Без преодоления той «антропологической катастрофы», в которую человечество впало в XX в. (Мераб Мармардашвили), неуправляемое развитие нанотехнологий чревато катастрофой и для окружающего нас мира.

Примечания

1. *Медведев Д.* Выступление на открытии II Международного форума по нанотехнологиям. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5675> (дата обращения 20.11.2010); National Nanotechnology Initiative. URL: <http://www.nano.gov> (дата обращения 20.11.2010).
2. *Елисейев А. А.* Философия наносинтеза. URL: <http://www.webstarstudio.com/forum/viewtopic.php?p=4398&sid=563b91bb74c2ea654c7bfa107213fef0> (дата обращения 20.11.2010)
3. *Балабанов В. И.* Нанотехнологии. Наука будущего. М., 2009. С. 111.
4. *Фейнман Р.* Внизу полным-полно места: приглашение в новый мир физики // Российский химический журнал. Т. XLVI. 2002. № 5. С. 4–6; *Drexler E.* Nanosystems Molecular Machinery Manufacturing and Computation. N. Y., 1992.
5. *Фейнман Р.* Указ. соч.; *Drexler E.* Op. cit.
6. *Жоаким К., Плевелер Л.* Нанонауки. Невидимая революция. М., 2009. С. 20, 24.
7. Там же. С. 30.
8. Там же. С. 33.
9. *Хохлова Т. Ф.* Глобальные проблемы человечества (по докладам Римского клуба) // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1996. № 2. С. 24–37; *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.
10. *Балабанов В. И.* Указ. соч. С. 19–27.
11. *Матвейчев О.* Кризис инноваций // Сократ. 2009. № 1. С. 84–85.
12. *Орлов В. В.* Научная философия как основа интеллектуального потенциала общества // Новые идеи в философии. Пермь, 2002. Вып. 11. С. 6–8.
13. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой (путь к очевидности) М., 1998. С. 98.
14. *Сакайя Т.* Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 371.
15. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1969. Т. 46. Ч. 2. С. 213–214.
16. *Сакайя Т.* Указ. соч. С. 354.
17. *Корякин В. В.* Стоимость и ее формы. Стоимостные отношения в постиндустриальном обществе // Новые идеи в философии. Пермь, 2009. Вып. 18. Т. 1. С. 93.
18. *Merkle R. C.* Nanotechnology: It's a Small, Small, Small, Small World. URL: <http://www.actionbio-science>. (дата обращения 18.11.2010)
19. *Балабанов В. И.* Указ. соч. С. 233, 235.
20. *Горохов В. Г.* Трансформация понятия «машина» в нанотехнологии // Вопросы философии. 2009. № 9.
21. *Шольце С.* Нанотехнологии: трезвый взгляд // Alma mater. 2007. № 7. С. 49.
22. *Доловин Ю. И.* Нанотехнологическая революция стартовала! URL: http://www.abitura.com/modern_physics/nano/nano2.html (дата обращения 18.09.2010)
23. *Балабанов В. И.* Указ. соч. С. 30.
24. *Давыдов А. А.* В преддверии nanoобщества // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 121–122.
25. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 538.
26. *Внутских А. Ю.* О философских основаниях концепций общественной конкуренции и нанореволю-

ции // Вестник Пермского государственного университета. 2009. Сер. Философия. Вып. 5. С. 22–31; *Внутренних А. Ю.* О социально-философских аспектах нанореволюции // Наука. Философия. Общество: материалы V Российского философского конгресса. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 36–37.

27. *Gubrad M.* Nanotechnology and International Security. URL: <http://www.foresight.org/Conferences/MNT05/Papers/Gubrud/index.html> (дата обращения 18.09.2010)

28. *Альтман Ю.* Военные нанотехнологии. Возможности применения и превентивного контроля вооружений. М., 2009. С. 348.

29. *Шольце С.* Указ. соч. С. 47.

30. *Стоафт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 445.

31. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 103, 134.

УДК 2-41

Н. Н. Ярыгин

ВЕРА И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье рассматривается категория веры, которая впервые формируется в древнем сознании. Благодаря вере в миф закладываются основы морали и поведения человека в обществе, появляются первые знания о мире. Данная форма веры в определённой мере сохраняется и в современном сознании, однако сегодня она, скорее всего, играет уже отрицательную роль.

In article the category of belief which is formed in ancient consciousness is considered. The belief in a myth is a base of morals and behavior of the person in a society and of first knowledge of the world. The given form of belief in a certain measure we find in modern consciousness, however today it, most likely, plays already negative role.

Ключевые слова: вера, миф, сознание.

Keywords: belief, a myth, consciousness.

Существующие определения веры в основном характеризуют веру религиозную, философскую, веру в научном познании [1]. Совершенно вне поля зрения остаётся вера в обыденном сознании. Однако названный вид веры является существенным пластом человеческого сознания, который в значительной степени влияет на формирование мировоззрения человека. Обыденное сознание в широком понимании послужило в своё время источником развития и религии, и философии, и научных знаний.

В обыденном сознании вера представлена как безусловное принятие человеком знаний, положений без достаточных на то оснований. Веру следует отличать от психологической уверенно-

сти, существующей на уровне биологического инстинкта. В силу своей телесности человек обладает психологической уверенностью, которую некоторые исследователи принимают за веру. Так, Ч. Пирс связывает готовность к действию, волю человека с верой. «Готовность действовать из критерия веры превращается в её содержание, то есть в содержание той идеи или предложения, в которое верят» [2]. Вслед за ним Б. Рассел с некоторыми оговорками признаёт наличие веры у животных и даже характеризует её как «истинная» или «ложная» в зависимости от ситуации [3]. Получается, что животные тоже наделены даром познания и человек мало чем отличается от других существ. Однако не следует забывать, что у животных эта психическая уверенность базируется на инстинктах, а сознание человека отнюдь не сводится к последним. Далее Б. Рассел пишет: «... имеется вера без слов в то, что находится за пределами опыта этого животного» [4]. Если речь об эмпирическом опыте (ощущение, восприятие), то с автором можно согласиться. Кроме этого вера человека есть явление его духовной природы, выраженной образами и словами. Этнографами давно замечено в архаичном обществе повторение из поколения в поколение с абсолютной точностью одних и тех же исторических преданий, родословных, мифов. Ученые обнаружили психологическую основу словесного повторения и ритуального действия. Она заключается в эхоталазии (непроизвольном речеподражании), на базе которой возникает народная память – эпос [5]. Собственно в мифе и формируется феномен веры как специфической характеристики человеческого сознания. Одно из значений древнегреческого слова «миф» переводится как «слово». Лишь «вера в слово» и является собственно верой, отличительным признаком человеческого сознания. Знание существует и передаётся только через слово. Человек познаёт окружающий мир, осознает его, накапливает и передает свои знания потомкам.

Архаичное сознание развивалось через эмпирический материал многих поколений людей. Опыт формировался преимущественно из образов различных двигательных операций, и многие из них становились привычными навыками, автоматизмами (владение орудиями труда и быта, оружием и т. п.). Двигательная уверенность человека сама по себе, овладение различными операциями – это еще не есть вера, которая появляется лишь тогда, когда эти навыки начинают закрепляться в ритуальных действиях и посредством слова передаваться от человека к человеку. Огромное значение магии слова подтверждается тем, что гипнотическому воздействию через слово не подвержены младенцы, механизм сугге-

сти не срабатывает также тогда, когда врач-гипнолог и пациент изолированы друг от друга звуконепрозрачным стеклом. Важное условие веры древнего человека – коммуникативность. Чем более замкнуто некое сообщество, «тем более оно внутренне соткано из доверия – “веры на слово”» [6]. Благодаря социальному характеру веры миф обретает над общиной безграничную власть.

Древний человек являлся лишь единицей рода (индивидом), напроочь отсутствовало личностное начало, что вполне заметно по ранним литературным источникам. Так, в гомеровских «Илиаде» и «Одиссее» повествование ведётся от третьего лица. Доминирование родового начала над индивидуальным было сопряжено с определёнными издержками. Род, племя могли легко пожертвовать любым своим членом ради выживания, причем выбирались самые достойные, да и вряд ли сами жертвы испытывали большие терзания по этому случаю, скорее наоборот – это было их почетной обязанностью. Конечно, сегодня человеческие жертвоприношения выглядят вопиющим варварством, но в тех условиях безоговорочной веры в миф, отсутствия личностного начала это было вполне естественным явлением. Более того, история знает жертвоприношения младенцев. К примеру, они были распространены в финикийском культе небесного божества Баалшагема, в частности в Ханаане, Финикии и Карфагене. В основе этой традиции, очевидно, лежал миф о том, как Крон (Эл) принес в жертву Урану (Баалшамему) своего сына. В финикийских обществах Средиземноморья такие жертвы сохранялись, возможно, до конца первого тысячелетия до н. э. [7] Широко были известны жертвоприношения детей в виде сожжения с предварительным умерщвлением. Часто при угрозе военного поражения приносили в жертву обычно мальчиков в возрасте до шести месяцев. К примеру, по сообщению Диодора Сицилийского, когда армия главы Сицилийского союза городов Агафокла осадила Карфаген в 311–310 гг. до н. э., его защитники принесли в жертву более 500 детей. Среди них 200 от знатных семей были определены властями, а около 300 принесены в жертву горожанами добровольно [8]. Обороняющие с городских стен просто выставили на своих руках младенцев под град неприятельских стрел, поднялся неопишуемый детский плач и крик, осаждающие были настолько шокированы происходящим действием, что сняли осаду и удалились прочь.

Образы всемогущих духов составили ядро магической практики. Через заклинания и ритуалы миф стал средством разрешения проблемных ситуаций жизни общины. Вера в миф была настолько сильна, что «не было еще примера,

чтобы неудача какого-нибудь магического обряда обескуражила тех, кто в него верит» [9]. Как правило, в подобных случаях тень сомнения падала на конкретного колдуна, его магическую силу и способность общаться с духами. Формировалась безусловная установка на принятие мифа в качестве первой мировоззренческой картины мира. Вследствие суровых условий обитания психика древнего человека была перегружена негативными эмоциями: тревога, страх, отчаяние. Человек, постепенно утрачивая свою былую физическую мощь, одновременно обретал силу духовную в виде веры в миф, благодаря чему собственно он и выжил, хотя был значительно слабее окружавших его хищных животных, природных стихий и катаклизмов. Так, в архаичном сознании формируется устойчивый оптимизм, надежда человека на свои силы. «Это всегда вера во власть человека достигать желаемой цели с помощью колдовства и ритуала» [10]. По большому счету архаичное мышление особых сомнений в познании окружающей действительности не испытывало, чаша весов здесь всегда склонялась в сторону веры. Древняя магия становится реальностью для человека, Дж. Фрэзер приводит множество характерных примеров последнего. Так, женщина из новозеландского племени маори съела фрукт, а потом узнала, что он сорван в месте, на которое вождём наложено табу. Она воскликнула, что дух вождя, которого она так оскорбила, несомненно погубит её. Всё это произошло после полудня, а на следующий день в двенадцать часов она уже была мертва [11]. Предметом нарушения табу может быть вещь, которой пользовался вождь, остатки его пищи, то есть рядовой член племени погибает от соприкосновения с таким предметом, через который на него воздействует духовная сила вождя. Причиной смерти могла быть также легкая царапина, но нанесённая заговоренным, магическим оружием. В любом из таких случаев характерным является то, что, как только жертва узнаёт о нарушении табу, о предсказании знахаря о её близкой смерти, в действие вступает вера, которая и приводит приговор в исполнение. Человек просто ложится умирать, отказываясь от пищи, и чахнет, «вера в неотвратимость наказания за нарушение табу может убивать точно так же, как удар каменным рубилом» [12], – комментирует подобные случаи Ф. Кликс. Данное явление имеет характер психогенной смерти. По выражению К. Леви-Строса, в таких случаях физическая смерть человека предшествует смерти социальная [13]. С околдованным человеком прекращаются всякие контакты со стороны общины и даже самых близких людей. Его избегают и гонят отовсюду прочь, в итоге тотальный обскурантизм незамедлительно убивает несчастного.

Даже целительная сила колдуна основывается в первую очередь не на его методах и умениях, а на коллективной вере людей в магию [14]. Случается, что малоопытный молодой человек, к тому же ранее скептически относившийся к магии, может составить серьёзную конкуренцию опытному колдуну, стоит лишь общественному мнению склониться в сторону первого. В описываемом случае это повлекло за собой уход из племени старого колдуна и его смерть.

Подобные табу сыграли важную роль в становлении человеческого общества. Например, традиции тотемизма способствовали преодолению древним человеком инцеста (кровосмешения), который мог привести к вымиранию человечества. Члены племени считались «единными во плоти» с почитаемым тотемом, эту «плоть» нельзя было убивать, есть, делать объектом половых отношений. Для мужчин появляется табу на женщин их рода, племени, благодаря этому в древней общине устанавливается социальный мир, исчезает вражда среди мужчин из-за женщин своего племени. Тогда мужчины отправляются на поиски партнёров в соседнее племя, что в итоге даёт уже здоровое, жизнеспособное потомство, завязываются прочные отношения между различными племенами.

Как первая мировоззренческая картина миф способствовал освоению окружающего мира человеком, он явился первой попыткой осознания им окружающей действительности. Знания древнего человека о мире носили почти исключительно эмпирический характер. Они существенно отличаются от знаний современных, в которых есть большая доля абстрагирования, рациональных и теоретических выкладок и положений. Познать какой-либо предмет для архаичного человека означало, прежде всего, ощутить его своими органами чувств, пережить соприкосновение и внутреннее единство с ним. Синкретическое сознание объединяло в одно целое человека и весь мир. Отсюда следует, что и вера древнего человека носила преимущественно чувственный характер, который закреплялся суггестивным способом передачи мифа в поколениях людей и внедрения его в архаичное мышление. Древние маги использовали социально-психологический компонент внушения, который исключал возможные раздумья. На всю жизнь представители рода погружались в стихию священных слов и групповых ритуалов. В этой ситуации миф становился абсолютной ценностью для древнего человека, первые сомнения в мифе появляются вследствие расхождения словесных символов и эмпирических данных окружающей действительности. По мере расширения человеческого опыта скепсис в отношении мифа увеличивался. Поначалу вера надёжно защищала

миф от воздействия критического опыта, но с ростом знаний о мире возможности объяснения явлений через миф уменьшались. Таким образом, миф можно рассматривать как первую попытку духовного освоения мира древним человеком, в котором решающую роль играет «вера в слово». Однако уже в мифе появляется в архаичном сознании и суррогат веры – суеверия, сюда можно отнести колдовство, древнюю магию, которые тогда играли все же конструктивную роль. В последующие эпохи они приобретают отрицательное значение и вытесняются преимущественно в обыденное сознание. С появлением критического мышления в виде философской рефлексии традиционный миф подвергается сомнению, это стало возможным благодаря формированию индивидуализированного сознания и личностного начала. Отдельные древние мыслители начинают выделять себя из общины, мыслить иначе, чем другие, и первое, что подвергается их сомнению, – это миф. Безусловная вера в миф начинает уступать место вере относительной, сопряженной с сомнением.

Вера в слово, сохраняя положительные стороны, продолжает своё существование и в сознании современного человека. Можно легко проследить это при освоении ребёнком родного языка, при усвоении им первых знаний о мире. Благодаря своему авторитету родители и взрослые передают ребёнку основы знаний, вводят его в этот прекрасный мир. «Ребёнок учится благодаря тому, что верит взрослому» [15]. Поэтому педагог должен обладать высокими суггестивными способностями помимо знаний. Однако это даёт положительный эффект при гармоничном сочетании веры и сомнения, что формирует общую культуру мышления творческой личности. Известная черта мифологического мышления – анимизм – в течение тысячелетий не стал достоянием истории. Он без особых изменений сохранился в обыденном мышлении, в детском сознании. У ребёнка это проявляется в одушевлении окружающих предметов, в обыденном сознании – в наличии различных суеверий. Суеверие понимается как предрассудок, то есть мнение, предшествующее рассудку. Следы анимистических суеверий до сих пор живут в обыденном языке, хотя часто уже давно утрачен их первоначальный смысл. Некоторые из них продолжают существовать в первозданном виде в человеческом сознании до наших дней. Достаточно назвать такие представления как «чёрная кошка», «дурной глаз», «число тринадцать». Как происходит своеобразная «рационализация» действительности в архаичном сознании, объяснявшем все происходящее в мире, так и обыденное сознание предпринимает подобную «рационализацию» в объяснении мира, сюда можно отнести различ-

ные народные приметы. Как правило, положительный опыт в таких случаях остается в памяти надолго, отрицательный – быстро забывается. Еще Ф. Бэкон признавал познавательную ценность и отрицательного результата опыта. Единственное, что здесь следует учитывать, это правила теории вероятностей. Предсказания хиромантов и гадалей «настолько осторожны и неточны, что логическая вероятность их осуществления чрезвычайно высока» [16]. Подобные суеверия в предсказания основываются на неистребимом стремлении человека к познанию мира и самого себя. Чем ниже интеллектуальный уровень человека, тем больше он подвержен воздействию этих суеверий. Противоположность этих суеверий – сомнение – даёт человеку толчок для поиска знаний.

Вера тесно связана с самочувствием и здоровьем человека. В обыденном языке употребляется понятие такого заболевания, как рак, тогда как современная онкология насчитывает около сотни различных заболеваний на основе опухолевых и новообразовательных процессов, имеющих свою природу, причины возникновения, механизмы протекания и т. д., а соответственно – методы лечения [17]. Так обстоит дело, по сути, с любым заболеванием. Отсюда следует, что нужно крайне осторожно относиться к универсальным целителям, гарантирующим излечение от целого ряда заболеваний. Здесь явно или неявно делается ставка на суеверия, укорененные в обыденном сознании. Временные улучшения, которые испытывают пациенты в подобных ситуациях, носят чисто суггестивный характер. При наличии серьёзного заболевания несвоевременное обращение к специалистам может привести к непоправимым последствиям. Среди положительных сторон обыденной веры можно выделить её терапевтический эффект в сочетании и с традиционными методами лечения. Вера в слово врача, в выздоровление через подсознание оказывает положительное воздействие на соматические процессы и функции организма. В своё время это отмечал еще В. М. Бехтерев. К тому же «устная речь действует сильнее печатного слова...» [18]. Велико значение слова наряду с другими символами воздействия в лечении гипнозом и в психотерапии. «При этом символы благоприятно действующих на организм воздействий вызывают сочетание быстрее и притом более разнообразные, нежели символы неблагоприятных воздействий» [19]. Получается, что человек по природе своей существо оптимистическое. Словесное воздействие врача усиливает этот оптимизм больного человека, а установка на выздоровление буквально творит чудеса. Уверенность человека в себе является определенным фактором внутренней саморегуляции организма. Отчаяние че-

ловека, неверие в свои силы, наоборот, ведёт к ухудшению его физического и психического состояния. Обыденная вера имеет положительная свойства лишь в сочетании с методами традиционной медицины, но приобретает отрицательные – при игнорировании последних.

Чем живет современный человек? Чем он руководствуется в своей повседневной жизни? Казалось бы, знаменитый лозунг Ф. Бэкона «Знание – сила» на века определил человечеству столбовую дорожку «от мифа к логосу», к разуму. В жизни происходит всё несколько по-другому. Древний грек эпохи Гомера вовсе не утопал в мифах, а современный человек отнюдь не мыслит исключительно категориями науки. Человеку значительно ближе обыденное мышление, в котором мирно уживаются мифические образы и наука. Обусловлено это самой природой человеческого сознания, в котором знания запечатлеваются в двух взаимодополнительных формах: образной, или иррациональной (эстетической, художественной, теологической), и рациональной, или научной [20]. Следует это из устройства человеческого мозга, имеющего левое и правое полушария, «курирующие» соответственно рациональную и иррациональную обработку информации. Лишь совмещение данных картин обеспечивает человеку объемное восприятие образа реальности, возможность ориентации в окружающем мире. Справедливо это не только в отношении индивида, но и общества, в культуре которого должны гармонично сочетаться как научно-техническая, так и духовно-художественная ветви познания. Попытки навязывания обществу доминирования рационального над иррациональным (или наоборот) можно сравнить с операцией рассечения мозолистого тела, соединяющего полушария. Трагический результат наблюдается в обоих случаях: разрушение человека как личности и деградация общества.

Под воздействием научно-технической революции в своё время в обыденном сознании сформировалась безусловная вера в науку, в прогресс, в их возможности решить все проблемы человеческого бытия. Произошла определенная абсолютизация науки. Однако наука не может быть магической отмычкой или путём мистического приобщения к тайнам бытия. Она может многое, но не всё, наука не есть самоцель, а инструмент рационально-теоретического познания мира. Научный метод постижения мира в широком плане не есть единственный, человек постигает реальность также через религию, философию, искусство, повседневную практику. Полнейшее отрицание науки также чревато заблуждениями. Наука, в отличие от мифа, не обещает всё и сразу, но её прогнозы и обещания сбываются значительно чаще, чем заклинания колдунов и магов.

Наука в современном обществе занимает своё определенное место, она не претендует на роль религии, философии или искусства. Происходит лишь объёмный рост научных знаний, совершенствование технических средств науки, её методов, но не увеличение достоверности научных результатов. Позитивистское стремление к достоверности положений науки ушло в прошлое, то есть достоверность вовсе не является самоцелью науки. В современной науке, наряду с фундаментальными исследованиями, особый интерес приобретает прагматическая сторона – прикладной характер знаний. Разумное сочетание теоретических и прикладных знаний обеспечивает научный прогресс.

Таким образом, вера в миф способствовала становлению человеческого общества, правил поведения в нём человека. Древний миф не просто явился самой ранней мировоззренческой картиной, он нёс в себе первую попытку духовного освоения реальности. Именно в древнем мифе формируется вера человека в слово, сыгравшее первостепенную роль в становлении человеческого разума, в зарождении народного эпоса, первичных знаний о мире, человеке и окружающей действительности. Современная фетишизация науки, суеверия обыденного сознания лишней раз доказывают нам, от каких заблуждений приходится освобождаться человеку в поисках объективных знаний.

Примечания

1. См.: *Аверинцев С. С.* Вера // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. 1. А – Д. С. 380; *Нобиков А. А.* Вера философская // Там же. С. 381–382.
2. *Мельвилл Ю. К.* Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968. С. 257.
3. *Рассел Б.* Человеческое познание его сфера и границы. М., 1957. С. 129.
4. Там же. С. 133.
5. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 148.
6. Там же. С. 160.
7. *Шифман И. Ш.* Молох // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 169–170.
8. *Тантлевский И. Р.* Введение в Пятикнижие. М., 2000. С. 140.
9. *Левин-Брюль А.* Первобытное мышление // История психологии: Тексты. М., 1992. С. 302.
10. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992. С. 98.
11. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986. С. 198–199.
12. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 165.
13. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 147.
14. Там же. С. 148.
15. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 80.

16. *Поппер К.* Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 215.

17. *Пукшанский Б. Я.* Обыденное знание. Л., 1987. С. 104.

18. *Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 120.

19. *Бехтерев В. М.* Объективная психология. М., 1991. С. 337.

20. *Дынич В. А., Ельяшевич М. А., Толкачев Е. А., Томильчик А. М.* Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 123.

УДК 114/115

Р. Р. Тазетдинова

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ»

В статье обсуждается вопрос о философских основаниях «театральности повседневной жизни» как одного из видов театральности. Автор попытался рассмотреть процесс «оповседневнивания» феномена через призму феноменологического и экзистенциального.

The article discusses the philosophical foundations of “theatricality in everyday life”, as one of the forms of theatricality. The author tried to examine the process “opovsednevnivaniya” phenomenon through the lens of phenomenological and existential.

Ключевые слова: театральность, экзистенция, бытие, повседневность, категории «Я», «Другой», рефлексия, модус, структура.

Keywords: theatricality, existence, life, everyday life, the category “I”, “Other”, reflection, and mode of the structure.

Автор статьи далек от мысли о необходимости исследовать предпосылки, что произвели на свет саму тему театральности повседневной жизни. Театральность, как и повседневность, является предметом интереса многих научных дисциплин, каждая из которых определяет свой взгляд на проблему.

В свое время, учитывая смысловую многозначность в оценке дифференцирующего феномена повседневности, Бернхард Вальденфельс предупредил о возможности несовпадения этого понятия «с самой повседневной жизнью», полагая наличие некоей опасности «возникновения претензий на исключительность» и влияние «собственных скрытых предпочтений» исследователя [1]. Категория повседневности – это в первую очередь повседневность человека, «его внутренний жизненный мир, объективированный вовне» [2]. Она есть «срез эмпирической жизни», «мир пра-

вил» и «стереотипов» [3]. Учитывая это всё, скажем, что будучи сочетанием обоих явлений, феномен «театральность повседневности» тематизирует два момента.

Во-первых, данный феномен *не превращает* повседневность в театральную, во-вторых, – *модифицирует обыденное сознание* (здравый смысл и мнение) *в игровое*, с ярко выраженной тенденцией разрушения традиционных, устоявшихся форм повседневных связей. Подобный акцент на выяснение субъективных значений фактов и событий для участников «повседневной игры» делает возможным помыслить её философские основания. Что при этом важно отметить? Неустойчивость обыденного сознания, глобализация контактов в сети Internet, разрушение привычных информационных, коммуникационных и социальных барьеров «перетянули» повседневность к театральной составляющей, в первую очередь, к игровой её части. Подобная посылка базируется на онтологическом допущении того, что объект анализа – «театральность повседневности» – обладает многослойной структурой и разнообразными формами своего осуществления. Коль скоро это так, то данный феномен скорее *не сочетание*, а *взаимопроникновение* феноменов «театральности» и «повседневности» друг в друга, что порождает уже иную морфологию подобного родства и заимствований, а значит, и отличий его составных частей. Но это ещё не все. Поскольку *поведение* в структуре повседневности есть невербальный её язык, то конструкция рассматриваемого феномена должна оправдываться его *целостностью*. Тогда становится понятной *упорядоченная* совокупность *действий* (поведения) человека в повседневной жизни. В сущности, последняя формула и есть определение понятия целостности объекта в самополагании его в мир целенаправленными действиями субъекта. Важно выявить тот смысловой центр, ту точку, в которой сходятся и из которой получают свое обоснование ключевые философско-культурологические ориентации театральности в бытие повседневной жизни. В связи с этим определим статус и содержание театральности в феномене самой повседневности. Прежде всего, это означает, что повседневность выявляется путем соотношения её с другими сферами человеческого опыта, той же наукой, например, или искусством. Значит, *то, что* формирует повседневность, *не может* относиться ни к характеру познания как такового, ни к характеру взаимоотношений субъектов в социуме, не исключая наличия в нем (социуме) источника самих этих процессов. Другими словами, в реалиях повседневной жизни может присутствовать буквально «всё», однако это «всё» не превращает повседневность в *неповседневность* как её разновидность. Однако те-

атральность в этом плане – исключение, ибо по своей природе она дуальна, поскольку специфицирует/не специфицирует повседневность. При этом необходимо иметь в виду следующее. Специфицируя повседневность по шкале эмоциональных или социальных ценностей той или иной формы жизненного уклада, театральность выступает элементом её структуры, являя себя именно как составная часть целого и не более того. В этом смысле можно говорить о театральности в повседневности и о повседневности в театральности. В любом случае *театральность в... чем-то*, всегда лишь выполняет требование внеположенности наблюдателя. Отсюда её статус части целого, в котором она лишь *специфическая форма познания*, лишь *полагание* неких *ценностей*. Для театральности в повседневности характерно выделение особого пространства, в котором присутствуют театральные нормы. Это пространство имеет границы. Поэтому оказалось возможным говорить о *видах* театральности. Пока мы всё говорим о примерах *сочетания* феноменов *театральности и повседневности*. Но совсем другое дело, когда заявляет о себе феномен *«театральность повседневности»*. Если в первом случае театральность является структурным элементом феномена *повседневности*, то сейчас она – элемент структуры феномена *«театральность повседневности»*, который не только самовыражается иначе, но и *не специфицирует* повседневность, делая её своим элементом. Всплывает сфера *иной* повседневности и *иной* театральности. И хотя данный феномен формируется теми же источниками, но предстает он перед нами в виде своеобразного механизма, производящего *иные значения*. Умберто Эко подобный способ преобразования всевозможных объектов, называл «кодом» [4]. Однозначно ответить, *как* это происходит, сложно. Ясно одно, характерной чертой при этом выступает «вхождение» личности в образ *внутри самой* повседневной жизни. Образу начинают соответствовать этикет, одежда, мода, смысл, ролевое поведение и т. д. Основой такого преобразования выступает воображение, фантазирование, причем уже не только отдельной личности, но и различных социальных групп и общества в целом.

В конечном счете *такая* театральность бытия повседневности не редуцирует только к гносеологическому своему аспекту, а несет в себе и стремление вскрыть в социальном мире «глубины, недоступные науке» [5]. Мы сознательно несколько огрубляем *неопределимость*, по Хайдеггеру, бытия, дабы избежать трудностей, «возникающих с этим понятием» [6], ибо, действительно, всегда имеется некое *пред-понимание* того, что есть «повседневное». Более того, в структуре нашего феномена присутствует не только *фор-*

ма, отношение и конфигурация, но и связность элементов, вопрошающая к формальному единству *смысла и формы*. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что повседневно-бытовое сознание, окропленное театральностью игры и артистизма, побуждает человека к некоему беспокойству в осознании иллюзий бытия *свободы* повседневности. Подобное беспокойство по поводу так называемой свободы задается как раз *театральностью*, отвлекающей субъекта к «необъяснимым представлениям воображения (в свободе его игры)» [7]. Соответственно и сфера повседневности, как и любая другая сфера человеческого опыта, представляется «в свете «адекватности реальности» или «выражения человеческой сущности» [8]. Если «существование предшествует сущности» [9], то человек – лишь проект, который переживается субъективно. Субъективность же, постигаемая как истина, уже не является строго индивидуальной субъективностью, так как в «*сogito*» человек открывает не только себя самого, но и других людей. «Другой» необходим «Я» в первую очередь для обнаружения мира, который Ж.-П. Сартр называл *интерсубъективностью*. В чем-то она соотносима с гуссерлевской теорией интермонадности, принципами герменевтики, приемами экзистенциальной и персоналистической философии XX в. Где-то её можно связать с теорией архетипов и коллективного бессознательного К.-Г. Юнга или со знаменитым концептом Ж. Лакана «Я – это другой». При этом свобода как определение человека не зависит от «Другого», пока *нет действия*. С начала действия появляется взаимозависимость. Следовательно, если существование предшествует сущности, то детерминация сущности человека отсутствует. Структура собственного бытия, проявляющаяся в «театральности повседневной жизни», подчеркивает связь «Я» с другими индивидами. Модусы бытия человеческой экзистенции, к которым может быть отнесен и феномен «театральность повседневности», определяются через свободу выбора. Поэтому театральность возможна лишь в форме действия, в котором осуществляется такой выбор, обеспечивая в первую очередь возможность «*свободы для*», в мире повседневной жизни личности. Почему так происходит? Думается, все дело в том, что философия повседневности «запитана» феноменологической школой в лице Э. Гуссерля и его ученика М. Хайдеггера, представителя экзистенциализма в Германии. Их повседневность – это близкая/далекая реальность, это модусы повседневного «вот-бытия», где «происходит все и по сути ничего» [10]. Поскольку философия всегда есть специфическая работа с языком и мышлением, а «бытие-вот» заполнено «особенным характером общения, речи, мышления, отноше-

ния к вещам и людям» [11], то и сфера реальной повседневности мыслится, по М. Хайдеггеру, случаем, понимаемым «невзначай», из «любопытства», в котором «брошенность», «двусмысленность» и своеобразное «грехопадение» не воспринимаются утратой «изначально чистого состояния» [12]. В подобных рассуждениях, по мнению философа, «в меру средней понятности» «мы можем слышать» «не столько сущее, о котором речь», сколько то, что есть «лишь проговариваемое как такое» [13]. Получается, что в публичной разомкнутости бытия-друг-с-другом, человек объективно «двусмысленен», ибо его потерянности в повседневности существует за счет «растворения в публичности присутствия». А что же театральность в этой онтологической динамике? Оглядываясь на Гуссерля, можно предположить, что театральность в такой связке «не может быть «взята в скобки», поскольку принадлежит потоку переживаний, которые не рефлексивны до конца» [14]. Следовательно, то, что мы ранее называли «беспокойством» в феномене «театральность повседневности» создается *напряжением* между его элементами. Учитывая то, что театральность проявляется игрой, несущей в себе палитру артистизма, можно говорить о напряжении «между игрой и присутствием» [15], в котором *игру* мы стремимся помыслить *театральностью*, а *присутствие/отсутствие* – *бытием повседневности*. В таком случае, возвращаясь к феномену «театральность в... чем-то», необходимо признать, что игра в этой ситуации предполагает *раскол* присутствия, что дает основание интерпретировать его наличием *зазора* в *пребывании* повседневности. В русле же нашей темы игра не раскалывает, а *совмещает* корреляции. Возможно, подобная *совмещенность* и осознается «как странность, совпадение и т. п.» [16], но обращённая к театральности бытия повседневной жизни, она оказывается почти ницшевским утверждением *нового* качества феномена. Возможно и то, что такое понимание входит в противовес с различными превентивно-критическими установками в отношении повседневности, но мы придерживаемся идеи рефлексивного анализа, по М. Хайдеггеру, этой сферы как «усредненного уровня». Будет справедливо рассматривать «театральность обыденности» своеобразной формой принадлежности её к повседневной жизни. В противном случае феномен «театральность повседневности» окажется поглощенным социологическими, психологическими и т. д. приемами, флукуацией культов современной массовой культуры, рекламой, сетью Интернета и пр. Таким образом, хайдеггеровская «усредненная повседневность» с необходимостью воспринимается своеобразной «экзистенцией от обратного», готового в любой момент к экзистенциальному

всплеску. Чем больше «Das Man» «растворен» в повседневной усредненности, тем больше напряженность самого феномена «театральность повседневности». Но это не внутрискруктурная напряженность. Это, скорее, «бодрствующее напряженное внимание к жизни», по А. Шюцу, напряженность, характеризующая обыденное сознание, в определении роли «Другого», типизируя поведение которого субъект «типизирует и свое собственное, связанное с ним поведение» [17]. Острота мига обретения экзистенциальной самости почти готова осмысляться «нарциссической самопроекцией», очарованием «собственного образа» [18]. Но быть другим не означает идентификации «Я» в «не-Я». Быть другим означает способность *казаться* Другим, сохраняя при этом неповторимость собственной индивидуальности. Вообще, с позиций философского статуса тема театральности бытийно-достоверного факта наличия «Другого» для экзистенциализма предпочтительней, так как его представителей занимает не способ отношения к другому, а способность экзистенции «событийствовать» друг с другом в «театральности повседневной жизни», которая в этом смысле расширяется до понятия «со-бытия». Подобное признание феномена «театральность повседневности» «со-бытием» подразумевает модус отношений «Я» и «Другого», при котором театральность констатирует факт «соприсутствия» экзистенции в некоей изначально-априорной бессознательной проекции и рассматривается фактом бытийного отношения между «Я» и «Другим» ещё до *выделения* «другости» как таковой. В свою очередь, если «все сущее есть в Бытии» [19], то в таком амплуа «театральность повседневности» должна ему *соответствовать*. Соответствие феномена с Бытием сущего предполагает расположенность отношений «Я» и «Другой» к тому, что есть внешнее. Внешнее в нашем случае есть проявленное соответствие «Я» и «Другого» через «некую настроенность», по Хайдеггеру, «расположенность», на основе которой «соответствие (disposition) получает свою точность...» [20]. Внешем временной корректив. Хайдеггер под сущим в этот период времени понимал «налично сущее», расширяя «смысл слова “сущее”» всем, что «может быть предметом мышления» [21]. Позже автор «Бытия и времени» уже подчеркивал, что всякое сущее может быть понято лишь только через само бытие. Все остальное признавалось субъективизмом, что означало, что к бытию ближе экзистенция, нежели разум, мышление. Следовательно, с позиции позднего Хайдеггера, «театральность повседневности» могла бы быть представлена в качестве *способа* восстанавливать со-бытие отношений «Я» и «Другого», подлинного их бытия друг с другом. Можно сказать и так, что в

этом смысле «театральность повседневности» предполагает рефлексивно-проективную активность отношений «Я – Другой», имплицитно наделяя их своею, театральностью-повседневной расположенностью.

Резюме. Таким образом, «театральность повседневности» как один из элементов структуры бытия человека может быть представлен хайдеггеровскими «экзистенциалами», а сам феномен – включать в себя единство трех временных модусов: «бытие – в – мире» (прошлое), «забегание вперед» (будущее), «бытие – при» (настоящее). Своим языком, образами, нормами мышления и поведения она захватывает самую феноменологическую редукцию. Субъект, рефлексирующий на эту тему, стремится зафиксировать собственный опыт «оповседневнивания», одновременно пытаясь активно противодействовать этому. Что касается логики хайдеггеровской терминологии, то в феномене «театральность повседневности» *повседневность отдельно* можно было бы помыслить локусом «Dasein» и «Das Man». Сущность же феномена в целом в рамках экзистенциальной философии определяется в попытке элиминировать неизбежность встречи с собственной экзистенцией. Отсюда выводы:

1. Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате игроизации процессов «оповседневнивания», идущих вразрез с процессами «преодолевания повседневности».

2. «Театральность повседневности» – это единое, самостоятельное, внутри не дифференцируемое понятие.

3. В отличие от речи о просто повседневности, феномен «театральность повседневности» может совпадать с самой повседневной жизнью.

4. Присутствие театральности в бытии повседневности оказывается «захвачено» миром, что превращает бытие в театральность повседневности. Оно же [присутствие] всегда есть сущее «Я». То есть всегда есть тот, кто тождественен в различных модусах, соотнося себя – «Das Man» – с их множественностью.

5. Исходным определением онтологической сущности феномена «театральность повседневной жизни» будет расположенность в пересечении бытия в мире с «Другими». Данный феномен есть нечто наличное, лежащее в основании, ведущее к присутствию с бытием-в-мире.

Примечания

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: пер. с англ., нем., фр. М.: Прогресс, 1991. С. 40.

2. Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 42. С. 55–62.

3. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. С. 12.

4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998. С. 66.

5. Hindess B. Philosophy and Methodology in Social Sciences. Humanities Press. Atlantic Highland. New Jersey, 1977. P. 61.

6. Современная западная философия: учебное пособие / под общ. ред. Т. Г. Румянцевой. Минск, 2009. С. 337.

7. Деррида Ж. Сила и значение // Письмо и различие. М., 2007. С. 51.

8. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 151.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С. 321.

10. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 203.

11. Корнев В. В. Вещи нашего времени: элементы повседневности: монография. Барнаул, 2010. С. 14.

12. Сартр Ж.-П. Указ. соч. С. 209.

13. Там же. С. 196.

14. Тазетдинова Р. Р. Философские предпосылки возникновения феномена театральности (феноменологический и герменевтический аспекты) // Вестник КГУКИ. 2009. № 3. С. 143.

15. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. М., 2007. С. 466.

16. Шифрин Б. Ф. наброски к феномену синестезии // Логос живого и герменевтика телесности. Постигание культуры: ежегодник. Вып. 13–14. М., 2005. С. 467.

17. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 134.

18. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 80.

19. Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 117.

20. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 120.

21. Гайденко П. П. От исторической герменевтики к «герменевике бытия». Критический анализ эволюции М. Хайдеггера // Вопросы философии. 1987. № 10. С. 131.

УДК 812

С. В. Сретенская

О ПРИРОДЕ ПОНИМАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Проблемное поле исследования – природа феномена понимания, отражённая во взглядах русских и немецких философов. Онтологические начала герменевтики – граница знака и её преодоление – рассматриваются в аспектах понимания как стяжания смысла и понимания как стяжания истины.

The problematic area of this research is the essence of the phenomenon of understanding reflected in the studies of Russian and German philosophers. Ontological basis of Hermeneutics: the border of sign and its overcoming – are considered in the aspects of understanding as the acquisition of meaning and understanding as the acquisition of truth.

Ключевые слова: имманентное, трансцендентное, логическое, эйдетическое, смысл как вещь, смысл как орудие, техническое, эстетическое, метафизическое.

Keywords: immanent, transcendental, logical, eidetic, meaning as a thing, meaning as an instrument, technical, aesthetic and metaphysical.

Основным вопросом, поставленным в данном исследовании, является вопрос о различии взглядов на природу понимания у русских и немецких философов и его преломление в герменевтике, а именно о различии взглядов на онтологические основания герменевтики – границу знака и её преодоление.

Как мы показали ранее [1], феномен понимания в исследованиях немецких учёных оказался коррелятом поиска универсального способа освоения человеком мира и отсюда – феноменом, природа которого *имманентна* человеку. Например, понимание, согласно М. Хайдеггеру, – это *практическое умение*, умение *быть*: «В понимании экзистенциально лежит бытийный способ присутствия как умения быть» [2]. Или «Как умение быть *бытие-в* всегда есть *умение-быть-в-мире*» [3]. Точка зрения Ханса-Георга Гадамера, изложенная им в книге «Истина и метод» [4], – во многом развитие замысла М. Хайдеггера в аспекте понимания как модуса бытия: «Понимание – это... не последний методологический идеал философии... это, напротив, *изначальная форма исполнения человеческого существования*, которое представляет собой в-мире-бытие» [5].

Решение проблемы понимания русскими мыслителями связывалось, в отличие от немецких, не с поиском универсального способа *освоения человеком мира*, а с поиском *предназначения* человека, отсюда, понимание – это *сверхпонимание* или феномен, природа которого не *имманентна* человеку, а *трансцендентна* ему, ибо *сверхиндивидуальна* (соборная) и *сверхчеловечна* (Богочеловеческая).

Различие взглядов на природу феномена понимания в аспекте взаимоотношения человека и *Универсума* оказалось не единственным. Другим важным аспектом различения стал вопрос о *предмете* понимания, а именно понимание – это *стяжание* смысла или *стяжание истины*? Понимание у немецких философов – это *стяжание смысла*. Подтверждением сказанному служат, например, следующие высказывания Х.-Г. Гадамера: «Понимание должно мыслиться как часть смыслового свершения» [6] или «всяким усилием понимания с самого начала правит своего рода ожидание смысла» [7]. Или, уточняя применительно к герменевтике: «Как искусство передачи иноязычного высказывания доступным для понимания образом герменевтика не без основания названа по имени Гермеса, толмача божественных посла-

ний людям. Если помнить о происхождении понятия герменевтики из этого имени, то становится недвусмысленно ясным, что дело тут идет о языковом явлении, о переводе с одного языка на другой... Поскольку, однако, переводить с одного языка на другой можно лишь, когда мы поняли смысл сказанного... то подобное языковое явление предполагает в качестве предварительного условия понимание» [8].

Корреляцию понимания и смысла встречаем уже у Э. Гуссерля. Например, в работе «Идеи чистой феноменологии» (1913) интенциональные акты рассматриваются как конституирующие предметный смысл («смыслосозидающая интенциональность») [9]. У М. Хайдеггера же: «Смысл есть то, на чём держится понятность чего-либо» [10] или «то, что мы понимаем; то, что нам в понимании вообще как-то *открывается*, об этом-то мы и говорим: оно имеет смысл» [11].

В традиционном для немецких философов толковании понимания как стяжания смысла имеют место две ветви этой традиции, а именно традиция усвоения смысла – традиция *средневековая* (в философской герменевтике это линия отождествления смысла с замыслом автора, идущая от Ф. Шлейермахера) и традиция *приращения* смысла – традиция *картезианская* (линия, предложенная Х.-Г. Гадамером). В средневековой традиции «весь воспринимаемый мир в целом подобен книге, написанной перстом Божиим... и каждая тварь подобна букве, не изобретённой выбором человеческого, но установленной Божественной волей, чтобы проявить и как-то обозначить невидимую мудрость Бога» [12]. И если Слово было более реальным, нежели сама жизнь, которая служила лишь подобием Слова, т. е. жизнь воспроизводила Слово, то понимание Слова было возможно только путём *преображения* жизни человека в реальность Слова [13]. Или понимание, если и оказывалось коррелятом смысла, то непременно смысла жизни. Ф. Шлейермахер, хотя и унаследовал средневековую традицию толкования, настаивая на лишении человека автономии толкования, но вместе с тем понимание философа оказалось в сетях лингвизации и стало коррелятом смысла уже не столько жизни, сколько *буквы*.

Картезианская традиция в преломлении Х.-Г. Гадамера изменила предмет, точнее, *модель* предмета понимания со Слова – на *текст*, возведя в закон именно индивидуальное толкование человека и инвертировав тем самым отношения между человеком и *Универсумом*. Вместо жизни, воспроизводящей Слово, – *текст*, воспроизводящий жизнь. Жизнь изменила модус и из подобия Слову превратилась в реальность, а *текст* – в подобие. Но если в средневековом толковании «подобие» не было камнем преткновения для ис-

тины («подобие» было её «откровением», «покрывалом», «зеркалом»), то *текст* стал *ноуменом* – «вещью в себе» и обрёл «невообразимую глубину» [14], а именно неисчерпаемый кладёз смыслов. «Различные истолкования текста не могут быть сведены к одному, «правильному», ибо такового не существует... смысловое содержание текста множественно по самой своей природе...» [15]

Обратим внимание, *текст* Х.-Г. Гадамера – модель не менее лингвизационная, нежели Слово Ф. Шлейермахера. «Это своего рода «приведение к языку», причём в том смысле, в каком его понимали греки – языку как логосу» [16]. Отсюда – один шаг до утверждения природы понимания как стяжания смысла как *логосной* (*логической*) по своей сути [17].

Если искания немецких философов шли в русле понимания как стяжания смысла, то искания русских мыслителей шли в русле понимания как *стяжания истины*. Понимание как стяжание истины, которая имеет метафизическую или *сакральную* природу [18], не есть дериват толкования и не есть приведение «к языку как логосу». Природа такого понимания – *эйдосная* (*эйдетическая*), данная в *опыте*, не поддающаяся дескрипции, ибо «это не может быть выражено в словах... только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает...» [19]. «Эйдос есть бытие непосредственное» [20], т. е. без посредника, которым служит знак (логос) или граница [21].

Таким образом, существуют два вида понимания – *логическое* и *эйдетическое*, имеющие различную природу, а именно природу, опирающуюся на знак (логическое), и природу, не требующую для понимания знака (эйдетическое).

Очевидно, предметом герменевтики как науки (искусства) о понимании является понимание логическое (понимание как стяжание смысла), опирающееся на знак (границу), ибо понимание эйдетическое (понимание как стяжание истины) не есть нечто, принадлежащее отвлечённому знанию. Традиционно исследователи связывали этимологию термина «герменевтика» с именем бога Гермеса [22]. В мифологическом аспекте Гермес – медиатор (в греческой мифологии посредник между мирами: миром богов и человеческим миром, миром живых и миром мёртвых), его удел – *переход*. В аспекте метафизическом Гермес – олицетворение принципа *связи*. И переход, и установление связи предполагают наличие границы и её преодоление. Учитывая, что «между однокоренными словами – герма [23], Гермес и герменевтика существует определённая этимологическая связь» [24], резюмируем, *герменевтический*

ким как таковым является обретение границы и, самое главное, её преодоление.

Принимая во внимание высказывание А. Ф. Лосева «умная идея обязательно должна... снимать себя саму, так как мы сами же сняли её с жизни...» [25], заметим, если обретение границы несёт в себе указание на онтологическую избыточность в *Бытии* (*Бытие* – то *Единое*, в котором отсутствуют границы). Или в метафорическом изъяснении: если одна нога Гермеса *опирается* на знак, то другая – его *попирает*.

По нашему мнению, вопрос об обретении границы (знака) и её преодолении – это вопрос онтологического основания герменевтики как науки (искусства) о понимании. Назначение герменевтики – вести *сквозь* границу (знак, смысл), именно отсюда – и двойственная природа герменевтики: её эксплицитная интенция на знак и имплицитное его отрицание. Сравним: «Гермес, без всякого сомнения, олицетворяет собой двойственность *слова* и *разума*. Это находит отражение в двойственной сущности герменевтики, объединяющей в своём искусстве аспект мантический [26] и научный» [27]. Идея герменевтики заключается не столько в том, чтобы выявить смысл *текста/Слова*, сколько в том, чтобы показать неизбежность утраты истины в выявленном смысле [28].

Рассмотрим подробнее сущностные составляющие герменевтики. Обретение границы – это обретение *целостности* понимания, и если у русских философов оно оказывалось следствием целостности *человека*, то у немецких – целостности системы *знания*, причём знания отвлечённого [29]. Приведём как пример высказывания Н. Ф. Фёдорова и И. В. Киреевского.

«Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трёх предметов знания и дела (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом Вселенной), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как... великим делом» [30].

«Разум в последнем своём виде выводит своё знание по законам умственной необходимости не из отвлечённого понятия, но из самого корня самосознания, где бытие и мышление соединяются в одно безусловное тождество» [31].

Системы отвлечённого знания, созданные, в частности, немецкими философами, Ф. Ницше уподобил лабиринту, в котором «человек никогда не ищет истину, но всегда лишь Ариадну...» [32]. Например, лабиринтные системы только *идеализма* допускают 21 вариацию: «Идеализм, в первом приближении, может быть: 1. гности-

ческий (Валентин), 2. логический (Гегель), 3. волюнтаристический (Шопенгауэр), 4. эмпирический (Гёте), 5. трансцендентальный (Кант), 6. мистический (Мейстер Экхарт), 7. оккультистический (Сен-Мартен). Эта семерка уточняется, в свою очередь, через тройкую призму теизма (*universalia ante rem*), натурализма (*universalia in re*) и интуитивизма (*universalia post rem*) <...>. Тогда Гегель – идеалист в настроении логизма и тоне теизма, Кант – идеалист в настроении трансцендентализма и тоне интуитивизма, Гёте – идеалист в настроении эмпиризма и тоне натурализма [33]. С кем же истина? [34]

Целостное знание (знание как система) превращает смысл в *вещь*, ибо, во-первых, позволяет *использовать* присвоенное знание и, во-вторых, указывает на возможность *изготовления* (*конструирования*) смысла. Точнее, целостное знание (знание как система) превращает смысл не в *вещь* как таковую, а в вещь как *орудие* понимания. В полагании вещи как орудия понимания имеет место техническая установка сознания, или *постав* (*Gestell*), по М. Хайдеггеру. *Gestell* – это фундаментальная работа по разрушению *Geviert* [35], по разрушению (самоотрицанию) человека [36], которое обесмысливает выявленный смысл.

Если *обретение* границы понимания как стяжения смысла оказалось связанным с обесмысливанием смысла как орудия понимания, то *преодоление* границы заключается в изменении отношения к смыслу, а именно не как к орудию – не *технически*, а *поэтически* (эстетически), смысл (вещь) воспевая. Вследствие этого семантическая определённость знака как орудия заменяется *многозначностью* символа, размывая тем самым границу знака. Вслед за М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамер полагал истину герменевтическую прежде всего как истину эстетическую.

Таким образом, в *логическом* понимании немецких философов преодоление границы знака как онтологическое начало герменевтики оказалось обусловленным изменением отношения к смыслу – не как к орудию, не технически, а поэтически (эстетически), вследствие чего знак сменился символом, который тем не менее не утратил *вещной* природы.

В *эйдетическом* понимании русских философов подразумевается истина метафизическая, которая есть модус служения Духу, а *самое само* понимания есть *преображающее* (в религиозном смысле) человека событие – невербализуемый *опыт*. Преображение как преодоление границы целостности человека связано с явлением *икоичности* мира или, иными словами, с отношением к миру как к *иконе* Бытия. «И в тот момент, когда хотя бы тончайший зазор онтологически отщепил икону от самого святого... икона делается вещью. В этот момент живая связь между

горним и дольным, т. е. религия, в данном месте жизни распалась, пятно проказы умертвило соответственный участок жизни...» [37]

Резюмируя, поясним: если идея герменевтики заключается не столько в том, чтобы выявить смысл *текста/Слова*, сколько в том, чтобы показать неизбежность утраты истины в выявленном смысле, то герменевт уподобляется «художнику, который живописует воду на стенах и не может той водой утолить жажду <...>» [38].

Примечания

1. *Сретенская С. В.* О феномене понимания // *Философия и культура*. 2010. № 7.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2006. С. 143.
3. Там же. С. 144.
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
5. Там же. С. 311.
6. Там же. С. 215.
7. *Гадамер Х.-Г.* Эстетика и герменевтика. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000023/index.shtml>
8. Там же.
9. *Философский словарь*. М., 1989. С. 218.
10. *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 151.
11. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 163.
12. *Гуго Сен-Викторский* (ум. 1141). Цит. по: *Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 551.
13. Об этом см.: *Анкерсмит Ф. Р.* Указ. соч. С. 134–135.
14. Об этом см.: Там же. С. 137.
15. *Малахов Б. С.* Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/gadamer.htm>
16. Там же.
17. По мнению А. Ф. Лосева, логос – это смысловая структура. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/02.php
18. «Я есмь путь и истина и жизнь» (*Евангелие от Иоанна*, 14: 6).
19. *Платон*. Письма. Письмо VII. URL: http://www.alexandria.org.ua/?option=com_docman&task=doc_details&gid=282&Itemid=34
20. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/lose000/index.htm>
21. Эйдос – это живое бытие вещи... Логос – отвлечённая смысловая определённости вещи. Об этом см.: *Свасьян К. А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010. С. 21. О различии эйдоса и логоса см.: *Лосев А. Ф.* Философия имени. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/02.php
22. Об этом см.: *Сретенская С. В.* «Герменевтика»: этимология и семантика термина // *Философия и культура*. 2010. № 11.
23. Имя «Гермес» – от греч. «*berma*» – камень, скала (герма – груда камней или каменный столб, возводимые в местах погребений; гермы также служили указателями путникам, фетишами – охранителями дорог и границ). Об этом см.: Мифы народов мира. М, 1991. Т. 1. С. 292–293.
24. *Шульга Е. Н.* Понимание и интерпретация. М., 2008. С. 96.
25. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/lose000/txt060.htm>
26. *Мантика, мантейя* (др.-греч. *μαντεία* прорицание, пророчество) – в античности искусство гадания с целью выяснения воли богов через вещего прорицателя (Сивилла, пифий), по полёту птиц (авгурии), через сны, по расположению светил и небесным явлениям (астрология)... См.: *Новый словарь иностранных слов*. Минск, 2008. С. 550.
27. *Шульга Е. Н.* Указ. соч. С. 96.
28. «Вы замечательны. Мы Вами гордимся. Но Вы не действительны». *Гессе Г.* Курортник. URL: <http://readr.ru/german-gesse-kurortnik.html?page=10>
29. «Западное знание – знание ради знания, знание, умалчивающее о *деле*». Об этом см.: *Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела. М., 2008. С. 522. Полемицируя с Г. Гегелем, Н. Фёдоров отмечал, что, заканчивая своё учение понятием *абсолютная идея*, философ утратил полноту истины, ибо утратил «переход от идеи к делу». Указ. соч. С. 588. Или: «Раздробив цельность духа на части и отделённому логическому мышлению предоставив высшее сознание истины, человек в глубине своего самосознания оторвался от всякой связи с действительностью и сам явился на земле существом отвлечённым, как зритель в театре...». *Киреевский И. В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 265.
30. *Фёдоров Н. Ф.* Указ. соч. С. 455. Или «Разум теоретический, смерть и жизнь познающий (вопрос о жизни и смерти), и разум практический, жизнь возвращающий и смерть тем побеждающий (вопрос о всеобщем деле воскрешения), и это как исполнение воли Бога...». С. 466.
31. *Киреевский И. В.* Указ. соч. С. 286.
32. *Свасьян К. А.* Человек в лабиринте идентичностей. URL: http://www.rvb.ru/swassjan/labyrynth_toc.htm
33. Об этом см.: *Свасьян К. А.* Человек в лабиринте идентичностей. URL: http://www.rvb.ru/swassjan/labyrynth_toc.htm
34. И вместе с тем «Я... пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине». *Евангелие от Иоанна*, 18:37.
35. *Das Geviert (Четверница)* – это Небо, Земля, божественное и человеческое (М. Хайдеггер).
36. Об этом см.: *Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер и философия другого Начала. М., 2010. С. 93–95, 192–194.
37. *Флоренский П.* Имена: соч. М., 2008. С. 432.
38. *Арсеньев Н.* Иван Васильевич Киреевский и его учение о познании истины // *Арсеньев Н.* О жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 243–250. URL: <http://www.russianresources.lt>

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470)"1950/1980"

Н. В. Подпратов, Р. А. Соловьев,
М. Г. Суслов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРИЧИНЫ РОСТА НАЦИОНАЛИЗМА В СССР в 50–80-е гг. XX в.

В статье рассматриваются проблема национализма в Советском Союзе и деятельность органов государственного управления по снижению межнациональных противоречий.

This article examines problems of nationalism in Soviet Union and government administration activity to lowering of conflicts between different nation.

Ключевые слова: национализм, социальный конфликт, национальная окраина, вооруженный конфликт, национальная республика, национальные проблемы.

Keywords: nationalism, social conflict, national frontier areas, armed conflict, national republic, national problems.

В такой многонациональной стране, как Россия, национальный вопрос и межнациональные отношения всегда относились к числу наиболее значимых и острых. Еврейские погромы, армяно-татарская резня и другие столкновения на национальной почве в царской России указывали на остроту и трагизм противоречий. Советский Союз унаследовал много проблем старой России, но добавил и новые. Депортация народов, репрессии против националистов, присоединение территорий, стран и народов в предвоенный и военный период придали национальному вопросу дополнительную остроту.

После Великой Отечественной войны возникли новые факторы роста межнационального напряжения. В прибалтийских республиках и на Западной Украине проводились коллективизация и раскулачивание, а вместе с ними репрессии и выселение кулаков из числа коренных народов. Долго продолжалась вооруженная борьба с бандеровцами и «лесными братьями». Также продолжались репрессии против тех представителей нацменьшинств и их родственников, которые со-

трудничали с фашистами. Все это не оставляло равнодушными западных украинцев и жителей Прибалтики.

Недовольство населения национальных регионов перестало носить форму открытого вооруженного противостояния, но приобрело форму социальных конфликтов на национальной почве. Даже в лагерях среди заключенных могли вспыхнуть выступления, вызванные межнациональными проблемами. Так, в мае – июне 1954 г. произошел бунт в Степлаге, в ходе которого заключенные националисты – украинцы, немцы, чеченцы и другие – прекратили работу, захватили власть в лагере, установили собственную администрацию и выдвинули свои требования Советской власти. Для подавления неповиновения 26 июня пришлось брать лагерь штурмом, действуя при этом войска в количестве 1600 человек при поддержке 5 танков, 98 служебных собак и 3 пожарных машин [1].

4 апреля 1969 г. в столице Узбекской ССР г. Ташкенте после футбольного матча местной команды «Пахтакор» с одной из московских команд масса молодых людей бесчинствовала, перекрыв движение на проспекте Навои. На улицах с криками «Бей русских!» избивали европейского вида мужчин и женщин, даже узбечек в европейской одежде. Через несколько дней беспорядки повторились [2].

В 70-х гг. непростая обстановка сложилась в Эстонии. Сначала в республике никаких открытых массовых выступлений не было. Если и велись разговоры о том, что Советский Союз в 1940 г. оккупировал Прибалтику, всячески подавляя ее культуру и быт, то они шли, в основном, среди определенно настроенной интеллигенции. Но постепенно все чаще и чаще на бытовом уровне стали проявляться тревожные признаки обострения эстонско-русских отношений. В республике стали происходить провокации против военнослужащих, а республиканское руководство фактически поощряло их. Эстонцы, ослепленные национализмом, воспринимали солдат как оккупантов и нередко провоцировали конфликты с военными [3].

В 1983 г. в Узбекской ССР с началом известного «хлопкового дела» также растет межнациональная напряженность. К уголовной ответствен-

ности были привлечены сотни государственных и хозяйственных руководителей. Из 13 первых секретарей обкомов партии 10 были смещены с должностей, причем 5 из них арестованы, а один расстрелян. Была заменена четвертая часть членов ЦК компартии Узбекистана, что свидетельствовало о скрытой поддержке властными структурами самого высокого ранга криминального мира.

Кампания по борьбе с коррупцией в республике приобретала в сознании коренных народов отчетливо выраженную антиузбекскую направленность. В партийном и государственном аппарате Узбекистана производилась ротация кадров. На некоторые руководящие должности взамен узбеков были выдвинуты русские. Местное население, не зная криминальной подоплеки происходящих событий, восприняло все это как ущемление прав национальной республики и представителей коренной национальности. Данное обстоятельство накалило обстановку в республике, но крупных столкновений и беспорядков тогда удалось избежать.

Аналогично развивались события и в другой среднеазиатской республике – Казахстане. После привлечения к уголовной ответственности некоторых партийных руководителей Казахской ССР – казахов по национальности – растет межнациональная напряженность и в этой республике. Окружение руководителя республики Д. Кунаева, преследуя свои интересы, организовало выступления студенчества, умело используя все возрастающие национальные и социальные противоречия в республике.

Центральные власти, испугавшись массовых волнений в республике, прекратили уголовное преследование Д. Кунаева и некоторых других руководителей республики. Новое руководство страны тем самым продемонстрировало свою либеральность.

Серьезными сигналами для власти были межнациональные столкновения в Душанбе 12 января 1985 г. и в Якутске в апреле 1986 г., антирусские демонстрации в Риге в декабре 86-го и январе 87-го, декабрьское письмо Горбачеву двадцати восьми выдающихся людей Белоруссии о трагической судьбе вымирающего белорусского языка и о необходимости вернуться к политике языковой и культурной либерализации, еврейская акция протеста в Москве в феврале 87-го, первые майские выступления русского общества «Память», июльская осада Москвы крымскими татарами, требующими права вернуться на родину предков, националистические демонстрации в столицах трех прибалтийских республик 23 августа – в годовщину подписания пакта Риббентропа – Молотова, октябрьское выступление во Львове, так называемой украинской группы мира... [4].

В союзных республиках появляются общественно-политические организации националистического толка, такие, как литовский «Саюдис», украинский «Рух», «Свободная Грузия», «Народный фронт Азербайджана» и другие подобные организации в Молдавии, Латвии и Эстонии. В стране стали издаваться газеты и журналы с ярко выраженной антисоветской направленностью. Выдвигаемые в них идеи изменения политического курса и статуса республик, входящих в состав СССР, зачастую получали поддержку общественности.

Отдельные республики в конце 80-х – начале 90-х гг. объявили о своем суверенитете. В свою очередь автономии (например, Якутская АССР) также стали требовать изменения своего статуса и повышения его до уровня союзных республик [5].

Подобные требования Абхазской АССР и Юго-Осетинской автономной области [6], входящих в состав Грузинской ССР, стали началом противостояния, вскоре переросшего в вооруженный конфликт.

Наращение конфликтов требовало сил для наведения порядка. Милиция национальных окраин нередко вставала на сторону погромщиков или, в лучшем случае, уклонялась от наведения порядка и предотвращения массовых беспорядков. В таких условиях только усилиями армейских подразделений удавалось держать обстановку под контролем и пресекать вооруженные столкновения. Особенно эффективными оказались действия мобильных сил Советской Армии – воздушно-десантных войск.

Предпринимаемые руководством Советского Союза миротворческие усилия и активная миротворческая деятельность Вооруженных Сил России сумели остановить вооруженные конфликты в Приднестровье, Таджикистане, Абхазии и Южной Осетии. Процесс умиротворения шел сложно, с постоянными отклонениями от оговоренных условий. И в настоящий момент нельзя говорить о полной нормализации обстановки в этих регионах.

Таким образом, во второй половине XX в. в Советском Союзе закономерно возникла опасность межнациональных конфликтов. Однако власти этой опасности не увидели, проблемы не разрешали, а загоняли вглубь [7]. Со вспыхнувшими в 1980-х гг. межнациональными конфликтами власть не могла справиться и не только по причине слабости органов правопорядка и госбезопасности, но и ввиду слабости самой власти. Только усилиями армейских подразделений удалось предотвратить перерастание конфликтов в широкомасштабные боевые действия. Однако после распада Советского Союза кровопролитных столкновений избежать не удалось.

Первоначально власти пытались скрыть информацию о выступлениях в различных уголках страны. По воспоминаниям Н. Рыжкова, в центральных средствах массовой информации были лишь скудные сведения.

Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков так оценил ситуацию того времени: «Начиная перестройку на не слишком прочном фундаменте, мы не учли, не захотели или не сумели учесть одну из главных, на мой взгляд, причин слабости... Я имею в виду причину, еще с ленинских времен стыдливо называемую “национальным вопросом”» [8].

Несмотря на самокритичность главы советского правительства Н. И. Рыжкова, нельзя с ним согласиться. Это слишком простое объяснение, свидетельствующее о непонимании всего комплекса проблем, которые обостряли межнациональные отношения и приводили к росту национализма.

Всплеск национализма в СССР в конце 1980-х гг. был предопределен многими объективными и субъективными причинами. Тесно переплелись историческая память народов и исторические корни межнационального напряжения с непродуманной, а зачастую очень неграмотной политикой государственной власти.

В ходе Великой Отечественной войны в нашей стране целые народы по обвинению в пособничестве фашистам были репрессированы. В 1943–1944 гг. чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, карачаевцы, крымские татары, турки, греки и немцы были насильственно переселены в степи Казахстана и Узбекистана. Места их прежнего жительства были принудительно заселены жителями других регионов страны.

После восстановления в эпоху «хрущевской оттепели» национальных автономий репрессированных народов возникла проблема их возвращения к местам традиционного проживания. При решении этих вопросов власти совершили ряд опрометчивых, непродуманных шагов. Так, например, при восстановлении Чечено-Ингушской АССР в ее состав включили три русских района: Наурский, Каргалинский, Шелковской, зато часть Пригородного района осталась в составе Северо-Осетинской АССР. В то же время национальные и территориальные проблемы крымских татар, турок-месхетинцев и некоторых других народов решены не были. Таким образом, национальной политикой была заложена основа будущих межнациональных конфликтов на Северном Кавказе, в Средней Азии и других местах.

У межнациональных конфликтов была серьезная экономическая основа. Исторически республики и народы находились на разных стадиях развития, что сказывалось на разном уровне, образе и качестве жизни. Оказывала влияние и

экономическая политика государства. В республиках начинали строить промышленные предприятия, но поскольку на местах не было нужного количества специалистов, то завозили их из РСФСР и других республик. Чаще всего приезжие занимали руководящие должности и места специалистов. Местные жители привлекались как малоквалифицированная рабочая сила. Это сказывалось на размерах зарплаты и на более низком уровне жизни, что вызывало недовольство коренного населения. То же происходило при освоении целинных и залежных земель в Казахстане. Конфликты в Средней Азии, и в первую очередь в Ферганской долине, возникли, прежде всего, из-за тяжелого экономического положения, сложившегося в этом регионе в силу преобладания монокультуры хлопка.

Влияние на развитие конфликтов оказывали региональное клановое мировоззрение, высокая степень религиозности населения и быстрое развитие в связи с этим исламских движений, которые ориентировали свою националистическую пропаганду на молодежь, в основной своей массе безработную, пораженную наркоманией.

Власть не учитывала, что коренное население, особенно Средней Азии, имело свое самосознание, свои привычки, обычаи, традиции и ментальность людей феодального общества. Это нередко служило причиной конфликтов, которые на первых порах не выходили наружу, но медленно тлели в сознании коренных жителей республики, готовя почву для будущих серьезных конфликтов [9].

С конца 1970-х гг. все активнее вели себя идеологи подпольного и полуподпольного национализма, имевшие возможность, в отличие от либеральных диссидентов, апеллировать к национальным чувствам, спекулировать на националистических предрассудках недовольного народа. Националистические идеи привлекли большее количество сторонников и сочувствующих, чем либеральные идеи правозащитников. Однако правоохранительные органы рассматривали межнациональные трения как проявления бытовых ссор и конфликтов.

Свое влияние оказывали и зарубежные специальные и идеологические службы, вещавшие на многих языках народов нашей страны. Имело место влияние сопредельных стран, где немало бывших соотечественников жили зачастую лучше, чем оставшиеся на родине.

Рост национализма в СССР имел и очень важную объективную причину – рост национальной самосознания народов нашей страны, связанной с индустриальной фазой развития общества. В советской системе он происходил независимо от воли и желания правящей партии, но происходил, хотя и замедленно, так как через все ка-

налы насаждался и пропагандировался интернационализм как государственно-партийная идеология. С середины 50-х гг. XX в., когда в СССР стал быстро формироваться теневой сектор экономики с чисто рыночными отношениями, появилась объективная основа для формирования национализма. В настоящее время, когда рыночные отношения легализовались, национализм стал открытым, агрессивным и угрожающим.

Таким образом, современное российское общество унаследовало от прошлого многие национальные проблемы и добавило к ним серьезную националистическую составляющую, которая создаст немало проблем для государственной власти уже в ближайшем и отдаленном будущем.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 228. Л. 5, 21–23, 29–33, 171, 172.

2. Во всех случаях милиция, состоявшая в подавляющем большинстве из узбеков, действовала вяло и, по существу, не пресекала противоправные действия. Впоследствии это квалифицировалось как безответственность и трусость, а не как солидарность с действиями толпы, которая, кстати, милиционеров не трогала. Часть милиционеров впоследствии была уволена из органов. Однако подобная позиция в межнациональных конфликтах потом была свойственна для милиционеров национальных окраин.

3. *Вертелко И. П.* Служил Советскому Союзу. Сокровенное. М., 1996. С. 215; *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 156.

4. Там же. С. 201.

5. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Д. 38. Л. 2.

6. Там же. Пер. 11. Д. 69. Л. 1.

7. Там же. Д. 102. Л. 4.

8. *Рыжков Н. И.* Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 197.

9. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3344. Л. 157.

УДК 94(470)"1920/1926":27-9

А. Г. Поляков

ЛИЧНОСТЬ ЕПИСКОПА ВИКТОРА (ОСТРОВИДОВА) В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (В ПЕРИОД 1920 г. – лето 1926 г.)

В статье характеризуется нейтрально-лояльная по отношению к светской власти позиция викарного епископа Виктора (Островидова), имеющего неоднократные притязания на административное и идейно-духовное руководство в Вятской епархии. Его мнение оказало решающее влияние на формирование негативной позиции правящего вятского архиерея, духовенства, верующих по отношению к обновленчеству.

The article describes the position of the Bishop Victor (Ostrovidov) which was neutral and loyal related to the secular authorities. He had repeated pretensions for the administrative, ideological and spiritual leadership in the Eparchy of Vyatka. His opinion had influenced to the forming of negative attitude of Vyatka Archbishop, clergy and believers to the trend of "renovation" in Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: Епископ Виктор (Островидов), политическая лояльность, изъятие церковных ценностей, обновленчество, репрессии.

Keywords: the Bishop Victor (Ostrovidov), political loyalty, confiscation of the church values, "renovation", repressions.

Епископ Виктор (Островидов) – лидер первой и наиболее радикальной из церковных оппозиций политическому курсу заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В данной статье раскрываются некоторые предпосылки возникновения викторианства в Вятской губернии, связанные с политической позицией епископа Виктора до появления церковной Декларации 1927 г.

Жизненный путь епископа Виктора (Островидова) до его приезда в январе 1920 г. в Вятскую губернию свидетельствует о его значительном богословско-теоретическом и практическом опыте религиозной деятельности, умения самостоятельно анализировать церковно-государственные отношения. В этот период у него складываются религиозно-политические представления. Он считал правильным разрыв Церкви с «мирскими привязанностями», осуждал политическую деятельность Церкви, занятую реализацией интересов светской власти, а не достижением религиозных целей. Епископ Виктор считал вполне естественным для России отделение Церкви от государства. В вопросе возможности сосуществования Церкви и противоборствующего в мировоззренческом плане государства, а также в отношении социализма он во главу угла ставил «духовное могущество» и «духовное единение» как верующих внутри Церкви, так и всех Православных Церквей. В экклесиологическом плане еп. Виктор делал акцент на религиозное сакрально-мистическое содержание Церкви [1].

Приводя в исполнение соборное определение о создании в уездных городах викарные епископские кафедры, Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод указом № 3716 от 2(15) декабря 1919 г. учредили Уржумскую епископскую кафедру. Тем же указом епископом Уржумским, викарием Вятской епархии был назначен архимандрит Виктор (Островидов), наместник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Согласно указу хиротония должна была состояться в Петрограде [2].

Встреча 23 января 1920 г. епископа Виктора с духовенством и верующими Уржумского уезда

Вятской губернии, по сведениям губЧК, носила чрезвычайно торжественный характер. Исходя из того факта, что население уезда пропитано религиозным чувством и к советской власти относится в большинстве своей массы недоброжелательно, Уржумская ЧК сочла нахождение еп. Виктора в г. Уржуме нежелательным. Уже во второй половине февраля уездная ЧК провела у еп. Виктора обыск, а в мае 1920 г. он был приговорён Вятским губревтрибуналом по обвинению в «агитации против медицины» к лишению свободы до ликвидации войны с Польшей. Во время отбывания наказания еп. Виктор написал открытое письмо, которое было опубликовано 2 июля 1920 г. в губернской газете «Вятская правда». В нём викарный епископ Виктор, опережая высшее и епархиальное церковное руководство, открыто публично заявил о признании советской власти и своей аполитичности по религиозным мотивам. В начале двадцатых чисел ноября 1920 г. по распоряжению Вятского губревтрибунала еп. Виктор в связи с амнистией от 7 ноября освобожден от дальнейшего содержания под стражей [3].

В первой половине 1921 г. популярный в народе викарный (вначале Слободской, затем Глазовский) епископ Виктор исполнял обязанности временного управляющего Вятской епархии, в которую входила и Глазовская епископия Вотской автономной области.

1922 год для руководства и духовенства Русской православной церкви стал решающим в определении принципиальной позиции по отношению к светской власти и её мероприятиям, в первую очередь к государственной кампании по изъятию церковных ценностей.

В целом за исключением единичных фактов духовенство и верующие Вятской губернии лояльно восприняли кампанию по изъятию церковных ценностей. Руководство Вятской епархией и духовенство г. Вятки уже в первых числах марта 1922 г. заявило о своём лояльном отношении к кампании, практически содействовало в её реализации. По мере проведения кампании в уездах аналогичную позицию заняло и местное духовенство. Реализуя государственную кампанию по изъятию церковных ценностей, губернское партийно-советское руководство старалось избегать конфликтов с духовенством и верующими [4]. Одной из важных причин лояльного отношения духовенства и верующих к изъятию церковных ценностей явилось то обстоятельство, что в Вятской губернии епархиальным управлением не только не была организована рассылка по приходам послания патриарха Тихона, но и вообще факт существования такового был скрыт. Таким образом, из-за отсутствия организованного централизованного распространения послания патриарха Тихона по приходам случаи непринятия

духовенством и верующими государственной кампании по изъятию церковных ценностей могли основываться лишь на личной их трактовке происходящих событий [5].

Управляющий канцелярией епископа Павла, возглавлявшего епархию с середины 1921 г., протоиерей А. А. Попов объяснял это опозданием послания и тем, что оно «носит характер прежних посланий с их печальными последствиями для духовенства». Эту информацию протоиерей А. А. Попов «по секрету» сообщил епископу Глазовскому Виктору (Островидову) и ознакомил его с содержанием послания. При этом бывший председатель Епархиального совета А. А. Попов, при котором с осени 1918 г. началось сотрудничество духовенства г. Вятки с органами советской власти, не скрывал, что им и ранее совершалось укрывательство от духовенства распоряжений патриарха [6]. Своё заявление протоиерей А. А. Попов сделал в ближайшие дни после следующих событий: получения 18 апреля Вятским губкомом РКП(б) телеграммы И. В. Сталина об активизации работы по расколу Церкви на основе отношения духовенства к кампании по изъятию ценностей и смещения сторонников патриарха Тихона; ареста 18 апреля епископа Павла, обвинённого в том, что изъятые из храмов ценности не соответствуют указанным в описях.

Вышеуказанное заявление А. А. Попова, на наш взгляд, можно рассматривать в русле политики советской власти по вычлениению и отстранению от руководства РПЦ оппозиционного к власти высшего духовенства. В условиях отсутствия вятского архиерея заявление протоиерея А. А. Попова о неисполнении послания патриарха имело провокационный характер по отношению к популярному и авторитетному в среде верующих епископу Виктору, отличавшемуся к тому же своей ортодоксальностью. Епископ Виктор (Островидов) в обстановке, когда подавляющее большинство священнослужителей лояльно восприняли кампанию по изъятию ценностей, откорректировал свою позицию по данному вопросу в соответствии с посланием патриарха от 28 февраля 1922 г.

Епископ Виктор не только поддержал послание патриарха по поводу декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г., но и в своём письме от 12(25) апреля даже просил патриарха Тихона простить его, а также духовенство и верующих Вятской губернии за грех – лояльное отношение к государственной кампании по изъятию церковных ценностей [7].

В ходе кампании по изъятию церковных ценностей в среде духовенства и мирян произошёл раскол, который вылился в захват обновленцами в мае 1922 г. высшей церковной власти. Имеются свидетельства, указывающие на определённые

симпатии епископа Виктора по отношению к отказу обновленцев от антисоветских настроений и деятельности Церкви. Летом 1922 г. владыка в письменном обращении к вятской пастве разъяснил неканоническую сущность обновленческого учения и своё отношение к гражданской власти. Последнее, на наш взгляд, и является именно тем, что еп. Виктор принимал в платформе обновленцев. Он подчёркивал, что послание касается только внутренней жизни Церкви, а не гражданской внешней жизни верующих. Поскольку гражданская власть не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, то и верующие обязаны быть покорными и исполнять все требования гражданской власти, касающиеся внешней церковной жизни.

В отношении обновленчества епископом Виктором в послании были выдвинуты следующие тезисы:

1. Обновленцы являются «волками в овечьей шкуре», которые вопреки воле патриарха Тихона «самозванно, самочинно, воровски» захватили управление в Церкви.

2. Обновленцы пошли за дьяволом. Они разделили Церковь и настраивают верующих против «Духом Святым поставленных пастырей».

3. Нужно всем, в особенности пастырям, блюсти себя от лживых призывов обновленцев, учиняющих раздоры и распри в Церкви. Необходимо дистанцироваться от «самозванного раскольнического соборщика именующего себя “церковью живой”, а в действительности “трупю смердящему”, и не иметь какого либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами от сих самозванцев поставленными» [8].

Немногочисленные сторонники временного церковного управления (ВЦУ), по сведениям ВятГПУ, боялись выразить свою симпатию к обновленцам из-за боязни осуждения их позиции епархиальным руководством и общественным мнением [9]. Исполняющий обязанности по управлению Вятской епархией епископ Виктор отстранил отдельных священников (через прессу выразивших симпатии к обновленчеству) от исполнения должностных обязанностей и пригрозил отлучением от Церкви. Только вмешательство вятского архиерея, снявшего «запрещения» еп. Виктора с опальных священников, на время уладило конфликт [10].

11(24) августа 1922 г. еп. Виктором было подготовлено обращение к верующим, которое одобрил и подписал вятский архиерей Павел. В воззвании говорилось о том, что, поскольку обновленческое управление не является каноничным, Вятская епархия объявляется автокефальной (самоуправляемой). При этом в документе особо подчёркивалась необходимость лояльного отношения к светской власти [11]. 12(25) августа еп. Павел подготовил указ об объявлении вре-

менной автокефалии (самостоятельности) в Вятской епархии [12].

По замыслу вятского ГПУ, сплотить вокруг себя группу прогрессивного духовенства, обеспечить избрание на Поместный собор делегатов, лояльно относящихся к обновленчеству, должен был священник, пользующийся известностью и уважением среди верующих [13]. Таким человеком стал уполномоченный временного церковного управления Николай Гаврилович Утробин. 23 сентября по прибытии Утробина в епархиальное управление, где им был предъявлен мандат ВЦУ, еп. Павел назначил собрание духовенства г. Вятки на 11 часов 24 августа. На собрании Утробин планировал ознакомить вятское духовенство с современным положением дел в Церкви, с принятыми на обновленческом съезде резолюциями, с новой схемой церковного управления [14]. Вечером того же дня под влиянием еп. Виктора, иеромонаха В. Пуссета и нескольких мирянок вятский архиерей Павел (Борисовский) оповестил священнослужителей о том, что собрание отменяется и запрещается упоминание в молитвах патриарха Тихона. Утробину было предложено под угрозой лишения сана отправиться в с. Елгани [15].

На следующий день Утробин вновь явился к епископу Павлу и предложил ему письменно ответить на следующие вопросы: признает ли он ВЦУ и подчиняется ли его распоряжениям; признаёт ли правомочие уполномоченного ВЦУ. Прочитав вопросы, еп. Павел потерял самообладание и в резкой, оскорбительной форме запретил Утробину у него появляться. От еп. Павла Утробин направился к еп. Виктору, однако последним уполномоченный даже не был принят [16].

26 августа 1922 г. на основании постановления от 25 августа губернского отдела ГПУ были арестованы «реакционные руководители духовенства» – епископы Павел и Виктор, которые в 1923 г. были в административном порядке высланы на три года в Нарымский край [17].

Таким образом, епископ Виктор (Островидов) в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей и начала деятельности ВЦУ зарекомендовал себя среди верующих, духовенства и органов светской власти в качестве последовательного, активного и принципиального сторонника патриарха Тихона. Его мнение оказало определённое влияние на формирование позиции вятского архиерея Павла (Борисовского) по такому особо важному вопросу, как определение позиции к ВЦУ и обновленчеству.

Находясь в ссылке, еп. Виктор в своих посланиях к вятским верующим продолжает характеризовать обновленцев «опаснейшими еретиками-антицерковниками» [18].

После возвращения в марте 1926 г. из ссылки епископов Павла (Борисовского) и Виктора (Ост-

ровидова) с них органами ОГПУ была взята подписка-обязательство о том, что до момента официальной регистрации Вятского епархиального управления «тихоновского» течения они обязуются не исполнять каких-либо административно-организационных функций. За нарушение подписки епископы признавали законность привлечения их органами власти к ответственности [19].

По сведениям ОГПУ, вернувшиеся из ссылки епископы Виктор и Павел уже во время своих первых публичных выступлений воспринимались верующими «мучениками и гонимыми за веру православную». С появлением в Вятке указанных епископов отмечена активизация борьбы, вплоть до самосудов, «тихоновской» части верующих против обновленцев. Еп. Павел при содействии еп. Виктора составил и пытался распространить по губернии послание, в котором звучали призыв к духовенству и верующим быть солидарным с поведением митр. Петра Полянского (Крутицкого), обращение к власти легализовать тихоновскую церковь, прекратить антирелигиозную и разрешить религиозную агитацию. При этом епископы предостерегали вятское духовенство и верующих от участия в антисоветской и вообще политической деятельности. Представляется важным отметить, что еп. Виктор считал резкими, неправильными некоторые действия епископа Павла в отношении обновленческого духовенства, такие, как всенародное покаяние обновленческого духовенства при переходе на патриаршую платформу. Епископ Виктор говорил еп. Павлу, что делать это не нужно [20].

По обвинению в нарушении данной органам власти подписки, а именно присвоении административных функций «идеологически враждебные советской власти», епископы Павел и Виктор 15 мая 1926 г. были арестованы и переправлены в Москву первоначально во Внутреннюю тюрьму ОГПУ, а затем в Бутырскую. Действительной причиной арестов епископов Павла и Виктора, на наш взгляд, был религиозный, антиобновленческий подъём верующих, связанный с их приездом [21].

Каких-либо конкретных фактов, подтверждающих участие еп. Виктора в управлении епархией, следствием выявлено не было. В протоколе допроса от 16 мая 1926 г. епископ Виктор указал: «Сочувствую Соввласти и согласен содействовать ее мероприятиям». Интерес также представляют показания еп. Виктора о своём желании и попытке покинуть Вятку в связи с тем, что ощущает себя «лишним епископом» [22].

20 августа 1926 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ епископы Виктор и Павел были лишены права проживать в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вят-

ке и в соответствующих губерниях с прикреплением к определённому месту жительства. Епископ Виктор в качестве места жительства выбрал г. Глазов Вотской автономной области, а епископ Павел – г. Александров Владимирской губернии. По пути в г. Глазов из Москвы епископ Виктор в Нижнем Новгороде встретился с заместителем патриаршего местоблюстителем Сергием (Страгородским). Митрополит Сергей назначил еп. Виктора (Островидова) временно управляющим Вятской епархией вместо переведённого в г. Чебоксары епископа Симеона [23].

Таким образом, в сложных условиях неразберихи в церковно-административном управлении популярный в народе, но находящийся на «вторых ролях» епископ Виктор (Островидов) проявил определённые притязания на идейно-духовное лидерство в Вятской епархии. В период проведения кампании по изъятию церковных ценностей он зарекомендовал себя, в отличие от епископа Вятского и Слободского Павла (Борисовского) и подавляющего большинства вятских священнослужителей, в качестве последовательного и принципиального сторонника патриарха Тихона. Его мнение оказало решающее влияние на формирование позиции правящего вятского архиерея по такому особо важному вопросу, как определение позиции по отношению к обновленчеству.

Примечания

1. См. подробнее: Поляков А. Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009. С. 51–74.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815. Оп. 14. Д. 162. Л. 85–85об.

3. Государственный архив Кировской области (ГА КО). Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 2. Л. 236, 230об.; Бадвин В. М. Вятская епархия в 1917–1941 гг. // Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка, 2007. С. 384; Письмо епископа Островидова // Вятская правда. 1920. № 52 (2 июля). С. 4; Освобождение епископа // Вятская правда. 1920. № 174 (24 ноября). С. 2.

4. Подробнее см.: Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 79–92.

5. Там же. С. 85–87.

6. Позднее А. Попов станет одним из активных апологетов обновленчества.

7. ГАКО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 84. Л. 2; Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть... С. 86; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6799. Оп. 3. Д. Су-3708. Т. 1. Л. 343об.

8. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. Су-3708. Т. 1. Л. 112–112а, 137, 342–343об.

9. ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 6–7.

10. «Обновленческое» движение на местах (телеграммы и письма с мест) // Ежедневная хроника журнала «Наука и религия». 1922. № 8 (7 сент.). С. 3.

11. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. Су-3708. Л. 315.
12. Там же. Т. 1. Л. 280.

13. ГА КО. Р-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 7.
14. *Крутогорский*. Как у нас издыхала тихоновская контрреволюция // Ежедневная хроника журнала «Наука и религия». 1922. № 10 (21 сент.). С. 3.
15. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11383. Л. 55–56об; ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. Су-3708. Т. 1. Л. 247об., 250.
16. *Крутогорский*. Указ соч. С. 3.
17. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 3. Д. Су-3708. Т. 1. Л. 16–16 об.; *Семибратов В. К.* Епископ Виктор (Островидов) – один из лидеров «церковной контрреволюции» в Вятском крае // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX в.): материалы докл. и документы науч.-практ. конф. Киров, 25 мая 1996 г. Киров, 1997. С. 123–124.
18. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11383. Л. 69.
19. Там же. Л. 5–6.
20. Там же. Т. 1. Л. 1–2об., 4, 148.
21. Там же. Л. 170–172.
22. Там же. Л. 147–148об.
23. *Бадвин В. М.* Указ. соч. С. 409.

УДК 821.161.1:271.2

Ю. А. Ореханов (свящ. Г. Ореханов)

ВОСПРИЯТИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И Л. Н. ТОЛСТЫМ СОВРЕМЕННОКАМИ ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ

В статье рассматривается проблема восприятия учения Л. Н. Толстого в России в последней четверти XIX в., а также некоторые особенности этого процесса сегодня. Автор показывает, что религиозная доктрина Л. Н. Толстого отражала особенности взглядов представителей русской интеллигенции на природу церковно-государственных отношений в России. Особое внимание уделено истории отлучения писателя от Церкви как характерного рецидива этих отношений в начале XX в.

In this article the author reviews a problem of perception of Leo Tolstoy's teaching in Russia in the last quarter of the nineteenth century as well as some features of this process today. The author shows that the religious doctrine of Leo Tolstoy reflected the peculiarities of the Russian intelligentsia views on the nature of church-state relations in Russia. Particular attention is paid to the history of writer's excommunication, as the specific recurrence in the early twentieth century.

Ключевые слова: христианство, Л. Н. Толстой, интеллигенция, церковно-государственные отношения, восприятие.

Keywords: Christianity, Leo Tolstoy, intelligentsia, church-state relations, perception.

В современном научном сообществе ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Л. Н. Толстой через художественное и публицистическое слово, а также посредством философских трактатов

выражал социально значимые для своего времени идеи о Боге, мире и человеке. Кроме того, хорошо известно, что в результате мировоззренческого кризиса конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. писатель пришел к разрыву с православием и к ожесточенной критике христианской догматики и литургической практики Церкви, что в конечном счете привело к появлению синодального определения 20–22 февраля 1901 г., в котором констатировалось отпадение Л. Н. Толстого от православной Церкви.

Творчество Л. Н. Толстого возникает в определенном «интеллектуальном климате» и воспринимается в контексте определенного круга идей. Другими словами, можно утверждать, что философские взгляды Л. Н. Толстого явились результатом не только его личного религиозного кризиса, но во многом стали отражением тех сложных социальных и культурных процессов, которые имели место в России во второй половине XIX в. Именно поэтому конфликт между Л. Н. Толстым и Русской православной церковью воспринимался современниками в очень широком культурно-историческом контексте – это было своеобразное всероссийское «прение о вере», включавшее и догматические, и нравственные, и даже бытовые аспекты.

С этой точки зрения важен и актуален вывод, сделанный выдающимся западным исследователем-славистом Л. Мюллером: конфликт Л. Н. Толстого с Церковью не есть частный конфликт одного человека с конкретной религиозной институцией, это конфликт враждебной всякому институционализму мистической религиозности, несущей на себе стойкую печать европейского просвещенческого радикализма, и Церкви, сознательно противостоящей влиянию идей просвещения в своем учении и культе [1].

Именно поэтому природу и исторический контекст противостояния Л. Н. Толстого и Церкви необходимо изучать в рамках тех конкретных религиозных установок, которые обусловили интеллектуальный и религиозный климат эпохи. Это русская маргинальная духовность, размытые и неопределенные религиозные представления русской интеллигенции, наконец, это особенности той системы церковно-государственных отношений, которая сложилась в России к середине XIX в.

Таким образом, религиозно-философское творчество и деятельность Л. Н. Толстого, являющиеся результатом сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, должны рассматриваться как отражение кризиса религиозности, точнее, церковности и духовности, причем рассматриваться в двух планах – как явление культурной жизни и как следствие определенной государственной политики по отношению к Церкви.

С этой точки зрения важно отметить некоторые аспекты поставленной в заглавии данной статьи темы, которые позволяют более точно проанализировать природу противостояния Л. Н. Толстого и церковного христианства.

Л. Н. Толстой и русская интеллигенция

Вторая половина XIX в. в России – время, когда, с одной стороны, в жизни русского образованного общества присутствует попытка дать ответы на важнейшие моральные вопросы и, с другой стороны, секулярное сознание уже не удовлетворяется теми ответами, которые традиционно дает на эти вопросы Церковь. Выходом из этой ситуации как для образованного меньшинства, так и для крестьянского большинства является *поиск новых типов духовности*, «новой контрмифологии» (В. Н. Ильин), противостоящей евангельской, которая, по выражению прот. Г. Флоровского, представляла собой все более выраженные формы моралистического сектанства, духовной и богословской «робинзонды» [2].

Является ли религиозное творчество Л. Н. Толстого одним из таких типов духовности или ему нужно придать иной статус?

Идеи Л. Н. Толстого были отражением духовных и культурных поисков его времени. Более того, Л. Н. Толстой проговаривал вслух то, о чем другие предпочитали молчать или «шептать»: неоднократно в своих сочинениях писатель подчеркивает, что его мысли (в первую очередь антицерковные) разделяются всем русским образованным обществом и даже всем мировым образованным сообществом.

Конечно, выступление Л. Н. Толстого было настоящим бунтом против Церкви, но в этом бунте содержался ответственный для Церкви, церковной догматики и для религиозного мировоззрения в целом вызов. «Почему вы, христиане, не живете по заповедям Христа?» – вот вопрос, который задавал Л. Н. Толстой. Произведения писателя, созданные после религиозного перелома, затрагивали самые глубокие, самые заветные духовные и нравственные мотивы русской жизни, они имели особую тональность, которая в первую очередь создавалась жгучим социальным пафосом, чувством вины перед народом и необходимостью религиозного переосмысления этой вины. По всей видимости, прав был Н. А. Бердяев, указывая, что «Толстой уловил и выразил особенности морального склада большей части русской интеллигенции, быть может, даже русского человека – интеллигента, может быть, даже русского человека вообще», и именно в творчестве Л. Н. Толстого произошла ставшая роковой для России встреча «русского морализма с русским нигилизмом» [3].

Именно поэтому встреча Л. Н. Толстого с интеллигенцией не была случайной – следует учитывать еще одно важное обстоятельство, на которое обращает внимание С. Л. Франк: исторически в русской культуре практически вся духовная энергия, черпаемая в православии, шла не в дело «внешнего жизненного строительства», «морального, государственного и гражданско-правового воспитания», а «в глубь религиозного развития духа, почти не определяя эмпирическую периферию жизни» [4]. Тенденция отрицания государства, права и культуры исторически всегда в России была определенно выражена и при неблагоприятных сценариях время от времени разрешалась рецидивами «русского бунта», протеста и раскола. Одним из таких рецидивов становится толстовство, логическим завершением которого, как указывают некоторые авторы сборника «Из глубины», вышедшего в 1918 г., и стала большевистская революция 1917 г. При этом следует особо подчеркнуть, что ни по происхождению, ни по воспитанию, ни даже по образованию Л. Н. Толстой не был типичным представителем интеллигенции.

Опозиционность – важнейшая характеристика не только квазиполитической публицистики Л. Н. Толстого, но и его богословской системы: и по отношению к учению Церкви, и по отношению к каноническому, т. е. общепринятому тексту Евангелия, и даже по отношению к образу Христа, ведь не случайно уникальность Его Личности в поздних сочинениях Л. Н. Толстого фактически полностью игнорируется и растворяется в среде знаменитых проповедников-моралистов.

Именно антигосударственный и антицерковный характер проповеди Л. Н. Толстого является одной из главных (но далеко не единственной) причиной ее популярности. Критическое отношение интеллигенции к «правящему режиму» было настолько акцентированно, что любое антиправительственное выступление, особенно если оно исходило от столь авторитетного лица, как Л. Н. Толстой, принималось с восторгом, о чем говорит в своем дневнике, например, И. А. Бунин: «Даже знаменитая “помощь голодающим” происходила у нас как-то литературно, только из жажды лишней раз лягнуть правительство, подвести под него лишней подкоп. Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была» [5].

Эта мысль ярко иллюстрируется и воспоминаниями известной деятельницы партии кадетов А. Тырковой-Вильямс, которая указывает, что в конце XIX в. в России Толстой-проповедник (а не художник!) был «одиноким великаном, един-

ственным духовным вождем эпохи затишья пред бурей», который не стал учителем жизни, но при этом «литографированные тетради с его запретными сочинениями были единственной подпольной литературой 80-х годов» [6].

Однако проблему не следует упрощать: нигилизм Л. Н. Толстого имеет очень сложную основу – он генетически тяготеет к идеям Просвещения и руссоистской диаде «природа – культура» и тесно связан с «первичным эстетико-метафизическим ощущением», противопоставлением «настоящего» человека человеку «кажущемуся», маске, двойнику, рожденному в сложном процессе воздействия государства и культуры на душу человека. Поэтому протест против лжекультуры, превращающей личность в актера, имеет своим источником не столько этические соображения, сколько ощущение, переживание сущности человеческой души, противостоящей именно в своих глубинах всему сознательному, целесообразному, лежащему на поверхности жизни и превращающему жизнь человека во что-то мелкое, ничтожное, иллюзорное, лицемерное и лживое [7]. Именно в творчестве Л. Н. Толстого противостояние *природы* и *культуры* достигает своего наивысшего апогея.

Кроме того, следует отметить еще одно важное обстоятельство: имманентное присутствие в идеале русского интеллигента элементов христианской этики. При этом важно отметить, что поиск морального идеала сочетался с эсхатологической мечтой о Граде Божием, о чаемом царстве правды, которое будет спасением человечества от земных страданий [8]. Главным препятствием на пути к этому царству являются бессознательные ошибки и заблуждения или осознанная злоба отдельных людей, групп (обличение Л. Н. Толстым духовенства) или классов общества (социализм). Именно тема Царства Божиего становится одной из значительных в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, и именно эта тема роднит их между собой и отчасти с социалистическим движением.

Эти идеи постоянно развивались Л. Н. Толстым. Хорошо известно, с какой настойчивостью он отстаивал идею разъяснения сути учения Христа, в финале переходящего в «разумение», которое «само родится, когда знает и когда хочет и в той форме и в том человеке, в каком хочет. Вы напишете в письме, Емельян скажет в разговоре, я, Хилков, Поша, даже люди совсем чужие нам почувствуют, подумают, скажут, сделают – и из этого всего складается разумение и является выражение его, самородное» (ПСС. Т. 86. С. 198–199) [9]. Эти слова Л. Н. Толстого не имеют никакой мистической окраски: истинные ученики Христа – те, кто, не веруя в Его Божество, отрицая Его Церковь, не признавая действия в мире

Святого Духа, распространяют Его учение. Именно они впервые за две тысячи лет правильно поняли суть самого учения и готовы его проповедовать. И эта проповедь принесет на земле обильные плоды.

Можно констатировать, что именно *моральный утилитаризм* в наибольшей степени определил не только близость идей Л. Н. Толстого и взглядов представителей интеллигенции, но и степень его влияния на нее в последней четверти XIX в. [10] Но было бы ошибкой утверждать, что *только* нигилистический пафос и протест роднит Л. Н. Толстого с русской интеллигенцией: здесь присутствует и «полюс притяжения» – восторженное отношение к художнику, с беспощадностью варвара снимающего покровы с тайников человеческой души, и «полюс отталкивания» – неприятие писателем всего, что так дорого «образованному меньшинству», в первую очередь резко выраженной установки на социальные преобразования. Здесь важно не только отрицание, но и общие эстетические установки, чувство восхищения перед «ясновидцем плоти», для которого нет тайн в человеческой душе и который с беспощадностью варвара срывает с нее маски, рожденные псевдокультурой.

Таким образом, в творчестве писателя нашел отражение не только протест русской интеллигенции, но и ее эстетические, религиозные и моральные поиски.

Очевидно, мысли писателя разделяли *не все* его образованные современники. Однако религиозная проповедь Л. Н. Толстого была подготовлена всем ходом русской религиозной и духовной истории, точнее, всей историей русского религиозного кризиса синодальной эпохи. Это заметил тот же В. Н. Ильин: «Л. Н. Толстой находился на гребне очень мощной волны, связанной с духом эпохи органически, и не представлял поэтому ни в коем случае явления революционного» [11].

Однако, с другой стороны, важно подчеркнуть, что если очень часто Л. Н. Толстой и представители интеллигенции искали ответ на одни и те же вопросы, то сами ответы здесь радикально расходятся. Это обстоятельство, похоже, являлось для писателя причиной переживаний всю его жизнь: в ее финале (в 1909 г.) он заносит в дневник следующую запись: «...пора бросить писать для глухих “образованных”. Надо писать для grand monde – народа» (ПСС. Т. 57. С. 191) (запись от 19 декабря). Кроме того, следует иметь в виду, что Л. Н. Толстой всю свою жизнь сознательно дистанцировался от представителей науки и культуры – само слово «интеллигент» в его дневниках часто выделяется курсивом или кавычками и воспринимается в ироническом и даже презрительном контексте.

Однако в реальности это дистанцирование было невозможно: Л. Н. Толстой был обречен писать для «глухих», которые только и могли его прочитать. Само религиозное творчество писателя является своеобразной квинтэссенцией маргинальной религиозной культуры своей эпохи, отражением особого способа религиозной самоидентификации личности, способа, не тяготеющего к «церковно-исторической магистрали», а, наоборот, от нее отталкивающегося, характеризующегося стремлением к жесткой оппозиционной маргинализации.

Следует заметить, что акцентированно-антицерковный пафос рождается здесь несколько позже, когда на первый план выходит утверждение, что современный человек вообще не может быть «человеком Церкви», не может быть христианином в традиционном, первоначальном смысле этого слова. Очень характерно положительное принятие этой мысли на протестантском Западе: В. Нигг в своем очерке о Толстом как представителе восточного еретизма подчеркивает в связи с этим, что именно Л. Н. Толстой зафиксировал впервые со всей силой принципиальную невозможность возвращения в Церковь для нового человека, человека XIX в., с его сложной психической организацией [12].

Л. Н. Толстой и власть. Отлучение или отпадение?

Для Л. Н. Толстого была неприемлема система церковно-государственных отношений, сформировавшаяся в России в XIX в. и служившая, с его точки зрения, принципу ограничения вероисповедной свободы. Но проблема здесь заключалась в том, что Л. Н. Толстой был последовательным и убежденным антигосударственником, для него вопрос веротерпимости ни в какой степени не являлся вопросом государственной политики. Именно поэтому его столкновение с государственной системой было неизбежно, как было неизбежно его столкновение с К. П. Победоносцевым, идеологом и творцом, с его точки зрения, этой политики, в течение долгого времени занимавшим пост обер-прокурора Св. Синода.

Обострение конфликта между Русской православной церковью и Л. Н. Толстым следует отнести к началу 1890-х гг., фактически здесь приходится говорить уже о подготовке отлучения писателя от Церкви. В 1890 г. Л. Н. Толстой упомянут в ежегодном отчете К. П. Победоносцева в качестве лица, представляющего опасность для чад Церкви. К марту 1891 г. относится проповедь в Харькове известного миссионера прот. Т. Буткевича против Толстого. К этому же периоду можно отнести и появление проповедей и антитолстовских произведений авторитетных церковных иерархов – архиеп. Амвросия (Ключарева) и архиеп. Никанора (Бровковича).

Однако приходится констатировать, что вопрос о роли обер-прокурора и других высокопоставленных представителей власти в процессе подготовки отлучения писателя от Церкви до конца неясен, здесь видны колебания, неуверенность, стремление не совершить роковой ошибки, боязнь общественного мнения. В 1892 г. К. П. Победоносцев писал редактору «Московских ведомостей» С. А. Петровскому с очевидной осторожностью: «Что делать с Толстым? Ведь это вопрос очень мудреный: ныне нет прежней пружины николаевских времен и надо сообразать пропорцию времени» [13]. В то же время уже через четыре года обер-прокурор Св. Синода подчеркивает ту пагубную роль, которую играет Толстой в России: он разносит заразу анархии и неверия. 26 апреля 1896 г. в письме С. А. Рачинскому Победоносцев указывает: «Есть предложение в Синоде объявить его отлученным от Церкви во избежание всяких сомнений и недоумений в народе, который видит и слышит, что вся интеллигенция поклоняется Толстому» [14]. Весь вопрос заключается в том, как далеко был готов идти обер-прокурор в своей борьбе против мятежного писателя?

Характерно, что ни одна из инициатив, связанных с какими-либо репрессиями против писателя, до 1899 г. не была доведена до логического завершения. Указанная дата относится к первому известному проекту отлучения Л. Толстого, составленному архиеп. Амвросием (Ключаревым) в очень жестком стиле и опубликованному в журнале «Вера и Церковь» [15], а также к секретному циркулярному письму первенствующего члена Св. Синода митр. Иоанникия (Руднева) архиереям по поводу болезни и возможной смерти писателя в марте 1900 г.

Безусловно, К. П. Победоносцев был одним из главных идеологических противников Л. Н. Толстого, прекрасно отдавая себе отчет в степени вреда, наносимого писателем существующей государственной системе. Тем не менее многочисленные документы позволяют совершенно определенно утверждать, что в феврале 1901 г. К. П. Победоносцев был противником синодального акта против Л. Н. Толстого, считая его несвоевременным и только способным поднять вокруг имени писателя совершенно ненужный шум.

История создания синодального определения от 20–22 февраля 1901 г. позволяет констатировать, что в течение двух лет его «виртуальный текст» был значительно смягчен. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что единственное общецерковное обращение, опубликованное Св. Синодом по поводу антицерковной деятельности Л. Н. Толстого, появилось уже после смерти императора Александра III. Кроме того, некоторые дополнительные обстоятельства повлияли на

эскалацию противостояния Л. Н. Толстого с Церковью. Главным следует считать преследование на государственном уровне духоборов и высылку в 1897 г. ближайшего помощника Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова. Складывается впечатление, что после этого события приобретают необратимый характер. Л. Н. Толстой совершенно сознательно ставит перед собой задачу спровоцировать конфликт и решает ее путем включения в роман «Воскресение» знаменитых 39-й и 40-й глав первой части, в которых в пародийно-гротескной форме представлено православное богослужение. Важно иметь при этом в виду, что впервые за всю историю издания произведений Л. Н. Толстого новый роман сразу переводится на все европейские языки и расходится огромными по тем временам тиражами.

Однако вот что характерно: первое (естественно, заграничное) полное издание на русском языке романа «Воскресение» появилось в Англии к концу 1899 г. и затем было неоднократно повторено, а синодальный акт был издан более чем через год. Это означает, что данный церковный документ мог появиться только при условии наличия определенной группы деятелей, готовых подготовить и осуществить эту сложную задачу, а также взять на себя ответственность за нее. Очевидно, первенствующий член Св. Синода, престарелый киевский митрополит Иоанникий (Руднев) не нашел в себе решимости совершить подобный открытый демарш, понимая, что он вызовет общественный скандал.

Митрополит Иоанникий скончался 7 июня 1900 г. Церковный акт, констатирующий отпадение великого русского писателя от Церкви, принятый крайне критично русской либеральной интеллигенцией, был подготовлен сразу после того, как пост первенствующего члена Св. Синода 9 июня 1900 г. занял очень популярный в церковной среде и среди молодых академических преподавателей митр. Антоний (Вадковский). Обратим внимание, что от этого назначения до издания синодального акта 20–22 февраля прошло всего около девяти месяцев. С большой вероятностью можно предполагать, что активное участие в подготовке этого акта приняли будущий глава Русской православной церкви за границей архиеп. Антоний (Храповицкий), много писавший о Л. Н. Толстом, а также будущий Патриарх, а в 1901 г. – архим. Сергей (Страгородский), выступивший с многочисленными разъяснениями по поводу этого документа. В воспоминаниях синодального миссионера и ближайшего сотрудника К. П. Победоносцева В. М. Скворцова подчеркивается то обстоятельство, что в первоначальный текст синодального акта, составленный К. П. Победоносцевым, митр. Антонием и членами Св. Синода были внесены исправления, которые «были

направлены на смягчение тона и содержания послания, с тем, чтобы оно имело характер не отлучения от Церкви, а засвидетельствования об отречении Льва Толстого от православия и отпадения его от Церкви, а также – призыва к покаянию» [16]. Действительно, если сравнить текст проекта отлучения [17] с его окончательной редакцией, легко улавливается общая тенденция: составители окончательного варианта были очень серьезно озабочены тем, чтобы всякий след упоминания об отлучении был уничтожен в этой последней редакции.

В какой степени можно воспринимать синодальный акт 1901 г. именно как отлучение писателя от Церкви?

Представляется возможным сделать следующие выводы:

а) Сама церковная власть проявила максимальные усилия, чтобы избежать общественного скандала; именно поэтому слова «анафема» и «отлучение» были заменены на более нейтральный, но менее определенный термин «отторжение». Таким образом, по форме синодальное распоряжение было чрезвычайно взвешенным и осторожным. Именно поэтому абсолютно прав Л. Мюллер, очень глубоко разобравшийся в проблеме происхождения синодального акта от 20–22 февраля 1901 г.: этот документ совершенно не случайно не содержит формальных признаков церковного циркуляра об опале (*die Bannbulle*); семь епископов, подписавших его, сделали все возможное, чтобы избежать любого намека на отлучение (*die Exkommunikation*). Вопреки уверенности современников и мнению многих нынешних исследователей и почитателей таланта писателя, церковные иерархи, подписавшие этот документ, не стремились отвергнуть писателя от Церкви, но с болью констатировали, что он сам себя от нее отверг [18].

б) С другой стороны, синодальный акт 1901 г. носит характер торжественного церковного исповедания, в отличие от циркулярного письма митр. Иоанникия 1900 г. Кроме того, документ совершенно однозначен по своим церковно-каноническим последствиям: он недвусмысленно удостоверяет, что в случае смерти без покаяния для Л. Толстого невозможны будут ни христианское погребение, ни заупокойная молитва.

Отметим одну очень характерную деталь. Сразу после выхода «Ответа Синоду» Л. Н. Толстого в апреле 1901 г. ставший к тому моменту епископом Ямбургским Сергей (Страгородский) выступил с комментариями и подчеркнул, что синодальный акт 1901 г. есть «*внешнее подобие отлучения*» и его последствием является лишение писателя «церковных привилегий», в первую очередь участия в таинствах и церковного погребения. И хотя заявление об отпадении «по форме

представляется весьма мягким», отлучение «по своему внутреннему смыслу гораздо менее трагично» [19].

Кроме того, следует указать, что, вопреки распространенной в советской историографии точке зрения, по отношению к Л. Н. Толстому единодушия у светской и церковной власти не было, позиция второй была всегда жестче, в этом легко убедиться, анализируя не только обстоятельства появления синодального определения 20–22 февраля, но и ряд других эпизодов его жизни. Таким образом, мнение, согласно которому синодальное определение 1901 г. представляет собой политический акт в интересах светской власти, является глубоко ошибочным [20].

Действительно, русское правительство в отношении писателя руководствовалось по-прежнему стремлением избегать любого скандала, что в глазах общества часто было свидетельством его (правительства) беспомощности. Совершенно прав современный Санкт-Петербургский исследователь С. А. Фирсов, утверждающий, что тесный союз Церкви и государства создавал иллюзию того, что любые решения власти церковной являются одновременно решениями власти государственной [21].

Более того, скорее всего, светская власть оказалась психологически не готова к появлению церковного циркуляра и продемонстрировала просто растерянность, хотя вся тяжесть последствий синодального распоряжения легла именно на органы местной светской администрации. Для иллюстрации этого положения сошлемся на письмо в Департамент полиции начальника Киевского губернского жандармского управления, датированное 6 марта 1901 г. В письме сообщается, что «распубликованное Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля текущего года о Графе Льве Толстом встречено в высшей степени неблагоприятно в высшем и среднем обществах и порицательно в среде учащихся, в особенности высших учебных заведений». В аналогичном донесении от 20 марта 1901 г. указывалось, что, наоборот, письмо графини С. А. Толстой, высказавшей возмущение в адрес Св. Синода, «в гектографированном виде распространяется посредством даже подбрасывания в правительственные учреждения» [22].

Можно согласиться с западным исследователем В. Никеллом: хотя члены Св. Синода сделали все возможное, чтобы придать синодальному определению взвешенный характер, подавляющим большинством современников оно было воспринято именно как отлучение писателя от Церкви [23].

Хорошо известно, что в целом синодальный акт 1901 г., как и предполагал К. П. Победоносцев, был встречен большей частью русского об-

разованного общества крайне неблагоприятно для Синода и Церкви и действительно в какой-то степени мог сделать отношение этого общества к Церкви еще более критическим. Кратко суть этой реакции может быть выражена словами А. П. Чехова: «К отлучению Толстого публика отнеслась со смехом» [24]. Сам же обер-прокурор Св. Синода писал одному из корреспондентов, что послание Синода вызвало целую «тучу озлобления» [25]. Характерно, что В. Г. Чертков сразу после получения в Англии соответствующего известия замечает в письме Толстому: «С одной стороны, казалось бы, правительство не могло бы сделать большей глупости, как тронуть вас, в особенности после того, как оно имело случай убедиться, как отразилось отлучение. С другой стороны, именно потому, что это было бы так глупо и невыгодно для правительства, оно и делает это, судя по тому, как оно очевидно [?] окончательно ошалело» [26]. В этом смысле прав Ю. В. Прокопчук, утверждая, что синодальный акт был не просто религиозным документом, но событием, затрагивавшим глубочайшие вопросы политической, общественной и культурной жизни, – никто из писавших о нем не воспринимал его просто как свидетельство об отпадении, но как анафему великому представителю России. Здесь сыграло определенную роль не догматическое, а «этно-социальное» понимание Церкви, отторжение писателя от «национальной общности», единства и нравственного величия русского народа, символом которого часто выступала Русская православная церковь [27].

Л. Н. Толстой и Русская православная церковь сегодня

В конечном итоге в XX в. русская Церковь в критике Л. Толстым церковной доктрины осознала мощный стимул для движения вперед – «застывшая религиозная жизнь, превращающая догмат из живых подвижных творческих начал в мертвые и сухие, почти бессодержательные слова» [28], уже в последней четверти XIX в. имманентно восприняла вопрошания писателя и попыталась их осмыслить, а в XX в. богословская мысль, несомненно, под влиянием этой критики получила развитие в творениях выдающихся русских богословов и философов (в первую очередь Парижской школы – прот. Г. Флоровский, прот. С. Булгаков, прот. В. Зеньковский, а также И. А. Ильин, В. Н. Ильин и некоторые другие).

По причине тотального господства в советской науке безальтернативного атеизма и отсутствия у исследователей академической свободы вплоть до начала 90-х гг. XX в. вопрос об исторической судьбе конфликта Л. Н. Толстого с Русской православной церковью не мог быть рассмотрен с достаточной научной объективностью.

В последние двадцать лет в решении этой проблемы наметились две тенденции: либо религиозное творчество писателя признается христианским и даже православным по своему содержанию, и тогда возникает вопрос, почему же Церковь не признает его «своим», либо, наоборот, признается, что оно не несет в себе никакой религиозной основы, и тогда делается вывод, что для христианской науки оно не представляет никакого интереса.

Кроме того, со ссылкой на гипотетическую возможность для писателя покаяться на смертном одре, те или иные лица обращаются к священноначалию РПЦ с призывом в той или иной форме пересмотреть отношение к Л. Толстому. В частности, большой резонанс в российском обществе получило обращение в феврале 2001 г. к Святейшему Патриарху Алексию праправнука писателя, директора музея-усадьбы «Ясная Поляна» В. И. Толстого с письмом, в котором содержалась просьба снять отлучение с великого писателя. В своем ответе Патриарх подчеркнул невозможность этого для Церкви, ибо Л. Толстой сам сознательно отказался быть православным и ее членом, он является гением литературы, но в религиозной области Церковь не обладает правом навязывать писателю после его смерти то, что было ему чуждо при жизни.

Показательно при этом, что все чаще проблема «Толстой и Церковь» обсуждается не в рамках целенаправленных научных исследований, а в контексте споров о месте и роли православной Церкви в современной русской жизни, т. е. имеет ярко выраженную публицистическую и даже политическую окраску. Очень характерно, что отдельными авторами синодальный акт 1901 г. представляется как «одна из скандальных страниц» истории русской Церкви [29], которая при этом настойчиво призывается к переосмыслению своей позиции: «От своего имени Толстой сказать уже ничего не может. Но эта возможность есть у Русской Церкви. Не пора ли понять и принять Толстого как великого русского христианина, выразившего в своем учении о законе любви, и непотворении злему неисчерпаемые гуманистические возможности русского православия» [30].

В прошедшем, 2010 году, в России, как и во всем мире, проходили юбилейные мероприятия, посвященные 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. Следует отметить, что российской культурной общественностью они были оценены невысоко. В частности, уже упомянутый выше В. И. Толстой подчеркнул, что, кроме приема, устроенного министром культуры, никаких других серьезных мероприятий не состоялось – фактически юбилей был проигнорирован. Он указал, что каждая власть пытается использовать вели-

ких людей для своих нужд. Но власти в современной России этого не делают, возможно, потому, что думают, что это им не нужно [31].

В канун самого юбилея председатель Счетной палаты Российской Федерации президент Российского книжного союза С. В. Степашин обратился с открытым письмом к Святейшему Патриарху Кириллу, в котором, подчеркивая особую чувствительность темы отлучения Л. Толстого от Церкви и невозможность для РПЦ пересмотреть свое решение, просил Патриарха «проявить сегодня к этому сомневающемуся человеку то сострадание, на которое способна именно Церковь [...] Разъяснение позиции Церкви в этом вопросе, публичное проявление в той или иной форме чувств сострадания со стороны Церкви к великому писателю в канун скорбной даты, по мнению Российского книжного союза, были бы сегодня правильно восприняты православным сообществом и обществом в целом» [32].

По поручению Патриарха Кирилла ответ С. В. Степашину был подготовлен архимандритом Тихоном (Шевкуновым), ответственным секретарем Патриаршего совета по культуре, наместником Сретенского монастыря в Москве. В своем ответе отец Тихон указывает, что художественное творчество Л. Н. Толстого – одна из вершин не только русской, но и мировой литературы. Однако в последние десятилетия его жизни высказывания и деятельность писателя против Русской православной церкви были «ужасающими для православного сознания» и разрушительными для России. Тем не менее отец Тихон подчеркивает, что «Церковь с огромным сочувствием относилась к духовной судьбе писателя», никаких «анафем и проклятий» на него произнесено не было, а православные люди по-прежнему почитают великий художественный талант Л. Н. Толстого. Однако поскольку писатель публично не отказался от своих трагических духовных заблуждений, отлучение, а фактически самоотлучение, снято с него быть не может, так же как невозможно канонически его церковное поминовение. Письмо отца Тихона заканчивается такими словами: «И все же сострадательное сердце любого христианина, читающего художественные произведения великого писателя, не может быть закрыто для искренней, смиренной молитвы о его душе» [33].

Документ, составленный архимандритом Тихоном (Шевкуновым), сегодня может считаться выражением официальной позиции РПЦ по данному вопросу. В действительности, к глубокому сожалению почитателей писателя, церковно-историческая наука не располагает какими-либо убедительными сведениями о том, что Л. Н. Толстой в последние десять лет своей жизни изменил свое отношение к Русской православной цер-

кви. Поэтому отмена церковной властью синодального акта 1901 г. сегодня была бы фактом неуважения к воле, свободе и памяти писателя, а также действием, бессмысленным с литургической точки зрения, так как православные заупокойные поминовения апеллируют именно к той вере умершего христианина в Воскресение Христа и покаяние, которую Л. Н. Толстой отрицал.

Этот аспект подчеркивает Л. Мюллер: как было бы вопиющим насилием без согласия писателя «примирить» его с Церковью на смертном одре, так вопиющим насилием будет «примирить» его с ней, вопреки его собственной прижизненной воле, сейчас, чрез сто лет после его смерти. Этот конфликт не может быть разрешен примитивным и мнимым способом, объявлением умершего Л. Н. Толстого раскаявшимся. Более того: по мнению исследователя, реально Церковь не налагала на Л. Толстого никакого наказания, которое через сто лет требовало бы отмены [34].

* * *

Таким образом, следует подчеркнуть, что причину противостояния Л. Н. Толстого и Русской православной церкви следует искать не только в истории жизни писателя, особенностях его характера и воспитания. Важное значение здесь сыграл общий климат эпохи и те особенности секуляризационных процессов и явлений, которые были характерны именно для России и проявились выпукло именно на русской почве во взглядах представителей русской интеллигенции. В конечном итоге эти особенности и эти взгляды определили не только сам факт противостояния, но и его восприятие образованными современниками великого русского писателя.

При этом очевидно, что творчество Л. Толстого представляло и продолжает представлять для церковной науки большой интерес. С точки зрения церковного историка нас интересует сегодня не только жизнь Л. Толстого в контексте «интеллектуального климата эпохи» и церковно-государственных отношений в России, но и социальная составляющая учения Л. Толстого, как продукт этих сложных культурно-исторических факторов. Безусловно, эти вопросы найдут в ближайшее время в научных исследованиях свою дальнейшую разработку. И по-прежнему конфликт писателя с Церковью не может стать причиной «изгнания» произведений писателя из российских учебных программ – школьных и университетских. Идеи и размышления «великого писателя русской земли» всегда будут содержательным стимулом для интеллектуального и духовного развития всех, для кого это развитие является содержательной жизненной задачей.

Примечания

1. См.: Müller L. Die Religion Tolstojs und sein Konflikt mit der Russischen Orthodoxen Kirche // Pinggera K. Russische Religionsphilosophie und Theologie um 1900. Marburg, 2005. S. 8.
2. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 [репринт: Париж, 1937]. С. 406.
3. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины: сб. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html> [26.10.2009].
4. Франк С. А. Религиозно-исторический смысл русской революции // Франк С. А. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 28–29.
5. Бунин И. А. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 101.
6. Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. М., 1998. С. 198–199.
7. См.: Франк С. А. Лев Толстой как мыслитель и художник // Франк С. А. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 468–469.
8. См.: Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990 [репринт издания 1909 г.]. С. 33 и далее.
9. В письме упоминаются последователи Л. Н. Толстого: П. И. Бирюков (Поша), кн. Д. А. Хилков, Е. М. Ещенко (Емельян).
10. Франк С. А. Лев Толстой и русская интеллигенция // Русские мыслители о Льве Толстом: сборник статей. Ясная Поляна, 2002. С. 163.
11. Ильин В. Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб., 2000. С. 167.
12. Nigg W. Das Buch der Ketzler. Frankfurt/Main; Wien; Zürich, 1962. S. 427.
13. «Крамольная» статья Льва Толстого // Наше наследие. 1988. № 3. С. 111; См. также: Ламсдорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л. 1934. С. 248, 254, 261.
14. Цит. по: Опуйская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 200.
15. Вера и Церковь. 1903. № 1. С. 165–167.
16. Колокол. 1915. 10 ноября. С. 1.
17. Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва; далее – ОР ГМТ. Ф. 1. Кп – 4784. Дело о графе Льве Толстом Святейшего Правительствующего Синода. 1901 г.
18. Müller L. Op. cit. S. 7.
19. Записки петербургских религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005. С. 72–73.
20. К сожалению, оно разделялось даже такими авторитетными на Западе исследователями, как К. Геде, автором очень содержательной диссертации, см.: Gaede K. Das Schriftverständnis Lev Tolstojs und Fragen seines gesellschaftlichen Bezuges. Theol. Dissertation HU. Berlin, 1974.
21. См.: Фирсов С. А. Горький юбилей: к 100-летию со времени отлучения от Церкви Льва Толстого // НГ-Религии. 2001. № 5(76).
22. ОР ГМТ. Ф. 1. № 9401/9. Дело Департамента полиции об отлучении Толстого от Церкви и политическом наблюдении за ним (1900–1911). Л. 32, 37.
23. См.: Nickell W. Transfigurations of Tolstoys Final Journey: The Church and the Media in 1910 // Tolstoy Studies Journal. 2006. Vol. XVIII. P. 35.
24. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1950. Т. 9: Письма. С. 213 (письмо Н. П. Кондакову).

25. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910. М., 1960. С. 376.

26. ОР ГМТ. Ф. 1. Чертков В. Г. Письма Л. Н. Толстому 1901 г. № 18399. Нумерация листов отсутствует.

27. См.: Прокончук Ю. В. Отлучение Л. Н. Толстого от Церкви в зеркале общественного мнения (по материалам Отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого) // Лев Толстой и мировая культура: материалы второго международного толстовского конгресса. М., 2006. С. 80–81.

28. Свеницкий В. Положительное значение Льва Толстого (К восьмидесятилетию юбилею) // Толстой. Новый век. 2005. № 1. С. 27.

29. Алексеев В. Лев Толстой и Церковь. (К вопросу об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви). URL: <http://www.krotov.info/history/20/1900/alek2005.htm> [06.10.2009]

30. Назаров В. Н. Метафоры непонимания: Лев Толстой и Русская Церковь // Л. Н. Толстой: pro et contra: личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2000. С. 821.

31. См.: Barry E., Kishkovsky S. For Tolstoy and Russia, Still No Happy Ending // The New York Times. 2011. 4 January.

32. Российская газета. 2010 г. 18 ноября. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/18/tolstoy.html> [20.01.2011].

33. Там же.

34. Müller L. Op. cit. S. 8–9.

УДК 726.5.04

А. Е. Виденеева

МОСКОВСКИЙ РЕУТ: ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШЕГО БЛАГОВЕСТНИКА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Благодаря привлечению новых архивных источников раскрыты обстоятельства, сопровождавшие обрушение колокола Реут с Успенской звонницы Московского Кремля в 1855 г. и его последующий подъем на восстановленную колокольню. После взрыва кремлевской звонницы в 1812 г. это было второе падение Реута – единственного большого древнего колокола в истории России, который после двух катастрофических падений смог не просто уцелеть, но продолжил и жить и звучать. В настоящее время Реут – один из действующих больших благовестников колокольного набора Московского Кремля.

Due to the attraction of new archival sources, were disclosed facts, conducting Reut bell collapse from the Assumption Belfry of the Moscow Kremlin in 1855, and its subsequent rise to the restored Belfry. After the Kremlin Belfry explosion in 1812, it was the second Reut's collapse – the only big old bell in the history of Russia, which after two catastrophic crashes could not just survive, but continued to live and sound. Nowadays Reut – is one of the great existing blessed messengers in the Moscow Kremlin.

Ключевые слова: колокол, благовестник, колокольный звон, колоколотейное производство, колокольня, звонница, Московский Кремль, Успен-

ская звонница, Реут, император Александр II, М. Г. Богданов, Д. Н. Самгин.

Keywords: bell, blessed messenger, bell-ringing, bell-production, belfry, bell tower, the Kremlin, the Assumption Belfry, Reut, Emperor Alexander II, M. G. Bogdanov, D. N. Samgin.

Некоторые российские колокола наделены поистине удивительной судьбой. Большие по весу, красивые по звучанию, совершенные по форме и изысканные по убранству, они составляют золотой фонд памятников отечественного колоколотейного искусства. В этом блестящем ряду особое место по праву принадлежит Реуту – знаменитому колоколу Московского Кремля весом около полутора тысяч пудов, отлитому в 1622 г. прославленным русским литейщиком Андреем Чоховым. В настоящее время – это древнейший большой благовестник самой знаменитой звонницы нашей страны. Помимо всех вышеназванных качеств, в полной мере свойственных этому колоколу, его отличают долгая жизнь и потрясающая жизнеспособность. Реут, которому уже недолго осталось ждать своего четырехсотлетия, пережил два падения со звонницы, уцелел в советское время и поныне продолжает звучать.

Сегодня нам бы хотелось подробнее остановиться, пожалуй, на самом драматичном повороте его судьбы – втором падении и последующем подъеме, случившемся в середине XIX в. Это незаурядное событие, разумеется, не осталось незамеченным исследователями [1]. Однако в литературе, как правило, излагается лишь суть происшедшего, в частности сообщается, что Реут, утративший половину ушей при взрыве Успенской звонницы в 1812 г., был благополучно восстановлен и поднят на новую звонницу, а в 1855 г., во время торжественного звона, крепления колокола не выдержали и он упал, пробив три каменных свода и убив несколько человек; спустя некоторое время звонницу починили и Реут, снабженный новыми креплениями, занял свое прежнее место.

Между тем до сих пор не предпринималось попыток подробнее рассмотреть эту удивительную историю падения большого старинного колокола, при котором звонница была разрушена, а колокол остался цел. Именно это мы и попытались сделать, опираясь на документальные материалы, хранящиеся в архивных фондах Синода (РГИА) и Московской синодальной конторы (РГАДА). Удалось выявить достаточно обширный комплекс источников, основная часть которых впервые вводится в научный оборот [2].

Поскольку причиной падения Реута явилось разрушение крепления, посредством которого он подвешивался к балке, прежде всего следует разобрататься, что же оно собой представляло. Как известно, при взрыве колокольни в 1812 г. ко-

локол потерял ровно половину ушей, четыре из восьми, причем так, что с одной стороны уцелели уши, расположенные друг за другом, а с другой стороны всех четырех проушных петель не было. Отсутствие ушей компенсировал особый массивный стержень, или, как его называли, «шкворень», который проходил сквозь отверстие, просверленное в маточнике, и закреплялся в нем. Этот стержень, служивший своеобразным рычагом, располагался параллельно сквороде и на него надевались особым образом сконструированные хомуты. Таким образом, опорой для подвески Реута служили четыре уха с одного края и закрепленный в маточнике стержень, поддерживающий колокол с противоположной стороны. Восстановлением и подъемом Реута в первой четверти XIX в. занимался содержатель московского колокольного завода Михаил Гаврилович Богданов. 6 августа 1817 г., на Преображение, колокол был поднят на восстановленную звонницу [3].

В начале 1850-х гг. на Успенской звоннице производилось усовершенствование системы подвески больших колоколов [4] – укрепление балок и хомутов, с заменой обветшавших на новые. Согласно условиям договора требовалось «деревянные потолки с подшивками устроить над колоколами, а также скаты и отливы, укрепить брусья колоколов и самые хомуты, некоторые сделать вновь, брусья покрыть железом с краскою». Эти работы выполнял московский купец Афанасий Демин, а наблюдение за ними осуществлял архитектор Московской Дворцовой конторы Чичагов. Приглашенный для освидетельствования результатов ремонта архитектор Козловский дал официальное заключение, что «все работы произведены с надлежащею прочностью и с употреблением материалов довольно качества» [5]. Тогда, в 1852 г., наряду с другими колоколами, хомуты Реута были дополнительно укреплены, однако, несмотря на это, спустя три года колокол упал.

Случилось это 20 февраля 1855 г., в начале четвертого часа пополудни, во время большого звона при служении торжественного молебна в честь восшествия на престол императора Александра II, в момент последнего удара в колокол. Молебен сопровождал приведение поданных к присяге на верность новому государю [6]. Как выяснилось впоследствии, разрушилось крепление колокола, разработанное и изготовленное М. Г. Богдановым – обломился рычаг, продетый в маточник: «...падение последовало от того, что лопнул внутри коренного среднего стержня или шипа (маточника. – А. В.)... проходивший сквозь него... шкворень или рычаг, сделанный из железа свойства крупной стали, от чего колокол, потерявши равновесие, не мог держаться

на хомутах и болтах, которые проходили со стороны ушей, и которые при падении колокола переломились» [7]. Действительно, потеряв опору с одной стороны, колокол накренился. Хомуты, поддерживавшие его за уши, не выдержали огромной тяжести и лопнули. Реут сорвался вниз, сокрушая все на своем пути – три каменных свода, деревянные полы и перекрытия, напоследок расколол чугунную лестницу, ведущую на второй этаж, но сам остался цел.

Причин тому, что при падении колокол уцелел, на наш взгляд, несколько.

Во-первых, огромный вес колокола. В литературе утвердилось мнение, что Реут весит 2000 пудов, но, скорее всего, это является преувеличением. Известные исследователи кремлевских колоколов В. В. Кавельмахер и И. Д. Костина отмечали, что в документах XVII и XVIII вв. вес этого колокола обозначен в 1200 пудов [8]. Даже если вес Реута, который до сих пор точно не определен, находится в указанных пределах, он все равно составляет весьма представительную массу.

Во-вторых, Реут имеет необычайно толстые стенки, что значительно повышает его прочность.

Третье обстоятельство, которое кажется нам решающим: колокол падал не плашмя, а накренившись. После того как лопнул стержень, Реут наклонился, и, сорвавшись с хомутов, сохранил этот изначальный наклон, он падал, острым и твердым краем, как тараном, круша каменные своды.

В-четвертых, на пути падения колокола оказались именно своды, а не стены. Реут разрушал лишь горизонтальные перекрытия, причем в верхней, наименее толстой и прочной части сводов, и на пути своего движения не задел ни одной вертикальной стены. Как зафиксировано в актах осмотра разрушенной звонницы, «онный колокол падением своим пробил деревянную платформу, два каменных парусных свода, деревянный пол в Гастунском соборе и нижний парусный же свод и раздробил чугунную входную в первый этаж лестницу; пяты же с парусами у сих сводов, равно арки и каменные стены остались невредимы» [9].

В целом же именно сочетание названных обстоятельств, по всей видимости, и сохранило колоколу жизнь.

Между тем помимо разрушения звонницы падение Реута повлекло за собой человеческие жертвы. Правда, на сей счет в источниках имеются существенные разночтения. В донесении соборного сакеллария Алексея Русинова в синодальную контору, отправленном 20 февраля, в тот же день, когда упал колокол, указано, что три человека погибли, а семеро были покалечены. Там же, к слову, отмечалось, что звонарь

Михаил Никольский, звонивший в Реут, остался жив, поскольку, только что завершив звон, буквально за несколько секунд до падения колокола, отошел от него [10]. Несколько позже, на требование синодальной конторы о жертвах, вызванных падением колокола, настоятель Успенского собора протопресвитер Димитрий Новский заявил, что «убита до смерти жена соборного сторожа Анна Кудрявцева, да двое из звонарей получили ушиб» [11]. Примечательно, что обе цифры фигурировали в официальных бумагах, направленных в Синод.

Отрапортовав о несчастном происшествии в высшие инстанции, московские духовные власти поспешили законсервировать звонницу: выходы в разрушенные помещения забили досками и опечатали, а около колокола выставили военный караул [12].

По требованию синодальной конторы по свежим следам было произведено дознание среди кремлевских звонарей с целью выяснения обстоятельств и причин падения колокола. Звонарский староста Павел Сергеевич Зарин, который во время того злополучного звона находился около Чудова монастыря для «махания» – отмашкой подачи знака звонарям к началу и окончанию благовеста и звона, заявил, что «по окончании последнего звона, когда дал сигнал, чтобы прекратить звон, то увидел, что народ смотрит на колокольницу; услышал разговор, что упал колокол и побежал было смотреть, но как полиция, бывшая тут, не пускала, то сам ничего не видел» [13]. Подобным образом были допрошены все звонари. Разумеется, главным свидетелем при этом разбирательстве явился звонарь Михаил Иванович Никольский, который рассказал следующее: «Звон в тот колокол Реут производил я, Никольский, и кончивши первой звон, я из-под одного отошел, и лишь только успел подойти к самой лестнице и хотел сойти или пригласить другога, как вдруг тот колокол упал, не знаю от чего; но во время моего звона в оный треску я не слышал, и никакого повреждения ни в тот раз, ни прежде сего не заметил, и о причине его падения не известен» [14].

26 февраля 1855 г. на заседании Московской синодальной конторы рассматривались три вопроса, имеющие отношение к судьбе Реута: 1) было решено начать следствие с целью выяснения причин, вызвавших падение колокола; 2) признано необходимым пригласить опытного колокольного мастера для освидетельствования Реута, чтобы тот, «осмотрев колокол, удостоверился, не произошло ли в оном от падения трещины»; 3) после чего следовало заказать архитекторам составить смету работ для восстановления колокола и исправления повреждений, причиненных звоннице [15].

Спустя два дня, 28 февраля, известный колокольный заводчик, московский купец Дмитрий Николаевич Самгин осмотрел Реут и нашел, что два его уха имеют трещины в месте соединения с маточником, «почему оказываются ненадежными», да и маточник также треснул, однако сам колокол оказался целым, «снаружи и внутри оного повреждений не усмотрено» [16]. О том, что Реут был признан годным к последующему использованию, московские духовные власти незамедлительно донесли в Петербург.

7 марта 1855 г. обстоятельства дела о падении кремлевского колокола были представлены императору Александру II. Государь соизволил повелеть повесить Реут на прежнее место и привести все в надлежащий порядок, предусмотрительно добавив, что следовало бы «и остальные колокола внимательно осмотреть, дабы на будущее время не случилось подобных несчастий» [17]. На следующий день императорское решение было сообщено духовным властям – официальные письма были направлены в Синод и московскому митрополиту Филарету.

1 июня 1855 г. по инициативе синодальной конторы была создана особая комиссия из специалистов для осмотра колокола и звонницы. В ее состав были приглашены четыре архитектора: Тюрин, Чичагов, Никитин и Шустов – и два колокольных заводчика – Самгин и Богданов. Они дали следующие рекомендации. Устройство новой системы крепления для Реута следовало произвести по принципу Карнаухова колокола Троице-Сергиевой лавры – просверлить в сковороде отверстия, пропустить в них болты и прикрепить их к хомутам. Кроме того, для этого колокола следовало установить новую балку и изготовить новые хомуты. Для остальных колоколов, в первую очередь Большого Успенского, рекомендовалось укрепить существующие балки и добавить дополнительные хомуты. Звонницу же необходимо было привести в прежний вид, устранив последствия падения колокола [18].

Разработка всей технической документации была поручена архитектору Чичагову, который готовил чертежи, производил расчеты и составлял смету расходов [19]. К концу лета 1855 г. он представил итоги своей работы в синодальную контору, но прошло почти полгода, прежде чем данный проект был реализован.

Деньги, необходимые для осуществления ремонтно-восстановительных работ на кремлевской звоннице, были выделены Синодом лишь в январе следующего 1856 г. В течение февраля искали подрядчика, готового принять на себя их выполнение. Им стал петербургский купец 1-й гильдии Николай Степанович Тарасов, с которым 19 марта был заключен официальный контракт [20]. Как заявлял впоследствии Н. С. Тарасов, «желающих

на производство сих работ по незначительности ассигнованной по смете суммы не было, и если на себя я принял подряд этот, сопряженный с неизбежными убытками, то единственно имея в виду пользу Церкви Божией» [21].

Стоимость работ по смете составляла без малого девять тысяч рублей, но Николай Тарасов, сделав значительную уступку, согласился выполнить их за 7500 руб. [22]

По договору ему предстояло следующее:

1. Изготовить для Реута новую систему подвески и поднять его на звонницу [23].

2. Укрепить прочие колокола, уделив особое внимание наиболее тяжелым.

3. Восстановить звонницу: возобновить своды, устроить полы и потолки, отлить и установить новую чугунную лестницу и произвести общий косметический ремонт поврежденных помещений [24].

Особо в контракте оговаривалось высокое качество материалов – железа, кирпича и дерева, а также неослабный контроль подрядчика за рабочими и мастерами.

Сроки выполнения работ были довольно жесткими – колокол предстояло восстановить к 1 июня 1856 г., а звонницу отремонтировать – к 1 сентября. В указанные сроки подрядчик не уложился, что, впрочем, не было поставлено ему в вину, поскольку причину задержки признали уважительной. Дело в том, что для некоторых материалов, закупленных для дела, в особенности для железа, были устроены дополнительные испытания на прочность и качество. Восстановленный Реут был поднят наверх 24 июня 1856 г., а ремонт здания завершен в октябре [25].

Новая система подвески Реута давала колоколу шесть опорных точек. Прежде всего были задействованы два крепких уха, к которым подводились традиционные хомуты. Для того чтобы уравновесить колокол, с противоположной стороны в сковороде просверливались два отверстия, в них вставлялись железные стержни, которые изнутри крепились гайками и заклепывались, а сверху прикреплялись к хомутам. Отверстие в маточнике было рассверлено, в него вставлялась железная ось, которая также посредством особых хомутов подвешивалась к балке. Новая балка для Реута состояла из шести брусьев с прокладками, перехваченных в шести местах металлическими связями. Существенной переделке подвергся и язык колокола, у которого после падения отломилась петля. Петлю приварили к языку, а сам язык на моржовых ремнях подвесили к колоколу [26].

Итак, через год и четыре месяца после своего сокрушительного падения, Реут был возвращен на прежнее место в Успенской звоннице. Он продолжал звучать более тридцати лет, до тех пор,

пока в конце 1880-х гг. вновь не возникли сомнения в прочности его креплений [27].

Такова в основных чертах история второго падения и подъема кремлевского Реута, но это далеко не все, что можно рассказать об этом необычайном происшествии. За рамками данной работы осталось немало любопытных и примечательных подробностей: обстоятельства переписки Московской синодальной конторы с различными ведомствами и лицами, пристрастные допросы звонарей по делу о расследовании обстоятельств падения колокола, длительные переговоры подрядчика Тарасова с духовными властями по поводу денежных расчетов, детальный разбор произведенных им ремонтно-восстановительных работ и другие увлекательные сюжеты этой удивительной истории.

Примечания

1. Пыляев М. И. Исторические колокола // Старое житье. СПб., 1897. С. 307; Оловянишников Н. И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. С. 210–213; Захаров Н. Н. Кремлевские колокола. М., 1980. С. 23; Костина И. Д. Орнаментация русских колоколов в XIX – начале XX в. из коллекции Государственных Музеев Московского Кремля // Колокола: история и современность. М., 1985. С. 91–92; Костина И. Д. Кремлевские звоны // Наука и жизнь. 1993. № 12. С. 137; Костина И. Д. Колокола Ивана Великого // Наука в России. 1994. № 1. С. 75.

2. Виденева А. Е., Коновалов И. В. Колокол «Реут» Московского Кремля: к истории падения и подъема в середине XIX века // К 500-летию Архангельского собора и колокольни Ивана Великого Московского Кремля: тез. докл. юбилейной науч. конф. М., 2008. С. 66–67.

3. Виденева А. Е., Коновалов И. В. Колокола Московского Кремля в свете событий 1812 г. // X научные чтения памяти И. П. Болотцевой. Ярославль, 2006. С. 172–184.

4. Необходимость проведения этих работ была вызвана износом системы крепления колоколов, а также обветшанием и нарушением целостности кровельного покрытия звонницы. В марте 1752 г. протопресвитер и ключари Успенского собора донесли Московской Синодальной Конторе, «что на Ивановской колокольне на главе медная крышка и подзор стали весьма ветхи, местами оную крышку и подзор бурею разбило и отломало прочь, над колоколами Реутом и Семисотным железныя крышки местами бурею отломало, от дождей и снега происходит на своды великая теча» (Скворцов Н. А., прот. Архив Московской Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып. 2 // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). 1914 г. Кн. 4 (251). М., 1914. С. 331.)

5. РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 16–16об.

6. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 58; РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 1.

7. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1883. Д. 40. Л. 105.

8. Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола: История и современность. М., 1993. С. 104–105; Костина И. Д. Колокола Ивана Великого... С. 75; Костина И. Д. Кремлевские звоны... С. 137.
9. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1883. Д. 40. Л. 104об.–105.
10. РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 1–1об.; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1883. Д. 40. Л. 104–104об.
11. РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 17; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 57.
12. РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 17.
13. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 52.
14. Там же. Л. 58.
15. РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. II. Ст. II. Д. 115. Л. 6–6об.
16. Там же. Л. 18–18об.
17. Там же. Л. 8; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 20.
18. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 24535. Л. 33–33 об.
19. Там же. Л. 34–35об.; Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 96.
20. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 149.
21. Там же. Д. 76-а. Л. 317, 319.
22. Там же. Л. 319.
23. Согласно описанию работ, «по предмету поднятия и повешения колокола Реут», требовалось осуществить такие действия:
- «1-е. Произвести разборку старых брусьев и тесовой подшивки.
- 2-е. Сделать новые брусья для повешения колокола с укреплением железными хомутами и валами.
- 3-е. Устроить брусчатые помосты, как для поднятия с повешением на место колокола, так и внизу, для работ по оному, с связкой оных железными укреплениями.
- 4-е. В верхней части колокола, где нет ушей, просверлить сквозные дыры и поставить в оны вместо ушей медные петли с таковыми же подушками и железными укреплениями, с спайкою петель оловом. Сделать новый язык и баланс.
- 5-е. Поднятие колокола произвести воротами на толстых канатах с употреблением блоков» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 115).
24. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1855. Д. 76. Л. 151–152об.
25. Там же. Л. 171; Оп. 1/1857. Д. 76-а. Л. 304.
26. Там же. Д. 76-а. Л. 299об.
27. Виденева А. Е., Коновалов И. В. Колокол Реут Московского Кремля в последней четверти XIX в. // VII научные чтения памяти И. П. Болотцевой. Ярославль, 2003. С. 102–117.

Всеобщая история

УДК 94(519+510+470+73)

Т. А. Воробьева

РОЛЬ КИТАЙСКОГО ФАКТОРА В ВОЗНИКНОВЕНИИ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1949–1950 гг.

В статье анализируются факторы, которые обусловили вступление КНР в корейскую войну. Автор акцентирует внимание на последствиях прихода КПК к власти в 1949 г., что вносило значительные изменения в расстановку сил на Дальнем Востоке, заставило администрацию Трумэна пересмотреть стратегию США в Тихоокеанском регионе. В череде последовавших событий рассматриваются «периметр» Ачесона, советско-китайский договор. Исследуется роль Мао Цзэдуна в принятии плана Ким Ир Сена тремя коммунистическими лидерами. Автор приходит к выводу о приоритетной роли китайского фактора в событиях 1949–1950 гг.

Factors which have caused the introduction of the Peoples Republic of China into the Korean War are analyzed in the article. The author brings to a focus to consequences of arrival of a handheld CCP to authority in 1949 that made significant changes to an alignment of forces in the Far East, has forced Truman's administration to reconsider strategy of the USA in Pacific region. In a turn of the followed events «perimeter» Acheson, the URSS-China contract is considered. Role Mao Zedong in acceptance of plan Kim Il-sung by three communistic leaders is investigated. The author makes the conclusion about a priority role of the Chinese factor in events 1949-1950.

Ключевые слова: Трумэн, Ачесон, Китай, Тайвань, Корея, Сталин, Ким Ир Сен.

Keywords: Truman, Acheson, China, Taiwan, Korea, Stalin, Kim Il-sung.

С начала 1990-х гг. корейская война стала предметом более всестороннего исследования в отечественной историографии по сравнению с советским периодом, когда речь в основном шла о борьбе корейского народа против американской агрессии. В современных публикациях актуализируются, прежде всего, темы ответственности Ким Ир Сена, роли И. Сталина, и даже участие Китая в событиях, приблизивших военный конфликт, рассматривается в этом контексте. Заметная эволюция произошла в оценках советско-китайского договора, «тихоокеанского периметра» [1]. Что касается зарубежной историографии корейского кризиса, то в ней выделялись в основном два подхода – корейская война как ре-

зультат трехстороннего (КНДР – СССР – КНР) или двухстороннего (КНР – КНДР) заговора [2].

Публикации советских документов, исследования отечественных и зарубежных учёных последних десятилетий позволяют существенно изменить представления о поведении каждого из участников [3]. Целью статьи является анализ роли китайского фактора в общем процессе развития корейского кризиса и его влияния на советско-американские отношения.

К концу 1940-х гг. складывалось впечатление, что ситуация на Дальнем Востоке стабильнее, чем в Европе. В Москве пришли к выводу «об изменении политической обстановки в регионе не в пользу Запада» [4]. Соединённые Штаты ушли из Китая, не демонстрировали своей поддержки Чан Кайши, в 1949 г. были выведены из Кореи советские и американские войска. Мао в телеграмме Лю Шаоци из Москвы писал, что позиция Сталина совпадает с его собственной позицией: «Вынудить сейчас кого-либо воевать очень трудно» [5].

Китай находился на периферии американских интересов. Так, при обсуждении вопроса «Политика США в Китае» в начале января 1950 г. члены Совета национальной безопасности (СНБ) пришли к выводу, что в настоящее время в стране «нет политической группы, которая была бы приемлема для США». Кроме того, отмечалось, что «Китай – менее приоритетный регион, по сравнению с другими, для безопасности США» [6]. Дж. Кеннан, советник госсекретаря, на встрече в Госдепартаменте с группой экспертов по востоазиатской политике заявил, что «Китай не имеет большого значения» с точки зрения глобальной политики США в послевоенном мире, так как он «никогда не будет сильным» [7]. В то же время глава американской военной администрации в Японии Д. Макартур упрекал администрацию Г. Трумэна в том, что она не уделяет достаточного внимания событиям в Азии, ибо «угроза коммунизма здесь сильнее, чем в Европе» [8]. Расхождения в оценках роли дальневосточного региона в военно-политическом истэблишменте США объяснялись, скорее всего, тем, что президент Трумэн, госсекретарь Д. Ачесон и Госдепартамент были сторонниками атлантической ориентации и их главная забота заключалась в том, чтобы не допустить усиления позиций СССР в Европе и на Среднем Востоке [9]. Кроме того, внутривосточная ситуация в самой стране также не способствовала выработке чёткой и конкретной линии в отношении КПК и Чан Кайши [10]. Обеспокоенность по этому поводу вы-

сказывал и Лондон, там считали, что следует исходить из экономических, а не идеологических соображений, что понятно, так как британское правительство не хотело потерять Гонконг [11]. Образование КНР и поражение режима Чан Кайши, таким образом, поставили перед администрацией Трумэна вопрос: следует ли продолжать политику поддержки китайских националистов или, по примеру ряда стран, лучше начать процесс признания новой власти?

В декабре 1949 г. в недрах Совета национальной безопасности были разработаны два документа, которые определяли политику США на ближайшую перспективу [12]. Прежде всего предлагалось предпринять усилия по «постепенному сокращению и в конечном счёте ликвидации преобладающей мощи и влияния СССР в Азии», с одной стороны, а с другой – продвигать собственные национальные интересы, в связи с чем следовало укрепить позиции в Японии и Филиппинах, оказывать военную и экономическую помощь ряду стран в борьбе с левыми повстанческими движениями (в Индокитае, Малайе и Филиппинах) [13]. Что касается Китая, то об отказе от связей с националистами речи не шло, но и занимать жёсткую позицию в отношении нового режима Вашингтон не собирался. Наоборот, рассчитывали, что «внутренние трудности подвигнут китайских коммунистов скорее к ослаблению связей с Кремлём», поэтому ставилась задача использовать «любые разногласия между китайскими коммунистами и СССР, а также между сталинистами и другими силами в Китае», «не допустить, чтобы Китай стал придатком Советской державы», пока «не станет очевидным, что признание коммунистического режима в интересах США» [14]. Судя по этим документам, администрация Трумэна в Восточной Азии была склонна проводить осторожную политику, включая отказ от военной защиты Чан Кайши на Тайване («стратегическое значение Формозы не оправдывает открытых военных действий») [15], но при этом целенаправленно поддерживать антикоммунистические силы.

Однако часть американской политической элиты не согласилась с таким подходом, ибо была убеждена в том, «что экспансионистские усилия Советского Союза в Азии предвещали быть более широкими, чем в Восточной Европе» [16]. Не случайно накануне корейской войны в Соединённых Штатах была развёрнута маккартистская кампания, когда многие специалисты по Китаю попали под подозрение и подверглись обвинениям в «прокоммунистических взглядах». Президент критиковали за «потерю Китая», в истэблшменте многие симпатизировали Чан Кайши. Конгрессмен Уолтер Х. Джадд обвинял правительство в увлечённости европейскими делами, в

то время как политику «сдерживания коммунизма», по его мнению, следовало бы прежде всего применить к Китаю [17]. По мнению другого сторонника китайских националистов сенатора Р. Тафта, «Госдепартаментом руководили левые группы, которые хотели бы избавиться от Чан Кайши и были готовы повернуть в сторону Китая под руководством коммунистов» [18]. О давлении «прогоминьдановского лобби» на Трумэна пишут представитель радикально-критической школы У. Лафистер, английский историк Кристофер Бакстер [19] и многие другие.

Цель «китайского лобби» состояла в том, чтобы не допустить признания КНР и представительства коммунистического Китая в Совете Безопасности [20]. Тем не менее администрация Трумэна проводила политику «балансирования между поддержкой националистов на Тайване и желанием рассмотреть вопрос о признании КНР» [21]. Правительство ожидало прояснения ситуации в Китае после победы коммунистов с тем, чтобы решить, насколько установление дипломатических отношений с Мао в интересах Соединённых Штатов [22]. Как отмечает отечественный автор А. Яковицкий, администрация Трумэна планировала признание КНР после выборов в конгресс в ноябре 1950 г., а американский автор Г. Нельзен предполагает, что после освобождения Тайваня коммунистами [23]. Н. Злобин в своей статье «Трумэн» также высказывает мысль о том, что «США вплоть до начала корейской войны не оставляли надежды на улучшение отношений с Пекином, рассчитывая, что, может быть, Мао Цзэдун пойдёт на сближение с Вашингтоном, а не с Москвой» [24].

О том, что связи Вашингтона с КНР были возможны, пишет У. Хайлэнд, при этом замечая, что «эта надежда всё-таки была минимальной» [25]. С ним согласен Донован: «Идея признания коммунистического Китая непопулярна, но приемлема» [26]. В Белом доме, опираясь на донесения американского консула в Шанхае, исходили из того, что в руководстве КПК большинство не занимает прокремлёвских позиций [27], в связи с чем рассчитывали, что коммунистические лидеры «поймут, что сотрудничество с Западом для них выгоднее, чем с СССР» [28]. В монографии «Стратегия сдерживания» Д. Гэддис замечает, что «возможность того, что Мао может последовать по стопам Тито, широко обсуждалась в Государственном департаменте и, особенно, в американском посольстве в Москве, которое в октябре даже рекомендовало признание нового китайского коммунистического правительства» [29]. Ачесон говорил: «Если Пекин отпадёт от Москвы, он встретит понимание; если приблизится к Москве, то получит жёсткий ответ Америки вплоть до вооружённой силы» [30]. Однако, от-

мечает Гэддис в другой своей работе, к этому времени любые попытки американцев переманить Мао на свою сторону были обречены на провал. Причины этого Гэддис видит в национализме Мао, в его личной обиде на американцев, так и не отказавшихся в 1944–1946 гг. от поддержки Чан Кайши. К этому в конце 1949 г. добавился «страх Мао Цзедуна перед широкомасштабным американским вторжением в материковый Китай. Страх этот, пишет Гэддис, основанный не на реальных фактах, а на неправильном восприятии руководителем КПК риторики отдельных американских политиков, искусно подогревался Сталиным» [31]. Помимо этого, считает автор, «подозрения у Мао вызывала двойственность и нечёткость американской политики» в отношении Китая [32]. Авторы монографии «Кривые зеркала» Д. Дэвис и Юд. Трани, касаясь этой проблемы, отмечают, что «Мао предостерегал китайский народ от иллюзий по поводу отношения Китая с империалистическими государствами, особенно с США» [33]. Тем не менее в дальневосточном отделе Госдепартамента вплоть до июня считали, что «Пекин не готов к полному разрыву» с Вашингтоном, при этом исходили из наличия «противоречий в среде китайских коммунистов (между умеренными и промосковской фракцией)» [34]. Более осторожную позицию занимал Дж. Кеннан, который в своей записке Ачесону от 6 января 1950 г. дал следующий анализ ситуации на Дальнем Востоке. Во-первых, он отметил осложнение ситуации для Соединённых Штатов в регионе в связи с «расширением русского коммунизма», «уязвимостью большинства народов Азии для коммунистического проникновения в силу их политической незрелости». Во-вторых, заключил, что «обстановка в Корее на удивление хорошая и есть все признаки, что с нашей помощью режим способен удержать власть в своих руках». Ситуацию в Китае Кеннан охарактеризовал как неясную, отметил, что нельзя быть уверенным в том, что «коммунистический режим и китайско-советские отношения не будут стабилизироваться на долгие годы». Но «не надо упускать из виду, что Китай испытывает экономические трудности и для него важна любая поддержка, прекращение торговли с Китаем не в наших интересах» [35].

5 января 1950 г. президент Трумэн, а 12 – госсекретарь Ачесон в своих выступлениях фактически озвучили директивы NSC 48/1 и 48/2 и определили американскую зону безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, за пределами которой оказались Корея и Тайвань [36]. Из этого следовало, что с «потерей» Китая приоритетом в американской политике становилась Япония, что знаменовало начало отхода от Ялтинских договорённостей по послевоенному устройству мира в Восточной Азии [37]. С этого времени

«периметр Ачесона» стал рассматриваться в качестве катализатора напряжённости в регионе. Однако эта устоявшаяся оценка в историографии требует уточнения. В выступлениях президента и госсекретаря речь шла об уходе американцев из зоны Тайванского пролива и нежелании создавать американскую военную базу на острове, отмечалось, что «не в интересах Соединённых Штатов война из-за Формозы», тем более, что госсекретарь понимал, что «коммунисты всё равно его освободят» [38]. В то же время, разъясняя позицию администрации, Ачесон обратил внимание на то, что в случае нападения на американские силы в этом регионе, «Соединённые Штаты будут свободны предпринять любые действия, в любом районе как необходимые для собственной безопасности» [39]. Таким образом, Тайвань для Вашингтона сохранял свою стратегическую важность, но, как отметил Р. Донован, «был исключён из категории жизненно важных интересов» [40].

Рассчитывая на то, что Китай может стать «потенциальной Югославией», президент заявил о намерении Вашингтона продолжить торговые отношения, которые позволяли бы сохранять контакты с коммунистическими властями в условиях отсутствия дипломатических, и, таким образом, использовать экономический фактор в отрыве Пекина от Москвы. Это заявление президента положительно встретил американский бизнес, связанный с китайским рынком: «американские предприниматели назвали речь Трумэна «оливковой ветвью для КПК» [41]. На развитие торговли с США рассчитывали и в Пекине, о чём Мао Цзэдун, будучи в Москве, сообщил в своей телеграмме в ЦК КПК, в которой указал, что «уже ведётся или вот-вот начнется торговля с такими государствами, как Англия, Япония, США и Индия. Поэтому при подготовке торгового договора с Советским Союзом необходимо исходить из понимания общей обстановки. Конечно, Советский Союз на первом месте, однако одновременно нужно готовиться вести торговлю с Польшей, Чехословакией, Германией, Англией, Японией и США, а по ее направлениям и объемам следует иметь примерные расчеты» [42]. Итак, если исходить из этих фактов, то можно предположить, что определённые предпосылки для нормализации отношений между Пекином и Вашингтоном в тот период были.

Однако декларируемые президентом и госсекретарём перспективы нормализации отношений с новыми властями Китая ещё более усилили оппозицию в Конгрессе. В Вашингтоне заявление госсекретаря подверглось критике со стороны сенаторов-республиканцев и Пентагона [43]. В правительстве развернулись дебаты по поводу торговли с КНР, так как директива NSC 48/2 предусмат-

ривала контроль над экспортом в Китай лишь тех стратегических товаров, которые могли использоваться не только в гражданских целях [44]. Министерство обороны поставило перед СНБ вопрос о расширении эмбарго на товары, которые были предусмотрены документом 48/2, а также о проведении более жёсткой по отношению к Китаю торговой политики, что якобы соответствовало национальным интересам [45]. В своём письме министру торговли госсекретарь Ачесон предложил «применить экспорт-лицензированный контроль над стратегическими материалами для коммунистического Китая на более ограниченной основе, чем предполагалось раньше... Однако учитывать, что если это задевает американские национальные интересы (конкуренция со стороны Великобритании и других стран. – Т. В.) или интересы американских граждан-собственников в Китае, то разрешения в ограниченном количестве должны быть» [46].

Несогласие проявилось и по вопросу о Тайване. Сам факт, что госсекретарь допустил возможность перехода острова в руки коммунистов, вызвал возражения военной элиты, которая указала на важность Тайваня в отношении обороны Японии, на стратегическую роль острова в регионе и на то, что «потеря Тайваня может обвалить всю американскую оборонную политику» [47].

Тщательно изучил заявление Ачесона и Сталин, особенно в той части, как пишет Гэддис, где говорилось, что «американская линия обороны не распространяется на Южную Корею. Затем он ознакомился с донесениями советской разведки (группа Филби). После этого он поручил Молотову обсудить вопрос с Мао и информировал Кима, что США не вмешаются». Американский учёный считает, что это подтолкнуло советского лидера к разработке глобальной стратегии в отношении Азии. В результате Сталин, по мнению Гэддиса, не только дал «зелёный свет» Киму, но и «призвал Хо Ши Мина активизировать наступления против французов» [48]. Выступление госсекретаря, в котором прозвучали обвинения в адрес советской политики в Китае, совпало с переговорами в Москве, и советское руководство предложило Мао Цзэду выступить с её критикой [49]. 21 января агентство Синьхуа опубликовало заявление, в котором разоблачалась «клеветническая речь» государственного секретаря США [50].

Возникает вопрос, действительно ли «периметр» Ачесона сыграл главную роль в возникновении конфликта, в который оказался втянут Китай? В своих воспоминаниях Ачесон признаётся, что многие считали, что его «речь дала простор для атаки на Южную Корею, которая оказалась за оборонным периметром» [51]. По словам отечественного автора К. Асмолова, смысл

выступления Ачесона, с одной стороны, заключался в том, чтобы «попытаться вбить клин между Советским Союзом и коммунистическим Китаем», а с другой – «перегруппировать и стабилизировать свои позиции на Дальнем Востоке» [52]. По мнению южнокорейского историка Э. Нама, «каковы бы ни были мотивы Ачесона, многое доказывает, что он умышленно ввел в заблуждение Ким Ир Сена и соблазнил северокорейских коммунистов пойти на войну против Южной Кореи» [53]. У. Хайлэнд, в свою очередь, пишет, что «периметр» был «недостаточен для запуска всей военной кампании. Сталин не нуждался в таком стимуле, так как американские войска уже были выведены из Южной Кореи» [54]. На наш взгляд, заявления Трумэна и Ачесона на деле не выражали реальную политику Вашингтона в регионе, ибо главной движущей силой в тот момент был Пентагон и так называемая «азиатская партия» во главе с Макартуром. Кроме того, новая геополитическая ситуация на Дальнем Востоке стала складываться до оглашения знаменитого периметра. Победа коммунистов в Китае, подписание советско-китайского договора в феврале 1950 г., появление советской атомной бомбы существенно меняли стратегический баланс в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также параметры, в которых Пекин и Вашингтон стали воспринимать друг друга, поэтому изменение стратегического периметра было, скорее всего, следствием этого процесса.

Однако ряд фактов всё же свидетельствовал о том, что существовала некая альтернатива войне. В частности, руководство Пекина после нескольких месяцев обсуждений, весной 1950 г., решило начать крупномасштабную демобилизацию сухопутных войск НОАК, которую на Западе оценили как поворот пекинского правительства в сторону восстановления и реконструкции экономики. В мае 1950 г. заместитель госсекретаря Д. Раск представил на рассмотрение Ачесону план, в рамках которого предполагалось, что коммунисты отказываются от Тайваня, США идут на нормализацию отношений с КНР и таким образом разрешается вопрос о представительстве КНР в ООН [55]. Появление такого плана во многом было связано с тем, что в Вашингтоне ожидали начала военных действий коммунистов по освобождению Тайваня в июне – июле 1950 г. Причём к этому отнеслись настолько серьёзно, что приступили к предварительному обсуждению мер по «немедленной эвакуации всех американцев» с острова и даже подыскивали убежище для Чан Кайши [56].

Для Мао Цзэдуна освобождение Тайваня означало «завершение революции», что априори делало невозможным отказ Пекина от острова [57]. Обсуждая план освобождения Тайваня в январе

1950 г., китайские лидеры исходили из того, что «Вашингтон не пойдёт на риск третьей мировой войны, посылая свои вооруженные силы для защиты Тайваня» [58]. Но одновременно не исключали расширения американской экспансии в Азии и обострения китайско-американских отношений в трёх направлениях – Тайвань, Вьетнам и Корея, в итоге была принята «концепция трех фронтов» [59]. Действительно, вскоре эти предположения подтвердились: «...из-за страха китайского коммунистического влияния на Индокитай Трумэн вмешивается во Вьетнам», – пишет Донован [60]. 1 февраля 1950 г., государственный секретарь Ачесон сделал следующее публичное заявление: «Признание Кремлем коммунистического движения Хо Ши Мина в Индокитае вызывает удивление. Сближение ДРВ с СССР и коммунистическим Китаем побудило США на более прямое вмешательство во Вьетнам» [61].

Непосредственную помощь вьетнамским коммунистам стал оказывать Пекин. Мао и руководство КПК, таким образом, решило «бросить вызов существующему международному порядку в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором Китай пока что не играл заметной роли, а также расширить влияние китайской революции», – делает вывод Чэн Чжэн [62]. При этом он считает, что инициатором был Сталин, который «фактически “поручил” Мао поддержку вьетнамских коммунистов», в то время как Гэддис исходит из того, что руководство КПК и само было заинтересовано в этом из-за «геополитических и идеологических соображений» [63]. Роль Сталина, по мнению Хайлэнда, в данном случае состояла в том, чтобы в лице Хо Ши Мина и Ким Ир Сена «создать конкуренцию Мао и блокировать любые американские инициативы по установлению отношений с ним» [64].

Таким образом, Тайвань и Индокитай к лету 1950 г. становились основными зонами противостояния между КНР и США, при этом на их взаимоотношения существенное влияние оказывала позиция советского руководства, что позволило Трумэну заявить о «глобальном заговоре». Однако в администрации президента не учли, что военно-стратегическое превосходство США в Восточной Азии по сравнению с Советским Союзом, чей военный потенциал значительно уступал американскому, создавало для КНР большую опасность. У. Цой приводит в своей диссертации слова Чжоу Эньлая из разговора с Г. Киссинджером в 1972 г.: «США протянули свои руки слишком далеко и попытались получить слишком большой контроль» [65]. В Вашингтоне недооценили важность для КПК национальных интересов и китайско-советское сближение сводили к идеологическому сотрудничеству, в то время как китайские лидеры видели угрозу именно

со стороны Соединённых Штатов, а не Советского Союза [66]. К тому же переориентация Вашингтона на Японию, планы «возрождения японского милитаризма» сближали интересы в вопросах укрепления безопасности Москвы и Пекина, что послужило основой для подписания договора 14 февраля 1950 г., который сыграл значительную роль в развитии отношений в треугольнике СССР – США – КНР.

Оформление советско-китайского альянса в Москве встревожило стратегов в Вашингтоне, ибо первую статью договора американские аналитики оценили как оформление военного союза против США [67]. Действия американской администрации после подписания договора свидетельствовали, что Вашингтон стал разыгрывать советско-китайскую карту в обосновании отхода в китайской политике от позиций рубежа 1949–1950 гг. Реакцией на это событие явился пересмотр проекта закона о помощи южнокорейскому режиму, для ознакомления с ситуацией на юге госсекретарь направляет Д. Ф. Даллеса. По словам Богатурова, «заключение договора заставило США отказаться от “молчаливого” примирения с захватом Тайваня коммунистами» [68]. 14 февраля, в день подписания договора, в Вашингтоне был поставлен вопрос о военной помощи Тайваню [69]. Руководство ОКНШ предупредило, что захват Тайваня коммунистами создаст угрозу стратегическим позициям США в западной части Тихого океана [70]. По словам Гэддиса, Тайвань стал рассматриваться в свете глобального баланса сил между СССР и США [71].

Договор превращался в серьёзный аргумент в заявлении Трумэна о «коммунистическом заговоре в Азии». Если после победы коммунистов в 1949 г. Вашингтон проводил политику выжидания, то теперь курс в отношении Пекина становится более определённым. В апреле 1950 г. СНБ опубликовал доклад NSC-68, в рамках которого предусматривалось увеличение расходов на оборону [72]. В частности, Вашингтон включил в сферу своих интересов Юго-Восточную Азию. 24 апреля 1950 г. Трумэн дал указание «подготовить в приоритетном порядке программы практических мер, направленных на защиту интересов безопасности Соединённых Штатов в Индокитае», а 8 мая в Париже Ачесон заявил, что «Соединённые Штаты будут оказывать экономическую и военную помощь Франции в Индокитае» [73]. Оценивая последствия договора, американский исследователь Мэл Гуртов отметил, что «в результате исключались нейтралитет в японской внешней политике и возможность нормализации американско-китайских отношений» [74]. В работе другого американского учёного Гордона Чэна отмечается, что американцы недооценили китайские национальные интересы и стали рас-

смагивать советско-китайский альянс как «скоординированный международный коммунистический заговор». И далее: «В настоящее время все надежды на “титоизацию” Китая исчезли, Китай – в советской колеснице» [75]. Однако Дж. Кеннан в своей записке госсекретарю всё же указывает на то, что «переговоры в Москве отразили трудности в отношениях с китайскими коммунистами» [76].

Советско-китайский альянс ускорил принятие решения о войне против южнокорейского режима, и, как считают авторы совместной российско-американской монографии «Сомнительные партнёры: Сталин, Мао и Корейская война», «путь к корейской войне начинается с подписания советско-китайского договора» [77].

В историографии присутствуют различные интерпретации роли всех трёх коммунистических руководителей в принятии плана Ким Ир Сена, хотя сам процесс достаточно исследован, особенно после публикации советских документов [78]. Нас прежде всего интересует Мао Цзэдун. Анализируя причины возникновения войны, Камингс пришёл к выводу, что «Пекин оказывал более сильное влияние на Пхеньян, чем Москва», а Г. Нелзен – «Мао помог преодолеть Сталину сомнения во вмешательстве Соединённых Штатов» [79]. Действительно, у Китая были собственные национальные интересы, но и идеологические и исторические связи играли не последнюю роль. Кроме того, нельзя исключать и фактор американской угрозы для обоих режимов. Многие авторы приоритетную роль в эскалации конфликта отводят И. Сталину [80]. Заслуживающий внимание взгляд на эту проблему мы обнаруживаем у Г. Киссинджера, который пишет следующее: «Настоящие фанатики этого дела сидели в Пекине и Пхеньяне. Корейская война вовсе не была кремлёвским заговором, затеянным, чтобы выманить Америку в Азию» [81].

Вопрос об объединении Кореи Ким Ир Сен поставил перед Мао ещё в марте 1949 г., который не отрицал такую возможность, но только после победы китайской революции. Не поддержал тогда эту идею и Сталин, ссылаясь на советско-американские соглашения о 38-й параллели [82]. Во время пребывания Мао в Москве в феврале 1950 г. руководители двух держав обменялись мнением о необходимости оказания помощи КНДР с тем, «чтобы поднять её военный потенциал и укрепить оборону» [83], был затронут вопрос о походе Ким Ир Сена на юг, однако сроки не оговаривались. В то же время, по свидетельству Н. Бажановой, Сталин ни словом не обмолвился с Мао, что он отправил телеграмму Штыкову с приглашением Киму приехать в Москву, «ибо опасался возражений китайского лидера: ведь тот горел желанием «освободить Тайвань»

[84]. К альтернативному выводу приходит Крис Хайнс, который пишет, что «Мао из-за страстного желания захватить Тайвань должен был поддержать план Кима» [85].

Действительно, первоначально переговоры велись в Москве и Мао в них не участвовал. В апреле 1950 г. Ким посетил Советский Союз, чтобы получить окончательное одобрение Сталина, и только в середине мая прибыл в Пекин и встретился с Мао. Во время пребывания в Пекине с 13 по 16 мая он сообщил Мао, что Сталин одобрил его планы атаковать юг, в связи с чем Мао высказал опасения по поводу американского вмешательства в военные действия, хотя при этом добавил: «американцев бояться не надо» [86]. Вопрос о том, насколько Мао был осведомлён о планах Кима и позиции Сталина, по мнению Чэна, недостаточно подтверждён источниками. Так, он пишет, что в разговоре с Ши Чжэ [87] в августе 1992 г., последний «особо подчеркнул, что Мао не знал, что Сталин обсуждал вопрос с Кимом, который попытался убедить Мао, что пользуется полной поддержкой Сталина». Согласно российским источникам, Мао даже телеграфировал Сталину просьбу о подтверждении его согласия на планы Кима, и ответ Сталина был утвердительным [88]. Гэддис исходит из того, что главным фактором втягивания Восточной Азии в конфронтацию была политика Сталина, который разработал «глобальную стратегию в отношении Азии», а «идеологическая эйфория» от поражения американцев в Китае «в определённой степени убедила Сталина в том, что американцы навряд ли вмешаются в войну из-за Кореи» [89]. К этой характеристике следует добавить советско-китайский альянс, после заключения которого Сталин начал конкретные переговоры с корейским лидером. Однако план исключал прямое участие СССР. Мао поддержал этот план, начав ещё до начала войны передислокацию китайских частей с южного побережья в Маньчжурию.

Сталин связывал перспективы планов Кима с обязательным вовлечением Китая, предупредив, что «ему не стоит рассчитывать на прямое участие СССР. Надо полагаться на Мао, который прекрасно разбирается в азиатских делах» [90]. В телеграмме Мао Цзэдуну от 14 мая, извещающая китайского руководителя о принятом решении в Москве, он особенно выделил, что окончательно «вопрос должен быть решён китайской и корейской сторонами совместно» [91]. Почему Сталин хотел обязательно получить согласие Мао при том, что этот вопрос никогда не обсуждался в формате трёх? На этот счёт существуют разные суждения. В частности, в работе С. Гончарова и его американских коллег говорится, что таким образом «Сталин мог вбить клин между Китаем и США, предотвращая возможные тенденции

к «титоизму» Мао». По мнению авторов, это была одна из главных причин согласия Сталина на «предприятие» Ким Ир Сена, помимо желания создать большую буферную зону безопасности и использовать полуостров как плацдарм для будущих операций против Японии [92]. Американский историк Р. Торнтон также предполагает, что «мотивом Сталина было предотвратить дружественные отношения между Соединенными Штатами и Китаем, сделать последний зависимым от Советского Союза» [93].

На наш взгляд интересы Москвы и Пекина совпадали, когда они решили поддержать своего корейского коллегу, но преследуемые цели были разными. Можно согласиться с исследователями, полагающими, во-первых, что Сталин не исключал диалога Пекина с Вашингтоном, а корейская война могла его окончательно разрушить (что в действительности и произошло); во-вторых, что «победоносный исход» замысла Кима компенсировал бы ослабление позиций СССР в Европе [94]. Что касается Мао Цзэдуна, то он, скорее всего, исходил из глобального плана укрепления политических позиций КНР в Азии и завершения китайской революции (освобождение Тайваня). Широкое распространение в историографии получило утверждение, что согласие Мао во многом было обусловлено его желанием добиться доверия советского вождя. Так, ряд авторов в доказательство приводят слова Мао Цзэдуна: «Когда наша революция победила, Сталин сказал, что это не настоящая революция. Мы не стали спорить с ним и как только мы вступили в войну сопротивления Америке и помощи Кореи наша революция становится подлинной (в его глазах. – Т. В.)» [95]. Отечественный синолог А. Панцов в фундаментальной работе, посвящённой биографии Мао Цзэдуна, по этому поводу пишет: «Сталин снял “ярлык” подозреваемого в “титоизме” и поверил, что “китайские коммунисты не проамериканцы”, а китайская революция не представляет из себя “националистического коммунизма” только после вступления КНР в войну в Корею на стороне Кима» [96].

Как считает отечественный исследователь А. Торкунов, Мао был задействован в выработке общей азиатской стратегии коммунистических лидеров, но он обиделся, когда решение о войне было принято без предварительной с ним консультации [97]. Опубликованные учёным архивные документы в книге «Загадочная война» свидетельствуют, что вопрос о помощи Ким Ир Сену в объединении страны рассматривался Мао ещё до провозглашения КНР [98]. Вопрос о приоритетной роли Сталина или Мао Цзэдуна, на наш взгляд, не является центральным при анализе причин, приведших к войне. В данном случае можно согласиться с общим выводом американ-

ского специалиста по истории возникновения холодной войны Д. Л. Гэддиса, который сконцентрировал внимание на взаимодействии ряда факторов, равных по своей значимости – «идеологической эйфории» Сталина и азиатских коммунистических лидеров, политической неадекватности советского вождя, давшего зелёный свет северным корейцам в их действиях против Юга, нерасчётливости и эмоциональности дипломатических чиновников в Вашингтоне и Москве, не всегда адекватно реагирующих на «сюрпризы» Востока [99].

Итак подведём итоги. В историографии темы возникновения войны на Корейском полуострове по-прежнему остаётся много дискуссионных проблем. Попытаемся высказать свой взгляд на одну из них – роль китайского фактора. Несмотря на то, что победа китайской революции рассматривается как одно из звеньев в общей цепи, анализ фактов всё же позволяет сделать вывод о приоритетной роли именно этого события. Китайский фактор оказал влияние на политику всех акторов в Восточной Азии. В результате «потери» Китая президент Трумэн испытывал постоянное давление со стороны «китайского лобби» в конгрессе, военных кругах, что заставило его, в конечном итоге, перейти к политике сдерживания и в Азии. Просчёты администрации Трумэна заключались в том, что по инерции после победы коммунистов она продолжала делать ставку на «национализм руководства КПК» и либералов, которые на начальном этапе поддержали новый режим в Китае. В результате из поля зрения американских политиков выпало такое важное звено, как наличие у КНР национальных интересов, связанных с обеспечением безопасности в условиях биполярного мира. Распространение на Азию политики «сдерживания коммунизма» (ЮВА) вызывало подозрение у пекинских лидеров в «искренности» намерений Вашингтона нормализовать отношения с Китаем.

Советско-китайский договор, вслед за которым была выработана новая стратегия Вашингтона, отражённая в NSC-68, а также курс на возрождение Японии окончательно привели к трансформации ялтинской дальневосточной системы.

Отказ Белого дома от вооружённой помощи Чан Кайши посеял иллюзии у трёх коммунистических лидеров в «безнаказанности» их «новых революционных успехов» на Дальнем Востоке. Можно утверждать, что такие события, как новый американский «оборонный периметр», согласие Мао и Сталина на военное решение корейского вопроса, стали следствием победы китайской революции, что привело к изменению баланса сил.

Каждая сторона постаралась использовать новую ситуацию в своих интересах с большой

примесью идеологии. При этом существенную роль сыграл личностный фактор – отличительная черта той эпохи. Трумэн, вмешиваясь в гражданскую войну в Корее, избавлялся от «китайского синдрома». Для Сталина участие Китая в войне укрепляло стратегический альянс с Мао Цзэдуном, а также позиции на Дальнем Востоке в условиях оформления американо-японского союза. Что касается Мао, то он предполагал не только получить политические дивиденды, но и укрепить самостоятельную роль КНР на международной арене. В итоге возник первый послевоенный вооружённый конфликт, который во многом определил специфику холодной войны.

Примечания

1. *Богатуров, А. Д.* Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997; *Асмолов К.* Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока (ПДВ). 2010. № 3; *Попов И. М., Лавренёв С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне. М., 2005; Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001; и др.

2. См.: *Богатуров А. Д.* Указ. соч. С. 92; *Cummings Br.* The Origins of the Korean war. N. Y., 1990. V. 2. P. 444–445; Он же и *Jon Halliday.* Korea: The Unknown war. London, 1988; *Garver J.* Foreign Relations of the People's Republic of China. N. Y., 1993. P. 286; и др.

3. *Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000; Война в Корее 1950–1953: Взгляд через 50 лет. М., 2001; *Chen Jian.* China's road to the Korean war. N. Y., 1994. *Bubite R. D.* Soviet-American Relations in Asia, 1945–1954. Oklahoma, 1981; *Tucker N. B.* Patterns in the Dust. China-American Relations and the Recognition Controversy 1949–1950. N. Y., 1983; *Gaddis J. L.* The Cold War. A new history. Boston, 2007; *Choi Wooseon.* Structural Explanation of Alliance: U.S.-China Relations 1949–1972 // A Dissertation... Chicago, 2005.

4. См. *Мельников Ю.* Корейская война 1950–1953 гг.: Размышления о причинах конфликта и его действующих лицах // Международная жизнь. 1995. № 8. С. 93; *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 6.

5. Телеграмма Председателя Центрального Народного Правительства КНР Мао Цзэдуна Заместителю Председателя Центрального Народного Правительства КНР Лю Шаоци. Док. 34. С. 55 // Советско-китайские отношения 1949–1951 гг.: сб. документов (СКО). Чебоксары, 2009.

6. Draft Report by the National Security Council United State Policy toward China // FRUS: The Far East: China. 1949. V. 9. Wash., 1974. P. 475; *Tucker N. B.* Op. cit. P. 2.

7. Cit.: *Cummings Bruce.* The Korean War. A History. N. Y., 2010. P. 214.

8. The Korean War. URL: www.fsmith.com/2h/ch24kor.html

9. *Tucker N. B.* Op. cit. P. 174.

10. Южнокорейский исследователь У. Цой в своей диссертации исследует роль внутривосточных факторов в американо-китайских отношениях. См.:

Choi Wooseon. Structural Explanation of Alliance: U.S.-China Relations... P. 21.

11. *Baxter Ch.* The Great Power Struggle in the East Asia, 1944–1950. Ch. Baxter. N. Y., 2009. P. 167, 169.

12. The Position of United States with Respect to Asia conclusion (48/2) / FRUS, 1949. V. 8(2). P. 1215–1219; Позиция Соединённых Штатов в отношении Азии. NSC 48/1 23 декабря; 48/2, 30 дек. // Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. И. М. Ильинский. М., 2006. С. 248–263.

13. FRUS. 1949. V. 8. P. 1215–1216.

14. Ibid. P. 1217–1218; Главный противник. С. 251, 263.

15. FRUS. 1949. V. 8. P. 1219.

16. *Chang Gordon H.* Friends and Enemies. The United States, China and the Soviet Union, 1948–1979. Stanford, 1990. P. 6.

17. *Donovan R. J.* Tumultuous years. The Presidency of Harry Truman 1949–1953. N. Y., 1982. P. 75–77; *Tucker N. B.* Op. cit. P. 12, 17; *Rose Y. Koen.* The China Lobby in American politique. N. Y., 1974. P. 103.

18. *Acheson D.* Present at Creation. My years in the State Department. N. Y., 1968. P. 355.

19. *LaFeber W.* America, Russia, and the Cold War. P. 88–89; *Baxter Ch.* The Great Power Struggle in East Asia. London, 2009. P. 170; *Tucker N. B.* Op. cit. P. 167.

20. *Sadako Ogato.* Normalisation with China. A comparative study of U. S. and Japanese processes. Berkeley, 1988. P. 2.

21. *Grasso J. M.* Truman's two China policy. N. Y., 1987. P. 80; *Coben W.* Acheson, His Advisers and China // Uncertain Years: Chinese-American relations, 1947–1950 / ed. by Borg D. and Heinrichs W. N. Y., 1960. P. 51; *Hyland W. G.* The Cold War: fifty years of conflict. N. Y., Toronto, 1990. P. 55.

22. *Donovan R. J.* Op. cit. P. 74; *Miscamble W. D.* From Roosevelt to Truman Potsdam, Hiroshima and Cold War. N. Y., 2007. P. 316.

23. *Яковичский А. А.* Начало американского вмешательства в конфликт в Индокитае (1949–1950 гг.): К вопросу о развёртывании «холодной войны» в Азии // Проблемы американистики / отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001. Вып. 11. С. 214; *Nelsen H. W.* Power and security: Beijing, Moscow and Washington 1949–1988. Boulder a. London, 1989. P. 11; *Богатуров А. Д.* Указ. соч. С. 90.

24. *Злобин Н.* Трумэн. URL: magazines.russ.ru/Континент/2001/110/tr.html

25. *Hyland W. G.* Op. cit. P. 56.

26. *Donovan R. J.* Op. cit. P. 81.

27. The Consul General at Shanghai (McConaughy) to the Secretary of State January 26 // FRUS, East Asia and the Pacific, 1950. V. 6. Wash., 1976. P. 297; *Tucker N. B.* Op. cit. P. 54, 93.

28. *Chen Jian.* Op. cit. P. 114; *Baxter Ch.* Op. cit. P. 168.

29. *Gaddis J. L.* Strategy of Containment. N. Y. 1982. P. 69; См. также *Choi Wooseon.* Structural Explanation of Alliance: U.S.-China Relations... P. 26.

30. Цит. по: *Дэвис Дональд Э., Трани Юджин П.* Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX в. М., 2009. С. 558.

31. См.: *Gaddis J. L.* We Now Know: Rethinking Cold War. N. Y., 1997. P. 62–63.

32. *Gaddis J. L.* We Now Know... Op. cit. P. 82–83.

33. Дэвис Дональд Э., Трани Юджин П. Указ. соч. С. 762; см. также: Паницов А. В. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 519.
34. FRUS, 1950. V. 6. P. 352–353.
35. Memorandum by the Counselor (Kennan) to the Secretary of State // FRUS. National security affairs; foreign economic policy. 1950. V. 1. Wash. 1977. P. 129, 130, 132.
36. FRUS, 1950. V. 6. P. 256, 259, 260, 264.
37. *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 317; *Cummings Bruce.* The Korean War. A History. P. 215.
38. *Bubite R. D.* Soviet-American Relations in Asia, 1945–1954. Norman, 1981. P. 99; Позиция Соединённых Штатов в отношении Азии. NSC 48/1. С. 252–253; *Donovan R. J.* Op. cit. P. 86.
39. Department of State Bulletin. 1950. January 16. P. 81.
40. *Donovan R. J.* Op. cit. P. 87.
41. *Grasso J. M.* Op. cit. P. 113; *Tucker N. B.* Op. cit. P. 130–131.
42. Телеграмма Председателя Центрального Народного Правительства КНР Мао Цзэдуна в ЦК КПК 22 декабря 1949 г. // СКО. Док. № 36. С. 56.
43. *Acheson D.* Present at Creation. Op. cit. P. 358.
44. Вопросы торговли с Китаем см.: FRUS, East Asia and the Pacific. 1950. V. 6. Wash., 1976. P. 624–628, 637–639; *Grasso J. M.* Op. cit. P. 112.
45. FRUS, 1950. V. 6. P. 628, 637.
46. Ibid. P. 638–639.
47. Memorandum of Conversation, by the Chief of the Division of Northeast Asian Affairs (Bishop) / FRUS, The Far East and Australasia. 1949. V. 7 (2). Wash., 1976. P. 656.
48. *Gaddis J. L.* The Gold War. A new history. Op. cit. P. 42.
49. Из телеграммы Председателя Центрального Народного Правительства КНР Мао Цзэдуна Заместителю Председателя Центрального Народного Правительства КНР Лю Шаоци // СКО. Док. 53. С. 80.
50. Тезисы заявления были подготовлены Мао Цзэдуном // СКО. Док. № 53. С. 80–82; О критическом отношении к заявлению Трумэна. См.: *Grasso J. M.* Op. cit. P. 87.
51. *Acheson D.* Present at Creation. P. 358.
52. *Асмолов К.* Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // ПДВ. 2010. № 3. С. 148.
53. Цит. по: URL: kore-saram.ru/K-Asmolvov-Vneshnepoliticheskie...voini К. Асмолов. Серия статей о Корее. Публикации 2010 г. Статьи. Корё Сарам.
54. *Hyland W. G.* Op. cit. P. 54.
55. FRUS. 1950. V. 6. P. 348; *Chang Gordon H.* Op. cit. P. 72–73.
56. The Charge in China (Strong) to the Secretary of State; The Acting Secretary of State to the Embassy in China // FRUS. 1950. V. 6. P. 340, 342, 344, 346.
57. *Chen Jian.* Op. cit. P. 96.
58. Ibid. P. 102.
59. Ibid. P. 94.
60. *Donovan R. J.* Op. cit. P. 65; FRUS: National Security Policy... 1950. V. 1. Wash., 1977. P. 157.
61. Pentagon Papers, Gravel Edition, Summary and hapter. URL: www.mtholyoke.edu/acad/.../pent1.html
62. *Chen Jian.* Op. cit. P. 104.
63. Ibid. P. 104; *Gaddis J. L.* Strategy of Containment. P. 161.
64. *Hyland W. G.* Op. cit. P. 54.
65. *Choi Woosoon.* Op. cit. P. 31–34, 39.
66. Ibid; *Gurtov Mel.* From Korea to Vietnam: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism. URL: www.japanfocus.org/-Mel-Gurtov/3428
67. *Wei H.* China and the Soviet Russia. N. Y., 1974. P. 269; The Korean War. The U.S. and Soviet Union in Korea. URL: www.fsmitha.com/h2/ch24kor.html; *Попов И. М.* К вопросу о вступлении Китая в войну в Корею // Война в Корею 1950–1953 гг. С. 127.
68. *Богатыров А. Д.* Указ. соч. С. 91.
69. *Chen Jian* Op. cit. P. 117.
70. The Korean War. The U.S. and Soviet Union in Korea. URL: www.fsmitha.com/h2/ch24kor.html
71. *Gaddis J. L.* Op. cit. P. 78, 80.
72. Задачи и программа национальной безопасности США (NSC-68), 14 апреля 1950 г. // Главный противник. С. 378–452.
73. *Chen Jian.* Op. cit. P. 115.
74. *Gurtov Mel.* From Korea to Vietnam: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism. URL: www.japanfocus.org/-Mel-Gurtov/3428.
75. *Chang Gordon H.* Friends and Enemies... P. 76.
76. Draft Memorandum by the Counselor (Kennan) to the Secretary of State // FRUS, National security affairs; foreign economic policy. 1950. V. 1. P. 160; *Haynes Chris.* The Outbreak of the Korean War: Then and Now // 05/11/04 Research Assignment Chris Haynes 0029115 www.scribd.com > Research > History.
77. *Goncharov S. N., Lewis J. W. and Xue Litai.* Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20071210/238311.html>
78. См. *Торкунов А. В.* Указ. соч.
79. *Samings Brus.* Op. cit. P. 11, 12; *Nelsen H. W.* Power and security. P. 8.
80. *Thornton R. C.* Odd Man Out: Truman, Stalin, Mao and the Origins of Korean War. Wash., 2000. URL: books.google.ru/books?isbn=0415351081; *Miscamble W. D.* From Roosevelt to Truman Potsdam, Hiroshima and Cold War. P. 117.
81. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 435.
82. См. *Уэзерсби К.* Война в Корею 1950–1953 гг.: Холодная война разгорается // Холодная война. 1945–1963 гг. С. 260; *Торкунов А. В.* Указ. соч. С. 46; Тема переговоров Кима с советским руководством в 1949 г. подробно рассмотрена в книге: *Торкунов А. В., Уфимцев Е. П.* Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995. С. 15–29.
83. Телеграмма Сталина Штыкову от 2 февраля 1950 г. // Торкунов А. В. Указ. соч. С. 56.
84. *Бажанова Н. С.* Самая загадочная война XX столетия // Новое время. 1996. № 6. С. 30.
85. *Haynes Chris.* The Outbreak of the Korean War: Then and Now // 05/11/04 Research Assignment Chris Haynes 0029115 www.scribd.com > Research > History
86. Телеграмма Рощина Сталину // Торкунов А. В. Указ. соч. С. 70.
87. *Ши Чжэ* – переводчик Мао Цзэдуна.
88. Interviews with Russian historian Sergei Goncharov. 1993. March 15–17. See Goncharov, “Origins and the Outbreak of the Korean War”. P. 38–41; “Background Report on the Korean War”. The Journal of American-East Asian Relations, 2, № 4 (Fall 1993). P. 442; *Chen Jian.* Op. cit. P. 263.
89. *Gaddis J. L.* The Gold War. A new history. P. 42.
90. *Торкунов А. В.* Указ. соч. С. 59.
91. Телеграмма Сталина Мао Цзэдуна // Торкунов А. В. Указ. соч. С. 69.

92. Goncharov S. N., Lewis J. W. and Xue, Litai Uncertain Partners. Stalin, Mao, and the Korean War. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20071210/238311.html>; Узеврбси К. Указ. соч. С. 259.

93. Thornton R. C. Odd Man Out: Truman, Stalin, Mao and the Origins of Korean War. Wash., D.C.: Brassey's, 2000. URL: books.google.ru/books?isbn=0415351081...

94. Hyland W. G. The Cold War... P. 54; Воловец С. Запрещенная война // Родина. 1990. № 5. С. 15; Славинский, Б. Корейская война, которая едва не привела мир к катастрофе // Новое время. 1990. № 23. С. 39.

95. Cit.: Nelsen H. W. Power and security... P. 11.

96. Панцов А. В. Указ. соч. С. 258.

97. Торкунов А. В. Указ. соч. С. 61.

98. Телеграмма совпредставителя в Китае Ковалёва Сталину от 18 мая 1949 г; Телеграмма Штыкова в Москву от 12 мая 1950 г. // Торкунов А. В. Указ. соч. С. 64–65, 67–68 и др.

99. Gaddis J. L. We Now Know: Rethinking Cold War. N. Y., 1997. P. 82–83.

УДК 94(460)"19"

А. О. Наумов

ИНОСТРАННЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ АРМИИ ФРАНКО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРЛАНДСКОЙ БРИГАДЫ)

В статье анализируется участие в гражданской войне в Испании добровольцев из европейских стран, в первую очередь Ирландии, на стороне генерала Франко. Автор рассматривает причины возникновения международного движения в поддержку националистов, подвергает анализу деятельность Ирландской бригады в ходе боев в Испании, оценивает ее роль в войне и причины провала «Крестового похода» ирландских добровольцев.

The article examines participation of the volunteers from Irish Brigade in the Spanish Civil War. Author analyses the origins of the worldwide movement in favor of General Franco, defines the role of Irish volunteers in the Spanish Civil War and their eventually collapse.

Ключевые слова: гражданская война в Испании (1936–1939), фашизм, Вторая мировая война, политика и дипломатия, европейские страны, международные отношения, европейская безопасность.

Keywords: Spanish Civil War (1936–1939), Fascism, World War, 1939–1945, Causes, Politics and government, 1918–1945, European Countries, European security. International relations.

Гражданская война в Испании (1936–1939) является одним из самых драматических международных событий второй половины 30-х гг. XX в. В отечественной и зарубежной литературе неплохо изучена история испанского конфликта, существует ряд серьезных работ, освещающих международный резонанс событий на Пиренейском по-

луострове [1]. То же касается и проблемы иностранного вмешательства в испанский конфликт. О роли советских специалистов и интернациональных бригад в борьбе с националистической армией написано немало трудов; в меньшей степени это касается вопроса военной интервенции Италии, Германии и Португалии на стороне генерала Франко [2]. Однако в отечественной историографии гражданской войны в Испании все еще существует значительное «белое пятно».

Речь идет об иностранных добровольцах, воевавших на стороне мятежников-националистов (франкистов) против Испанской республики. Всего в армии генерала Франсиско Франко сражались полторы тысячи волонтеров из самых разных европейских стран. Это были люди различного социального происхождения, однако общим было стремление сокрушить «красную» Испанскую республику, не дав коммунизму распространиться по Западной Европе.

Участие добровольцев на стороне франкистов являлось составной частью важного тренда, во многом определявшего динамику европейской политики во второй половине 1930-х гг. и сыгравшего большую роль в кризисе межвоенного порядка, а именно антикоммунизм и антисоветизм политической элиты и общества стран Западной Европы. В этом плане гражданской войне в Испании принадлежит особая роль. Ее начало летом 1936 г. произвело эффект разорвавшейся бомбы в накаленной до предела идейно-политической атмосфере вступившей в полосу кризиса Версальской системы, а острейшая интернационализация привела в действие многие опасные механизмы, внесшие свою лепту в начало Второй мировой войны.

На стороне националистов воевали группы французских и румынских фашистов, члены эмигрантского РОВСа, но наиболее многочисленная группа добровольцев прибыла из Ирландии. Солидный пласт литературы мемуарного характера, оставленной ирландскими добровольцами по следам событий, вкупе с документальными свидетельствами того времени позволяют нам с наибольшей полнотой проанализировать участие ирландцев в гражданской войне в Испании, что и является целью данной статьи.

Ирландцы составили отдельный батальон – т. н. Ирландскую бригаду («XV бандеру») численностью примерно в 700 человек в рядах испанского Иностранного легиона. Возглавил Ирландскую бригаду весьма колоритный персонаж межвоенного периода – герой войны за независимость Ирландии генерал Оуэн (Эойн) О'Даффи.

Вплоть до 1933 г. О'Даффи занимал важный пост комиссара полиции Ирландского свободного государства. За это время генерал, разделявший фашистские идеи и ориентировавшийся на

политический опыт Б. Муссолини, организовал ряд фашистских и полуфашистских организаций – «Ассоциация боевых товарищей», «Национальная гвардия», «Лига молодежи», наконец, «Голубые (синие) рубашки». Ввиду тяжелого внутреннего положения молодой страны, экономической и таможенной войны с Великобританией эти организации имели определенный успех в политической жизни Ирландии. В момент наивысшего подъема «Голубые рубашки» насчитывали до 50 тысяч членов, а себя О’Даффи именвал не иначе, как «третий человек в Европе» – после Муссолини и Гитлера, разумеется. При этом надо заметить, что по своим масштабам и реальным возможностям претворить программу в жизнь «Голубые рубашки» уступали континентальному фашизму; их социальный диапазон был куда более узким ввиду отсутствия массовой опоры в лице основной части мелкой буржуазии и других промежуточных слоев.

С середины 1933 г. ирландские фашисты начали массовые выступления по всей стране. В 1934 г. О’Даффи уже планировал осуществить «марш на Дублин» (по аналогии с «маршем на Рим» Муссолини) и захватить власть в Ирландском свободном государстве, однако потерпел полный провал. Вчерашние соратники О’Даффи поспешили отмежеваться от «одержимого» ирландского «фюрера». Перессорившись со своими сторонниками, генерал остался во главе радикального, достаточно маргинализованного и расколотого движения «Голубые рубашки», которое в 1935 г. трансформировалось в фашистскую Национальную корпоративную партию (НКП).

Потерпев поражение во внутривластной и политической борьбе в Ирландии в целом, О’Даффи переключил внимание на международную арену. В декабре 1934 г. он принял участие в спонсированной германскими нацистами конференции «Международное действие национализмов», а на следующий год возглавил секретариат созданного по инициативе Муссолини Фашистского интернационала. Характерно, что единственный всплеск активности НКП в самой Ирландии был связан с начавшейся итало-абиссинской войной. О’Даффи обрушился с яростной критикой на ирландское правительство, которое поддерживало введенные против Италии санкции Лиги Наций. В сентябре 1935 г. генерал заявил, что несколько «голубых рубашек» уже отправились добровольцами на эту войну, причем «не за Италию или против Эфиопии, а за принципы корпоративной системы», а партийный бюллетень НКП и вовсе утверждал, что сотни ирландских добровольцев сражаются в Восточной Африке [3]. Разумеется, это не соответствовало действительности.

На протяжении 1935 г. – первой половины 1936 г. продолжался дальнейший упадок партии

О’Даффи. Число сторонников НКП таяло, а сама партия существовала в основном на итальянские субсидии. Однако совершенно неожиданно судьба предоставила 46-летнему О’Даффи шанс вернуться на политический небосклон ирландской политики. 17 июля 1936 г. в Испании произошел мятеж против правительства Народного фронта, и буквально сразу же страна погрузилась в хаос жестокой и кровопролитной гражданской войны.

Начало войны в Испании вызвало мощный отклик на берегах «Зеленого острова». Сообщения о «красных зверствах» всколыхнули ирландскую общественную жизнь. О’Даффи увидел возможность вернуть былое влияние в ирландской политике, выставив себя в качестве лидера международного фашистского движения, эдакого «крестоносца» в борьбе с мировым большевизмом (хотя в правительстве Народного фронта не было ни одного коммуниста).

Первоначальный импульс для участия ирландцев в войне исходил от самих франкистов. В начале августа, когда положение мятежников было крайне тяжелым, представитель карлистов (одной из право-монархических партий, поддерживавших националистов) в Лондоне граф Р. де Ареллано написал ирландскому архиепископу кардиналу Макрори письмо, в котором просил о военной помощи. В ответ кардинал выразил горячую поддержку делу восставших и рекомендовал О’Даффи. Вскоре состоялась встреча между ирландским генералом и испанским аристократом, на которой последний предложил О’Даффи заняться набором добровольцев для участия в войне вместе с карлистскими войсками на севере Испании: «Ирландия, – заявил де Ареллано, – имеет возможность показать пример всему христианскому миру» [4]. О’Даффи согласился. Финансовую поддержку взяло на себя посольство фашистской Италии в Дублине [5].

10 августа О’Даффи со страниц «Айриш Индепендент» красочно живописал ужасы республиканского террора в Испании и провозгласил начало «крестового похода против красных» [6]. По словам самого генерала, это вызвало «сотни откликов как в самой Ирландии, так и в Англии и других странах» [7]. После соответствующей «пиар-кампании» в прессе 15 августа НКП распахнула двери своих офисов для вербовки волонтеров, которые в условиях антикоммунистической пропаганды властей и экономического кризиса стали достаточно популярным местом для многих отчаявшихся найти лучшую долю граждан Ирландии. По данным ирландской прессы, к концу августа количество желающих участвовать в «Ирландском крестовом походе против коммунизма» составляло 7 тысяч человек [8].

Почему же призыв стремительно скатывавшегося к роли «политического лузера» О’Даффи

оказался столь востребованным? В первую очередь, свою роль сыграл религиозный фактор. В патриархальной Ирландии, где церковь имела огромное значение, стремление защитить католическую веру от «красных безбожников» было чрезвычайно велико. И здесь О'Даффи мог получить политические дивиденды. Еще в ноябре 1934 г. в выступлении перед своими сторонниками он говорил: «Нашей (НКП. – А. Н.) главной задачей всегда должно быть стремление донести до людей понимание великой судьбы Ирландии как христианского государства, вселить в подрастающее поколение тот дух, который несли и все еще несут ирландские миссионеры во все концы света» [9].

Простые ирландцы достаточно четко осознавали давние исторические связи между «католическими сестрами» – Испанией и Ирландией. Не стоит забывать, что на протяжении XVI–XVIII вв. наемники с берегов «Изумрудного острова» – т. н. дикие гуси – тысячами служили в войсках тех или иных католических государей, особенно испанских, в ходе многочисленных вооруженных конфликтов в Европе; более двадцати тысяч из них навсегда осели на Пиренейском полуострове.

Широко в Ирландии были распространены и антикоммунистические, антибольшевистские настроения. И именно НКП О'Даффи, даже несмотря на свою малочисленность, была самой антикоммунистической партией в стране. «Свою миссию, – пишет ирландский историк вопроса Р. Стрэдлиг, – О'Даффи видел ясно и просто – крестовый поход против коммунизма» [10].

Наконец, в ряды добровольцев влились и обычные авантюристы, бежавшие от экономической депрессии, безработицы, невозможности служить в армии, да и просто желавшие повидать мир.

В сентябре 1936 г., когда ситуация в Испании уже значительно изменилась и мятежники не находились более на грани разгрома, О'Даффи отправился в Лондон на переговоры с представителями армии мятежников. 20 сентября он был уже на испанской территории, контролируемой националистами. Высокопоставленные официальные лица националистической Испании оказывали всевозможные почести ирландскому генералу, а сам он заранее был назначен Генеральным инспектором Ирландской бригады. О'Даффи успел встретиться с видными генералами мятежников М. Кабанельясом и Э. Молой. 23 сентября Франко, который помимо прочего с помощью ирландцев намеревался укрепить свое влияние в среде карлистов, дал окончательное добро на участие волонтеров из Свободного государства в испанской войне. Накануне возвращения в Дублин О'Даффи выступил по местному радио, сообщив от имени ирландцев всего мира,

что «Ирландия сделает все возможное, чтобы помочь своему историческому другу и союзнику» [11].

Было решено, что ирландцы сформируют ряд батальонов – «бандер» в составе Испанского иностранного легиона под командованием полковника (вскоре произведенного в генералы) Х. Ягуэ. Характерно, что первоначально ирландцы должны были служить в рядах военного крыла карлистов – рекете, однако на тот момент Франко в полной мере не контролировал это политическое движение и предпочел, не ссорясь с карлистами и позволив О'Даффи участвовать в войне, направить ирландцев под командование подконтрольного ему Иностранного легиона.

Вернувшись на Британские острова, О'Даффи немедленно встретился с представителем националистов Х. де ла Сиервой, который обещал организовать для ирландцев первоклассный транспорт в Испанию на тысячу человек. Ответить за операцию должен был лично родной брат каудильо Николас Франко. По прибытии в испанский Виго Ирландскую бригаду должны были встречать иерархи католической церкви. Далее на специальном поезде ирландцы должны были въехать в столицу националистической Испании – город Бургос [12].

Пожелавших присоединиться к О'Даффи оказалось немало. Несмотря на то, что в августе Ирландия подписала соглашение о невмешательстве в испанские дела, О'Даффи практически беспрепятственно агитировал соотечественников. В начале октября 1936 г. первая группа была готова к отправке в Испанию. Транспортировка ирландцев была назначена на 16 октября, однако в последний момент посланник от Франко сообщил об отмене операции. Каудильо и его покровители среди британского истеблишмента посчитали, что подобный демарш вызовет возмущение общественного мнения в западных странах, ухудшит имидж мятежников и осложнит отношения официального Лондона с франкистами.

О'Даффи был опустошен. Генерал немедленно направился в Саламанку, где впервые встретился с Франко. Каудильо объяснил срыв операции происками Москвы в Международном комитете по невмешательству. Заверив, что «после Испании, в его сердце находится Ирландия» [13], Франко пригласил О'Даффи побыть «гостем нации», предоставив ему шикарные условия проживания и передвижения. Генерала даже подвезли к Мадриду, так что он мог видеть невооруженным глазом испанскую столицу. После этих мероприятий О'Даффи вернулся в Саламанку, где он, Франко и де ла Сиерва разработали новый план по переброске ирландских добровольцев в Испанию.

Стараясь не привлекать особого внимания – ирландцы грубо нарушали соглашение о невмешательстве, подписанное почти всеми европейскими странами, две сотни бойцов О’Даффи небольшими группами через Португалию прибыли в Испанию. Спустя некоторое время, в середине декабря 1936 г., еще несколько сот человек из ирландского Гэлуэя десантировались с германского транспортника «Урунди» на галисийском побережье Испании. Остальные, многие из которых специально были одеты в голубые рубашки, во главе с самим О’Даффи были доставлены из Ливерпуля в Лиссабон, а затем поездом в Испанию. (Поездка ирландцев с берегов «Туманного Альбиона» в Испанию сопровождалась постоянными скандалами. Так, в порту Лиссабона, вместо того чтобы пройти регистрацию и сойти на берег, несколько пьяных ирландцев прыгнули прямо в воду, добрались вплавь до берега и устроили драку с местной полицией [14].)

Тем временем 16 февраля 1937 г. лондонским Комитетом по невмешательству было достигнуто соглашение о том, что набор добровольцев в странах-участницах соглашения должен быть запрещен с 20 февраля 1937 г. Это значительно осложнило дальнейшую отправку добровольцев из Ирландии, которые, однако, проникали в Испанию еще в течение месяца.

Всего Ирландская бригада насчитывала 670 человек [15]. В основном добровольцы прибыли из юго-западных сельских районов Ирландии, наиболее пострадавших от экономического кризиса. Они происходили из разных социальных слоев, занимались различными родами деятельности и далеко не все входили в состав НКП, чего нельзя сказать об офицерском составе, почти поголовно разделявшим фашистские взгляды О’Даффи. Подавляющим большинством рядовых добровольцев двигали скорее религиозные (воинствующий католицизм) и антикоммунистические мотивы, нежели фашистские убеждения. «Война за веру» – таков был основной девиз добровольцев [16].

Отдельно следует упомянуть о боевых характеристиках ирландских бойцов – факторе, который позже приобретет важнейшее значение. Только треть добровольцев имели определенный боевой опыт. Часть из них отслужили в ирландской армии, кто-то участвовал в Войне за независимость или гражданской войне в Ирландии. По-настоящему опытных и подготовленных солдат в Бригаде насчитывалось не более пятидесяти человек, включая ветеранов британской армии, военно-морского флота США, французского и испанского Иностранцев легионов. Так или иначе полноценной и боеспособной единицей Ирландская бригада (бойцов в которой едва на-

бралось на один армейский батальон) так и не стала, да и не могла стать. Более того, все до единого добровольцы были лишь пешками в политической игре их генерала: с помощью легкой и короткой прогулки по Испании, как ему поначалу казалось, О’Даффи надеялся вернуть себе и своей партии былое влияние в ирландской политике.

Как и было оговорено ранее, ирландские волонтеры были включены в Испанский иностранный легион под номером 15 («XV бандера») и разделены на четыре отряда «А», «В», «С» и «D». Офицерский состав и даже полевую кухню составили исключительно ирландцы, и только адъютанты и переводчики были испанцами (преимущественно с британскими корнями; был и один индус, служивший в рядах фалангистов). Срок действия соглашения о найме в националистическую армию составлял шесть месяцев или до конца войны. В качестве обмундирования ирландцы получили находившуюся в распоряжении националистов светло-зеленую форму германских войск времен Первой мировой войны; а жалование им было назначено такое же, как и элитным частям Иностранного легиона.

В канун празднования нового 1937 г. Ирландская бригада прибыла в испанский Касерес, в весьма комфортабельных бараках которого оставалась вплоть до февраля. Лишь по воскресеньям О’Даффи выводил своих подчиненных в город на торжественные парады. За это время ирландцев успел посетить верховный главнокомандующий Франко и глава Иностранного легиона Ягуэ. Несмотря на визиты «высоких гостей», в ходе пребывания в Касересе моральный дух Ирландской бригады неуклонно снижался. На то были свои причины: бойцам не понравилась выданная им форма; не устраивал распорядок испанского дня, в первую очередь, сиеста; досаждал местный климат; они не могли привыкнуть к местной пище, а дешевое испанское вино постоянно играло с ними злую шутку. Но больше всего ирландцы страдали от отсутствия почты с берегов «Зеленого острова» [17].

Планы О’Даффи по транспортировке новых добровольцев из Ирландии также потерпели крах. Когда в январе 1937 г. очередная партия в 600 волонтеров была готова к отправке в Испанию, Франко заблокировал этот процесс. К этому времени каудильо взял под жесткий контроль карлистское движение, которое серьезно ослабло ввиду потерь на фронтах, и не видел более надобности в подобных заигрываниях со строптивыми подчиненными. В итоге больше ни одна партия ирландских добровольцев так и не добралась до Пиренейского полуострова, и О’Даффи был вынужден довольствоваться недоукомплектованной «бандерой» в 700 человек.

Тем временем поступил долгожданный приказ. Ирландской бригаде было приказано выдвинуться на Харамский фронт к городу Сьемпосуэло, в 15 километрах севернее Мадрида. 16 февраля 1937 г., размахивая национальными флагами и атрибутикой подразделения – оранжеевым ирландским волкодавом на изумрудно-зеленом фоне, ирландцы промаршировали через весь Касерес к железнодорожной станции.

Практически сразу же у Ирландской бригады начались неприятности. Вместо ожидаемых пяти часов переезда ирландцы были в пути более суток, так как (как заявили франкисты) машинист состава оказался республиканским шпионом, намеревавшимся взорвать поезд. Когда же состав прибыл к месту назначения, выяснилось, что ирландцев никто не встречает; в каком направлении следует двигаться дальше, было абсолютно неясно. Испанские переводчики сумели разыскать дорогу, но, когда ирландцы прибыли к месту назначения, они немедленно получили приказ занять позиции на передовой. Оценив обстановку, О’Даффи немедленно отправился в Навалкарнеро к командующему этим отрезком фронта генералу Л. Оргазу с требованием отменить приказ о наступлении. Можно только представить, что испанский генерал подумал по поводу боевых перспектив Ирландской бригады, но О’Даффи удалось убедить его. Указав на чрезвычайную усталость своих подчиненных, ирландский «фюрер» добился переноса приказа на следующий день.

Первое же боевое столкновение Ирландской бригады с противником оказалось плачевным. Двигаясь по направлению к своим позициям, ирландцы неожиданно увидели неизвестный отряд; после спешных консультаций с испанскими адъютантами было решено, что перед ними свои. Один из командиров Бригады капитан Д. О’Салливан (занимавший высокий пост в НКП), переводчик и два ирландских офицера выдвинулись вперед. Испанский переводчик поприветствовал незнакомцев и представил Ирландскую бригаду как часть Иностранного легиона; О’Салливан также вступил в разговор и произнес несколько фраз на ломаном испанском. В тот же момент стоявший напротив офицер сделал шаг назад и выстрелил в переводчика легионеров; ирландцы моментально открыли ответный огонь по врагу. В результате завязавшегося боя Ирландская бригада потеряла четыре человека (по другим данным – пять), а противник – тринадцать (по подсчетам самих ирландцев, враг потерял гораздо больше – вплоть до половины отряда). Однако радость от победы была недолгой. Убитые оказались фалангистами с Канарских островов, прибывшие, как и ирландцы, на харамский участок фронта совсем недавно и принявшие англогово-

рящих ирландцев в необычной форме за бойцов интернациональных бригад, воевавших на стороне Республики. Более того, ирландцы уничтожили практически все начальство этого подразделения [18].

Тем не менее никакого наказания ирландская «бандера» не понесла. Напротив, Франко выразил «глубокие соболезнования» по поводу гибели ее бойцов, хотя среди националистов поползли слухи о виновности ирландцев, начавших стрельбу под воздействием алкоголя. О’Даффи перевез тела погибших в Касерес, где были устроены пышные и торжественные похороны («самые грандиозные похороны, которые когда-либо проходили в этом городе» [19]). К этому времени Бригада, наконец, достигла Сьемпосуэло, бывшего еще недавно ареной ожесточенных боев.

Здесь ирландцы сменили испанские и марокканские отряды. В обязанность им были поставлены рытье траншей и уборка тел вокруг города. В это время на харамском фронте наблюдалось определенное затишье, и лишь иногда республиканские снайперы да непогода досаждали волонтерам. Многие ирландцы простудились, других разбил ревматизм. Командир Бригады П. Далтон получил сильнейший удар ишиаса и был отправлен на лечение в Лондон, а на его место О’Даффи, который, в отличие от своих бойцов, все это время находился в уцелевшей гостинице Сьемпосуэло [20], назначил убежденного фашиста О’Салливана (что вызвало недовольство у части солдат и офицеров).

В самом подразделении обстановка неуклонно накалялась. Рядовые ирландцы стали жаловаться и задаваться вопросом, «зачем они оказались в таком Богом забытом месте» [21]. Начали портиться отношения ирландцев с испанцами. Осложнял положение и тот факт, что всего в нескольких сотнях метрах за линией фронта стояли республиканские интернациональные бригады, укомплектованные англичанами и ирландцами. Неудивительно, что легионеры находились под постоянным давлением пропаганды соотечественников, воевавших на стороне Испанской республики. «Фрэнк Райан (лидер ирландцев-интербригадовцев), – вспоминал впоследствии очевидец, – призывал в громкоговоритель: «Ирландцы, уезжайте домой! Ваши отцы перевернулись бы в своих гробах, узнав, что вы пришли сражаться за империализм. Истинная Республиканская армия находится здесь (в рядах интернациональных бригад. – А. Н.), здесь находятся настоящие мужчины Ирландии» [22].

13 марта 1937 г. Ирландская бригада получила приказ занять деревню Титулсиа. Это было первое настоящее испытание реальным боем. Однако когда ирландцы под проливным дождем

начали выдвижение в сторону противника, они попали под шквальный пулеметный и артиллерийский огонь. Первые ряды дрогнули, затем всех охватила паника, и ирландцы, так и не достигнув республиканских позиций, «побежали словно зайцы» назад [23]. С наступлением темноты, потеряв четырех (по другим данным – двух) человек убитыми, Бригада вернулась в Сьемпосуэлос.

На следующий день ирландской «бандере» было вновь поручено то же задание. Однако деморализованные ирландцы отказались исполнять приказ. О'Даффи, посчитав, что атака имеет мало шансов на успех, распорядился бойцам оставаться на своих местах, а сам отправился в ставку националистического командования. Через неделю на встрече О'Даффи с Франко в Навалкарnero разъяренный каудильо все же согласился более не посылать Ирландскую бригаду в атаку. «XV бандера» была отведена с линии фронта и переброшена в местечко Ла Мараноса со строго оборонительными задачами. Здесь ирландцы были расквартированы вместе с отрядами рекете – военного крыла карлистов, которые, собственно, и пригласили в Испанию О'Даффи.

К этому времени развал Ирландской бригады был очевиден. Недовольство условиями жизни в Испании среди рядовых бойцов достигло апогея. Непривычная пища, трудности с получением корреспонденции с родины, отсутствие чая и виски, а также другие проблемы неуклонно снижали моральный дух ирландской «бандеры». «Я нашел ирландцев несчастными, жалующимися на изоляцию, душающую монотонность окопной войны, языковой барьер, трудности с получением писем... Но что угнетало их больше всего – это суровый испанский ландшафт, погибшие лошади и сожженные деревни», – так описывал моральное состояние ирландцев корреспондент «Айриш пресс», посетивший Бригаду весной 1937 г. [24] Все более напряженными становились отношения между ирландскими и испанскими офицерами.

Но, пожалуй, ключевой причиной дезинтеграции «XV бандеры» стало противостояние внутри командования подразделения, в первую очередь, между «мозговым центром» Бригады Т. Ганнингом (в свое время занимавшим пост генерального секретаря НКП) и самим ирландским «фюрером» О'Даффи, который все реже оказывался рядом со своими бойцами, большую часть времени предпочитая проводить в комфортабельных гостиницах франкистской Испании.

В целом ответственность за столь плачевное состояние Бригады действительно лежит на их вожаке. Дело в том, что в 1936–1937 гг. О'Даффи уже мало напоминал себя самого времен Войны за независимость и гражданской войны в Ирландии. Лидерские качества, организаторские

способности и здоровый авантюризм генерала уступили место апатии и безынициативности, чему в немалой степени способствовали нараставшие проблемы с алкоголем. (Интересно, что еще в 1933 г. итальянские официальные лица отмечали, что О'Даффи «часто говорит под воздействием виски» [25].) Вместо того чтобы сражаться на поле боя вместе со своими солдатами, генерал предпочитал «планировать» операции, проводить время в барах гостиниц и давать интервью журналистам.

К этому времени – к весне 1937 г. – Ирландская бригада и ее лидер вызывали все меньшее доверие и в официальном Бургосе. В руководстве националистов желали поскорее избавиться от ирландской обузы. 24 марта 1937 г. глава Иностранного легиона генерал Ягуэ (с которым О'Даффи к этому времени успел рассориться) прибыл в расположение «XV бандеры». Настоящий солдат, истинный боевой генерал, прошедший с Иностранным легионом наиболее тяжелые и жестокие моменты гражданской войны, Ягуэ был шокирован увиденным в лагере ирландцев. Мало того, что «бандера» бежала с поля боя, а ее командование отказалось выполнять приказ вышестоящего начальства, сама обстановка в подразделении была вызывающей: в Ирландской бригаде царил полный хаос, вплоть до того, что на посту стояли пьяные солдаты. В отчете Ягуэ указал, что «XV бандера» является настолько небоеспособной, что любой участок фронта, на которое она будет отправлена, ни в коем случае нельзя считать безопасным. Глава Иностранного легиона предложил немедленно расформировать «бандеру», а бойцов распределить по другим отрядам. Когда же буквально через несколько дней один из командиров Ирландской бригады заявил, что ирландцы желают вернуться домой для того, чтобы затем... сражаться на стороне Испанской республики, Ягуэ (до которого и раньше доходили подобные пораженческие высказывания) приказал арестовать смутьяна, а бригаду – разоружить [26].

9 апреля 1937 г. О'Даффи написал письмо Франко. «С сожалением приходится констатировать, что Ваше превосходительство более не доверяет батальону, – заключал ирландский «фюрер», – и я боюсь, что мы не можем более здесь оставаться, если только не заручимся Вашим полным доверием... Я не имею другого выхода, кроме как просить Ваше превосходительство отдать приказ о транспортировке батальона домой. Это будет унылое путешествие, но так должно быть... Мы покидаем Испанию с чувством боли и горечи» [27]. При этом О'Даффи просил оставить его в должности атташе при правительстве националистов и позволить выказавшим желание продолжать сражаться ирландским бой-

цам. Франко отказал О'Даффи в первой просьбе, но разрешил небольшой группе ирландцев остаться в Испании.

14 апреля Франко лично проинспектировал состав «XV бандеры», после чего отправил О'Даффи крайне критическое послание, в котором среди прочих проблем Бригады назвал «недостаток профессиональных офицеров» и «фактическое отсутствие вклада ирландцев в общее дело победы» [28].

В течение конца апреля – начала мая 1937 г. все еще остававшиеся испанские доброжелатели О'Даффи предприняли ряд попыток примирения ирландцев с националистическим командованием. Однако все они были обречены на провал. Не помогло даже вмешательство архиепископа Гибралтара. Ирландцы требовали новую униформу, замены испанских переводчиков, переброску на северный фронт под командование симпатизировавшего карлистам генерала Э. Моля и т. д. Националисты в ответ настаивали на резком усилении дисциплины в Бригаде и смене командования, однако О'Даффи отказался идти на компромисс. В своей последней беседе с ирландским генералом Франко, окончательно разочаровавшийся в О'Даффи, заявил, что ирландцы «должны либо делать свое дело, либо покинуть Испанию». Ягуэ был еще более категоричен. На предложение о посредничестве в урегулировании конфликта со стороны герцогини Тетуанской глава Иностранного легиона ответил буквально следующее: «В Испанию прибыли наихудшие из возможных ирландцев, и было бы счастливым извлечением посадить их на самолеты и отправить к “красным”» [29].

Провал «крестового похода» О'Даффи против «мирового коммунизма» был очевиден. Дабы избежать международного конфуза, был найден весьма незатейливый ход. О'Даффи объявил об окончании 6-месячного срока контракта с Иностраным легионом, что позволило вывести добровольцев, не потеряв лицо. Правда, в последней просьбе – выступить по националистическому радио с пропагандистской речью – ирландскому генералу было отказано. «XV бандера» вернулась в Касерес и почти единогласно проголосовала за возвращение домой. 17 июня 1937 г., спустя два месяца после того, как бригада была отозвана с фронта и разоружена, ирландцы сели на поезд в Лиссабон, откуда отплыли на пароходе «Мозамбик» в Ирландию; а уже 21 июня почти 650 солдат О'Даффи прошли маршем по улицам Дублина. Ирландцы потеряли в Испании не более десяти человек, и лишь немногие остались воевать «за веру своих отцов» (6 из них – долечиваться в госпиталях). В 1938 г. в Иностранном легионе насчитывалось всего пять бойцов ирландской национальности [30].

Несмотря на позорное фиаско пиренейской авантюры, по возвращении на родину О'Даффи попытался представить свой испанский вояж в выгодном для себя свете. Поначалу это ему удавалось, однако вскоре в Ирландии стали всплывать все новые неприглядные подробности пребывания «XV бандеры» на полях сражений гражданской войны в Испании. Так, уже в день прибытия «Мозамбика» при сходе ирландцев с трапа корабля часть бойцов во главе с конфликтовавшими с О'Даффи офицерами отправилась в противоположном основному направлении. Вскоре представители «внутренней оппозиции» в бывшей Ирландской бригаде поведали журналистам и про то, что «бандера» была политически мотивирована, и как ирландские солдаты и офицеры отказывались сражаться, и что единственное реальное боевое столкновение Ирландской бригады с противником произошло с солдатами армии Франко, наконец, при каких обстоятельствах ирландцы были вынуждены покинуть Испанию [31].

Крах испанского похода Ирландской бригады не замедлил сказаться на карьере О'Даффи. Можно сказать, что неудавшийся «крестовый поход» против «красного зверя» в Испании в значительной степени отразился лично на некогда влиятельном политическом деятеле. Даже те, кто с энтузиазмом провожал генерала на Пиренейский полуостров, теперь игнорировали и третировали его. Подорвавший здоровье О'Даффи уже не пытался возродить Национальную корпоративную партию, окончательно превратившись в политического маргинала. Его место заняли более молодые и инициативные лидеры. Правда, когда в ноябре 1944 г. генерал Эйон О'Даффи скончался, ирландский премьер-министр де Валера все же распорядился устроить генералу государственные похороны...

Франко же, в отличие от О'Даффи, сделал гораздо более успешную политическую карьеру, победил в гражданской войне, не дал втянуть страну во Вторую мировую войну и остался верховным правителем Испании вплоть до 1975 г.!

И хотя ирландские добровольцы уже после критических летних месяцев 1936 г. стали для твердо вставшего на ноги каудильо ненужной обузой, их участие имело далеко идущие последствия. Добровольческое движение на стороне националистов являлось ярким свидетельством «международной солидарности» в борьбе с «красной угрозой». Это вполне устраивало испанского диктатора и его фашистских покровителей в Риме и Берлине. Весь мир видел, что их «крестовый поход» против «мирового коммунизма» находит отклик в разных уголках Европы. Акцентируя внимание на таких добровольцах, Франко старался отвести удар критики от той многократ-

но более мощной поддержки, которую ему оказывали Германия и Италия.

Большое значение имело участие добровольцев и в информационно-пропагандистской войне в Европе, победу в которой праздновали Италия и, особенно, Германия (этот опыт, кстати, оказался очень востребованным рейхом в ходе Второй мировой войны). Одним из важнейших последствий гражданской войны в Испании стал тот факт, что водораздел сил в Испании и Европе в целом накануне Второй мировой войны по линии «фашизм – демократия» опасно сдвинулся в русло противостояния «фашизм – коммунизм», что в конечном итоге обеспечило военное поражение Испанской республики и дипломатический коллапс западных демократий, резко приблизив начало Второй мировой войны.

И роль иностранных добровольцев в националистической армии в этом процессе не стоит недооценивать.

Примечания

1. См. напр.: Война и революция в Испании. 1936–1939. М., 1968; *Сориа Ж.* Война и революция в Испании. Т. 1–2. М., 1987; *Малай В. В.* Международные аспекты Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: дис. ... д-ра ист. н. М., 2004; *Thomas H.* The Spanish Civil War. 3-d ed. Cambridge, 1977; *Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1998; *The International Context of the Spanish Civil War* / ed. G. Johnson. Cambridge, 2009.

2. См. напр.: Солидарность народов с Испанской республикой. 1936–1939. М., 1972; *Рыбалкин Ю.* Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000; *Coverdale J. F.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. New Jersey, 1975; *Ries K., Ring H.* The Legion Condor: a History of the Luftwaffe in the Spanish Civil War, 1936–1939. West Chester, 1992.

3. См.: *McGarry F.* Irish Politics and the Spanish Civil War. Cork, 1999. P. 23.

4. *Stradling R.* The Irish and the Spanish Civil War, 1936–39: crusades in conflict. Manchester; N. Y., 1999. P. 8.

5. *McGarry F.* Eoin O'Duffy: A Self-Made Hero. P. 285.

6. Irish Independent. 10.08.1936.

7. *O'Duffy E.* Crusade in Spain. Dublin, 1938. P. 14.

8. Irish Independent. 24.08, 27.08.1936.

9. Цит. по: *Griffin G.* Fascism. Oxford, 1995. P. 184.

10. *Stradling R.* A. Franco Irish Volunteers // History Today. 1995. March. P. 44.

11. *O'Duffy E.* Op. cit. P. 24.

12. Ibid. P. 58–59.

13. Ibid. P. 65.

14. *MacKee S.* I Was a Franco Soldier. L., 1938. P. 237.

15. *McGarry F.* Irish politics and the Spanish Civil War. Cork, 1999. P. 30–37; *Stradling R.* Op. cit. P. 26–29.

16. См. напр.: Irish Independent. 28.11.1936; 24.02.1937; *Stradling R.* Op. cit. P. 28.

17. *Keogh D.* Ireland and Europe. Dublin, 1988. P. 81–82.

18. *Othen C.* Franco's International Brigades. L., 2008. P. 117; *O'Duffy E.* Op. cit. P. 138–140.

19. *O'Duffy E.* Op. cit. P. 140.

20. "The Jarama, Say the Irish, was No Picnic" // Sunday Independent. 19.06.1960.

21. *MacKee S.* Op. cit. P. 25.

22. Цит. по: *McGarry F.* Irish politics and the Spanish Civil War. P. 40.

23. *MacKee S.* Op. cit. P. 27.

24. Irish Press. 26.05.1937.

25. *Cronin M.* The Blueshirts in Ireland. Oxford, 1993. P. 238; *Keogh D.* Op. cit. P. 46.

26. *McGarry F.* Irish politics and the Spanish Civil War. P. 44.

27. Цит. по: Ibid.

28. *Stradling R.* Op. cit. P. 230.

29. Цит. по: *McGarry F.* Op. cit. P. 45.

30. *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936–1939. N. Y., 2001. P. 127.

31. Irish Times. 23.06.1937.

УДК 94(73+470+498)"1949/1953":338

М. А. Росина

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США И СССР В ОТНОШЕНИИ РУМЫНИИ в 1949–1953 гг.

Статья посвящена анализу экономической политики США и СССР в отношении Румынии в 1949–1953 гг. Автор показывает влияние конфронтационной модели американско-советских отношений на страны Восточной Европы.

The article is devoted to the analysis of the economic policy of the USA and the USSR concerning Romania in 1949–1953. The author shows influence of the confrontational model of Soviet-American relations on countries of the Eastern Europe.

Ключевые слова: экономические отношения, Румыния, американско-советские отношения, «холодная война», Восточная Европа.

Keywords: Economic relations, Romania, the American-Soviet relations, Cold war, the Eastern Europe.

В 1949–1953 гг. американско-советские отношения стали оказывать определяющее воздействие на развитие международных процессов. Разделение стран Европы на западный и восточный блоки стало очевидным. Американско-советское соперничество проявлялось не только в политике и идеологии, где его выражением стали начинающаяся гонка вооружений и многочисленные пропагандистские кампании, но и в экономике. Внешняя политика США продолжала развиваться в рамках концепции «сдерживания». Период 1949–1953 гг. сопровождался её переходом на качественно новый уровень, что выразилось в создании блока НАТО и Координационного ко-

© Росина М. А., 2011

митета по экспортному контролю (КОКОМ), контролирующим военно-политические и экономические контакты западного блока с СССР и социалистическими странами [1]. Для большинства государств Восточной Европы этот период характеризовался копированием советской системы. В таких условиях экономические санкции стали наиболее часто применяемым со стороны США инструментом воздействия на СССР и его союзников.

Советская историография акцентировала внимание на ошибочных расчетах Вашингтона на то, что Советский Союз без экономической помощи США не сумеет восстановить разрушенное войной народное хозяйство и удержать в орбите своего влияния страны Восточной Европы. Результатом этих расчетов стала откровенно враждебная позиция в отношении СССР и стран народной демократии и, как следствие, дискриминация в торговле с ними [2].

Анализ современной отечественной и зарубежной историографии позволяет выделить ряд причин, побудивших Вашингтон пойти на ухудшение экономических отношений с социалистическими странами. Одной из них выступает традиционная американская идея борьбы против угнетения народов и нарушения прав человека, побуждавшая Вашингтон путем введения экономических санкций не допустить того, чтобы у сталинского режима была возможность опираться на поработанные народы [3]. Расчет при этом делался на сохранение экономической отсталости восточноевропейских стран и, как следствие, рост недовольства населения низким уровнем жизни.

Вторая причина видится в том, что в рассматриваемый период социалистический путь развития воспринимался в Европе как реальная альтернатива капитализму и буржуазной демократии. Итог борьбы либерализма и коммунизма еще не был ясен. Победа над странами «оси» вызвала рост общественного интереса к коммунистическим идеям, к СССР и социализму как социально-экономической системе. Возникшая перед многими странами проблема выбора пути развития в тот период зачастую сводилась к формуле-дилемме: социализм либо капитализм [4]. Это вызывало у руководства США вполне естественное желание создать для государств советского блока максимально неблагоприятные экономические условия, чтобы снизить привлекательность социализма для стран «третьего мира».

Еще одним немаловажным фактором, объясняющим мотивы действий Вашингтона, является стремление достигнуть максимального ослабления противника, не создавая при этом угрозы вооруженного конфликта. США окончательной целью политики Советского Союза видели мировое господство. Аналогичные опасения существо-

вали и в СССР, во всяком случае образ внешнего врага использовался им для удержания в своем геополитическом и экономическом пространстве стран Восточной Европы [5]. Таким образом, в рассматриваемый период главной целью Вашингтона и Москвы было при сохранении и упрочении собственных позиций не допустить усиления противника, избегая вооруженных столкновений.

Американское и советское экономическое воздействие на процесс советизации Румынии заслуживает специального рассмотрения, поскольку эта страна, не имея исторической предрасположенности к советской модели, по оценкам современников, к 1952 г. находилась под наиболее полным контролем Кремля из всех стран социалистического лагеря [6].

Большинство историков сходятся во мнении, что в рассматриваемый период в Румынии происходили процессы, характерные для всех стран народной демократии, внутренняя и внешняя политика которых была подчинена интересам Москвы [7]. Действия США в отношении Румынии также были обусловлены их общей внешнеполитической концепцией. По мнению М. А. Мунтяна, Вашингтон, с 1948 г. лишившийся возможности опираться на румынскую оппозицию, просто вынужден был перенести упор на внешнеполитическое давление, и в первую очередь на «создание экономических трудностей». Участие Румынии в созданном в 1949 г. Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и усиление её сотрудничества с СССР и странами социалистического лагеря оценивались советской стороной как залог ограждения национальной независимости страны от посягательств империалистического мира [8].

Бесспорным в историографии остается и тот факт, что именно на 1949–1953 г. приходится период максимальных ограничений торговли США и Западной Европы с СССР и социалистическими странами, в том числе и с Румынией [9].

Параллельно с этим под руководством Москвы происходило носившее антикапиталистическую направленность сплочение стран Восточной Европы. Уже на первом совещании СЭВ в январе 1949 г. отмечалось, что правительства США и ряда государств Западной Европы бойкотируют торговые отношения со странами народной демократии и СССР, которые не хотят подчиниться диктату плана Маршалла, нарушающего их суверенитет и интересы национальной экономики [10]. Помимо включения Румынии в экономическую организацию стран Восточной Европы Москва использовала и иные пути усиления своего влияния в этой стране. К 1949 г. Румыния была прочно связана с экономикой СССР торговым договором 1947 г. и наличием совместных советско-румынских предприятий, которым пре-

доставлялись широкие экономические привилегии. В Румынской конституции 1948 г. закреплялось, что её «внутренняя и внешняя торговля направляется и контролируется государством». В 1949 г. Румынская Народная Республика (РНР) была освобождена от уплаты штрафов за нарушение сроков поставки товаров по репарациям, практиковалась также отправка в Румынию советских специалистов [11]. В Вашингтоне спокойно реагировать на происходящее не могли. Стремление румынского правительства исключить из планов развития экономики страны учет любых западных интересов, а в перспективе и уничтожить весь частный сектор были очевидны [12].

14 января 1949 г. в программном заявлении Госдепартамента были отражены принципиальные проблемы в отношениях между Соединенными Штатами и Румынией. Важнейшей долгосрочной целью Вашингтона называлось восстановление Румынии как независимого государства. Особое внимание обращалось на то, что румынская экономическая политика практически полностью подчинена Советскому Союзу и выражается в дискриминации интересов США и других западных стран. Отмечалось, что в сложившейся ситуации первоочередными целями Вашингтона стали защита американских интересов и престижа в Румынии, а также недопущение увеличения военного потенциала этой страны как союзницы СССР [13].

Хотя представители американской дипломатической миссии в Румынии отмечали, что поставленные цели в существующих условиях являются не более чем неопределенно выраженными надеждами [14], некоторые планы, изложенные в документе, были реализованы. Так, препятствуя росту военного потенциала Румынии, предполагалось не распространять на неё никаких американских правительственных кредитов и отказывать в финансовой поддержке любого рода [15]. Были предприняты меры и по защите интересов бывших американских собственников, которые в ходе проведенной в 1948 г. национализации не получили компенсации. Программное заявление Госдепартамента подразумевало, что если румынское правительство в ближайшее время не удовлетворит претензии, предъявленные ему в связи с конфискацией собственности американских граждан, то в США будут заморожены все румынские активы, с целью хотя бы частичного обеспечения удовлетворения американских требований [16]. Уже через месяц Вашингтон перешел от слов к делу. В феврале 1949 г. по решению правительства были заморожены все авуары румынских граждан, находившиеся на территории США.

Тогда же конгрессом был принят закон о контроле над экспортом, в соответствии с которым

президенту предоставлялась возможность ограничивать или запрещать продажу любых товаров за границу, если это угрожало национальной безопасности Соединенных Штатов [17]. В ноябре того же года были созданы консультативная группа и координационный комитет по контролю за экспортом стратегических товаров в социалистические страны. Особое внимание уделялось трём категориям товаров: вооружению, оборудованию, связанному с использованием атомной энергии, и промышленному оборудованию. Экспорт в соцстраны товаров, относящихся к первым двум категориям, был полностью запрещен.

Несмотря на это, советские позиции в Восточной Европе были практически непоколебимы. Кремль контролировал этот регион и в политическом, и в экономическом отношении, не допуская проникновения туда влияния западных держав. Примером этому служит вопрос о режиме судоходства по Дунаю. Подписанная в Белграде в августе 1948 г. конвенция лишала западные державы возможности экономического проникновения в дунайский бассейн. В 1949–1950 гг. взятый еще в ходе Белградской конференции курс США на обвинение СССР в монополизации коммерческой деятельности на Дунае [18] был продолжен, о чем свидетельствует обмен нотами между Вашингтоном и Москвой. Так, 15 ноября 1949 г. правительство США заявило, что не признает Белградскую конвенцию как имеющую какую-либо действительную международно-правовую силу [19], подчеркивая, что этот документ явно предназначен для того, чтобы дать возможность Советскому Союзу сохранить свою торговую монополию на Дунае [20].

В ноте посольства СССР Госдепартаменту США утверждалось, что Белградская конвенция обеспечивает свободу навигации для торговых судов, граждан и товаров всех стран на условиях равенства портовых и навигационных сборов (ст. 1), при взимании портовых сборов не допускается никакой дискриминации по мотивам национальной принадлежности судов, пунктов их отправления или назначения, или по каким-либо другим причинам (ст. 40), никакие сборы за транзит как таковой с судов, плотов, пассажиров и товаров устанавливаться не будут (ст. 42) и т. д., а потому в отношении равенства условий торгового судоходства конвенция 1948 г. никому не предоставляет монопольных прав [21]. Не располагая в этом вопросе иными инструментами воздействия на советскую сторону, Вашингтон вынужден был в очередной раз ограничиться лишь формальными дипломатическими протестами. Ситуация, сложившаяся в дунайском бассейне, не только не допускала развития американской торговли в этом регионе, но и в определенной

степени вынуждала придунайские страны, к числу которых относилась и Румыния, к более тесным экономическим контактам с СССР.

Поиск эффективных мер воздействия на Кремль вёл к ужесточению американской позиции. 8 февраля 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон объявил о переходе Вашингтона к проведению т. н. «тотальной дипломатии». Последняя подразумевала готовность США в случае необходимости не принимать во внимание интересы Советского Союза и стран соцлагеря при определении своего отношения к основным международным проблемам [22].

Нарастание противоречий между СССР и США вело к неизбежному втягиванию в них Румынии. С учетом рекомендаций Кремля на V пленуме ЦК Румынской Рабочей Партии (РРП) [23], состоявшемся в начале 1950 г., отмечалось, что необходимо «разоблачать лихорадочную гонку вооружений, огромные военные расходы и непрерывную пропаганду военного подстрекательства против СССР и стран народной демократии, ведущуюся англо-американскими империалистами» [24]. В марте 1950 г. в Румынии были закрыты британские и американские Информационные Залы [25].

В Вашингтоне существенное внимание уделялось идее поддержки разногласий в социалистическом лагере, что должно было содействовать отрыву восточноевропейских стран от Советского Союза и превращению их в «нейтральные» государства. В 1950 г. Советом национальной безопасности была разработана «Директива СНБ-68», определявшая цели и принципы политики Соединенных Штатов в отношении Кремля. Отмечалось, что проводимая Вашингтоном политика «сдерживания» нацелена на то, чтобы всеми возможными средствами, кроме войны, добиваться прекращения дальнейшей экспансии СССР, разоблачения ложности советских претензий и стремиться к постепенному подрыву основ советской системы, чтобы Кремль был вынужден, как минимум, скорректировать свою политику и привести её в соответствие с общепринятыми международными стандартами. Всё это должно было быть достигнуто путем «умелого использования экономической мощи США и создания максимально возможного недовольства [советскими действиями. – М. Р.] по ту сторону «железного занавеса», в том числе и за счет создания привлекательного образа экономически благополучной и преуспевающей Западной Европы. Однако следовало сохранять гибкость и благоразумие, чтобы избежать угрозы войны [26].

Расчет США на то, что в соцстранах будет расти недовольство советской политикой, в определенной степени был оправдан. Об этом свидетельствует «Записка о слухах, распространяв-

шихся в Румынии в феврале 1950 г.» [27]. Тем не менее этот документ отражает лишь умонастроения основной массы румынского населения, так как каких-либо организованных антисоветских акций в тот период не предпринималось.

Невозможность отхода от заданной Кремлем линии иллюстрирует окончательный переход генерального секретаря РРП Г. Георгиу-Дежа на позиции твердой приверженности сталинскому курсу в 1949 г. Интересен тот факт, что в середине 1947 г. в Москву поступила записка члена РКП Э. Боднараша. В ней утверждалось, что основной причиной тяжелого экономического положения в Румынии Георгиу-Деж видел пребывание советских войск на её территории и выполнение условий перемирия. Автор утверждал и то, что Георгиу-Деж симпатизировал англо-американцам, считая, что Советский Союз не мог удовлетворить экономические нужды Румынии. В сопроводительной записке, составленной заместителем председателя Союзной контрольной комиссии по Румынии И. З. Сусайковым, отмечалось, что, хотя данные утверждения не в полной мере соответствуют действительности, Деж не всегда считал нужным советоваться с членами политбюро и секретарями ЦК особенно по экономическим вопросам [28].

К началу 1950-х гг. приверженность Георгиу-Дежа советскому курсу не вызывала никаких сомнений. Было очевидно, что лидер партии ориентирован на установление в Румынии режима личной власти путем неукоснительного исполнения всех предписаний Москвы. Помимо проведения ускоренной индустриализации и коллективизации, исправной поставки продуктов Советскому Союзу в соответствии с существующими соглашениями, Деж выражал свою верность Кремлю и как борец с «империалистическими шпионами» [29].

Одной из первых жертв этой борьбы в 1952 г. стал министр финансов В. Лука. Он был подвергнут критике за свою «немарксистскую» политику, слабую борьбу с империалистическими шпионами, занижение данных об удельном весе частной торговли в экономике Румынии, послабления в налогообложении крестьянам и городскому частнику [30]. В результате Лука был освобожден от занимаемой должности. При этом особое внимание обращалось на «засоренность аппарата Министерства финансов и Госбанка враждебными, шпионскими элементами», отмечалось, что в этих учреждениях «работает большая группа лиц, имеющих связь с заграницей» [31].

Затем начался процесс против одного из ведущих партийных лидеров А. Паукер, прежде считавшейся последовательной сторонницей марксистского курса. С 1949 г. она отвечала за

осуществление сельскохозяйственной коллективизации. Однако проводимая политика к середине 1950 г. спровоцировала массовое сопротивление в деревне. Паукер сочла необходимым не усугублять ситуацию, а пойти на некоторые послабления крестьянству, что неизбежно вело к отступлению от предписанного плана [32]. Последнее обстоятельство позволило Георгиу-Дежу обвинить её в правом уклоне [33] и в феврале 1953 г. арестовать. Параллельно лидером партии велась борьба и с левыми уклонистами [34]. Таким образом, на фоне американо-советской конфронтации под видом антикапиталистической борьбы в Румынии происходило усиление режима личной власти Г. Георгиу-Дежа.

В связи с ситуацией в Румынии, в Конгрессе США звучали заявления об экономическом разграблении и использовании всех промышленных и сельскохозяйственных ресурсов этой страны в интересах СССР [35]. Отмечалось, что Кремль взял курс на экономическую эксплуатацию Румынии, злоупотребляя условиями перемирия, касающимися оккупационных войск и их содержания, разграбляя страну путем недопустимого толкования международных соглашений о немецких активах, вынуждая Бухарест проводить национализацию банков, промышленности и торговли с целью установления советского контроля и экономического доминирования. Отмечалось, что всё это препятствует восстановлению традиционных международных торговых отношений Румынии, обрекая её на неравноправные экономические соглашения с Москвой и превращение в арсенал для дальнейшей коммунистической агрессии [36].

Усиление антикапиталистической политики восточноевропейских стран провоцировало дальнейшее ужесточение антисоветских мер в сфере экономики. Наиболее радикальные из них были предприняты Соединенными Штатами в 1951 г. С 1 марта КОКОМ получил полномочия вводить по своему усмотрению любые барьеры для торговли не только США, но и их союзников с социалистическими странами. 23 июня Вашингтон денонсировал советско-американское торговое соглашение 1937 г., а в октябре конгресс принял т. н. «закон Бэттла» о контроле за помощью в целях взаимной обороны. В соответствии с ним США отказывали в своей финансовой поддержке тем капиталистическим странам, которые продолжали торговые связи с Советским Союзом. Относящаяся к нему «поправка Керстена» дала президенту право ежегодно расходовать 100 млн долл. на подрывную деятельность против стран социалистического лагеря [37].

Последнее обстоятельство вполне справедливо вызвало недовольство Москвы. Советское правительство направило в Вашингтон протест, от-

мечая, что «США, грубо нарушая взятые на себя обязательства, продолжают политику дальнейшего ухудшения отношений с Советским Союзом и обострения международной обстановки» [38] путем вмешательства во внутренние дела свободных стран. От американской стороны последовал ответ, что принятое решение находится в соответствии с традиционной для США политикой поддержки жертвам угнетения [39], а в заключение отмечалось, что ложные обвинения во вмешательстве во внутренние дела суверенных государств «особенно не пристало выдвигать режиму, который в течение многих лет последовательно поддерживает подрывную деятельность, направленную против Соединенных Штатов и других стран свободного мира» [40]. Безусловно, все эти факторы свидетельствовали об отсутствии доброжелательных отношений между СССР и США и возрастании напряжения между ними.

Существует точка зрения, что ужесточение экономических санкций США по отношению к странам советского лагеря не только не ослабило позиций последних, но и, наоборот, окончательно вынудило их к сближению с СССР. Объясняется это тем, что Советский Союз никогда не был зависим ни от экономической помощи США, ни от торговли с ними [41].

Нельзя не согласиться и с тем, что, во-первых, эмбарго стало причиной разногласий в рамках НАТО, поскольку западноевропейские союзники США были заинтересованы в торговле с социалистической частью Европы и в большинстве своем не верили в эффективность торговых ограничений [42]. Во-вторых, хотя происходящее в Румынии и ряде других восточноевропейских стран оценивалось Конгрессом не иначе как «коммунистическая диктатура» [43], многие конгрессмены полагали, что Вашингтон берет на себя слишком много расходов на внешнюю политику. После того как в 1948–1949 гг. основные затраты по созданию и функционированию НАТО легли на плечи США, сенаторы пришли к выводу, что дальнейшие траты на внешнюю политику должны осуществляться только после тщательного исследования возможностей американской экономики. В среде конгрессменов и части общественности было немало сторонников либерализации торговли с коммунистическими странами [44]. При этом особое внимание финансовым вопросам уделяли республиканцы, неустанно указывавшие на то, что недальновидная внешняя политика демократов оказывает негативное влияние на развитие экономики самих Соединенных Штатов [45].

Таким образом, политика США в рассматриваемый период в определенной степени способствовала достижению Кремлем большей центра-

лизации власти в Восточной Европе. Советской стороне зачастую удавалось представлять действия Вашингтона как одну из важнейших причин многих экономических трудностей внутри соцлагеря [46]. Действительно, ещё во второй половине 1940-х годов Дж. Кеннан предупреждал, что если бороться с советским режимом в Восточной Европе, то последний непременно использует это обстоятельство, чтобы «доказать враждебность [США. – М. Р.] и необходимость собственного существования для защиты интересов населения» [47]. Автор доктрины сдерживания считал, что необходимо сделать американскую дипломатию эффективной, взвешенной, ориентированной на защиту национальных интересов страны, и не допускать безрассудной траты сил и ресурсов на достижение эфемерных целей [48]. Таким образом, действия США в экономической сфере подвергались критике как внутри страны, так и за ее пределами. Тем не менее в сложившихся условиях такая политика в отношении Восточной Европы оставалась для США единственно возможной. Одним из подтверждений этому служит речь, произнесенная в июле 1952 г. Ч. Боленом. В ней будущий посол в Советском Союзе отмечал, что действия США осуществлялись в рамках политики «сдерживания» и были необходимы, так как иная позиция подразумевала бы содействие советской экспансии или безразличие к ней [49].

В начале 1950-х гг. очевидно, что Румыния становится республикой советского типа. Для западных наблюдателей не было секретом, что, хотя недовольство режимом сохранялось, никакого организованного движения сопротивления просто не существовало, а потому позициям Советского Союза в этой стране ничего не угрожало [50].

В 1953 г. стала наблюдаться тенденция к ослаблению напряженности между США и СССР. В определенной степени это было связано с приходом к руководству США Д. Эйзенхауэра. Новый президент говорил о необходимости поиска иного подхода к Советскому Союзу. Он заявлял, что надо расширять торговлю с социалистическим лагерем, которая будет способствовать развитию политических и культурных контактов. Первоочередной задачей Эйзенхауэр считал укрепление конкурентоспособности американской экономики настолько, насколько возможно, так как именно в ней он видел главный источник мощи США. Следовательно, никоим образом нельзя было допустить того, чтобы из-за роста расходов на оборону ослабла способность американской экономики удовлетворять потребности населения [51]. По этой причине Эйзенхауэр делал ставку не на лидерство США во всех областях вооружения, а на наращивание ядерного потенциала страны [52].

После смерти Сталина началась общая либерализация отношений и в странах социалистического лагеря. Стала очевидна тенденция на преодоление крайностей, присущих сталинскому режиму [53]. О некотором ослаблении межблоковой конфронтации свидетельствует тот факт, что к середине 1953 г. правительство США назначило своего посланника в Румынии, хотя раньше их миссия возглавлялась лишь временным поверенным в делах. В сфере экономики «потепление» выразилось в разрешении частной торговли в Бухаресте [54].

Экономическая политика США и СССР в отношении Румынии осуществлялась в рамках их общих внешнеполитических концепций. Политика Кремля в отношении стран Восточной Европы в целом и Румынии в частности была хорошо продумана, последовательна и тверда. Она обеспечивалась сильными советскими позициями в РНР. Типичными проявлениями этой политики были: концентрация власти в руках коммунистической партии, проведение политических «чисток», контроль важнейших ведомств страны людьми, преданными советскому режиму. Все это объяснялось в первую очередь интересами национальной безопасности Советского Союза и его стремлением удержать занятые позиции в условиях эскалации «холодной войны».

Противодействие продвижению интересов СССР осуществлялось США в русле доктрины «сдерживания». В 1949–1953 гг. применение экономических санкций оказалось для Вашингтона наиболее приемлемым инструментом воздействия на социалистические страны. В отличие от формальных дипломатических протестов они создавали для последних ощутимые неудобства и в то же время не провоцировали вооруженных конфликтов с Советским Союзом. Тем не менее путём ужесточения экономических санкций Соединенным Штатам не удалось воспрепятствовать установлению всеобъемлющего советского контроля над Румынией.

Примечания

1. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 122.

2. *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики Румынской Народной Республики 1948–1955 гг. М., 1971. С. 3–4, 91; *Подлесный Т. П.* СССР и США 50 лет дипломатических отношений. М., 1983. С. 38, 40; *Цветков Г. Н.* СССР и США: отношения, влияющие на судьбы мира. Киев, 1988. С. 144, 171–172.

3. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 414–416; *Theobaris A.* The Yalta Myths an Issue in United States Politics, 1945–1955. Columbia, 1970. P. 145–146.

4. *Наджафов Д. Г.* К вопросу о генезисе холодной войны // Холодная война 1945–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 91, 99; *Рукавишников В. О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 190.

5. См. *Ojserkis R.* Beginnings of the Cold War Arms Race. The Truman Administration and the US Arms Build-Up. Westport, 2003. P. 35–37; *Kovrig B.* Of Walls and Bridges. The United States and Eastern Europe. N. Y., 1991. P. 32; *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. М., 1999. С. 226.
6. *Vucinich W.* Soviet Rumania – 1944–1951 // Current History. 1952. Vol. 22. № 126. February. P. 91; *Fischer-Galati S.* The New Rumania: from People's Democracy to Socialist Republic. L., 1967. P. 43.
7. A History of the Romanian Communist Party. Stanford, 1980. P. 52–53; The Communist Parties of Eastern Europe / ed. by S. Fisher-Galati. N. Y., 1979. P. 282; *Ionescu G. A.* Рецензия на кн.: Roberts H. Rumania: Political Problems of an Agrarian State // The Slavonic and East European Review. 1952. Vol. 31. № 76. P. 293, 295; *Ionescu Gb.* The Politics of the European Communist States. N. Y., Wash., 1967. P. 34; *Miller M.* Рецензия на кн.: Dewar M. Soviet Trade with Eastern Europe 1945–1949 // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. № 74. P. 301; *Vucinich W.* Op. cit. P. 91; *Светлорусова Л. М.* Реферативный обзор кн.: Кацарски И. Тоталитарный социализм // Системы советского типа в Восточной Европе: осмысление опыта четырех десятилетий: сб. обзоров и рефератов. М., 2000. С. 41; *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики 1945–1996 гг. М., 2002. С. 245–246.
8. *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики ... С. 50; Он же. Внешняя политика Румынской Народной Республики (1948–1955): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 16, 20.
9. *Funigiello P.* American-Soviet Trade in the Cold War. L.; Chapel Hill, 1988. P. 215; Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М., 1985. С. 124; *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. Человек. Политик. Полководец. М., 1998. С. 278; *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики... С. 91; *Парканский А. Б.* Американско-румынские экономические отношения // США: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 66; *Цветков Г. Н.* Указ. соч. С. 171–172; *Язкова А. А.* Балканам – мир и сотрудничество. М., 1990. С. 17.
10. Архив внешней политики Российской Федерации [далее – АВП РФ.] Ф. 0129. Референтура по США. Оп. 336. П. 337. Д. 1. Л. 149.
11. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. Т. 2. М., 2002. С. 175, 345, 348.
12. Foreign Relations of the United States [далее – FRUS.] 1949. Vol. V. P. 527.
13. FRUS. 1949. Vol. V. P. 521, 522, 526, 530.
14. Ibid. P. 539.
15. Ibid. P. 529.
16. Ibid. P. 528.
17. *Funigiello P.* Op. cit. P. 213.
18. В 1948 г. на конференции в Белграде решался вопрос о режиме судоходства по Дунаю. В основе американского проекта лежала идея создания «свободных зон» и «свободных портов» для судов и судовладельцев западных стран с целью осуществления беспрепятственной торговли. Делегация США выдвигала требование о включении в состав дунайской комиссии не только представителей прибрежных государств [как предполагал советский проект. – М. Р.], но и Англии, Франции и США. Представители последних 18 августа отказались подписать принятый на конференции советский вариант документа. Подробнее см.: *Мунтян М. А.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948 гг.) Кишинев, 1977. С. 184–209.
19. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 336. П. 338. Д. 2. Л. 364.
20. Там же. Л. 365.
21. Там же. Оп. 34г. П. 338. Д. 1. Л. 125–127.
22. *Мунтян М. А.* Очерк внешней политики ... С. 119.
23. В феврале 1948 г. Румынская коммунистическая партия была переименована в Румынскую рабочую партию.
24. Российский государственный архив социально-политической истории [далее – РГАСПИ.] Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 137. Д. 263. Л. 15.
25. *Vucinich W.* Op. cit. P. 91.
26. См. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N. Y., 1978. P. 401–408; Системная история международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. Т. IV. М., 2004. С. 87–88; *Костин А. А.* Внешнеполитическое планирование США в 1945–1949 гг. и югославский вопрос // Международные отношения в XX веке. Вып. 3. Киров, 2011. С. 272.
27. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 137. Д. 263. Л. 27. Содержание записки, во-первых, свидетельствует о том, что румыны осознавали глобальность американско-советской конфронтации и косвенное участие своей страны в ней. Это иллюстрируют такие слухи: «6 марта придут американцы и арестуют всех, кто вступил в колхоз»; «Придет Тито с американцами и убьет всех тех, кто подписал акт на вступление в колхоз». Во-вторых, документ отражает не только недовольство, но порой и непонимание советского курса: «Продовольствие, одежда и т. д. идет для [нужд строительства. – М. Р.] Дунайско-Черноморского канала, вот почему живется нам плохо»; «На станции Одорхей каждую ночь грузят вагоны с хлебом и отправляют в СССР, а народ не имеет, чего есть»; «Дети крестьян, вступивших в колхоз, будут воспитываться в яслях, вырастут, братья и сестры не будут знать друг друга и поженятся между собой». В-третьих, некоторые слухи отражают надежды на помощь со стороны США и бывшего короля в освобождении от советского давления: «Придут американцы, и избавимся от канала»; «Король Михай выступил по радио и сказал, что 5 марта вернется в страну, тогда будет покончено с коммунистами».
28. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 1081. Л. 9.
29. *Dobrincu D.* The Soviet Counsellors' in postwar Romanian repressive and military structures // Sovietization in Romania and Czechoslovakia: History, Analogies, Consequences. Iasi, 2003. P. 162; *Fischer-Galati S.* Op. cit. P. 38–39.
30. Советский фактор ... Т. 2. С. 559–564, 594, 598–600, 614.
31. Там же. С. 601.
32. *Fischer-Galati S.* Op. cit. P. 40–41.
33. Советский фактор ... Т. 2. С. 675–676, 685, 704–706.
34. Там же. С. 701.
35. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 82^d Congress. First Session. Vol. 97. Part 9. Wash., 1951. P. 12451.
36. Congressional Record... Appendix. Vol. 97. Part 13. P. A3742–3743, A4106.
37. *Цветков Г. Н.* Указ. соч. С. 148.
38. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 35в. П. 339. Д. 2. Л. 351, 354.
39. Там же. Л. 388.

40. Там же. Л. 389.
 41. *Funigiello P.* Op. cit. P. 215.
 42. Европа XX века ... С. 124.
 43. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 83^d Congress. First Session. Vol. 99. Part 2. Wash., 1953. P. 1676.
 44. *Funigiello P.* Op. cit. P. 216–217.
 45. *Айриян Р.С.* Роль Конгресса США в формировании внешнеполитического курса администрации Г. Трумэна (1945–1952 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 17, 23, 25.
 46. *Funigiello P.* Op. cit. P. 214–216.
 47. *Kenan G.* Memoirs 1925–1950. Boston; Toronto, 1967. P. 275.
 48. *Райкова В. А.* «Доктрина сдерживания» в контексте политической философии и деятельности Дж. Ф. Кеннана (1930–1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 19; *Юнгблюд В. Т.* «Длинная телеграмма» Дж. Ф. Кеннана и изменение внешнеполитического курса США в 1946 г. // *Международные отношения в XX веке.* Вып. 2. Киров, 2009. С. 169; *Орлик И. И.* Дж. Ф. Кеннан: «Большие дебаты» // *Новая и новейшая история.* 2011. № 1. С. 153–154.
 49. *Bohlen Ch.* Witness to History, 1929–1969. P. 319.
 50. *Vucinich W.* Op. cit. P. 91.
 51. Deconstructing and Reconstructing the Cold War. Sydney, 1999. P. 8; *Dwight D. Eisenhower.* Soldier, President, Statesman / ed. by J. Kreig. N. Y., L., 1987. P. 100; *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 274.
 52. *Луидестад Г.* Указ. соч. С. 169; *Ванден Берге И.* Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917–1990. М., 1996. С. 128–129.
 53. *Светлорусова А. М.* Указ. соч. С. 44.
 54. Советский фактор ... Т. 2. С. 785, 792–793.

УДК 94

А. В. Збоев

К ВОПРОСУ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ БОЛГАРИЕЙ И СОЕДИНЁННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ В ФЕВРАЛЕ 1950 г.

Статья посвящена разрыву болгарско-американских отношений в 1950 г. как важному событию начального этапа холодной войны. Рассматриваются предпосылки дипломатического конфликта между США и НРБ, влияние советского руководства на его развитие, дискуссии по болгарскому вопросу в Госдепартаменте США и его влияние на выработку внешнеполитического курса США в Восточной Европе.

The article is devoted to the severance of US-Bulgarian relations in 1950 as an important event of the initial phase of the Cold War. Preconditions diplomatic conflict between the U.S. and Bulgaria, the influence of the Soviet leadership for its development, the discussions on the Bulgarian question in the State Department and its influence on the formulation of U.S. foreign policy in Eastern Europe are considered.

© Збоев А. В., 2011

Ключевые слова: Болгария, внешняя политика США, внешняя политика СССР, сферы влияния, Хит, Вутов, Костов, дипломатическая миссия.

Keywords: Bulgaria, foreign policy of the USA, foreign policy of the USSR, spheres of influence, Heath, Voutov, Kostov, diplomatic legation.

В конце 40-х гг. XX в. завершалось формирование советской сферы влияния в Восточной Европе, сопровождавшееся всё большим сокращением здесь западного влияния. Среди прочих восточноевропейских стран в Болгарии эта тенденция имела наиболее последовательный характер. Мирный договор, подписанный в 1947 г. в Париже, возобновил дипломатические отношения между Болгарией (и другими бывшими гитлеровскими сателлитами) и странами антигитлеровской коалиции, в том числе США. Однако новое болгарское правительство не вызывало симпатий у Вашингтона, и отношения двух стран вскоре приобрели довольно напряжённый, неприязненный характер. Характерно, что уже через три года после возобновления дипломатические отношения вновь были приостановлены, и из Софии и Вашингтона были отозваны дипломатические представители.

В историографии этому важному эпизоду истории болгарско-американских отношений уделялось незначительное внимание. Его упоминание в трудах историков ограничивалось, как правило, кратким перечислением непосредственно предшествовавших событий и изложением авторской позиции в вопросе ответственности сторон за разрыв отношений. Представители западной историографии, такие, как С. Эванс [1], Дж. Браун [2], акцентируют внимание на нарушениях болгарским правительством прав человека и международных обязательств, а также на сфабрикованных судебных процессах, повлиявших на ухудшение болгарско-американских отношений и их разрыв. Советские и болгарские авторы, в свою очередь, подчёркивали агрессивный характер американской дипломатии в отношении социалистического мира и настойчивые попытки Вашингтона любыми способами вмешаться во внутренние дела Болгарии. Болгарский историк А. Наков считал разрыв дипломатических отношений США с Болгарией прямым следствием американской «тотальной дипломатии», развернувшейся в начале 50-х гг., которая предполагала решение Вашингтоном своих политических задач при игнорировании и пренебрежении интересами СССР и его союзников [3]. В. Божинев представляет данный эпизод звеном цепи агрессивных актов империалистов наряду со сколачиванием военного блока НАТО, организацией торговой блокады Восточной Европы, развязыванием военного конфликта в Корее и др. [4] Последовавшие внешнеполитические санкции США в

отношении Болгарии (свёртывание торговли, расширение пропагандистской деятельности) интерпретировались в русле этой же концепции [5].

Растиражированным в советско-болгарской историографии стало мнение о решающей роли в ухудшении отношений двух государств лично главы американской миссии в Софии, поверенного в делах Дональда Р. Хита, скомпрометировавшего себя действиями, непозволительными для его дипломатического статуса [6].

Истории внешней политики Болгарии уделяли внимание и некоторые польские авторы. Так, Й. Томашевский оценивал разрыв болгарско-американских отношений как важное событие в рамках усиливающейся блоковой конфронтации, в немалой степени повлиявшее на ухудшение отношений США с СССР и странами народной демократии [7].

Отношения НРБ с США исследовал А. В. Потехин, одним из первых поставивший вопрос о том, почему Вашингтон пошёл на разрыв именно с Болгарией. Среди причин этого автор называет незначительную роль Болгарии в мировом политическом балансе, «новый югославский курс» США, а также наибольшую близость позиций болгарского руководства Кремлю [8]. Действительно, на Западе отмечали, что на фоне прочих «стран народной демократии» Болгария была для СССР особой страной, его «ортодоксальным сателлитом» [9], а после 1950 г. называли её «репликой Советской республики» [10].

В данной работе преследуется цель на основе имеющейся литературы, архивных материалов и опубликованных документов расширить знания о прекращении болгарско-американских отношений в 1950 г., рассмотреть предшествующую ему обстановку, дискуссии американских политиков по поводу болгарской политики США, и показать влияние этого события на развитие международных отношений в Восточной Европе начала 1950-х гг.

Прежде чем начать разговор о кризисе болгарско-американских отношений, следует остановиться на событиях, определявших взаимоотношения двух государств в конце 1940-х гг. Усиливающийся контроль Болгарской коммунистической партии (БКП) над внутренней жизнью в стране сопровождался планомерным преследованием оппозиции, обвиняемой в связях со старым режимом, с югославской «кликкой Тито» и с правительствами Запада. Вашингтон и Лондон с пристальным вниманием следили за начавшимися репрессиями в Болгарии, в том числе и потому, что их жертвами нередко становились представители болгарской элиты, придерживавшиеся прозападной ориентации и антикоммунистических взглядов. Кроме того, американцы не могли игнорировать такие дерзкие шаги болгарских

властей, как преследование болгарских сотрудников американской дипломатической миссии (среди них И. Секулов, Й. Димитров, Д. Пеев, М. Шипков). Судебные заседания по делам этих лиц зачастую проходили в закрытом порядке, куда не допускались западные наблюдатели. Указывая на международные обязательства болгарского правительства по Мирному договору 1947 г., Вашингтон и Лондон поднимали вопрос о правах человека в НРБ, сначала в переписке с болгарским правительством, затем с советскими представителями и на международной арене ООН. Однако, имея надёжную советскую поддержку, МИД НРБ постоянно отклонял ноты западных держав, называя содержащиеся в них обвинения искусственными, необоснованными, покушающимися на суверенитет республики и поощряющими фашистские элементы в стране [11].

Политические процессы болгарское правительство использовало в идеологических и пропагандистских целях. К примеру, заключительное дело по т. н. процессу протестантских пасторов, проходившему в конце февраля – начале марта 1949 г., указывало на связь подсудимых с западными дипломатическими представителями [12]. В опубликованной «белой книге» протестантские священники были представлены как агенты дипломатической миссии США, под прикрытием религиозной деятельности распространявшие американское влияние [13].

Систематическая дискредитация болгарским правительством миссии США в Софии вызывала серьёзное беспокойство Вашингтона. Уже в августе 1949 г. в переписке американских политиков высказывалась мысль, что некорректные действия болгарского правительства могут привести к разрыву отношений США и НРБ [14]. Заметим, что в послевоенные годы Болгария имела напряжённые отношения с рядом стран. Уже имелся прецедент отзыва предыдущего американского посланника М. Барнса на основании предъявленных ему обвинений в связях с болгарской оппозицией. Персоной нон грата был объявлен в 1949 г. секретарь британской миссии в Софии Д. А. Гринхилл. Не были восстановлены дипломатические отношения НРБ с Грецией ввиду существования многочисленных противоречий между двумя странами [15]. Параллельно с развитием болгарско-американского кризиса в начале 1950 г. София и Белград обменивались взаимными претензиями и требовали отзыва и замены дипломатов [16].

Препятствование деятельности западных дипломатов местными властями, сокращение представительства Запада в странах Восточной Европы были характерными явлениями в регионе. Относительно их причин американский историк

Б. Ковриг писал, что шпионская истерия в Восточной Европе была вызвана неуверенностью коммунистических режимов в прочности собственной власти и их стремлением к искоренению шпионских заговоров, даже там, где их не было. Другой, более существенной причиной автор считает желание Кремля спровоцировать конфликт между своими сателлитами и западными странами, чтобы свести к минимуму вмешательство последних в дела советского лагеря [17]. Эта точка зрения совпадает и с мнением Д. Томашика [18].

Советские документы подтверждают стремление советских и болгарских коммунистов окончательно свести на нет влияние Запада в Болгарии. В беседах с первыми лицами БКП советские дипломаты отмечали, что американцы и англичане имели в Болгарии неоправданно большое влияние. Так, 6 июля 1949 г. советский представитель А. Стручков, общаясь с генеральным секретарём ЦК БКП В. Червенковым и другими представителями болгарской политической элиты, констатировал, что Запад до сих пор имеет множество каналов, в том числе и официальных, по которым распространяет своё влияние [19]. В первую очередь к ним относилась сама дипломатическая миссия США в Софии, при которой ещё в 1944 г. был открыт отдел пропаганды. В издаваемых отделом политических «бюллетенях» американцы позволяли себе критику болгарского руководства, в связи с чем атташе миссии получал предупреждения властей [20]. Культурные учреждения США в Болгарии обвинялись в активной пропаганде и насаждении американского образа жизни, ценностей и образа мощи США. Настоящим бельмом на глазу для болгарских властей была американская библиотека-читальня, разместившаяся в самом центре Софии, в 200 м от здания Совета Министров НРБ и предлагавшая болгарским читателям «самые реакционные издания... распространение которых запрещено в Болгарии» [21]. Американская миссия занималась рассылкой по частным адресам периодических изданий [22]. По мере сил болгарское правительство препятствовало распространению американского влияния, исходя из того, что между Болгарией и США не существовало никаких культурных соглашений [23].

Претендуя на монополию своего влияния в Восточной Европе, Кремль не допускал иностранного участия в разрешении проблем региона, на что сетовали американцы, и это выразилось во множестве примеров: в особой роли советских дипломатов во время деятельности Союзнической Контрольной комиссии после войны; в заключении советско-болгарского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г.; в «закрытии» страны для западной некоммунистической прессы, в поддержке болгар-

ской стороны в споре с США и Великобританией относительно выполнения условий мирного договора 1947 г. [24] Претензии Вашингтона на участие в послевоенной судьбе Болгарии, предполагавшееся ялтинскими договорённостями, в штыки воспринимались Москвой и Софией. Пропаганда Коминформа, сосредоточившаяся на критике западных империалистов, создавала нужное настроение в болгарском обществе и идеологически подготавливала полный разрыв отношений с Западом.

Миссия США в Софии не только критиковалась в болгарских СМИ, но и подвергалась косвенному давлению со стороны болгарского правительства. Глава миссии Д. Хит сообщал, что не раз ему приходилось разговаривать с болгарским министром иностранных дел В. Поптомовым насчёт чрезмерной численности штата миссии (учитывая, что Болгария не имела с США особых общих дел), создающей проблемы с размещением и обеспечением американских сотрудников. Болгары неофициально выражали своё желание сократить штат (к примеру, с 33 до 20 человек). Поптомов на одной из встреч с Хитом шутил намекал, что «хваленая американская эффективность и производительность труда позволяют обходиться меньшим числом сотрудников [25].

Вопрос о деятельности дипломатических миссий и посольств США в Восточной Европе приобрёл в 1949 г. особую актуальность для Вашингтона. Правительства стран народной демократии затрудняли деятельность американских дипломатов и регулярно дискредитировали их в глазах общественности. Однако американцы осознавали, что полностью разорвать отношения с социалистическими странами и отозвать оттуда всех своих сотрудников было бы крайне неосмотрительно: поступающая оттуда информация экономического, политического и военного характера была чрезвычайно важна для стратегического планирования и пропаганды Вашингтона [26].

Возникшая проблема в наибольшей степени касалась Болгарии, отношения с которой у США с 1949 г. стремительно ухудшались. Вашингтон вставал перед необходимостью пересмотреть свои принципы политики с НРБ. Толчком к пересмотру отношений стало дело М. Шипкова [27]. Природа полицейских преследований этого лица стала предметом обсуждения между Хитом и госсекретарём Д. Ачесоном. Суть проблемы сводилась к тому, как следует квалифицировать преследование Шипкова и подобные акции болгарской полиции — как частную полицейскую инициативу или же как целенаправленную провокацию болгарского (и советского) правительства с целью «прощупать» границы американского терпения либо попросту заставить США пойти на

разрыв отношений и «уйти» из Болгарии [28]. В таком случае стоило ещё раз взвесить положительные и негативные доводы пребывания миссии в Софии. Из различных миссий и ведомств Госдепартамента поступали мнения о возможных последствиях приостановки отношений. Помощник госсекретаря по европейским делам Дж. Перкинс в сообщении заместителю госсекретаря Дж. Пьюрифою от 7 сентября 1949 г. выражал сожаления о потерях сотрудников, несущих службу в Болгарии. Предлагая пересмотреть политику США в Восточной Европе, Перкинс отмечал, что доминирующим фактором, удерживающим американцев в восточноевропейских столицах, до сих пор оставалась информация [29]. Дж. Кеннан не мог не согласиться с тем, что американское присутствие в регионе остаётся важным политическим фактором, но считал необходимым сократить штат дипломатов ввиду сложностей его содержания и низкого уровня отдачи [30]. Противодействие местных властей осложняло деятельность дипломатов, ограничивая их свободу передвижения по стране, а значит, и сбора информации [31].

20 октября сотрудниками Госдепартамента США был подготовлен меморандум, в котором затрагивались проблемы пребывания американских дипломатов в Софии. Важное место в документе отводилось инциденту Шипкова, который был воспринят как вопрос престижа США. Пассивное поведение, как полагали, могло спровоцировать дальнейшее ухудшение положения американских дипломатов в других странах Восточной Европы. Выдвигался ряд аргументов «за» и «против» сохранения дипломатических отношений с НРБ и продления деятельности миссии США в Софии. В связи с этим ещё раз были обозначены функции миссии. Помимо чисто дипломатических контактов это были сбор информации и защита американских интересов в стране. Важной была идеологическая функция миссии как «маяка свободы», олицетворяющего для определённых кругов болгарского общества свободу, сопротивление советскому коммунистическому режиму и демонстрирующего неугасающий интерес американского руководства к болгарским проблемам [32]. Но признавалось, что силами болгарского режима эффективность миссии в этих направлениях была сведена к минимуму: доступ к получению ценной информации был значительно сокращён, авторитета американцев не хватало для заступничества за лидеров оппозиции перед лицом властей. Американцы опасались, что их нерешительность в Болгарии создаст для коммунистов ощущение безнаказанности и поощрит усиление репрессий. В то же время следовало избегать громких заявлений и необдуманных действий, чтобы не спровоцировать требо-

ваний вывести миссии также из Бухареста и Будапешта [33]. Среди возможных последствий разрыва отношений называли и негативный эффект, который мог оказать на американскую общественность «уход» из Болгарии, а также осложнение положения в Софии для миссий союзников США (Франции, Великобритании) [34].

Некоторые коррективы в обсуждение болгарского вопроса внесла конференция глав дипломатических миссий США в Европе, проходившая 24–26 октября 1949 г. в Лондоне. Принятые решения, в том числе о необходимости сокращения торговли Западом с Восточной Европой, побудили Хита выразить свои соображения. Исходя из того, что дипломатические отношения с НРБ рано или поздно будут разорваны, Хит посчитал, что интересный эффект оказал бы разрыв и торговых отношений. Болгария не являлась ценным партнёром для США и их союзников, но в то же время, по мнению Хита, сама сильно зависела от западного импорта. Разрыв торговых отношений мог вызвать резкий кризис болгарской экономики, и американцы могли бы пронаблюдать, насколько этот рычаг давления может быть эффективен в отношениях с другими странами [35]. Таким образом, высокая вероятность ухудшения отношений подталкивала дипломатов изучать возможные модели поведения в будущем, используя Болгарию в качестве опытного образца [36].

Пока в Вашингтоне шли дискуссии по болгарскому вопросу, сами болгары сделали ещё один шаг в направлении углубления конфликта с США. Для этого было использовано известное «дело Костова», бывшее частью политических процессов в Восточной Европе рубежа 1940–1950-х гг. [37] На допросах Костов полностью признал свою «вину», в том числе признал факт общения с американским посланником Хитом. На этом основании суд признал Хита одним из главных пособников заговора, который якобы обещал Костову американскую помощь в организации связи с Тито. Главный прокурор в заключительной речи на судебном заседании заявил: «Этот заговор является одним из важнейших звеньев целой цепи заговорщической и враждебной политики англо-американских империалистических кругов против народно-демократического режима нашей страны, против её национальной независимости и государственного суверенитета» [38].

30 ноября протокол судебного заседания был опубликован в печати. Вскоре после этого Хит обратился к заместителю министра иностранных дел НРБ Е. Каменову и настоял на исключении его [Хита] имени из судебного протокола и публикации опровержения. Каменов указал на невозможность корректировки постановлений суда, что не входило в его компетенцию, но пообещал

Хиту своё содействие в публикации опровержения [39].

Несмотря на имевшую место фальсификацию процесса Костова и извращение ряда фактов (в 1956 г. болгарское правительство признало свою неправоту, реабилитировало Костова и признало беспочвенность обвинений против Хита) [40], этот момент стал отправной точкой для обострения болгаро-американского конфликта, приведшего к разрыву.

Прекращение дипломатических отношений считалось делом ближайшего будущего. Д. Ачесон посчитал необходимым ознакомить с подробностями ситуации глав других представительств в Восточной Европе и спросить их мнение относительно целесообразности прекращения отношений с Болгарией, о его сроках и процедуре.

8–11 декабря 1949 г. главы представительств направили в Вашингтон ответы, поступившая информация была довольно разнообразной. Посольства в Белграде и Варшаве одобрили предполагаемые действия Госдепартамента и сроки их реализации, в Праге также считали, что ситуация грядущего паралича требует решительных и срочных мер. Посольство в Румынии заняло более сдержанную позицию, предложив ограничиться лишь устными заявлениями, чтобы дать возможность болгарам изменить своё решение и не стеснять свободу действий в стране жёсткими заявлениями. Глава миссии в Венгрии, напротив, выступая против полумер, настаивал на полном разрыве отношений. При этом американские представители в Венгрии считали, что даже при этом болгарский инцидент не сможет повлиять на изменение курса венгерского правительства [41].

Свой комментарий ситуации дал американский посол в Москве А. Кирк. По его сведениям, советское Политбюро полностью поддерживало и консультировало болгар в их действиях против американской миссии в Софии и в других провокациях. Поэтому, считал Кирк, бессмысленно было надеяться на нормализацию отношений. Американцам следовало попытаться перехватить инициативу: обвинить болгарского посланника в Вашингтоне в нарушении дипломатической этики, объявить его персоной нон грата и потребовать его немедленного отзыва, после чего ответственность за произошедшее возложить на болгар (а значит, и на Советы). Этот упреждающий удар, по идее Кирка, должен был произвести нужный выгодный эффект на общественность, способствовать улучшению положения американских дипломатов в Восточной Европе и предупредить дальнейшие попытки Советов связать руки американцам. Но Кирк не мог не видеть и того, что неизбежным следствием такого хода стало бы ответное противодействие болгарского пра-

вительства и Кремля. На международном уровне это породило бы ряд проблем, связанных с принятием в ООН некоторых союзников США, вызвало бы осложнение в греческом вопросе, привело бы к потере пункта слежения не только за Болгарией, но и Албанией (отношения с которой у США не были установлены). Возобновление отношений, скорее всего, затянулось бы на неопределённое время. Таким образом, Кирк приходил к выводу, что от разрыва отношений с Болгарией США очень многое теряли и при этом сами дарили Советам большие выгоды. Но на такие жертвы, по его мнению, необходимо было пойти, чтобы сохранить лицо на международной арене [42].

В рамках обсуждения перспектив разрыва отношений правительство США должно было учитывать ряд нюансов. Договорились о том, чтобы американские формулировки были более мягкими: не «разрыв» отношений, а лишь «приостановление» [43]. В Вашингтоне не хотели ставить вопрос о легитимности нынешнего болгарского руководства и возвращаться к политике поддержки «правительств в изгнании», поскольку это столкнуло бы Вашингтон с новыми проблемами [44]. Вопрос о легитимности правительства был связан с вопросом о статусе Мирного договора 1947 г. В американской прессе стали появляться призывы вовсе разорвать постоянно нарушаемый советскими сателлитами договор. Хит решительно протестовал против таких эксцентричных идей, в чём был солидарен со своим руководством и коллегами, считая, что американцы должны всеми силами сохранять этот документ как важный инструмент давления на правительства стран Восточной Европы, позволяющий оправдывать любые демарши со стороны США и его союзников [45].

12 декабря в Вашингтоне на встречу с американскими служащими был приглашён поверенный в делах Болгарии в США доктор П. Вутов. Заместитель Госсекретаря Дж. Уэбб и специалист Госдепартамента по восточноевропейским и балканским делам Дж. Кэмпбелл выразили ему свою обеспокоенность нынешним состоянием болгарско-американских отношений, особенно в связи с недавним судебным процессом над Костовым. В связи с этим они просили Вутова довести до сведения его руководства, что враждебные действия болгарского правительства по отношению к США ставят под угрозу дружеские отношения двух стран и это чревато разрывом [46].

В результате ли беседы с Вутовым, или благодаря указанию из Кремля, но так или иначе болгарская сторона вскоре пошла на незначительные уступки. 20 декабря, к удивлению Хита, данное им опровержение по делу Костова было опуб-

ликовано в болгарской печати [47]. По словам американского посланника, частью болгарского общества этот факт с воодушевлением был воспринят как отступление болгарского правительства перед силой американской дипломатии. Сам Хит, однако, не разделял этого оптимизма, поскольку опровержение было опубликовано только в местной газете, а на радио оно было представлено кратким упоминанием [48].

В конце декабря – начале января на дипломатическом фронте установилось затишье. Кажется, американские меры возымели эффект, и болгары пошли на попятную, чтобы не углублять конфликт. Однако 19 января нового 1950 г. болгары вновь напомнили о себе, предъявив американцам ноту с требованием отзыва Д. Хита на основании раскрытой его причастности к делу Т. Костова и Ц. Цончева [49].

Реакция США последовала незамедлительно. Уже на следующий день, 20 января, д-р Вутов был вновь приглашён в Госдепартамент для беседы с американскими дипломатами Томсоном и Кэмпбеллом. Вутову была вручена ответная нота, в которой правительство НРБ обвинялось в несоблюдении даже минимальных требований поддержания нормальных дипломатических отношений, принятых в международной практике. Американцы в ультимативной форме потребовали у болгар отзыва их ноты от 19 января, угрожая в противном случае прекратить с ними дипломатические отношения и потребовать отзыва болгарского посланника из Вашингтона [50]. Вутов пытался возразить на это, указывая, что болгарское правительство вовсе не стремилось к конфликту, а только лишь просит замены одного дипломата более благонадёжным. Болгарский поверенный сделал упрек в адрес американцев, которые в течение месяца после болгарского предупреждения не сделали ничего, чтобы исправить положение [51]. Однако демаршу Вутова не придали значения.

Ситуация осложнялась тем, что в результате утечки информации болгарская нота от 19 января уже успела попасть в печать, в результате чего текущие переговоры НРБ и США становились достоянием общественности, ожидавшей дальнейшей развязки. Нота вполне могла попасть в прессу благодаря американским официальным лицам, чтобы быть использованной в пропаганде и для нажима на болгар с целью ускорить принятие компромиссного решения.

Текст американской ноты от 20 января вскоре поступил в распоряжение руководителей советского МИД с пометкой: «Болгарское правительство считает целесообразным не брать обратно свою ноту и оставило ноту США без ответа. Просят ваше мнение» [52]. Принимая во внимание дальнейшие действия болгарского прави-

тельства, можно предполагать, что Кремль полностью поддерживал его тактику.

Болгары не спешили с ответом, в результате чего наступило неопределённое затишье. Госсекретарь Ачесон полагал, что такое молчание может отражать колебания болгарского руководства и потому требовалось прояснить его намерения.

15 февраля Хит намеревался просить встречи с В. Поптомовым для переговоров, однако он даже не был допущен к нему под предлогом чрезвычайной загруженности министра. Таким образом, болгары ясно обозначили нежелание вести переговоры с Хитом, уже объявленным персональной нон грата. В Вашингтоне на следующий день вновь на серьёзную беседу был вызван Вутов. Ему было высказано, что отказ болгарского правительства контактировать с Хитом обнаруживает враждебные намерения болгар, что вынуждает правительство США принять решение о приостановке отношений с НРБ [53]. Однако и эти увещания не заставили Софию пойти на уступки, в связи с чем 20 февраля 1950 г. на адрес МИД НРБ была направлена нота Госдепартамента США, официально объявлявшая о прекращении дипломатических отношений [54]. Копия ноты была передана П. Вутову Дж. Уэббом. Последняя их встреча проходила в довольно недружественном тоне, по воспоминаниям очевидцев, Уэбб сурово отчитал «беднягу Вутова» за действия его правительства. Кроме того, сам факт, что столь важное дело, как объявление разрыва дипломатических отношений, было поручено не самому Госсекретарю, а его заместителю, лишней раз подчёркивало американское чувство превосходства и пренебрежения болгарскими [55].

24 февраля Д. Хит вместе с остальными сотрудниками миссии покинул Софию. По его наблюдениям, на вокзале дипломатов провожали не сотрудники болгарского МИДа, а полицейские в гражданской форме [56].

Пресса по обеим сторонам «железного занавеса» вскоре известила общественность своих стран о свершившемся. Опирируя, по сути, одними и теми же фактами, печатные органы по-своему их интерпретировали, возлагая ответственность за разрыв на противную сторону [57]. Хит, Ачесон и другие представители США на пресс-конференциях повторяли официальную позицию, изложенную в американских нотах болгарам [58]. На встрече со СМИ 24 февраля Ачесон заявил, что разрыв американско-болгарских отношений и многочисленные случаи притеснения американских граждан в остальных странах «народной демократии» были спровоцированы политикой Кремля, стремящегося таким образом оторвать народы Восточной Европы от свободного мира, лишить их всякой надежды на смену

режима и освобождение [59]. В американских журналах появились красноречивые фотографии горящих американских флагов у здания бывшей миссии США в Софии [60].

Советская печать, в свою очередь, откликнулась решительными осуждениями «акта ничем не прикрытой и ничем по существу не обоснованной агрессии большой империалистической державы против небольшого демократического государства» [61], связывая разрыв отношений с подрывной деятельностью американской миссии, ставшей «центром заговоров и шпионажа, направленного против НРБ» [62]. Глава МИД НРБ Поптомов в коминтерновском органе «За вечный мир! За народную демократию» назвал разрыв отношений следствием «циничной и грубой “тотальной дипломатии”» американцев, пытавшихся в створе с трайчкостовцами осуществить «дипломатический штурм» страны [63]. Советская сатира не обошла вниманием и одиозную фигуру Д. Хита [64].

После приостановки дипломатических отношений НРБ и США защиту интересов двух государств взяли на себя третьи страны. Польский посол в Болгарии А. Бархач предложил помощь польского посольства в Вашингтоне в защите болгарских интересов в США [65], защиту американских интересов в Софии взяла на себя швейцарская миссия.

За приостановлением дипломатических отношений вскоре последовали экономические и другие санкции и прочие ограничения со стороны США. Болгария была исключена из режима благоприятствования в торговле с США. 24 февраля 1950 г. министр юстиции США аннулировал разрешение перевода средств с заблокированных счетов лицам из Болгарии и Румынии. 25 февраля объявлялись недействительными паспорта лиц, направлявшихся в Болгарию [66]. 12 июля американцами было денонсировано коммерческое соглашение с НРБ, действовавшее с 1932 г. [67] Однако вряд ли эти меры оказались чувствительными для Болгарии, уровень товарооборота с Западом которой был наименьшим среди восточноевропейских стран [68]. К тому же положение Болгарии не было исключительным, учитывая, что на рубеже 1940–1950-х гг. США прекращают торговлю со всей Восточной Европой.

Надежды американцев на то, что болгарское правительство извлечёт из произошедшего урок и примет меры для нормализации отношений с США, скорректирует внутривосточный курс, не оправдались. В британском годовом отчёте за 1951 г. сообщалось, что после разрыва отношений болгарское правительство решило, что ныне для него «перчатки сняты», и усилило репрессии в отношении подозреваемых в шпионаже [69]. В восточноевропейских столицах поло-

жение американских представителей по-прежнему оставалось напряжённым.

Разорвав отношения с одним из государств советского лагеря, Вашингтону предстояло пересмотреть свою политику в отношении остальных. Дж. Кэмпбелл, совершивший летом 1950 г. поездку по Восточной Европе и навестивший «забытые посольства» США в Бухаресте и Будапеште, вспоминал, что положение американских дипломатов там было удручающим: они находились под своеобразным «домашним арестом», практически не контактировали с местными властями и испытывали множество затруднений. К тому же Вашингтон смотрел на страны народной демократии не как на суверенные государства, а как на советские провинции. Многим американским политикам казалось, что нет необходимости сохранять там посольства, достаточно было ограничиться консульствами [70]. В апреле 1950 г. Ачесон озвучил намерение Госдепартамента сократить число сотрудников в восточноевропейских посольствах на 50% (от их количества к марту 1950 г.) [71]. Но о том, чтобы отозвать всех посланников не могло быть и речи. Напротив, Госдепартамент подчёркивал намерение США всеми силами поддерживать своё присутствие в Варшаве, Праге, Бухаресте, Будапеште и искать возможности возобновления отношений с Софией [72]. Острая внешнеполитическая ситуация на Балканах, грозящая вылиться то ли в начало глобальной войны, то ли в антикоммунистическое восстание [73], требовала от Вашингтона постоянно «держатъ руку на пульсе» в этом регионе. Югославский пример в 1948 г. уже показал американцам, что ни одну страну в советской сфере влияния нельзя списывать со счетов как «потерянную» для американской дипломатии [74].

Приостановка отношений с Болгарией автоматически ставила вопрос об их возобновлении. Как верно в своё время предвидел посол Кирк, этот процесс оказался сложным и затянулся на несколько лет. Уже 30 апреля 1950 г. американцы через швейцарских представителей передали болгарскому правительству очередную ноту по поводу нарушений им статей договора 1947 г., в которой попутно выражалась надежда на то, что болгарское правительство всё же изменит свою политику [75]. Но болгары оставались непреклонными. Для запуска процесса нормализации отношений между США и НРБ потребовалась смена правительств и серьёзная корректировка внешнеполитического курса [76]. С 1956 г. начались переговоры относительно возможности восстановления представительств в Софии и Вашингтоне, и лишь 24 марта 1959 г. было достигнуто соглашение о возобновлении дипломатических отношений между США и НРБ и обмене представителями. В Болгарии был аккредитован аме-

риканский посланник Эдвард Пэйдж-мл., в США – д-р Пётр Вутов. В 1966 г. дипломатические представительства были возведены в ранг посольств [77].

Очевидно, что происходившие в Болгарии внутри- и внешнеполитические процессы (репрессии в отношении оппозиции, борьба с западным влиянием внутри страны, конфронтация с Западом на международной арене) были частным проявлением общих для Восточной Европы процессов, вызванных столкновением советских и американских интересов в регионе. Американцы ставили перед собой глобальную цель освобождения Восточной Европы от коммунизма, чему готовы были способствовать всеми доступными средствами. Не без оснований лидеры БКП и КПСС видели в американских дипломатах проводников этой политики и стремились поскорее от них избавиться. Но в то же время можно сказать, что действия болгарского правительства в отношении американских дипломатов подчас имели неоднозначный характер, отличались нерасторопностью, «дозированностью», что давало американцам повод воспринимать болгарские выпады как политический блеф, проверку на терпение. В сложившейся ситуации Госдепартамент посчитал нужным поскорее разрешить комплекс проблем в отношениях с НРБ. Придя к выводу о неизбежности разрыва, американцы попытались «уйти» достойно, с минимальными потерями для себя и с максимальной выгодой. Возникшая в связи с этим идея использовать Болгарию в качестве «опытного поля», где должны были быть испытаны различные средства давления американской дипломатии, иллюстрирует характерное отношение Вашингтона к «малым государствам» Европы, как к пешкам в большой игре с СССР.

Несомненно, разрыв болгарско-американских отношений соответствовал интересам Кремля, а также интересам болгарских коммунистов. Однако созданные болгарским правительством предпосылки для разрыва были реализованы американской стороной. В том числе это было связано с недооценкой Вашингтоном значения Болгарии, в то время как для СССР она была стратегически важным партнёром на Балканах. Таким образом, разница подходов США и СССР к Болгарии обусловила ту лёгкость, с которой произошёл разрыв 1950 г., и то, почему именно Болгария стала единственной страной, в отношении которой Вашингтон применил такую санкцию. Однако возникший инцидент заставил американцев пересмотреть принципы восточноевропейской политики и ещё прочнее ухватиться за свои опорные пункты в восточноевропейских столицах.

Разрыв болгарско-американских отношений создал условия для всё большего роста влияния

СССР в Болгарии. БКП смогла укрепить свои позиции в обществе, перекрыв важный источник западного влияния в лице американской дипломатии. Однако отношения НРБ и США были безнадежно испорчены на несколько лет вперёд, что создавало для Болгарии определённые внешнеполитические затруднения, например, при приёме в ООН. Также нужно отметить, что американцы восприняли потерю дипломатического канала влияния на Болгарию как сигнал к усилению своей деятельности по двум другим линиям – через пропаганду и работу с эмигрантами [78].

Примечания

1. A short History of Bulgaria. By Stanley, G. Evans. L., 1960. P. 202.
2. Brown J. F. Bulgaria under Communist Rule. L., 1979. P. 283.
3. Nakov A. Political Relation between Bulgaria and the USSR (1944–1958) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 271.
4. Bozinov V. Bulgarian Foreign Policy (1944–1968) // Etudes Historiques... VI. Sofia, 1973. P. 350.
5. Ёстев М. Внешняя политика и международные отношения Народной Республики Болгария // Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря. М, 1985. С. 62.
6. Ангелова Д. А. Взаимоотношения Болгарии с США в период 1944–1950 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 23–24; Боев И. Балканите в глобалната политика на САЩ, 1945–1973. София, 1986. С. 103.
7. Tomaszewski J. Bulgaria 1944–1970. Trudna droga do socjalizmu. Warszawa, 1989. S. 237–238.
8. Потехин А. В. Формирование политики США в отношении государств Восточной Европы после второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 22–23.
9. Skilling H. G. Two Orthodox Satellites // International Journal. Vol. 17, № 4 (Autumn, 1962). P. 385.
10. Foreign Relations of United States (далее – FRUS). 1951. Vol. IV. Pt. 2. P. 1327.
11. Mitrovska-Dimitrova K. Bulgaria and the United Nations (1947–1955) // Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975. P. 298; Външна политика на Народна Република България: сб. от документи и материали в 2 т.: Т. 1. 1944–1962. София, 1970. С. 146–148. Kalijarvi T. V., Wilcox F. O. Recent American foreign policy: basic documents, 1941–1951. N. Y., 1952. P. 776.; Външна политика на Народна Република България: сб. от документи и материали: в 2 т.: Т. 1. 1944–1962. София, 1970. С. 146–148.
12. FRUS. 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 326.
13. Документы о враждебной и агрессивной политике правительства Соединённых Штатов Америки по отношению к Народной Республике Болгарии. София, 1952. С. 82.
14. FRUS. 1949. Vol. V. P. 346.
15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН официально объявила Болгарию, Албанию и Югославию причастными к поддержке партизанского движения в

- Греции. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193(III)); Опасения американцев вызывало также распространение болгарской пропаганды в македонских землях Греции. См.: FRUS. 1949. Vol. V. P. 337.
16. Chronology, 19 January 1950 – 1 February 1950 // Chronology of International Events and Documents, Vol. 6, № 3 (19 January – 1 February 1950). P. 67; Major problems of United States Foreign Policy 1951–1952. Wisconsin, 1951. P. 201.
17. *Kovrig B.* The myth of liberation; East-Central Europe in U.S. diplomacy and politics since 1941. Baltimore, 1973. P. 89.
18. *Tomasic D.* The Structure of Soviet Power and Expansion // Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 271, Moscow's European Satellites (Sep., 1950). P. 39.
19. РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 93. Л. 126, 139.
20. Там же. Л. 77, 160.
21. Там же. Л. 138–140; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998. С. 306.
22. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М., 2002. С. 147.
23. РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 132. Л. 15, 60–61, 77. См. также: FRUS. 1949. Vol. V. P. 334.
24. *Kalijarvi T. V., Wilcox F. O.* Recent American foreign policy: basic documents, 1941–1951. N. Y., 1952. P. 641–642.
25. FRUS. 1949. Vol. V. P. 352.
26. Ibid. P. 338.
27. В историографии этот эпизод практически не рассматривается, и череду событий, приведших к разрыву, начинают лишь с судебного процесса Т. Костова. Михаил Шипков – бывший переводчик американской миссии – преследовался болгарской полицией и нашёл укрытие в здании миссии США, где скрывался длительное время, тогда как его американские коллеги добивались для жертвы спецслужб права на свободный выезд из страны. В феврале 1950 г., покидая страну, американцы намеревались перевезти за границу и Шипкова, но тот был пойман и арестован полицией. Дальнейшая судьба Шипкова оставалась неясной, тем не менее американцы объявили по радио о его гибели после жесточайших побоев и с успехом использовали этот случай в пропагандистских целях. См.: Oral History Interview with John C. Campbell. P. 204–206. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>
28. FRUS. 1949. Vol. V. P. 348.
29. Ibid. P. 349.
30. Ibid. P. 26–27.
31. В большей степени эта проблема касалась Болгарии и Румынии, где власти запретили американским дипломатическим работникам передвижение сначала в пограничных зонах, затем на значительной части внутренней территории стран. В 1949 г. «запретная зона» в Болгарии охватывала треть территории страны. См. FRUS. 1949. Vol. V. P. 648.
32. FRUS. 1949. Vol. V. P. 356.
33. Ibid. P. 358, 361, 373.
34. Ibid. P. 366–368.
35. Ibid. P. 363.
36. Ibid. P. 368.
37. Трайчо Костов, бывший «коммунист № 2» в болгарском Политбюро, известный своими антиюгославскими взглядами, вступил в серьёзный конфликт с советским руководством и вскоре был предан суду. Среди множества обвинений, предъявленных Костову, содержались обвинения в связи с «кликой Тито» с целью свержения болгарского режима. Упоминание в деле имени главы американской миссии Д. Хита поставило судебный процесс на уровень международной проблемы.
38. Судебный процесс Трайчо Костова. София, 1949. С. 473.
39. АВП РФ. Ф. 74. Оп. 31. Пап. 29. Д. 29. Л. 55–56.
40. A short History of Bulgaria ... P. 202.
41. FRUS. 1949. Vol. V. P. 368.
42. Ibid. P. 369–370.
43. Эта оговорка тем не менее, по признанию сотрудников Госдепартамента, не была важной. См. Oral History Interview with John C. Campbell. P. 201. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm#201>
44. FRUS. 1949. Vol. V. P. 376.
45. Ibid. P. 510.
46. Ibid. 1949. Vol. V. P. 373–374.
47. АВП РФ. Ф. 74. Оп. 31. Пап. 29. Д. 29. Л. 56.
48. FRUS. 1949. Vol. V. P. 379.
49. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 504–505.
50. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 38–39.
51. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 505–506.
52. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 38–39.
53. Ibid. P. 513–515.
54. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1134. Л. 3–6; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 518–521.
55. Oral History Interview with John C. Campbell. P. 202. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>
56. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 525.
57. *Матеева М., Тенавичаров Х.* Дипломатически отношения на България, 1878–1988. София, 1989. С. 253.
58. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 521, 525.
59. Ibid. P. 8–9.
60. Life. 1950. March 13. P. 41.
61. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 50–57; Документы о враждебной и агрессивной политике ... С. 193–194; Работническо дело. 1950. 21 февр. С. 3–4; Там же. 25 авг.
62. Известия. 1950. 22 февр. С. 6.
63. РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 193. Л. 9.
64. Огонёк. 1950. № 20. С. 31; Известия. 1950. № 47. С. 6.
65. *Матеева М., Тенавичаров Х.* Указ. соч. С. 253.
66. *Боев И.* Балканите в глобалната политика на САЩ. 1945–1973. София, 1986. С. 103–106.
67. Documents on American Foreign Relations. 1951. Vol. XIII. P. 13. *Боев И.* Указ. соч. С. 52.
68. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1076. Л. 148.
69. Там же. Д. 1134. Л. 150; Советский фактор в Восточной Европе ... Т. 2. С. 624.
70. Oral History Interview with John C. Campbell. P. 194–195. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>
71. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 14.
72. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 115; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 15–16.
73. Такую точку зрения выразил Директор объединённой группы военных советников и отдела планирования США в Греции генерал-лейтенант Дж. ван Флит в донесении Департаменту армии США от 7 ноября 1949 г. С точки зрения генерала, политический режим Албании испытывал серьёзные затруднения и должен был вскоре потерпеть крах, после чего Алба-

ния вырвалась бы из-под советского влияния и примкнула бы к западным державам. Подобного ван Флит ожидал от Болгарии, где массовое народное недовольство коммунистами, как он считал, должно было вылиться в народное восстание и обращение за помощью к Западу. См. FRUS. 1949. Vol. VI. P. 453.

74. Oral History Interview with John C. Campbell. P. 195–196. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

75. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 70–72.

76. *Brown J. F.* Bulgaria under Communist Rule. L., 1979. P. 284.

77. *Матеева М., Тенавичаров Х.* Указ. соч. С. 253–254.

78. *Karasz A.* Resistance in the Iron Curtain Countries // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 271, Moscow's European Satellites (Sep., 1950). P. 156.

УДК 343:616-051

А. В. Сучков, А. Б. Коновалова

**К ВОПРОСУ
О МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ
РАБОТНИКАМИ**

В данной работе авторы рассматривают проблемы методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками. Авторы обращаются к работам ведущих российских криминалистов и ученых-медиков, прослеживают формирование проблемы отсутствия методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, посредством анализа уголовных дел данной категории, определяя пути решения.

In the given work authors consider problems to a technique of investigation of the professional crimes made by medical personnel. Opening a work theme, authors address to works of leading Russian criminalists and scientists-physicians. Not stopping on the analysis of the current legislation, positions of the scientific works devoted to a theme of work, authors consistently trace formation of a problem of absence of a technique of investigation of the professional crimes made by medical personnel, by means of the analysis of criminal cases of the given category, defining decision ways.

Ключевые слова: анализ; профессиональные преступления, совершенные медицинскими работниками; расследование уголовного дела.

Keywords: analysis; professional crimes, accomplished by medical personnel; investigation of criminal case.

Подробный анализ следственной практики расследования различных видов преступлений (например: убийств, краж, грабежей и т. д.) позволяет сделать вывод о том, что процесс расследования отдельно взятого деяния имеет много общего или, можно сказать, типичного для каждого вида преступлений.

К общим элементам в процессе расследования отдельных видов преступлений следует отнести: криминалистические характеристики преступлений; источники получения информации и доказательств; ситуации расследования; типичные тактические операции.

В свою очередь все типичное позволяет формировать частные криминалистические методики, которые в своей совокупности образуют методику расследования преступлений как раздел науки криминалистики.

Вообще, криминалистическая методика – это «раздел науки криминалистики, представляющий систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений» [1].

На основе криминалистической методики разрабатываются частные криминалистические методики. Частная криминалистическая методика, или методика расследования отдельных видов преступлений, – это типизированная система рекомендаций по раскрытию и расследованию отдельных категорий преступлений.

Ведя речь о методике расследования, необходимо отметить, что методика имеет длительную историю развития и на протяжении этого времени давались различные определения ее содержания. Также следует иметь в виду, что, несмотря на отдельные различия, которые имеются в определениях, криминалисты исходят из того, что методика расследования – это совокупность (система) научных положений и методических рекомендаций по раскрытию и предотвращению преступлений.

С точки зрения Н. П. Яблокова, методика расследования отдельных видов преступлений – «часть криминалистики, изучающая опыт совершенствования и практику расследования преступлений, разрабатывающая на основе познания их закономерностей систему наиболее эффективных методов расследования и предупреждения разных видов преступлений» [2]. Сходное определение мы находим в работе А. Н. Васильева [3].

Вместе с тем ряд криминалистов определение методики расследования связывают с особенностями способа совершения преступления и механизма образования их следов.

Так, по мнению Н. А. Селиванова, «методика расследования – это обусловленная предметом доказывания система взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, для установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных спосо-

бов совершения преступлений данного вида и характерных для их расследования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств» [4].

В приведенном определении подчеркивается тесная связь методики расследования с особенностями совершения преступлений, в частности со способами их совершения. На это обстоятельство указывают и И. Ф. Крылов [5] и В. А. Образцов [6].

Однако более глубокий анализ данного Н. А. Селивановым определения методики расследования позволяет выявить существующую связь методики расследования с предметом доказывания определенного вида преступных деяний. Так, Н. А. Селиванов указывает в своем определении на то, что «методика расследования – это обусловленная предметом доказывания система взаимосвязанных и взаимообусловленных следственных действий...» [7].

Таким образом, наличие методики расследования и ее эффективность напрямую зависят от четко сформулированного и законодательно закрепленного предмета доказывания конкретного вида преступлений.

На сегодняшний день в России остро стоит вопрос правового регулирования взаимоотношений, возникающих между медицинскими работниками и пациентами. Отсутствие законодательно закрепленных и обязательных стандартов (правил, методик) диагностирования и лечения заболеваний не дает возможности объективно решать вопросы качества и полноты предоставленных медицинских услуг и является основанием взаимных обвинений.

При этом сложность установления объективной истины по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками, обусловлена рядом проблем:

во-первых, отсутствует законодательно закрепленное определение понятия преступления, совершенного медицинскими работниками при осуществлении последними своей профессиональной деятельности. Соответственно, не установлены признаки данного противоправного деяния, позволяющего квалифицировать его как преступление;

во-вторых, в диспозициях ст. 109 ч. 2 и ст. 118 ч. 2 УК РФ [8] законодателем недостаточно точно и ясно сформулированы признаки элементов составов преступлений, без какой-либо ссылки или указания на нормативные акты в области медицины, позволяющие точно и четко разграничить виновное и невиновное деяние субъекта;

в-третьих, в УК РФ отсутствует специальная статья, в диспозиции которой были бы законодателем учтены специфические признаки предмета доказывания профессиональных преступле-

ний медицинских работников лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) всех форм собственности в Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного следует, что проблема отсутствия методики расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками, в российской правовой науке стоит остро и признается большинством ученых: как юристов, так и медиков [9].

Подтверждение занятой нами позиции мы находим в опубликованном перечне актуальных тем диссертационных исследований по научной специальности 12.00.09 в 2009 г. Согласно указанному перечню Координационный совет при ВНИИ МВД России по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность предлагает на 2009 г. в рамках указанной научной специальности разработку темы: «Методика расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности».

Предупреждая критику со стороны части представителей медицинского сообщества относительно занятой нами позиции о необходимости разработки методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, поясним:

– во-первых, мы с глубоким уважением относимся к людям, выбравшим путь врача, так как считаем, что данная профессия является одной из самых важных профессий в социальном государстве;

– во-вторых, врач – это тоже гражданин, который не застрахован от необходимости получать медицинскую помощь и, соответственно, нуждается в защите своих прав;

– в-третьих, согласно ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь. Согласно требованиям ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь;

– в-четвертых (или, скорее, прежде всего), человеческая жизнь бесценна, и трудно в данном случае не согласиться с высказыванием доцента СибГМУ Шаловой, прозвучавшем на конференции, проведенной 20.11.2008 г. в СибГМУ и посвященной врачебным ошибкам: «Коллеги, давайте будем помнить, что человек может умереть только один раз и по одной причине!» [10]

Таким образом, считаем, что занятая нами позиция относительно необходимости формирования, реализации, а также законодательного закрепления отдельных элементов методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками, направлена, в конечном счете, на защиту прав не

только граждан РФ, являющихся пациентами, но и самих медицинских работников [11]. В подтверждение наших слов приведем высказывание начальника бюро СМЭ Томской области С. Ю. Кладова, который не без основания считает, что «у пострадавших пациентов до такой степени «накипело», что в скором времени они начнут «раздавать» больницы» [12].

Разработка методики, направленной на привлечение медицинских работников, виновных в совершении профессиональных преступлений, к уголовной ответственности, а также защита прав и интересов медицинских работников от необоснованного обвинения в совершении профессионального правонарушения являются целью нашей исследовательской работы.

Учитывая ограниченность объема статьи, мы коснемся одной из основных проблем методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Итак, возвращаясь к дефиниции понятия «методика расследования», данного Н. А. Селивановым, мы касаемся, на наш взгляд, основной проблемы методики расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей, а именно отсутствие четкого и законодательно закрепленного предмета доказывания по данной категории дел.

Под предметом доказывания в уголовном процессе понимается совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Перечень этих обстоятельств указан в законе (ст. 73 УПК РФ).

При этом следует отметить, что «конкретизацией его содержания в каждом случае служат диспозиция статьи Уголовного кодекса, по которой квалифицируется обвинение привлекаемого по делу лица, а также соответствующие положения общей части УК» [13].

Специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность медицинских работников за совершение профессиональных преступлений, в действующем Уголовном кодексе РФ нет.

Теоретически, согласно общим нормам УК РФ, к уголовной ответственности может быть привлечен медицинский работник:

– за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей по ч. 2 ст. 109 УК РФ;

– причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей по ч. 2 ст. 118 УК РФ.

Используемое законодателем словосочетание «причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» (ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2 УК РФ) в настоящее время не может обеспечить на должном уровне защиту прав и интересов сторон (пациент – медицинский работник – ЛПУ), так как не только не служит конкретизацией предмета доказывания, а, наоборот, создает сложность в определении круга обстоятельств, подлежащих доказыванию. Доказательством тому служит то, что в нормативных актах отсутствует определение словосочетания «ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей».

При этом лишь в Письме ФФОМС от 5 мая 1998 г. № 1993/36.1-и мы встречаем термин «ненадлежащий» [14]. Однако данный термин используется в контексте качества оказания медицинской помощи, а не как регулятор противоправности действий медицинского работника.

С. И. Ожегов определяет термин «надлежащий» как «какой следует, нужный, соответствующий» [15].

Соответственно, понятие «ненадлежащий» следует рассматривать как не какой следует, ненужный, несоответствующий.

С точки зрения Э. Ф. Побегайло, под ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей понимается совершение деяний, не отвечающих полностью или частично официальным требованиям, предписаниям, правилам, в результате чего наступает смерть потерпевшего [16]. При этом автор акцентирует свое внимание на том, что в ходе доказывания должно быть установлено, какие именно профессиональные обязанности нарушил виновный.

Анализируя словосочетание «ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей», используемое законодателем в диспозициях ст. 109 ч. 2 и ст. 118 ч. 2 УК РФ, рассмотрим дефиницию понятия «профессия».

Профессия – род трудовой деятельности человека, предмет его постоянных занятий, а также свидетельство наличия у него знаний и умений, опыта, позволяющих квалифицированно выполнять данный вид работ [17].

Специальность (лат. *specialis* – особый, особенный; от *species* – род, вид) – комплекс приобретенных путем специальной подготовки и опыта работы знаний, умений и навыков, необходимых для определенного вида деятельности в рамках той или иной профессии (инженер-строитель, инженер-технолог, инженер-механик, слесарь-инструментальщик, слесарь-лекальщик, слесарь-наладчик, врач-терапевт, врач-окулист, врач-стоматолог).

Таким образом, профессия – более широкое понятие, чем специальность.

Должность – служебное положение работника, определяющее круг его полномочий и ответственности; может быть занимаемой постоянно и замещаемой, занимаемой временно, а также замещаемой периодически, по конкурсу [18].

Согласно требованиям ФЗ № 59-ФЗ должностное лицо – это лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления... [19].

Исходя из закона, врач, осуществляющий трудовую деятельность в АПУ, не является должностным лицом, тогда как согласно данным Постановления Правительства РФ от 03.04.2006 г. № 191 врач – это должность [20].

Законодатель в приложении 1 к ст. 285 УК РФ отметил, что к должностным лицам отнесены лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Судебная практика также придерживается точки зрения, согласно которой должностные лица – это лица, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации [21].

Применение к профессии «врач» определения понятий «служащий» или «рабочий» также невозможно в силу специфики рода деятельности. Если служащие – это «лица, выполняющие в отличие от рабочих административно-хозяйственные, управленческие функции» [22], то рабочие – это «работники сферы материального производства (занятые в промышленности, строительстве, на транспорте и в близких к ним отраслях), занимающиеся физическим трудом, создающие продукцию» [23].

При этом современное российское законодательство не содержит определения понятия «врач». Лишь анализируя статью 60 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [24], можно определить, что врач – это лицо, окончившее высшее медицинское образовательное учреждение Российской Федерации.

Учитывая изложенное, следует отметить, что определение статуса врача согласно роду деятельности в современной юридической науке и практике остается открытым.

Также следует уточнить, что в российской судебной практике при рассмотрении профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками не используется понятие «должностное лицо».

Однако, на наш взгляд, это не позволяет четко определить предмет доказывания, так как под ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей понимается совершение деяний, не отвечающих полностью или частично официальным требованиям, предписаниям, правилам, в результате чего наступает смерть потерпевшего. Круг обязанностей конкретно врача установлен трудовым договором, должностными обязанностями, в которых точно должно быть указано, с использованием каких нормативных актов, инструкций и правил необходимо выполнять трудовую функцию.

На наш взгляд, с целью четкого определения предмета доказывания по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками, следует внести изменения в УК РФ, в частности выделить в отдельную норму профессиональные преступления медицинских работников: «Статья 109.1. Причинение смерти по неосторожности медицинским работником при осуществлении своих профессиональных обязанностей.

1. Причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения медицинским работником, выполняющим свои профессиональные обязанности, нормативных актов (стандартов оказания медицинской помощи, правил, требований, инструкций, методик диагностирования, лечения и профилактики конкретных заболеваний), повлекшие по неосторожности причинение пациенту (пациентам) тяжкого вреда здоровью, – наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения медицинским работником, выполняющим свои профессиональные обязанности, нормативных актов (стандартов оказания медицинской помощи, правил, требований, инструкций, методик диагностирования, лечения и профилактики конкретных заболеваний), повлекшие по неосторожности причинение пациенту (пациентам) смерти, – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права зани-

мать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Исходя из вышеизложенного, конкретизацией обстоятельств, подлежащих доказыванию по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками, можно будет считать следующие элементы:

1. Время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, а именно:

а) ко времени совершения преступления следует отнести время проведения или не проведения манипуляций диагностирования, лечения конкретного заболевания;

б) местом преступления следует считать место проведения или, наоборот, не проведения диагностических, лечебных мероприятий, последствием которых наступил вредный результат;

в) к другим обстоятельствам совершения преступления следует отнести факты нарушения медицинским работником, выполняющим свои профессиональные обязанности, правил, требований, инструкций, методик диагностирования, лечения и профилактики конкретных заболеваний, повлекшие по неосторожности причинение потерпевшему (потерпевшим) тяжкого вреда здоровью или смерти.

2. При установлении виновности медицинского работника в совершении преступления необходимо установить признаки вины в форме неосторожности при проведении диагностических или лечебных мероприятий.

3. В ходе доказывания вины медицинского работника необходимо уделить внимание личности обвиняемого, в связи с чем проанализировать уровень его подготовки в соответствии с полученным дипломом о высшем образовании. Также следует установить, проходил ли медицинский работник курсы повышения квалификации, как часто, в каком объеме, посредством изучения документов о прохождении курсов повышения квалификации. Проанализировать результаты аттестации медицинского работника.

4. При анализе характера и размера вреда, причиненного преступлением, необходимо установить тяжесть причиненного вреда, назначив проведение СМЭ.

5. В ходе изучения обстоятельств, исключаящих преступность и наказуемость деяния, необходимо обратить внимание на особенности течения заболевания определенного больного; несовершенство современного состояния медицинской науки и методов ее исследования.

При установлении особенностей течения заболевания целесообразно привлекать узких специалистов, не являющихся врачами ЛПУ, в котором произошло соответствующее событие.

Примечания

1. *Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В.* Криминалистика: учеб. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 323.

2. *Яблоков Н. П.* Криминалистика. М., 1996. С. 482; *Яблоков Н. П.* Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 542.

3. *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 63.

4. *Селиванов Н. А.* Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность. 1976. № 5. С. 61.

5. *Крылов И. Ф.* Криминалистика. Л., 1976. С. 436.

6. *Образцов В. А.* О предмете расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. С. 112.

7. *Селиванов Н. А.* Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность. 1976. № 5. С. 61.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации ФЗ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. *Галюкова М. И.* Особенности доказывания вины по уголовным делам о преступлениях медработников // Уголовный процесс. 2010. № 2. С. 26–33.

10. Врачебные ошибки были, есть и будут // Вечерний Томск. 2008. № 131; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области / ОГУЗ БСМЭТО, Томск. Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>

11. См., напр.: *Корневский Ю.* Расследование причинения вреда здоровью медицинскими работниками // Законность. 1998. № 4.

12. Пациенты начинают защищаться // Вечерний Томск. 2007. № 43; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области / ОГУЗ БСМЭТО, Томск. Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>

13. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М.: «Юридическая литература», 1989. С. 543.

14. Письмо ФФОМС от 5 мая 1998 г. № 1993/36.1-и «О методических рекомендациях «Возмещение вреда (ущерба) застрахованным в случае оказания некачественной медицинской помощи в рамках программы обязательного медицинского страхования» // Здравоохранение. 1998. № 8.

15. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. С. 626, 478.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1996. С. 249.

17. *Райзберг Б. А., Лозовский А. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. М.: Изд-во ИНФРА-М, 2006.

18. Там же.

19. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 21.04.2006) // СЗ РФ. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.

20. Постановление Правительства РФ от 03.04.2006 № 191 «Об утверждении перечня должностей, подлежащих обязательному страхованию медицинских, фармацевтических и иных работников государствен-

ной и муниципальной систем здравоохранения, занятия которых связано с угрозой жизни и здоровью этих работников» // СЗ РФ. 10.04.2006. № 15. Ст. 1621.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

22. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Указ. соч.

23. Там же.

24. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.08.1993. № 33. Ст. 1318.

УДК 347.724

А. Н. Петрунёва

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Общество с ограниченной ответственностью сегодня – это одна из наиболее распространенных в имущественном обороте организационно-правовых форм для осуществления предпринимательской деятельности. Истоки появления такого субъекта гражданских правоотношений помогут еще более осмыслить его современное состояние, в том числе разрешить ряд имеющихся проблем в указанной области.

A closed joint stock company nowadays is one of the most widespread legal entities among forms of ownership in entrepreneurial activities. The study of the origins of this subject of civil legal relations will enable to better understand its modern status and resolve a range of challenges in this respect.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, организационно-правовая форма, участник, ответственность.

Keywords: closed joint stock company, form of legal entity, participant, responsibility

Считается, что общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО, Общество, хозяйственное общество) возникло как переходная (средняя) форма между существовавшими полным товариществом и акционерным обществом. При этом ООО заимствовало признаки предшествующих товариществ и обществ.

В целом при рассмотрении форм юридического лица присущие им признаки могут быть поняты только с учетом исторической необходимости и цели их появления. Несмотря на утверждение, что общество с ограниченной ответственностью «было создано без каких-либо исторических предшественников...» [1], правильное счи-

тать, что оно возникло путем приспособления существующих форм к возникающим потребностям.

Процесс исторического развития характеризуемого субъекта усложнен тем, что восходит корнями одновременно к нескольким различным явлениям. Общество с ограниченной ответственностью является лишь одной из фаз в процессе последовательного развития форм ведения предпринимательской деятельности [2].

Российское дореволюционное законодательство не знало такой организационно-правовой формы юридических лиц, как общество с ограниченной ответственностью. Принцип таковой ответственности отвергался как «противный нашим законам» [3]. В то время существовали товарищества, правовое положение которых закреплялось в «Своде Законов Гражданских» и «Уставе Торговом». Перечень законодательно закрепленных товариществ включал полное товарищество, товарищество на вере, акционерное (товарищество на паях или по участкам), артельное. Кроме того, относительно этих форм хозяйствования существовало мнение по поводу закрытости перечня (например, Г. Ф. Шершеневич [4]), а также то, что общие законодательные формы не исчерпывают всего содержания (К. Победоносцев [5]). После революции 1917 г. были сохранены такие формы, как товарищество лиц и товарищество капиталов.

Гражданский кодекс 1922 г. выделил товарищество с ограниченной ответственностью, но по своей сути такая организационно-правовая форма существенно отличалась от западных аналогов.

Главное отличие – участники отвечают не только внесенными в товарищество вкладами, но и личным имуществом в одинаковом для всех товарищей кратном отношении к сумме вклада каждого товарища [6].

Следующее отличие в том, что товарищество не обладает фиксированным уставным капиталом. Каждый член товарищества, вступая в него, вкладывает паевой взнос. Любой член товарищества может во всякое время выйти из состава, подав об этом заявление, и тогда имущественно выделяется из товарищества. То есть существует переменность капитала и личного состава членов [7]. Сущность товарищества с ограниченной ответственностью определялась как кооперативное товарищество с переменностью капитала при ограниченной ответственности участников [8]. К концу 20-х гг. XX в. прежние товарищеские объединения вовсе исчезли.

Гражданский кодекс 1964 г. исключал из числа возможных объектов взыскания по долгам юридического лица принадлежащие ему основные и оборотные средства.

В современной России начало возрождения хозяйственных обществ пришлось на 90-е гг. Однако первые законодательные акты, призванные заложить базу для развития хозяйственных обществ (товариществ), были не только недостаточно юридически грамотными, но в ряде случаев противоречили друг другу.

Во-первых, общество с ограниченной ответственностью именовалось в законе РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [9] (1990 г.) «товариществом с ограниченной ответственностью» и определялось как объединение граждан и(или) юридических лиц для совместной хозяйственной деятельности. Таким образом, закладывалась правовая база для понимания этой организационно-правовой формы как «объединения лиц», что, в свою очередь, приводило к неправильному пониманию сути этого вида юридического лица и нарушениям прав его участников. Ведь «объединение лиц» означает, что товарищество может быть создано не менее чем двумя лицами, члены товарищества должны лично участвовать в его деятельности и, следовательно, могут быть участниками только одного товарищества. Вместе с тем по своей сути «товарищество с ограниченной ответственностью» было не чем иным, как хозяйственным обществом – правовой формой объединения не лиц, а капиталов, где его участники объединяют только имущество, следовательно, могут одновременно участвовать имущественными взносами в нескольких обществах.

Во-вторых, закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» отождествлял товарищества с ограниченной ответственностью и акционерные общества закрытого типа, хотя каждое из названных юридических лиц представляет собой совершенно самостоятельную организационно-правовую форму.

В-третьих, законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» было установлено, что имущество товарищества с ограниченной ответственностью формируется за счет вкладов участников, полученных доходов и других законных источников и принадлежит его участникам на праве общей долевой собственности (ст. 11 Закона). Вместе с тем в законе РСФСР «О собственности в РСФСР» [10] этот вопрос решался иначе: хозяйственное общество, товарищество обладают правом собственности на имущество, переданное им в форме вкладов и других взносов их участниками, а также на имущество, которое получено в результате своей предпринимательской деятельности и приобретено по иным основаниям, допускаемым законом (ст. 14 Закона). Следовательно, субъектом права собственности на имущество товарищества является само товарищество как юридическое

лицо. При этом судебная (арбитражная) практика исходила из того, что имущество акционерного и иного хозяйственного общества, товарищества принадлежит ему на праве собственности (п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 17 сентября 1992 г. № 13 [11]). Необходимо отметить, что несколько позже, в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик [12] (1991 г.), были заложены нормы, определяющие понятие и статус обществ с ограниченной ответственностью. Они выгодно отличались от норм закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», но в силу приоритета в тот период жизни нашего общества политики над правом реализованы были не в полной мере, хотя и создали правовую базу и предпосылки для ее совершенствования в Гражданском кодексе РФ 1994 г. [13] Там были закреплены существующие в настоящее время организационно-правовые формы юридических лиц. В том числе хозяйствующим субъектам была предоставлена возможность организовывать свою предпринимательскую деятельность по принципам общества с ограниченной ответственностью. «Именно с принятием части первой Гражданского кодекса правовое положение данного вида юридических лиц по российскому праву в целом стало соответствовать их статусу, сложившемуся в странах континентальной системы права» [14]. Федеральный закон РФ 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» под соответствующим хозяйствующим субъектом признает учрежденное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами размеров; участники Общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью Общества, в пределах стоимости внесенных ими вкладов [15].

Однако и сегодня дискутируют по поводу соответствия названия исследуемой формы и объема ответственности. Так, по мнению С. А. Макарова [16], название «общество с ограниченной ответственностью» не отражает отличительных признаков данной организационно-правовой формы юридических лиц, поскольку ограниченная ответственность участников не является особенностью только ООО, она ограничена и в прочих хозяйственных обществах, и в кооперативах (как в производственных, так и в потребительских), и в ассоциациях (союзах) юридических лиц и т. д. Принятое название является определенной условностью, данью, сложившейся в России и зарубежных странах правовой традиции. Главным же отличительным признаком общества с ограниченной ответственностью следует признать его закрытость, которая обеспечивает стабиль-

ность субъектного состава участников и защищает их от приобретения долей в уставном капитале общества нежелательными лицами.

Таким образом, современная организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью прошла достаточно непростой путь. Насколько она эффективна, свидетельствует то количество субъектов предпринимательской деятельности, которые избрали именно ее для удовлетворения собственных коммерческих интересов. Напомним, сегодня это одна из самых распространенных форм. Однако количество разрешаемых судами дел с участием ООО и характер заявляемых требований позволяют говорить об имеющемся законодательном неурегулировании отдельных вопросов, в том числе касающихся правового статуса обществ с ограниченной ответственностью.

К тому же с увеличением численности организаций расхождение между юридическими формами и их экономической сущностью становится все более очевидным, что подталкивает к переосмыслению самой сути юридического лица, а также соответствующих норм права компаний. К таковым не в последнюю очередь относятся нормы, определяющие статус юридического лица, порядок взаимоотношений юридического лица и его учредителей, принципы управления им и принципы его ответственности. Полная ответственность самого юридического лица по своим долгам и ограниченная ответственность его учредителей более не может являться единственным возможным правилом [17].

Совершенствованию отдельных вопросов организационно-правовой формы – общества с ограниченной ответственностью, в том числе самой ответственности по обязательствам, уделено внимание и в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, предлагается, с учетом опыта европейских правовых порядков, установление минимального размера уставного капитала для ООО в размере 1 млн руб. (вместо сегодняшних 10 000 руб.). Такое повышение не должно стать препятствием для сохранения более высоких требований к размеру уставного капитала юридических лиц, занимающихся такими видами деятельности, как банковская, страховая (возможно их применение и к другим видам деятельности), устанавливаемых специальным законом [18].

Малое предпринимательство, очевидно, будет осуществляться в форме индивидуального предпринимательства, а там совершенно другие кри-

терии ответственности по своим обязательствам. ООО станет не таким доступным.

Примечания

1. Бергман В., Комаров А. С. Введение в основные понятия германского торгового права и права хозяйственных организаций // Германское право. Ч. 2. М., 1996. С. 13.
2. Горлов В. А. Правовое положение обществ с ограниченной ответственностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 12.
3. Каминка А. И. Очерки торгового права. Вып. 1. СПб., 1911. С. 168.
4. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1. СПб., 1908. С. 289.
5. Победоносцев К. Курс гражданского права. Т. 3. СПб., 1880. С. 530.
6. Горлов В. А. Указ. соч. С. 36.
7. Вольф В. Ю. Основы хозяйственного права. М., 1928. С. 41.
8. Гражданский кодекс. Практический комментарий. Харьков, 1925. С. 264.
9. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
10. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР». Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
11. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.09.1992 № 13 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о собственности». Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
12. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. Утверждены ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1. Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Принят ГД ФС 21.10.1994. Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
14. Макаров С. А. Общество с ограниченной ответственностью как субъект гражданского права. URL: <http://dissertation2.narod.ru/Diss2006/27-4/htm>
15. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Принят ГД ФС 14.01.1998. Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.
16. Макаров С. А. Указ. соч.
17. Федчук В. Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. IX.
18. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: концепция развития законодательства о юридических лицах. Проект. Рекомендован Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 68 от 16 марта 2009 г.). Режим доступа: [КонсультантПлюс]. Загл. с экрана.

А. А. Благодир

О ПОНЯТИИ, СВОЙСТВАХ И СТРУКТУРЕ СИСТЕМЫ ПРАВА*

В статье на основе системного и функционального подходов исследуется понятие системы в праве, анализируются признаки системности права, структурные связи, определяющие строение права. Рассматривается структура системы права, такие ее структурные элементы, как правовая норма, правовой институт, отрасль права, выявляются признаки правового института, отрасли права, и проводится их классификация.

Basing on the systemic and functional approach we study the notion of system of law, analyze the features of systematization of law, structural links dictating the structure of law. We consider the structure of the system of law and its elements such as: legal standard, legal institution, branch of law; we bring out the features of legal institution, branch of law and develop their classification.

Ключевые слова: система права, признаки системности права, структура системы права, норма права, правовой институт, отрасль права.

Keywords: system of law, features of systematization of law, structure of the system of law, legal standard, legal institution, branch of law.

Понятие системы по своему теоретическому и методологическому статусу является общенаучной категорией, поскольку позволяет сформулировать и использовать общие в современной научной картине мира методологические принципы системного подхода к исследованию объекта познания. Системный подход позволяет сконструировать объект познания как в его онтологических аспектах (степень сложности, характер функционирования), так и в гносеологических аспектах исследования объекта познания как системного объекта: построение, анализ и систематизация категориального аппарата теоретического исследования. Анализ философских оснований системного подхода показывает, что понятие системы является философской категорией. Именно поэтому необходимо выяснить, как рассматривает данное понятие философская наука. Проводя анализ работ ученых-философов по данной проблематике, мы видим, что понятие системы трактуется следующим образом: как упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и об-

разующих некоторое целостное единство [1]; как ограниченное множество элементов, находящихся в устойчивых взаимосвязях [2].

Понятие системы имеет значение не только для философии как науки, но и для правовой науки, поскольку эта философская категория дает возможность определить место отдельных правовых норм в общей системе права. Эта задача будет выполнима при рассмотрении философии права в качестве одной из отраслей философии, поскольку она стоит в одном ряду с философией природы, философией истории, философией религии и др. В настоящее время существуют два ее понимания: одни исследователи рассматривают философию права как отрасль общей философии, другие относят ее к отраслям юридической науки, так как она является «фундаментом» для создания позитивного права и науки позитивного права [3]. Данной точки зрения придерживаются и выдающиеся ученые-правоведы, такие, как С. С. Алексеев и Д. А. Керимов.

По мнению С. С. Алексеева, философия права как составная часть правоведения – это завершающее звено целой системы общетеоретических правовых знаний, где реализуются и развиваются на философском уровне данные предшествующих ступеней, в особенности данные о специфической логике права, и на этой основе разрабатывается собственная философско-правовая проблематика [4].

Д. А. Керимов, исследуя эту категорию, утверждает, что философия права является по отношению к общей философии специальной наукой, но вместе с тем она выступает в качестве общей науки, выполняющей методологическую роль по отношению к более узким разделам правоведения, то есть к отраслевым юридическим наукам. Подобно тому как, например, общая биология, опираясь на философию, вооружает общими подходами и методами исследования все разделы биологической науки (ботанику, зоологию и т. д.), так и философия права разрабатывает методологические проблемы правоведения, вооружает общими методами исследования все отраслевые юридические науки [5].

Взяв за основу понятия из общей философии, в частности понятие системы, ученые в области права, развивая философскую мысль, во-первых, сформулировали понятие системы в праве, во-вторых, рассмотрели ее строение в целом и, в-третьих, определили внутреннее строение права в обществе.

А. А. Кононов отмечает, что при системном подходе элементы системы рассматриваются как относительно самостоятельные системы (подсистемы), а различные определения исследуемой системы (подсистемы) в зависимости от цели исследования – это одно из основных положений

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове, проект № 3/11.

общей теории систем. На начальном этапе системных исследований продуктивны простые, обобщающие определения. На последующих этапах, по мере накопления новых знаний, введенные определения развиваются (конкретизируются) в соответствии с иерархией целей. При этом разнообразные пути и средства достижения объективности не могут выбираться произвольно: в своей основе они должны быть адекватны сущности исследуемых объектов [6].

Анализируя понятие «система», А. В. Кузьменко приходит к выводу о том, что стороны изучаемого явления являются «элементами», а метод исследования является «системным подходом». По его мнению, при рассмотрении объекта в качестве системы элементы субъективности проявляются двояко: во-первых, в выборе уровня иерархии, на котором будет рассматриваться объект (в одном случае – как самостоятельная система, в другом – как элемент более сложной системы); во-вторых, в выборе того, в каком отношении рассматривать данный объект (то есть установление и фиксация определенных целей данной системы) [7].

По мнению Д. А. Керимова, правовая система представляет собой интеграцию однотипных по своей сущности правовых установлений и процессов в структурно упорядоченное единство, обладающее относительной самостоятельностью, стабильностью функционирования и взаимодействием с внешней средой в целях регулирования соответствующих общественных отношений [8].

Общие методологические принципы системного подхода к праву позволяют представить право как систему отношений, определенных на множестве его элементов, под которыми понимаются нормы права, правовые институты и отрасли права.

Если право является системой, то оно имеет свою структуру. В философской и юридической литературе под системой понимается комплекс взаимосвязанных элементов, образующих структурно упорядоченное целостное единство, тогда как структура – особый способ внутренней взаимосвязи элементов в системе [9]. В этом отношении феномен права по своей сути становится функциональным, поскольку все его основные элементы рассматриваются с точки зрения той роли, которую они играют, будучи включенными в заранее заданное определенное отношение, именуемое структурой права. Системность права как объекта познания создает теоретико-методологические основания применения функционального анализа права как неравновесной подсистемы общества в единстве ее стационарного состояния и подвижного равновесия.

Для исследования системы права применяется один из основных методологических подхо-

дов, используемых в современном обществоведении, – функциональный подход. По мнению социологов, сущность функционального подхода состоит в выделении элементов социального взаимодействия, подлежащих исследованию, и определении их места и значения (функции) в некоторой связи, качественная определенность которой делает необходимым ее системное рассмотрение [10].

Р. Мертон выделил три главных постулата функционального подхода при рассмотрении системы: 1) постулат функционального единства общества (согласованность функционирования всех его частей); 2) постулат универсального функционализма (функциональность – полезность всех социальных явлений); 3) постулат функциональной необходимости. Развивая эти постулаты, он сформулировал основную теорему функционального анализа: точно так же, как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями [11].

Т. Парсонс, анализируя социальные системы, пришел к выводу о том, что любая система имеет две оси ориентации. Первая ось: внутреннее/внешнее – система ориентируется либо на события окружающей среды, либо на свои проблемы; вторая ось: инструментальное/консуматорное – ориентация связана либо с сиюминутными актуальными «средствами», либо с долговременными потребностями и целями. Из крестообразного наложения этих осей возникает набор из четырех основных функциональных категорий: во внешней ориентации системы возникают категории адаптации и целедостижения, во внутренней – интеграции и поддержания (скрытого) образца взаимодействий в системе. Эти категории, по Парсонсу, пригодны для описания любых систем на любых уровнях, причем более общие системы дифференцируются, выделяя подсистемы, сосредоточивающиеся на выполнении одного из четырех указанных функциональных императивов. Но частные системы должны выполнять и свои собственные функциональные императивы. В состав окружающей их среды входят и другие частные системы, с которыми они находятся в состоянии взаимообмена. Выполнение функциональных императивов ведет их к дифференциации [12].

Функциональный анализ является общим методологическим подходом для Т. Парсонса и Р. Мертона в силу системного видения объекта познания. Понятие функции становится исходной точкой для формулировки проблем, которая оказывается общей для обоих подходов (Р. Мертона и Т. Парсонса) и которая связывает их с помощью того, что она устанавливает их значение для главного понятия – системы [13].

Р. Лукич, основываясь на системном подходе к анализу права, исследуя создание системы права, отмечает необходимость использования материально-нормативного метода. Данный метод служит не только для того, чтобы расположить понятия в соответствии со степенью их обобщения, в результате чего возникает пирамида понятий, основу которой образуют самые конкретные (самые узкие, низшие) правовые понятия, а вершину – самое абстрактное (высшее, самое широкое) понятие – понятие самого права. Метод служит также для систематической классификации правовых норм в соответствии с их содержанием, обусловливаемым теми видами социальных отношений, которые они регулируют, то есть для создания системы права. При помощи этого метода все нормы, регулирующие один и тот же вид правовых отношений, систематизированно объединяются в одну группу. Такие группы в определенном порядке, зависящем от содержания норм, объединяются в единое целое, охватывающее все национальное право. Это и называется системой права [14].

Система права – строение национального права, заключающееся в разделении единых по назначению в обществе внутренне согласованных норм на отдельные части, называемые отраслями и институтами права [15].

Система права может подразделяться на несколько параллельно существующих групп, а каждая группа – на несколько подгрупп и т. д. В результате, по мнению Р. Лукича, образуется как бы пирамида, состоящая из нескольких «этажей», причем каждый этаж в свою очередь делится на несколько частей, связанных между собой по вертикали. Таким образом, правовая система может быть поделена прежде всего на несколько параллельно существующих высших и наиболее широких групп. Их называют областями права. Каждая из них в свою очередь подразделяется на несколько более узких, параллельно существующих групп, которые называются отраслями права. И наконец, каждая из этих последних групп также подразделяется на ряд еще более узких групп, называемых правовыми институтами. Система права обеспечивает хороший обзор права и позволяет установить связи между его элементами, в конечном счете – между правовыми нормами [16].

С. С. Алексеев считает, что система права – это строение права, его подразделение на отрасли и институты [17].

Таким образом, праву присуща системная и структурная целостность. Это, по мнению Д. А. Керимова, не простое, механическое, суммарное целое, а внутренне единая системная целостность [18]. Проведя исследование системности права, он выделил следующие основные признаки:

1) компоненты правовой системы (ее подсистем) находятся в объединенном, целостно-системном состоянии;

2) правовая система образует единство в результате структурной упорядоченности ее компонентов (подсистем), определяющей их функциональную зависимость и взаимодействие;

3) объединение правовых компонентов (подсистем) в структурно упорядоченное единство обуславливает наличие у правовой системы свойства относительной самостоятельности. Оно выражается в том, что качества правовой системы не сводятся к качествам системообразующих компонентов (подсистем); она обладает способностью существенно видоизменять составляющие ее компоненты (подсистемы) и создавать новые компоненты (подсистемы) в пределах своего единства; она может выступать в виде компонента (подсистемы) другой, более объемной системы, равно как и в границах своего единства расчленяться на внутренние подсистемы (или системы более низкого порядка); она необходимо связана с внешней средой, ощущая ее воздействие и реагируя на нее;

4) структурная упорядоченность придает правовой системе относительную устойчивость, в пределах которой допустимы изменения свойств ее компонентов (подсистем) и их связей;

5) относительная самостоятельность правовой системы обуславливает относительную самостоятельность, автономность ее функционирования, степень которой определяет уровень данной системы [19].

Помимо категории системности всякой системе независимо от того, какие объекты или явления составляют ее содержание, свойственна определенная структура, то есть «наличие связей между элементами и появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности. Связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – таковы отличительные признаки любой системы» [20].

Структурные связи – это связи, определяющие строение права. Анализируя их, Р. Лукич утверждает, что норма права состоит из определенных понятий, между которыми, наряду со смысловыми, имеются и структурные связи, то есть связи, необходимые или полезные для создания соответствующей – также необходимой и полезной – структуры правовой нормы. Аналогичные связи существуют и между самими нормами в рамках позитивного права, взятого в целом. Нормы так же, как и их большие или меньшие совокупности, должны быть связаны между собой соответствующим образом, с тем чтобы образовать в целом право, способное выполнять свою функцию. Эти связи могут быть конкретными, имеющими чисто национальный характер,

связями среднего уровня и связями общими, основными. Каждая структурная связь одновременно есть и связь функциональная, поскольку структура служит для выполнения функции, существует ради функции [21].

Подводя итог проводимым в середине XX в. дискуссиям о критериях деления права на отрасли, В. Ф. Яковлев расширил количество критериев системы права и предложил к таким критериям отнести предмет (материальный критерий), метод и механизм регулирования (юридический критерий) в качестве главных критериев, а также дополнительные, в качестве которых могут быть использованы отраслевые принципы и функции регулирования [22].

Глубокому научному исследованию структуры системы права были посвящены работы видных ученых: С. С. Алексеева, Н. Н. Вопленко, М. Н. Марченко, Д. А. Керимова, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, В. С. Якушева и др.

Традиционная структура системы права, по мнению С. В. Полениной, является иерархической с определенными уровнями иерархии (сверху вниз): система в целом, общности, отрасли, институты, нормы права. При более детальном юридическом исследовании вводят также подотрасли и субинституты [23].

Тем не менее в рамках данной работы мы рассмотрим структуру системы права с позиции «от простого к сложному», поскольку, по нашему мнению, это более логично и совпадает с исследованиями, проводимыми большинством ученых теории права.

Так, по мнению С. С. Алексеева, «юридические нормы – «кирпичики», исходные элементы всего здания права данной страны, складывающиеся на основе типизированных решений жизненных ситуаций. Из этих «кирпичиков» складываются правовые институты, то есть комплексы норм по тем или иным вопросам – разнообразные блоки в «здании права». А вот из блоков – правовых институтов – образуются отрасли права» [24].

Для познания системных свойств права основное значение имеет классификация норм по признаку объема действия на общие (регулирующие определенный род отношений, составляющий, как правило, предмет регулирования самостоятельной отрасли права) и специальные (регулирующие в пределах данного рода отдельный вид отношений, составляющий, как правило, предмет регулирования отдельного правового института) [25].

Следующим элементом системы права является правовой институт. Исследование данной правовой категории позволило ряду ученых выделить отличительные признаки правового института, сформулировать понятие «правовой институт» и провести классификацию.

Анализируя категорию «правовой институт», Д. А. Керимов выделил его существенные признаки: это сложившаяся внутри отрасли права группа правовых норм в виде ее обособленной части, регулирующих с требуемой детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования [26].

В. С. Якушев выделил материальный и юридический признаки правового института. Так, материальным признаком является относительно самостоятельное общественное отношение, оно должно получить юридическое закрепление в форме закона [27].

С. С. Алексеев, детально исследовав правовой институт, пришел к выводу о том, что он является самостоятельным элементом системы права и обладает следующими признаками [28]:

а) фактическая и юридическая однородность правовых норм, регулирующих строго определенный участок общественных отношений;

б) внутренняя организация охватываемого нормативного материала, свидетельствующая о наличии в правовом институте своей структуры;

в) наличие норм-принципов, сформулированных законодателем, при этом внутриотраслевые принципы должны быть не только основополагающими идеями, отражающими сущность правовых норм отдельного института, но также полностью соответствовать и конкретизировать сущность как общеправовых, так и отраслевых принципов [29];

г) внешняя обособленность, то есть закрепление совокупности нормативных актов в системе законодательства.

В то же время С. С. Алексеев отметил, что в системе права имеются смешанные институты, которые обладают чертами межотраслевых объединений правовых норм [30]. Между институтами внутри отрасли могут существовать отношения субординации, соподчинения. Определенные части крупного института нередко образуют самостоятельные подразделения, которые называются субинститутами [31].

Исходя из признаков, которыми обладает правовой институт, Д. А. Керимов пришел к выводу о том, что институт права отличается от отрасли права, прежде всего, объемом регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения. Вместе с тем институт права имеет общие с отраслью права характеристики: объективную обособленность и органическое единство компонентов, специфичность метода, относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования, хотя и другого уровня [32].

В. С. Якушев дал понятие правового института как основанной на законе совокупности норм, призванных регулировать в рамках предмета данной отрасли права определенное, обладающие относительной самостоятельностью общественные отношения, а также связанные с ним производные отношения [33]. Используя методологический подход, он сделал вывод, что предметом регулирования правового института может быть лишь какая-то, в определенной мере самостоятельная часть имущественных отношений, объединенных каким-то общим фактором (факторами), который для данной группы является наиболее существенным. Поэтому обоснование правового института следует искать в особенностях его предмета [34].

С. С. Алексеев за основу выделения правового института в качестве самостоятельного подразделения системы права предложил взять метод правового воздействия на определенный участок отношений и посчитал данный признак главным, обособляющим те или иные общности норм в правовые институты.

Позиции ученых в поисках главного признака правового института несколько разделились: одни предлагают объединять в институт правовые нормы по предмету регулирования, а другие – по методу регулирования общественных отношений. Тем не менее предмет и метод – это те инструменты, без которых невозможно провести анализ ни одной нормы права, независимо от цели исследования, так как они действуют во взаимосвязи и дополняют друг друга.

Нормы права, прежде всего, разделяются на основе предмета правового регулирования, то есть в зависимости от круга общественных отношений, на который направлено их воздействие. Но иногда предмет правового регулирования может совпадать, а нормы – относиться к разным отраслям права. Тогда в основу их разграничения кладется метод правового регулирования [35].

Правовой институт – это определенная совокупность правовых норм, регулирующих какие-либо однородные общественные отношения, связанные между собой в качестве самостоятельной обособленной группы.

На основе предмета и метода правового регулирования учеными теории права была предложена классификация правовых институтов. Прежде всего, институты делятся по отраслям на гражданские, уголовные, административные и т. д. Кроме того, институты подразделяются на отраслевые и межотраслевые, простые и сложные, регулятивные и охранительные и т. д. Классификация институтов на отраслевые и межотраслевые зависит от того, располагается ли «группа правовых норм внутри одной отрасли» или же «объединяет в себе правовые нормы, относящи-

еся к нескольким отраслям права» [36]. Отраслевой институт состоит из норм одной конкретной отрасли права, а межотраслевой – из норм двух и более отраслей. Простой институт не содержит никаких структурных подразделений. Сложный же институт имеет в своем составе мелкие самостоятельные образования.

Следующим элементом системы права более высокого порядка является отрасль права.

Отрасль права – это совокупность норм, регулирующих отношения, относящиеся к определенной области общественной жизни. Для образования самостоятельной отрасли права необходимо, во-первых, чтобы общественные отношения, регулируемые нормами этой отрасли права, составляли в своей совокупности и в силу своего качественного своеобразия единый комплекс, отличающийся от других сфер общественной жизни, и, во-вторых, чтобы указанный комплекс общественных отношений нуждался в самостоятельном правовом регулировании для достижения задач, стоящих на данном этапе общественного развития.

При выделении определенной системы норм в самостоятельную отрасль права, по мнению В. С. Андреева, следует учитывать заинтересованность всего общества в развитии регулируемых этими нормами общественных отношений [37].

Отрасли права так же, как институты права, обладают характерными для них признаками, которые позволяют отграничивать отрасли права от других правовых образований. С. С. Алексеев выделил следующие признаки отраслей права:

1) они исчерпывающе концентрируют генеральные юридические режимы, групповые методы регулирования;

2) отличаются юридической чистотой, яркой контрастностью, юридической несовместимостью по отношению друг к другу, что исключает возможность взаимного субсидиарного применения входящих в данные отрасли норм;

3) являются юридически первичным, то есть содержат исходный правовой материал, который затем так или иначе используется при формировании правовых режимов других отраслей, и вследствие этого выступают в качестве заглавных подразделений целых групп отраслей права;

4) в своей совокупности, как и положено ядру целостной системы, имеют стройную, законченную архитектуру, четкие закономерные зависимости, иерархические связи [38].

При решении вопроса о самостоятельности отрасли права нужно принимать во внимание, по мнению В. С. Андреева, и количественный признак. Немногочисленность норм, регламентирующих тот или иной комплекс общественных отношений, может быть препятствием для образования отрасли права [39].

Как уже было отмечено при анализе понятия «правовой институт», «общеизвестными в... науке критериями систематизации норм права по отраслям... являются предмет и метод правового регулирования» [40]. Все отрасли права формируются и функционируют на базе «собственных предметов» – видов общественных отношений. Отличительные особенности отраслей права заключаются в том, что они концентрируют главные (генеральные) юридические режимы – режимы качественно своеобразные, исходные по специфике правового регулирования и поэтому предопределяющие основные типовые особенности юридического инструментария [41].

С. С. Алексеев, учитывая эти критерии деления права на отрасли, предлагает следующую классификацию отраслей:

1) профилирующие, базовые отрасли, охватывающие главные правовые режимы: конституционное право, затем три материальные отрасли – гражданское, административное, уголовное право, соответствующие им три процессуальные отрасли – гражданское процессуальное, административно-процессуальное, уголовно-процессуальное. Именно в этой группе сконцентрированы главные, первичные с правовой стороны юридические средства регулирования;

2) специальные отрасли, где правовые режимы модифицированы, приспособлены к особым сферам жизни общества: трудовое право, земельное право, финансовое право, право социального обеспечения, семейное право;

3) комплексные отрасли, для которых характерно соединение разнородных институтов профилирующих и специальных отраслей.

Общее «сквозное» значение, охватывающее все три указанных звена отраслей, имеют публичное право и частное право [42].

Также отрасли права можно разделить на материальные (институты, нормы), посвященные непосредственно правам и обязанностям, другим юридическим вопросам по существу, и процессуальные (институты, нормы), посвященные процессуальным, процедурным вопросам [43].

В составе некоторых наиболее обширных и сложных отраслей права можно выделить подотрасли, то есть группы правовых норм, каждая из которых регулирует более узкую группу общественных отношений, имеющую наряду с общими признаками, объединяющими ее с другими группами общественных отношений в единую, определенную область общественной жизни, и свою специфику, что вызывает необходимость в ее специальном правовом регулировании.

Из общей теории права нам известно, что подотрасль права регулирует отдельные массивы общественных отношений, которые характеризуются своей спецификой и известной родо-

вой обособленностью [44], или, другими словами, объединяют несколько институтов одной и той же отрасли [45]. Внешним выражением подотрасли является наличие в ней такой группы норм, которая содержит общие принципиальные положения, присущие нескольким (но не всем) правовым институтам данной отрасли.

Внутреннее разделение права на отрасли является объективной необходимостью, порождаемой практическими потребностями общественной жизни, ибо система права складывается не произвольно, а обуславливается в конечном счете экономическим строем общества на данном этапе развития, его экономическим базисом [46].

Такая структура системы права общепризнана в правовой науке и является наиболее оптимальной для изучения системы права в единстве.

В постсоветский период в ходе научных дискуссий о системе права некоторые ученые предложили свои концепции, отличные от тех научных взглядов, которые считались устоявшимися и традиционными в советский период.

Так, по мнению Е. А. Керимовой, система права существует, но не как система отраслей, а как система прочно взаимосвязанных в единое целое правовых норм. Нормы эти в идеале должны быть не только взаимосвязаны, но и взаимосогласованы, составлять единое, гармоничное целое [47].

С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться, поскольку автор, в сущности, отказывается от более крупных образований, таких, как институты, отрасли, правовая система в целом, а обращает внимание только на правовые нормы, не поясняя, на основании чего данные нормы будут взаимосвязаны и взаимосогласованы. Нормы права, как справедливо отмечает А. Б. Венгеров, должны находиться в систематизированном состоянии, быть помещены в определенные структурные подразделения права (отрасли, подотрасли, правовые институты), что позволяет их отыскивать, реализовывать, приводить в действие [48].

Спорной также можно считать и точку зрения Н. В. Разуваева, который полагает, что правовая система – одна из знаково-моделирующих систем, и относит ее к числу феноменов духовной культуры. Автор предлагает выделить четыре новых критерия отраслевого деления права: один исходный (культура и ее специализированные сферы, к которым принадлежат те или иные отрасли) и три производных – семантический (особенности юридической действительности), синтаксический (группировка норм различных видов внутри каждой отрасли) и прагматический (определенный набор ценностей, присущих данной отрасли). По его мнению, сочетание и различная комбинация названных критериев целиком и полностью определяют структурную организацию правовой системы [49].

Однако Н. В. Разуваев не учитывает, что развитие общества динамично, точно так же динамично и право, поэтому на том или ином этапе развития общества меняется и культура. Кроме того, критерий культуры он все же связывает со специализированными сферами, к которым принадлежат те или иные отрасли, тем самым противореча себе и признавая исходными элементами отрасли права.

В. Г. Беляев в качестве критерия выделения отрасли рассматривает наличие самостоятельной ответственности, возможность своими отраслевыми способами обеспечить действенность собственных велений. По мнению автора, не случайно те отрасли права, самостоятельность которых не вызывает споров, характеризуются наличием собственного потенциала обеспечения действенности своих велений, то есть имеют собственный институт ответственности, являющийся их первичным, центральным институтом, предопределяющим конкретные параметры всех других, вторичных, производных институтов данной отрасли: «Таким образом, отрасль права можно более строго, чем по критериям предмета и метода, различать по более глубокому признаку – наличию или отсутствию собственной отраслевой ответственности. Институт ответственности, ее режим являются исходными, родоначальными по отношению к своему производному, вторичному – соответствующей отрасли законодательства (права)» [50].

Выделение самостоятельных отраслей и институтов в праве не случайно; оно обусловлено спецификой отношений в различных сферах общественной жизни. Правильно построенная система права должна соответствовать реальному, фактически существующему разделению общественных отношений на те или иные обособленные группы, определяемому в конечном счете экономическим базисом общества [51].

Оптимальной формой, выражением структуры отрасли права является принятие кодифицированного нормативного акта, отражающего систему отрасли права в виде взаимосвязанной системы правовых институтов [52].

Системность и структурность – это объективные свойства права как социального института. Их знание – это знание важнейших сторон права. Изучение этих свойств позволяет осуществлять упорядочение, систематизацию законодательства, а следовательно, и наиболее эффективную реализацию права [53].

Структурно-функциональный метод, применяемый при исследовании системы права по существу, есть метод реальный, объясняющий причины и следствия. Так, при его помощи устанавливается причинная связь между данной функцией и структурой, которая является лучшим средством

ее осуществления, а затем выясняется, существует ли в данном случае соответствующая структура и соответствующая связь и насколько они отличаются от идеальной структуры и идеальной связи. Очевидно, что отличия, большие или меньшие, имеются всегда [54].

Таким образом, мы определили понятие системы права и выделили свойства системности, структурности и функциональности права.

Примечания

1. *Казарян В. П.* Системный подход в современном естествознании // *Философия современного естествознания: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева.* М., 2004. С. 282.
2. *Философия.* Ч. II. Основные проблемы философии / под ред. В. И. Кириллова. М., 1997. С. 101.
3. *Кизяковский В. В.* Философия права и ее место в системе юридических наук // *Право XX века: Идеи и ценности: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров.* М., 2001. С. 12; см. также: *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 388.
4. *Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 391.
5. *Керимов Д. А.* Основы философии права. М., 1992. С. 15.
6. *Кононов А. А.* Общенаучная концепция системы права // *Известия вузов. Правоведение.* 2003. № 3. С. 15.
7. *Кузьменко А. В.* «Системный взгляд» на систему права // *Известия вузов. Правоведение.* 2003. № 3. С. 8.
8. *Керимов Д. А.* Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. Т. 1. Социология права. М., 2001. С. 177.
9. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 274, 300.
10. *Современная западная социология: словарь.* М., 1990. С. 380.
11. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова.* М., 1994. С. 386–399.
12. *Современная западная социология: словарь.* М., 1990. С. 382; см. также: *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // *Американская социологическая мысль.* С. 448–464.
13. *Современная западная социология: словарь.* М., 1990. С. 382–383.
14. *Лукич Р.* Методология права / под ред. Д. А. Керимова. М., 1981. С. 184–185.
15. *Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских.* М., 1997. С. 790.
16. *Лукич Р.* Указ. соч. С. 185.
17. *Алексеев С. С.* Государство и право. Начальный курс. М., 1993. С. 82.
18. *Керимов Д. А.* Проблемы общей теории права и государства. Т. 1. С. 176.
19. Там же. С. 176–177.
20. *Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца.* М., 1999. С. 328; см. также: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 177.
21. *Лукич Р.* Указ. соч. С. 190.

22. Керимова Е. А. О системообразующих критериях права РФ // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 158–159.

23. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5.

24. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 44.

25. Молодцов М. В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985. С. 53.

26. Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1998. С. 75–77.

27. Якушев В. С. О понятии правового института // Известия высших учебных заведений. Сер. Правоведение. 1970. № 6. С. 65.

28. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 119–135.

29. Шебанов А. Ф. Система советского социалистического права. М., 1961. С. 9.

30. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 119–135.

31. Сенякин И. Н. Общая теория государства и права: академич. курс: в 2 т. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. С. 233.

32. Керимов Д. А. Законодательная техника. С. 75–77.

33. Якушев В. С. Указ. соч. С. 67.

34. Там же. С. 63–64.

35. Хуыз М. Х., Сергейко П. Н. Энциклопедия права. М., 1995. С. 55.

36. Вопленко Н. Н. Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 344.

37. Андреев В. С. Понятие и система советского права социального обеспечения // Известия вузов. Правоведение. 1969. № 5. С. 71.

38. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия ... М., 1999. С. 253.

39. Андреев В. С. Указ. соч. С. 71.

40. Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 10–12.

41. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия ... С. 252.

42. Там же. С. 84.

43. Там же.

44. Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000. С. 397.

45. Сенякин И. Н. Указ. соч. С. 232.

46. Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 7–8.

47. Керимова Е. А. Указ. соч. С. 164.

48. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. II. Теория права. Т. I. М., 1996. С. 153.

49. Разуваев Н. В. Критерии отраслевой дифференциации права // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 3. С. 55.

50. Керимова Е. А. Указ. соч. С. 158–159; см. также: Беляев В. Г. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 97.

51. Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 10.

52. Лушникова М. В. Право социального обеспечения (Общая часть): учеб. пособие. Ярославль, 1997. С. 13–14.

53. Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 158.

54. Луквич Р. Указ. соч. С. 191.

УДК 347.56:614.25

Т. Е. Сучкова, А. В. Семенов

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ИМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В работе авторы исследуют проблемы юридической ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение ими своих профессиональных обязанностей. Авторы последовательно анализируют различные виды юридической ответственности медицинских работников, формулируют правомерность и обоснованность становления института административной ответственности медицинских работников при ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей, повлекшее причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью пациентов.

In work authors investigate problems of legal responsibility of medical personnel for inadequate execution of the In work authors investigate problems of legal responsibility of medical personnel for inadequate execution of the professional duties by them. Authors consistently analyze various kinds of legal responsibility of medical personnel, formulate legitimacy and validity of formation of institute of administrative responsibility of medical workers at inadequate execution of the professional duties, the entailed causing of a lung and average weight of harm to health of patients.

Ключевые слова: юридическая ответственность; административная ответственность; медицинские работники; профессиональные правонарушения, совершенные медицинскими работниками; легкий и средней тяжести вред здоровью.

Keywords: legal responsibility; administrative responsibility; medical personnel; the professional offences made by medical personnel; easy and average weight harm to health of patients.

С появлением профессии врача и становлением медицины как отдельной отрасли деятельности возникла проблема взаимоотношений врача и пациента, которая на протяжении веков не теряла своей актуальности.

Начиная с 90-х гг. XX в. в России формируется сфера платной, то есть основанной на договорных отношениях, медицины, в связи с чем, проблема взаимоотношения медицинских работников и пациентов еще больше обострилась.

Соблюдение прав человека и гражданина в области охраны здоровья и обеспечение соответствующих государственных гарантий являются основным принципом охраны здоровья в соответствии со ст. 2 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан [1]. Гражданин впра-

ве обратиться за медицинской помощью в лечебно-профилактическое учреждение. Данному праву корреспондирует обязанность медицинского работника, который «организует своевременное и квалифицированное обследование и лечение пациента, предоставляет информацию о состоянии его здоровья, по требованию больного или его законного представителя приглашает консультантов и организует консилиум» [2].

В соответствии с Основами законодательства [3] на медицинское учреждение в обязательном порядке возлагается обязанность, используя данные медицинской науки и практики, соответствующую медицинскую технику, специальные знания, опыт медицинских работников, произвести необходимые действия по обследованию пациента, установлению правильного диагноза, проведению надлежащего качественного лечения.

Эта обязанность на практике, к сожалению, очень часто осуществляется при большом количестве правонарушений, совершаемых медицинскими работниками. Этим обуславливается большое количество медицинских ошибок.

Действующее законодательство возлагает на медиков обязанности по оказанию медицинских услуг населению, одновременно устанавливая и различные виды ответственности за причинение вреда здоровью пациентов.

В современной правовой науке категория «ответственность» пронизывает всю систему законодательства России. Но в то же время в самых различных отраслях права России, а тем более в тех, где стержневой основой являются соответствующие кодифицированные источники (например ГК РФ, УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ и др.), мы не обнаружим определения ответственности.

Понятие юридической ответственности – удел теории и ученых-исследователей. Как известно, законодатель также не дает легальных понятий «гражданская ответственность» или «гражданско-правовая ответственность», «уголовная ответственность».

Что же следует понимать под «юридической ответственностью»?

Юридическая ответственность – это правоотношение, в котором дееспособные субъекты выполняют правовые веления, вытекающие из правовых запретов (юридических обязанностей) и правовых возможностей, сочетаемые с соответствующими штрафными и поощрительными санкциями [4].

В зависимости от вида совершаемого медицинскими работниками (и медицинскими учреждениями) правонарушения законом предусматриваются следующие виды юридической ответственности:

- гражданско-правовая;
- административная;

- дисциплинарная;
- уголовная ответственность.

Гражданско-правовая ответственность – это установленные нормами гражданского права [5] юридические последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом своих обязанностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора является договорной ответственностью, а в остальных случаях – внедоговорной, и применяется в применении к правонарушителю (должнику) в интересах другого лица (кредитора) установленных законом или договором мер воздействия, влекущих для должника экономически невыгодные последствия имущественного характера – возмещение материального и морального вреда, уплату неустойки. Может выражаться и в применении к нарушителю неимущественных санкций (например, требование опровергнуть распространявшиеся им сведения, порочащие честь и достоинство граждан и организаций).

Гражданско-правовая ответственность в отношении деятельности медицинских работников применяется, если медицинская организация или медработник нарушили условия договора с пациентом или ненадлежащим образом исполнили договор. В этом случае с нарушителя может взыскиваться неустойка, ему придется возмещать клиенту материальный и моральный вред.

Иногда могут применяться санкции неимущественного характера, например требование опровергнуть распространенные сведения о пациенте.

Дисциплинарная ответственность предусмотрена Трудовым кодексом РФ [6] и заключается в наложении дисциплинарного взыскания администрацией того предприятия или учреждения, где трудится работник, или вышестоящим в порядке подчиненности органом. К нарушителям трудовой дисциплины могут быть применены следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; увольнение с работы.

К дисциплинарной ответственности медицинского работника привлекают за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей. Нарушителю трудовой дисциплины могут сделать замечание, объявить выговор, а в крайнем случае – уволить с работы. Отметим, что к дисциплинарной ответственности работника привлекает администрация медицинского учреждения.

Уголовная ответственность является правовым последствием совершения медицинских работником или должностным лицом медицинского учреждения преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса РФ [7], заключающимся в применении к виновному государ-

ственного принуждения в форме уголовного наказания.

Теоретически административная ответственность наступает в отношении медицинских работников, должностных лиц и медицинских учреждений за совершенное ими административное правонарушение, предусмотренное Кодексом РФ об административных правонарушениях [8] (например, незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, народным целительством и т. д.).

При этом следует отметить, что вопрос о правомерности и обоснованности рискованных действий со стороны медицинских работников все чаще поднимается не только в периодической печати, но и в специализированной научной литературе [9]. И если в 80–90-е гг. прошлого века появлялись отдельные публикации о причинении вреда жизни и (или) здоровью пациента медицинскими работниками при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, то в последнее время, с появлением и все большим расширением сферы применения договорных (платных) медицинских услуг, отдельные вопросы правовой квалификации действий медицинских работников при неблагоприятном исходе оказания медицинской помощи все чаще привлекают внимание как медицинское сообщество, так и юристов.

Распространенность ненадлежащего оказания медицинских услуг за последнее десятилетие приняла, по определению президента Всемирной ассоциации медицинского права профессора А. Сarmi (2003), характер «молчаливой» эпидемии.

В России с целью изучения распространенности случаев ненадлежащего оказания медицинских услуг, сопровождающихся причинением вреда здоровью пациентов и привлечением врачей к юридической ответственности, проводились исследования многими известными юристами, специализирующимися в области медицинского права. В исследованиях, проведенных Ю. Д. Сергеевым в 1988 г., «уровень распространенности ненадлежащего оказания медицинских услуг по результатам комплексного исследования составил 10,0%» [10] (на 1480 случаев), исследования, проведенные Л. В. Канунниковой в 2006 г. среди 2180 респондентов г. Новосибирска, показали еще более удручающую картину: 20,5% случаев ненадлежащего оказания медицинских услуг [11].

В целом же проблеме юридической ответственности медицинских работников за совершенные ими профессиональные правонарушения в современной научно-практической периодической печати с каждым годом уделяется все больше и больше внимания [12].

Как отмечает И. М. Тяжкова, «проблема ответственности медицинских работников за нару-

шение ими профессиональных обязанностей не раз поднималась в печати, однако так и не нашла своего четкого и последовательного разрешения в законодательстве и практике, несмотря на то что ошибки, допущенные медиками, и особенно злоупотребления при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей могут привести к чрезвычайно тяжелым последствиям и невозполнимым потерям» [13].

Итак, проблема существует, более того, в последнее время средства массовой информации активно формируют негативное общественное мнение по отношению к проблемам оказания медицинской помощи. Но официальной статистики, позволившей бы определить действительные масштабы этого явления, не сегодняшний день в России нет [14].

Безусловно, врачи, медицинские работники – представители одной из самых гуманных профессий, однако даже они не застрахованы от совершения противоправного деяния, что является основанием наступления юридической ответственности для лица, совершившего правонарушение.

Но, несмотря на непростую ситуацию, сложившуюся в российском законодательстве относительно юридической ответственности медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, теоретические и практические продвижения имеют место быть в большей степени в уголовном праве и уголовном процессе.

Так, в современной российской уголовно-правовой науке данная проблема официально была поднята кандидатом юридических наук, доцентом кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права А. Г. Блиновым [15].

С целью более глубокого проникновения в суть поставленной проблемы очень важно проследить разнообразие и развитие взглядов на ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения. Особенно интересным можно назвать отношение к ответственности медицинских работников с 1917 г. до настоящего времени.

После событий 1917 г. государство монополизировало право на медицинскую помощь. С этой целью был принят целый ряд декретов и постановлений по вопросам здравоохранения. Особое место в этом ряду принадлежит декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников», более 50 лет регламентировавшему юридические аспекты врачебной деятельности. В нем были определены права и обязанности врача, правовой порядок проведения лечебно-профилактических мероприятий, в том числе и хирургических вмешательств. Кроме того, в нем

были предусмотрены основания для привлечения врачей к ответственности за профессиональные правонарушения.

Двадцатые годы прошлого века отмечены особым вниманием к вопросу ответственности медицинских работников со стороны медицинских научных обществ, газет, журналов, съездов врачей, совещаний врачей и юристов. Среди самых известных публикаций того времени на исследуемую тему отметим статью известного ученого, профессора кафедры судебной медицины Ростовского университета И. В. Марковина, опубликованную в 1928 г. в журнале «Судебно-медицинская экспертиза» (№ 8, с. 81–95). В ней автор сравнивает количество судебных дел в отношении врачей и отмечает их заметный рост по сравнению с дореволюционным временем.

К концу двадцатых годов противоречия между врачами и юристами по вопросу об отношении к врачебным ошибкам все больше обращали на себя внимание не только медицинского сообщества, но и всего общества в целом. Многочисленные диспуты, дискуссии подогревали интерес к деятельности до сих пор достаточно закрытого медицинского сообщества. Обнародование статистических данных о непомерном росте обвинений врачей за ошибки в их профессиональной работе вызвало целую бурю и шквал публикаций в периодической печати. Об этом говорилось в заявлении российского акушерско-гинекологического общества, обратившегося в Народный Комиссариат здравоохранения в 1925 г. В нем приводились следующие данные: в Ленинграде с 1921 по 1925 г. имели место 64 случая обвинений, из которых 27 – по отношению к акушерам-гинекологам, 26 – хирургам.

В заявлении, в частности, указывалось, что практические достижения медицины имеют известный предел, тем более что объектом исследования является «капризный еще и не вполне изученный человеческий организм». К тому же слишком незначительная осведомленность широких слоев населения в вопросах медицины вызывает завышенные требования к врачам и порождает ожидание необоснованно высоких результатов деятельности медицинских работников.

В резюмирующей части данного заявления предлагалось создание особых комиссий при здравоохранительных университетских городов для разбора дела и предания врача суду или покаянию, а в сложных случаях – для передачи дел Центральной экспертной комиссии при Наркомате здравоохранения для окончательного решения.

Большинство видных медиков из старшего поколения также придерживались в целом того мнения, что специфичность медицинской деятельности требует особого к ней отношения и оценивать ее с юридической точки зрения нужно очень

осторожно, не пытаясь уместить в прокрустово ложе юридических форм, общих для всех граждан.

Но позиция государства на тот момент была диаметрально противоположной. Юристы и часть медицинской общественности, поддерживающие линию правительства, категорически возражали против подобных воззрений о том, что врачебная деятельность в силу своей специфичности требует особого к себе отношения. Они ратовали за равную со всеми гражданами правовую ответственность врачей. Поэтому создание каких-то специальных правил, дополнительных норм, регулирующих ответственность врачей при совершении ими профессиональных правонарушений, они считали не нужным, достаточно в отношении врачей руководствоваться общими нормами.

В 1970–1980 гг. сложилась определенная практика расследования и судебно-медицинской экспертизы, существующая и в настоящее время. Новый всплеск интереса и явных изменений в расследовании «врачебных дел», в характере ответственности медицинских работников произошел в девяностые годы ушедшего столетия. Они связаны с коренными изменениями общественно-политической, социальной, экономической жизни общества, в том числе и в области охраны здоровья населения. Например, с внедрением страховой медицины, развитием платных медицинских услуг, разрешением частной врачебной деятельности и целительства. Эти изменения в медицине, прежде всего, касаются принципиальных различий в правовых и морально-этических взаимоотношениях врача и больного до и после 1991-го и, в особенности, 1993-го, когда были приняты основы законодательства РФ об охране здоровья граждан.

Итак, на сегодняшнем этапе развития российского общества одним из самых дискутируемых видов юридической ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения является уголовная ответственность.

Согласно действующему УК РФ медицинские работники подлежат уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей при наступлении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ст. 109 ч. 2 УК РФ) и причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенного вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ст. 118 ч. 2 УК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод, что причинение медицинскими работниками легкого и средней тяжести вреда здоровью пациента, причиняя фактический вред здоровью, не явля-

ется преступлением, в силу чего не находит своего отражения в действующем уголовном законодательстве.

Кроме того, не все правонарушения медицинских работников в силу своей общественной опасности подпадают под действие уголовного законодательства, так как, исходя из степени общественной опасности, все правонарушения медицинских работников подразделяются на преступления, которые влекут за собой уголовную ответственность, и противоправные проступки, ответственность за которые не предусмотрена Уголовным кодексом РФ [16]. В связи с этим целесообразно с целью защиты конституционных прав и интересов пациентов внести в КоАП РФ изменения, дополнив главу 6 КоАП РФ статьей, предусматривающей ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, повлекших причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью пациентов.

Бесспорно, ведя речь о юридической ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения, необходимо иметь в виду и гражданско-правовую (имущественную) ответственность, которая, безусловно, является серьезным последствием ненадлежащего оказания медицинских услуг.

Законным основанием гражданско-правовой ответственности в связи с причинением вреда при ненадлежащем оказании медицинской помощи являются нормы гл. 59 ГК РФ [17].

Согласно требованиям ст. 1064 ГК вред, причиненный субъекту гражданского права, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред; ст. 1068 ГК РФ предусматривает ответственность юридического лица за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых обязанностей (специальный деликт).

Вместе с тем в медицинской деятельности при диагностировании и лечении часто используются предметы, вещества, представляющие собой источники повышенной опасности. К ним могут быть отнесены, в частности, рентгеновские и лазерные установки, сильнодействующие лекарственные препараты, некоторые методы диагностирования и т. п.

Как известно, гражданско-правовая ответственность – это установленные нормами гражданского права юридические последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом своих обязанностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора является договорной ответственностью, а в остальных случаях – внедоговорной, и заключается в применении к правонарушителю (должнику) в интересах другого лица (кредито-

ра) установленных законом или договором мер воздействия, влекущих для должника экономически невыгодные последствия имущественного характера – возмещение материального и морального вреда, уплату неустойки. Может выражаться и в применении к нарушителю неимущественных санкций (например, требование опровергнуть распространявшиеся им сведения, порочащие честь и достоинство граждан и организаций).

Трудно не согласиться с точкой зрения Ю. Д. Сергеева, И. Г. Ломакиной, А. В. Канунниковой в том, что «современное гражданское право (теоретически) характеризуется стремлением защитить слабую сторону – потребителя медицинских услуг – гражданина за счет создания специального правового режима участия его в договорных отношениях. Этим, прежде всего, объясняется и введение правила о безвиновной (независимо от вины) ответственности исполнителя при ненадлежащем оказании услуги потребителю (ст. 1095 ГК РФ). Ключевым фактором гражданско-правовой ответственности является необходимость возмещения причиненного ущерба. В этой связи, учитывая многогранность медицинской деятельности, когда последняя нередко становится агрессивным фактором, приносящим неблагоприятные последствия, важно учитывать специфику оснований, по которым может возникнуть гражданско-правовая ответственность» [18].

Наступлению гражданско-правовой ответственности медицинского работника при ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей должно предшествовать доказывание следующих обстоятельств: «...наличие обязанности медицинского работника (исполнителя медицинской услуги) по отношению к пациенту, нарушение этой обязанности, наличие причинной связи между действиями исполнителя и наступившими последствиями – вредом здоровью» [19].

С позиции А. А. Мохова и И. Н. Моховой «нельзя оставлять без внимания и «публично-правовой элемент» в рассматриваемых отношениях. Общество и государство должны быть заинтересованы в обеспечении стабильности отношений по возмещению вреда. С одной стороны, нормы права должны обеспечивать потерпевшему реальную защиту его прав и охраняемых законом интересов, с другой – нормы права должны обеспечивать возможности «безболезненного» выхода из создавшейся ситуации для кредитора (исполнителя медицинской услуги)» [20].

При этом следует отметить, что данная проблема в настоящее время не может быть признана решенной. В ряде стран функционирует институт обязательного страхования профессиональной ответственности. В России пока делает робкие шаги добровольное страхование профес-

сиональной ответственности исполнителей медицинских услуг, которое не может исключить и полностью подменить собой институт административной ответственности.

Бесспорна точка зрения А. А. Мохова и И. Н. Моховой, которые справедливо замечают, что «в действующем законодательстве об охране здоровья граждан данные функции отчетливо не прослеживаются, что является его недостатком. В основном оно содержит отсылки к действующему законодательству или же указывает на отдельные элементы, условия ответственности. Для оптимизации правоприменительной практики, а также обеспечения качества и стабильности здравоохранительных правоотношений следует, на наш взгляд, учитывать данные функции в правотворческой практике при подготовке законодательных актов, направленных на регламентацию отношений в сфере охраны здоровья граждан и медицинской помощи» [21].

Следует отметить, что сохраняющиеся многие годы нерешенными проблемы приведения законодательства об охране здоровья граждан в стройную систему, лишенную норм-деклараций, не позволяют достигнуть обеспечения прав и законных интересов пациентов при получении медицинской помощи [22].

По этому вопросу следует отметить точку зрения А. А. Мохова: «...не обеспечивают эффективной защиты прав и охраняемых законом интересов личности, причем личности, которой причинен вред здоровью или жизни там, где обычно ищут помощи в поддержании и сохранении этого личного неимущественного блага, перед которым все остальные блага меркнут и не представляют уже никакого существенного интереса. Ведь даже самая значимая денежная компенсация за причиненный здоровью гражданина вред не может прямо восстановить здоровье, она лишь предполагает такую возможность, которая может быть реализована, а может быть и не реализована, исходя из возможностей современной медицины. Деньгами здоровья не вернешь, можно лишь нивелировать, затушевать возникшие последствия. Иными словами, материальная компенсация за причиненный здоровью вред – это фикция его возмещения, которую законодатель традиционно использует за неимением иных возможностей» [23].

Данная позиция А. А. Мохова лишь подтверждает целесообразность нашей позиции по данному вопросу и свидетельствует о необходимости государственного влияния посредством введения института административной ответственности медицинских работников за совершение профессиональных правонарушений.

В ситуации же невозмещения вреда, причиненного здоровью гражданина при оказании ме-

дицинской помощи, либо его неадекватного возмещения, личность и ее окружение (как правило, близкие родственники) вынуждены претерпевать неблагоприятные моральные, физические и материальные последствия, а правонарушение не получает должной оценки со стороны государства.

Кроме того, разбор дефектов медицинской помощи и врачебных ошибок во многих случаях носит внутриведомственный и поверхностный характер, проводится без учета итоговых выводов судебной практики.

«Однако отсутствие четкой правовой базы и как следствие – единообразной правоприменительной практики, нацеленной как на защиту интересов слабой стороны (пациента), так и на оперативное устранение самой системой причин и условий, способствующих причинению вреда здоровью или жизни граждан (пациентов) при оказании медицинской помощи, наносят существенный урон системе здравоохранения в целом, снижая ее привлекательность, формируя настроенность к медицинскому корпусу, повышая степень конфликтности» [24].

Итак, анализируя вышеизложенное, следует отметить, что согласно действующему законодательству медицинские работники при ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей, то есть при совершении правонарушения, не несут юридической ответственности.

Действующий КоАП РФ не содержит нормы, предусматривающей ответственности медицинских работников за причинение ими легкого или средней тяжести вреда здоровью пациента при ненадлежащем исполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей.

Административной ответственности подлежат лишь (гл. 6 КоАП РФ ст. 6.2) незаконное занятие частной медицинской практикой, частной фармацевтической деятельностью либо народной медициной (целительством).

То есть административной ответственности подлежат лица, не являющиеся профессиональными медицинскими работниками.

Медицинские работники, таким образом, при совершении ими профессиональных правонарушений остаются вне поля зрения института юридической ответственности.

Наличие в КоАП РФ специальной нормы, регламентирующей наступление административной ответственности за ненадлежащее исполнение медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, повлекшее причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью, способствовало бы соблюдению прав и законных интересов пациентов; носило бы профилактическую функцию предупреждения правонарушений.

В заключение необходимо отметить, что конституционные гарантии, выступая в качестве руководящих идей, распространяются не только на правоприменение, но и на правотворчество. Провозглашение в Конституции Российской Федерации позитивных социальных прав обязывает государство обеспечить реализацию этих прав.

К сожалению, несовершенство законодательства в области медицины серьезно осложняет привлечение к ответственности врачей за совершение последними профессиональных правонарушений.

При этом следует иметь в виду, что взаимоотношения врача и пациента в большей степени должны регламентироваться не столько моралью и медицинской этикой, сколько правовыми нормами. В целях соблюдения конституционных прав и законных интересов граждан государство обязано требовать от медицинских работников неукоснительного соблюдения правил и стандартов оказания медицинской помощи и диагностирования и лечения отдельных видов заболеваний.

Государство в лице своих исполнительных органов должно выступать главным регулятором общественных отношений и в такой специфической деятельности, как медицина.

В свою очередь медицинские работники при исполнении своих профессиональных обязанностей должны соблюдать наряду с общими нормами и специальные правила, обусловленные их профессиональной деятельностью.

Отсутствие административной ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения влечет несоблюдение конституционных прав и законных интересов граждан.

При этом имеются все основания полагать, что угроза административного наказания в дополнение к уголовному наказанию могла бы стать мощным инструментом в борьбе за улучшение качества медицинской помощи.

Безусловно, что при этом преступления останутся прерогативой УК РФ, а речь идет только о правонарушениях, наказание за которые может и должно быть предусмотрено Кодексом об административных правонарушениях.

Таким образом, имеется необходимость в том, чтобы дифференцировать ответственность медицинского работника на преступления, предусмотренные УК РФ, и правонарушения, предусмотренные КоАП РФ, посредством дополнения КоАП РФ нормой, регламентирующей административную ответственность медицинских работников за совершение профессиональных правонарушений.

Научные исследования, направленные на решение данной проблемы, будут способствовать не только защите прав пациента, но и повышению качества оказания медицинских услуг.

Примечания

1. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (в ред. федерального закона от 02.03.98 № 30-ФЗ) (с изм., внесенными Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2288) // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.08.1993. № 33. Ст. 1318.
2. Там же.
3. Там же.
4. Федорова В. Г. Понятие юридической ответственности и ее регулятивно-охранительная природа // Государство и право. 2007. № 9. С. 87–92.
5. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1.
6. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
8. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
9. См.: Глушков В. А. Об ответственности медицинских работников за преступно-небрежное нарушение профессиональных обязанностей // Клин. хирургия. 1984. № 12. С. 32–34; Бедрин Л. М. О правах медицинских работников и их ответственности за причинение вреда здоровью граждан // Новости медицины и фармации. Ярославль, 1994. № 2. С. 27–28; Акопов В. И. Правовые аспекты оказания медицинской помощи в условиях обоснованного риска // Ростовская электронная газета. 2001. № 10 (64). URL: /relga.rsu.ru; Золотов А. Причины неблагоприятных результатов (исходов) медицинских мероприятий // Законность. 2008. № 2. С. 13–15; Бибик М. В. Не забота о здоровье, а ущерб ему // Законность. 2009. № 6. С. 20–21.
10. Сергеев Ю. Д., Канунникова А. В. Ненадлежащее оказание медицинских услуг и факторы риска его распространения // Медицинское право. 2007. № 4. С. 3–6.
11. Там же
12. См.: Бондаренко Д. В. К вопросу о юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2006. № 4. С. 41–46; Ецко К. Рецензия на монографию доцента Академии МВД Республики Молдова В. Флоры «Уголовная ответственность за врачебные преступления» // Медицинское право. 2006. № 3. С. 52–53; Мохов А. А., Мохова И. Н. Врачебная ошибка как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. 2004. № 2. С. 31–38; Пашиных А. Г. Анализ неблагоприятных исходов при оказании дерматовенерологической помощи // Медицинское право. 2004. № 2. С. 27–30; Стеценко С. Г. Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы юридической квалификации и экспертизы // Российский следователь. 2002. № 5. С. 7–11; Сучков А. В. Правовые проблемы взаимоотношения медицинских работников и пациентов при совершении медиками профессиональных правонарушений // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3–4. С. 77–80; Флоря В. Н. Рецензия на монографию члена-корреспондента РАМН, профессора Ю. Д. Сергеева и кандидата медицинских наук Ю. В. Бисюка «Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи (экспертно-правовые аспекты). Научно-практическое руководство» // Медицинское право. 2008. № 3. С. 60–61; Осипов А. И., Бунин Ю. Н., Кладов С. Ю., Соколов А. С., Шнайдер А. Д. Причины врачебных диагностических ошибок по результатам анализа «врачебных дел» // Бюллетень сибирской медицины. 2003. Т. 2. № 2. С. 56–60.

13. Тяжкова И. М. Уголовная ответственность медицинских работников // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 1994. № 6. С. 14.
14. Бондаренко Д. В. Указ. соч. С. 41–46; Ецко К. Указ. соч. С. 52–53; Мохов А. А., Мохова И. Н. Указ. соч. С. 31–38; Пашиян А. Г. Указ. соч. С. 27–30; Стеценко С. Г. Указ. соч. С. 7–11; Сучков А. В. С. 77–80; Флоря В. Н. Указ. соч. С. 60–61; Осипов А. И., Бунин Ю. Н., Кладов С. Ю., Соколов А. С., Шнайдер А. Д. Указ. соч. С. 56–60; Тяжкова И. М. Указ. соч. С. 14; Врачебные ошибки: мифы и реальность // Вечерний Томск. 2006. 26 дек.; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области (ОГУЗ БСМЭТО). Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>; Фриц Е. Врачебные ошибки были, есть и будут // Вечерний Томск. 2008. № 131; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области (ОГУЗ БСМЭТО). Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>; Лечить по-русски // МК в Томске. 2007. № 46; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области (ОГУЗ БСМЭТО). Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>; Пациенты начинают защищаться // Вечерний Томск. 2007. № 43; Бюро судебно-медицинской экспертизы Томской области (ОГУЗ БСМЭТО). Томск, 2008. URL: <http://www.bsm.tomsk.ru>; Шерегова Ф. Защита прав граждан на медицинскую помощь // Законность. 2009. № 2. С. 57–59; Галюкова М. И. Уголовно-правовая оценка дефектов оказания медицинской помощи // Российский судья. 2008. № 12. С. 32–34.
15. Блинов А. Г. Уголовно-правовая охрана прав пациента. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004.
16. См.: Седова Н. Н. Соотношение юридической, административной и этической регуляции деятельности медицинских работников // Медицинское право. 2003. № 3. С. 34–46.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (ред. от 27.12.2009, с изм. от 08.05.2010) // Российская газета. 1994. 8 дек.
18. Сергеев Ю. Д., Ломакина И. Г., Канунникова А. В. Гражданско-правовая ответственность при медицинском вмешательстве (теоретические аспекты проблемы) // Медицинское право. 2005. № 4. С. 3–9.
19. Там же.
20. Мохов А. А., Мохова И. Н. Функции обязательств вследствие причинения вреда здоровью или жизни пациента // Медицинское право. 2006. № 3. С. 35–38.
21. Там же.
22. Мохов А. А. К вопросу о кодификации законодательства об охране здоровья граждан // Право и политика. 2002. № 7. С. 82–89.
23. Там же.
24. Там же.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1:1

Д. Н. Черниговский

М. А. ГОФМАН О ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ПУШКИНА

В статье рассмотрены работы крупнейшего пушкиниста русской эмиграции, посвященные изучению политических взглядов поэта.

In the article are considered works of the largest Pushkin scholar of the Russian emigration, devoted to studying of political views of the poet.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, М. Л. Гофман, политическое мировоззрение, русская эмиграция.

Keywords: A. S. Pushkin, M. L. Hoffmann, political views, Russian emigration.

Впервые к проблеме определения специфики политического мировоззрения великого поэта крупнейший пушкинист русского зарубежья М. А. Гофман (1887–1959) обратился еще до отъезда в эмиграцию в специальной монографии, вышедшей в 1918 г. [1] Гофман начинает свою книгу со справедливого указания на то, что «в нашей литературе отсутствует строго установленный взгляд на политические убеждения Пушкина» (с. 2). В результате поэт объявлялся «то либералом чистейшей воды... то осторожным консерваторм, порой оплотом консерватизма и чуть ли не реакции» (Там же).

Пытаясь изменить ситуацию, Гофман (в то время ведущий пушкинист-текстолог) избрал для разрешения проблемы именно текстологический подход. Справедливо видя в вольнолюбивой лирике поэта важнейший источник для изучения его общественных взглядов, Гофман впервые указал на то, что «многие так называемые «политические стихотворения» Пушкина представляют собой весьма сомнительный материал, так как, может быть, очень большая часть их не имеет ровно никакого отношения к Пушкину» (с. 5). В связи с этим ученый писал, что «биограф Пушкина, прежде чем приступить к изложению политических взглядов великого поэта, должен исследовать, насколько вески те основания, в силу которых то или иное стихотворение приписывается Пушкину» (Там же). Однако сам Гофман,

конечно же, не мог, находясь на территории охваченной революцией Украины, реализовать на практике этот постулат. Упомянул же он об этом важнейшем принципе, на котором должна основываться всякая работа по изучению общественно-политических взглядов Пушкина, помимо всего прочего, и с той целью, чтобы обнародовать свою гипотезу о возможной принадлежности послания «К Чаадаеву» перу К. Ф. Рылеева (с. 43–47). Данное предположение (не встретившее поддержки в науке) [2] было той принципиальной новацией, за счет которой Гофман претендовал на право оспорить мнения тех своих предшественников, кто заявлял о политическом радикализме молодого Пушкина.

Говоря о формировании политического мировоззрения Пушкина в Лицее и в петербургский период (1817–1820), Гофман указывает: «Следует быть весьма и весьма осторожным, чтобы не преувеличить либерализма политического сознания Пушкина... Пушкин был либералом, но не был радикалом и, бичуя темные стороны «самовластья», не призывал к ниспровержению этого «самовластья». Трезвый по своей природе, Пушкин понимал, что русское общество находится в такой стадии политического развития, при которой невозможно насильственное коренное изменение существующего государственного строя, но необходимы изменения, реформы» (с. 39–40). Для доказательства умеренности пушкинского либерализма в петербургский период жизни поэта Гофман, в частности, использовал свою гипотезу о том, что авторство политически острого послания «К Чаадаеву» принадлежало Рылееву. Кроме того, Гофман проводит между политическими воззрениями молодого Пушкина и идеологией декабризма резкую грань, но признает тот факт, что, «не сливаясь с декабризмом, Пушкин в значительной мере был его певцом, его «Арионом»» (с. 14–16).

Важно отметить, что Гофман, отделяя Пушкина от декабристов, вовсе не склонен преуменьшать степень оппозиционности великого поэта, желавшего будто бы осуществления всех идеалов дворянских революционеров, но иными средствами: «Пушкин сочувствовал идеям декабристов, но считал, что еще не пришла «желанная пора» для действия, что восстание преждевременно, и не разделял взглядов декабристов на способ проведения высоких идей в жизнь...»

(с. 20–21). Очевидно, что разработанная ученым схема эволюции общественно-политических взглядов Пушкина, подчеркивавшая цельность и относительную константность пушкинского политического мировоззрения, не отличается оригинальностью. Данная схема в общих чертах повторяет концепцию пушкинской политической эволюции, разработанную П. В. Анненковым в 1870-е гг. и принятую либеральным дореволюционным пушкиноведением.

Оказавшись в 1922 г. во Франции, Гофман не утратил интереса к изучению общественно-политических взглядов Пушкина. Так, уже в 1924 г. он опубликовал статью «Пушкин и декабристы» [3], в которой лишь повторил сказанное им по данному поводу в вышерассмотренной монографии. Так, Гофман, с одной стороны, показал Пушкина верным другом декабристов, а с другой – заявил о том, что великий поэт, находясь по отношению к правительству в оппозиции, был противником революционного возмущения. В частности, Гофман пишет: «Не лицемерно, не из слабости духа, не стосковавшись в невольном уединении, а из-за благоразумия желал он “вполне искренно помириться с правительством”, из-за благоразумия, которое говорило ему, что в условиях русской действительности русская романтическая революция могла окончиться только крахом и повлечь за собой усиление деспотизма. Пушкин не изменился и не изменил своим бывшим вольнолюбивым взглядам, но, по природе своей консервативный и более склонный “к умозаключению, нежели к деятельности”, он считал вредным и безумным высказывать свои взгляды, ибо, как он говорил впоследствии, “плетью обуха не перешибешь”» (Там же). Итак, мы видим, что и в эмиграции Гофман остался на позициях либерально-демократической пушкинистики, склонной трактовать великого поэта, с одной стороны, как консерватора, а с другой – как верного друга декабристов.

В 1931 г. Гофман опубликовал биографию Пушкина на французском языке. Это не означало, что адресатом ее должны были стать только французы, ведь французский был также языком русской диаспоры во Франции, крупнейшей и наиболее влиятельной в мире. Отсюда понятно, какая лежала на Гофмане ответственность. С одной стороны, он должен был открыть Пушкина французскому читателю, а с другой стороны, вступить в конкурентную борьбу с целым рядом русских биографов великого поэта в эмиграции, таких, например, как П. Н. Милюков и А. В. Тыркова-Вильямс.

Итак, что же получилось в итоге у Гофмана? Солидный том, дающий связное и достаточно точное изложение жизни великого поэта в политическом, творческом и интимно-психологическом

аспектах. Между тем критики этой книги и в русском зарубежье и в Советском Союзе предъявили к ней достаточно много претензий. Так, эмигрант В. Ф. Ходасевич оценил эту биографию как исключительно «фактическую» и увидел в ней только «тень» великого поэта: «Жизнеописание, изложенное М. Гофманом, не содержит именно самого Пушкина. Сам Пушкин из книги М. Гофмана как бы улечился, ушел, как вода сквозь пальцы. Осталась лишь длинная цепь сказуемых без подлежащего, грома фактов и эпизодов, пусть достоверных, но мертвых, не оживленных личностью героя. М. Гофман порою высказывает известную оценку этих эпизодов, известные на них взгляды – и не редко приходится с ним соглашаться. Но как в биографии, им написанной, нет личности Пушкина, “так и сумма разрозненных “взглядов” на отдельные эпизоды не образует цельного понимания жизненной трагедии Пушкина» [4].

Советский пушкинист Д. Д. Благой вторит Ходасевичу, находя в книге Гофмана и иные огрехи: «Книга его явно разочаровывает. Это... чисто фактическая биография без всякой попытки к какому бы то ни было осмыслению жизни и деятельности Пушкина как великого культурно-исторического явления. Правда, она свежее других, но объясняется это только более поздним временем ее выхода (так, автор получил возможность ввести в свое изложение новое толкование “диплома”, полученного Пушкиным перед дуэлью, данное Рейнботом – Щеголевым, и т. д.). Мало того: сделана она с недопустимой и явной поспешностью. Только этим можно объяснить наличие в ней ряда грубейших промахов и ошибок (автор путает, например, Михаила Орлова с Алексеем Орловым, утверждая о последнем, что он “был известен своими либеральными взглядами” (с. 62); заявляет, что “дней Александровых прекрасное начало” открылось речью о конституции в Варшавском сейме (с. 68), на самом деле произнесенной в 1818 г.; уверяет, что строфа пушкинской “Вольности”, начинающаяся словами “Самовластительный злодей...”, относится к Людовику XVI (!) (с. 66–67)» [5]. Благой при этом отказывает книге Гофмана и в концептуальности, не видя в ней никакой руководящей идеи.

Кроме того, Благой, Ходасевич и писатель-эмигрант М. А. Алданов, который также выступил рецензентом книги, отметили стремление Гофмана избегать «спорных вопросов пушкинской биографии» [6], что не могло не обесценить труд ученого для взыскательного и подготовленного читателя.

Нас в книге Гофмана интересовала прежде всего политическая составляющая пушкинской биографии. Надо сказать, что, выстраивая свой труд в соответствии с классической периодиза-

цией, разработанной еще П. В. Анненковым, Гофман в отличие от советских биографов поэта не делает рассказ о становлении политического мировоззрения Пушкина сюжетообразующим фактором книги. Так же, как и в своей специальной работе об общественно-политических взглядах Пушкина, Гофман здесь акцентирует внимание на том, что стройной и последовательной политической доктрины у Пушкина никогда не было, притом, что его общественные взгляды в течение всей жизни сохраняли относительную константность. Разница между советской монографией Гофмана о политическом мировоззрении Пушкина и новой его работой заключается в том, что автор ориентируется на иностранного читателя, незнакомого с тонкостями русской политической истории. В силу этого Гофману приходится делать ненужные для русской аудитории пояснения и упрощать концепцию политического развития поэта.

Приведем пример. Рассказывая о причинах неприятия «поэта декабристов» [7] в тайное общество, Гофман помимо соображений И. И. Пущина на этот счет высказывает и свое мнение: «Pousschine aurait pu ajouter une autre raison: malgré le libéralisme et le radicalisme même de ses opinions politiques, Pouchkine était un conservateur et un partisan de l'autocratie» (р. 71–72). Такого упрощения пушкинской политической платформы Гофман в своих прежних работах не допускал и, объявляя Пушкина «консерватором и сторонником самодержавия», конечно, преследовал цель быть ясно понятым французской аудиторией, хотя бы и в ущерб исторической точности. Таким образом, только начав рассказ о специфике общественно-политических взглядов поэта, Гофман сразу определил их как консервативные, исключая тем самым для себя возможность изображения их эволюции. Возможно также, что Гофман характеризовал Пушкина как консерватора, стремясь угодить антиреволюционным настроениям большинства русских эмигрантов.

Итак, Гофман в статьях 1920-х гг. и в монографии 1931 г. трактует Пушкина как консерватора и в этом отношении отходит от прежней, высказанной им еще в России, точки зрения, согласно которой поэт являл собой пример помудревшего «либералиста», не отказавшегося от своих вольнолюбивых мечтаний, но как бы отложившего их до лучших времен. Данное упрощение хорошо разработанной прежде концепции не означало, что исследователь вовсе утратил интерес к важнейшей в пушкинистике тех лет проблеме политического мировоззрения поэта. Напротив, Гофман в созданном им биографическом труде дополнил свою трактовку общественно-политических взглядов Пушкина анализом отноше-

ний поэта к Радищеву и учел новаторскую гипотезу Рейнбота – Щеголева, когда писал о взаимоотношениях поэта и царя. Эти новации нуждаются в рассмотрении.

Хотя Гофман, рассказывая об отношении Пушкина к личности Радищева и его трудам, ни разу не ссылается на книгу П. Н. Сакулина «Пушкин и Радищев» (М., 1920), очевидно, что с монографией этой он познакомился и использовал выводы советского ученого в своей работе. По мнению Гофмана, Пушкин был политическим оппонентом Радищева, что исследователь доказывает, обильно цитируя самого Пушкина, – статьи «Александр Радищев» и «Мысли на дороге», а также «Капитанскую дочку» (р. 280–282). Пропasti, однако, между воззрениями Радищева и Пушкина Гофман не видит. Если отношение к «русскому бунту» у них было совершенно противоположным, то, например, анализ их отношения к крепостному праву позволяет найти некоторые точки соприкосновения. Гофман указывает на то обстоятельство, что Пушкин, хотя и возражает Радищеву как обличителю крепостничества, но все же признает, что «крепостничество и его злоупотребления – большое зло» («le servage et ses abus sont un grand mal») (р. 280).

Гораздо самостоятельнее выглядит изучение Гофманом проблемы взаимоотношений поэта и царя в преддуэльный период. Впервые к изучению последней дуэли Пушкина Гофман обратился, находясь в эмиграции, в 1925 г. в статье «Еще о смерти Пушкина». Это исследование было продолжено в биографическом труде «Pouchkine» с учетом гипотезы, предложенной в 1927 г. в СССР П. Е. Рейнботом и П. Е. Щеголевым. Гофман согласился с тем, что пасквиль, адресованный Пушкину как рогоносцу, намекал на царя. Однако если советские ученые делали из этого факта вывод, что Николай I являлся главным и в принципе неустрашимым врагом поэта, то Гофман полагал иначе. С его точки зрения, Пушкин и царь оба в равной мере были жертвами заговора, во главе которого стояли Геккерены (р. 324). Для Гофмана это соображение было принципиально важно именно в том отношении, что оно определенным образом характеризовало политические взгляды поэта в последние годы жизни. Пушкин в этой системе рассуждений выглядел не врагом, а другом монарха, действительно желавшим полного перехода на сторону правительства. Необходимо отметить, что более подробно весь этот материал был рассмотрен Гофманом в большой статье «Невеста и жена Пушкина» (1936) [8].

Оценивая в целом характер разработки Гофманом проблемы пушкинского политического мировоззрения в анализируемой книге, можно сказать следующее. По мнению Гофмана, великий поэт, будучи внутренне свободным челове-

ком, после восстания декабристов, но еще до встречи с царем в Кремле в сентябре 1826 г., перешел на консервативные позиции и оставался на них до конца жизни. Однако специфика книги не позволила ученому высказаться с достаточной определенностью. Видимо, этот недостаток данной работы имели в виду ее рецензенты, когда заявляли о ее неконцептуальном характере. Добавим к этому, что аналогичное мнение об отсутствии концепции в данной биографии высказал и видный литературовед русского зарубежья А. А. Бем [9]. Заметим еще, что книга Гофмана была как бы не замечена в русском зарубежье: ссылок на нее мы не нашли ни у одного из русских эмигрантов, писавших в 1930-е гг. о Пушкине. Да и всего лишь две развернутые рецензии (Алданова и Ходасевича) на книгу крупнейшего пушкиниста эмиграции говорят о явном невнимании к ней.

Разбор работ Гофмана, написанных в эмиграции и посвященных изучению политической биографии Пушкина, нам хотелось бы завершить, сказав несколько слов о статье «Пушкин-«революционер»», написанной к 120-летию со дня смерти великого поэта [10]. Спустя 40 лет после выхода книги «Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения» (1918) Гофман вновь обратился к монографическому рассмотрению этой важной проблемы. Сам ученый объяснил выход своей работы тем, что его категорически не устраивал характер изучения Пушкина в СССР как «ярого революционера» и «чуть ли не коммуниста» [11]. Однако для появления в свет данной заметки могли быть и другие причины. Рискованно предположить, что Гофман сам ощущал невнятность своего биографического труда в аспекте изучения пушкинского политического мировоззрения и решил внести в рассмотрение этого вопроса необходимую ясность.

С предельным лаконизмом уже в начале публикации Гофман формулирует свою позицию по поводу проблемы политического мировоззрения поэта: «Вот два положения, которые я всю жизнь утверждал и доказывал: во-первых, что Пушкин был свободолюбивейшим поэтом и выше всего в жизни ставил свободу, во-вторых, что он никогда ни в один момент своей жизни не был революционером и не проповедовал революции» [12]. Затем ученый предлагает соответствующую аргументацию, доказывая справедливость своих суждений. Заметим, однако, что аргументация эта оригинальностью и новизной не отличается. Гофман приводит стандартный набор цитат из стихотворений «Вольность», «Деревня», «Из Пиндемонти», а также из «Капитанской дочки». В целом можно сказать, что взгляд Гофмана на характер политического мировоззрения Пушкина за четыре десятилетия не претерпел качествен-

ных изменений и, возможно, в силу этого обстоятельства труды исследователя по данному вопросу, написанные в эмигрантский период, казались устаревшими и не привлекали к себе внимания пушкинистов.

Примечания

1. Гофман М. А. Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения. Чернигов, 1918. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.
2. Гроссман А. П. Пушкин или Рылеев? // Недра. 1925. Кн. 6. С. 210–229.
3. Гофман М. А. Пушкин и декабристы // Последние новости. 1924. № 1435. 28 дек. С. 2. Далее ссылки в тексте.
4. Ходасевич В. Ф. Книга М. Гофмана // Возрождение. 1931. 9 июля. № 2228. С. 4.
5. Благой Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина // Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 263.
6. Благой Д. Д. Указ. соч. С. 263; Ходасевич В. Ф. Указ. соч. С. 3; Алданов М. А. М. Hofmann. Pouchkine // Современные Записки. 1932. № XLVIII. С. 478.
7. Hofmann M. Pouchkine. Paris. 1931. P. 71. Далее ссылки в тексте.
8. Гофман М. А. Невеста и жена Пушкина // Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Париж, 1936. С. 119–125.
9. Бем А. А. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 300.
10. Гофман М. А. Пушкин-«революционер» // Возрождение. 1957. № 61. С. 139–142.
11. Там же. С. 139.
12. Там же.

УДК 821.161.1-343.4

Е. А. Самоделова

ПРЕДЫСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК А. Н. ТОЛСТОГО в 1938–1939 гг. (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Статья посвящена предыстории создания сборника русских сказок в обработке А. Н. Толстого. Раскрывается переписка А. Н. Толстого с известными фольклористами А. Н. Нечаевым, Н. В. Рыбаковой, а также с редакторами издательств. Сборники сказок А. Н. Толстой предполагал издавать в Детгизе и издательстве «Художественная литература». Раскрывается понимание А. Н. Толстым содержания, структуры и принципов публикации сказок.

This article is devoted to the prehistory of Russian fairy tales collection formation in adaptation of A. N. Tolstoy. The author disclosed Alexei Tolstoy's correspondence with known folklorists A. N. Nechaev and N. V. Rybakova, as well as with editors of publishing houses. Collections of fairy tales Alexei Tolstoy intended to publish in Detgiz and published by publishing house "Hudozhestvennaya literatura". The article expands A. N. Tolstoy's understanding of content, structure and principles of stories publication.

© Самоделова Е. А., 2011

Ключевые слова: А. Н. Толстой, А. Н. Нечаев, Н. В. Рыбакова, сказка, структура сборника.

Keywords: A. N. Tolstoy, A. N. Nechaev, N. V. Rybakova, fairy tale, collection's structure.

Пяти томник русских народных сказок для детей и вопрос о четырехтомнике

В статье «А. Н. Толстой и русская народная сказка» (1948) А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова сообщили о том, что перед непосредственной работой над сказками писатель «обратился к прежним опытам издания популярных книг» и выяснил, «что при создании книг народных сказок до сих пор мало уделялось внимания вопросам творческих методов», за исключением литературной правки одного лишь варианта [1].

Из ряда писем А. Н. Толстого, А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой в марте 1938 г. известен первоначальный замысел издания 5 томов сказок. Эта идея принадлежала фольклористам и была поддержана писателем. 2 марта 1938 г. А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова отправили письмо А. Н. Толстому:

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич,

Мы присылаем на Ваше заключение письмо – предложение в Детиздат ЦК ВЛКСМ и одновременно просим Вас принять на себя общую и литературную редакцию издания пятикнижия русских народных сказок для детей. Зная, как трудоемка работа по выбору наиболее полных и художественно законченных вариантов из всего обратного <собранного?> опубликованного и рукописного текстового фонда (часто один и тот же сюжет представлен в сотне и более записей), мы предлагали всю работу по предварительному отбору текстов взять на себя, представляя Вам лишь те варианты, которые наилучшим образом будут отвечать задачам издания и Вашим требованиям.

Н. Рыбакова и А. Нечаев. <...>.

2-III-38 г. <...>» [2].

А. Н. Толстой моментально откликнулся на это перспективное предложение. Высоко ценя возможность сотрудничества с фольклористами, А. Н. Толстой попросил А. Н. Нечаева с его женой Н. В. Рыбаковой стать научными консультантами задуманного писателем издания. К тому времени Н. В. Рыбакова уже имела опыт литературной обработки сказок [3].

Толстой положительно оценивал деятельность Детгиза (Детиздата), ставил его на второе место после Государственного издательства «Художественная литература» по объему выпускаемой продукции. В статье «Мир – первое условие развития культуры» (1937) он отмечал: «Издательство детской литературы выпустило на одном только русском языке в 1936 г. 36 млн экз. книг и на 1937 г. выпускает 70 млн экз. книг отечественной и переводной литературы» [4].

Тут же последовало письмо А. Н. Толстого «В Детиздат ЦК ВЛКСМ» от 8 марта 1938 г., подтверждающее план обработки русских народных сказок в 5 томах. Письмо было составлено вчерне А. Н. Нечаевым с Н. В. Рыбаковой и исправлено писателем (сохранились авторская правка и 4 машинописные копии письма, напечатанные на 2 разных машинках [5]). Вот текст этого письма в окончательной редакции А. Н. Толстого:

«Уважаемые товарищи,

Русский фольклор неизмеримо богаче, чем фольклор немецкий, французский и других народов. Русский фольклор – живая стихия. В наши дни создаются народом замечательные сказки и даже былины уже на советской тематике. Но до сих пор у нас нет проработанного, классического текста былин, сказок и песен от древнейших времен до наших дней. Необходимость такого текста – ясна без слов: – знакомство детей с родным фольклором и, кроме того, обогащение детей всеми сокровищами народного языка.

Выходящие до сих пор случайные сборники русских народных сказок страдают обычно тем, что они очень неполны; сказки часто в них подобраны случайно, колоссальный фонд замечательных текстов остается лежать под спудом. В подавляющем большинстве сборники русских народных сказок для детей содержат только сказки о животных. Почти совершенно игнорируются волшебные, волшебнотероические, сатирические сказки и сказки-новеллы.

За последние 80 лет русская сказка значительно обогатилась новым современным материалом, который до сих пор почти не известен детям. Так, например, от сказочника-рыбака, ныне здравствующего, М. М. Коргуева, – записано полторы тысячи замечательнейших сказок.

Русские народные сказки являются крупнейшим памятником мировой художественной литературы. В течение почти целого века были многократные попытки создать сборники русских сказок для детей, но эти многочисленные издания (главным образом дореволюционные) оказались неудачными и не привились. Они не стали тем канонизированным кругом детского чтения, которое мы имеем на примере сказок Перро, сказок бр. Гримм и т. д.

Наши дети вправе рассчитывать на монументальный корпус прекрасных сказок своей родины» [6].

Далее Толстой указывал конкретный план работы:

«Материал должен быть выбран из всего богатейшего текстового фонда, как опубликованного, так и рукописного, с таким расчетом, чтобы сборник включал все основные сюжеты без вариантов в их наилучшей разработке.

Естественно, что сказки, имеющиеся в научных записях, потребуют литературной обработки, кото-

рая должна идти в двух направлениях: композиционном и стилистическом.

Все издание составит пять книг по 10 авторских листов в каждой книге:

книга первая – включит сказки о животных; вторая и третья – волшебные и волшебного-героические сказки;

четвертая – новеллистические и сатирические сказки; пятая – современные сказки с советской тематикой.

Я предлагаю Детиздату ЦК ВЛКСМ – издание под моей редакцией пяти сборников сказок. Работать над текстом будет бригада из трех человек: А. Нечаев, Н. Рыбакова и третий фольклорист, нами намеченный (но окончательно мы еще на нем не остановились).

Приблизительная смета расходов по созданию рукописи для пяти томов:

1. Предварительный отбор текстов и вариантов отдельных эпизодов из опубликованных и рукописных источников по 200 р. за лист x 100 л. (Здесь мы ставим сто листов – которые нужно будет выбрать из всего фольклорного материала для того, чтобы из этих ста листов путем отбора и соединения отобрать окончательный текст в 50 листов).....20.000 руб.

2. Переписка на машинке этого материала и бумага.....3.000 руб.

3. Вызовы современных сказочников и поездки к ним для записей новых текстов.....5.000 руб.

4. Организационные расходы и поездки, связанные с обследованием иногородних архивов.....2.000 руб.

5. Первый том должен быть подобран к Октябрю сего года с тем, чтобы выйти зимой 38–39 года» [7].

Как следует из письма и даже представленной сметы, А. Н. Толстой первоначально планировал очень быстрый темп и строй работы: силами четырех человек (в том числе трех фольклористов) выпустить пять томов сказок без вариантов, которые послужат каноническими образцами для воспитания детей. Писатель изначально не намеревался лично править сказочные тексты, а собирался быть лишь редактором издания, поручив кропотливую сверку и художественную трансформацию произведений профессиональным фольклористам. Серьезность намерений видна в обращении к современным сказочникам и провинциальным архивам, что является избыточным для детского издания (пусть и многотомного): это прерогатива научного труда. Именно в этом плане затея с детским изданием сказок корреспондирует с составлением Полного свода фольклора. Несостоятельность и нереальность замысла (помимо его грандиозности и спешности) особенно заметна в содержании 5-го тома – в советской тематике, которая в действительности еще не успела сформировать особую сказочную разновидность.

Текст письма А. Н. Толстого отличался от наброска А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой че-

тырьмя моментами. Во-первых, А. Н. Толстой вписал первые два с половиной абзаца, отсутствовавшие в первоисточнике. Там было так:

«В нашей детской литературе имеются многочисленные сборники сказок. Изданы и издаются немецкие, французские, монгольские и многие-много другие сказки. Но вот русские сказки, к сожалению, очень слабо привлекают внимание издательства детской книги.

Вышедшие до сих пор сборники русских народных сказок и в провинциальных и в центральных издательствах (среди них часто встречаются и хорошие красочные издания) страдают обычно тем, что они очень неполны <...>» [8].

Во-вторых, А. Н. Толстой включил фрагмент про сказочника М. М. Коргуева, разысканного А. Н. Нечаевым в Поморье и известного писателю от него. В-третьих, А. Н. Толстой предложил состав фольклористов-исполнителей и себя в качестве редактора, но вычеркнул пункт: «Гонорар за литературную обработку и общую редакцию» [9]. В-четвертых, наметил сроки выхода издания из печати.

Детиздат ЦК ВЛКСМ принял изложенное в письме А. Н. Толстого от 8 марта 1938 г. предложение по изданию пятитомника сказок. Из письма А. Н. Нечаева от 14.VII.1938 г. к Толстому известна дата реального начала работы над обработкой русских народных сказок для Детиздата – апрель 1938 г. [10] (см. ниже).

20 мая 1938 г. из Ленинграда А. Н. Нечаев послал письмо А. Н. Толстому:

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич,

Присылаю Вам вместе с планом издания коротенькую записку-сообщение. Я знаю, что надо делать, чтобы дети получили хороший сборник русских сказок, но написать об этом официально да еще к тому же в такое высокое учреждение мне очень трудно. Я тут посоветовался, но меня запутали на смерть и запутали до последней степени требованиями оригинальных принципов издания. А я твердо убежден, что принцип тут должен быть один: дать в руки детям сказки в наилучшей передаче и в культурном обрамлении. Ваша общая и литературная редакция обеспечит и то и другое. Вот это все я скажу на Секретариате ЦК т. Косареву.

С искренним приветом, преданный Вам А. Нечаев (А. Нечаев).

“19” мая 1938 г.

PS. 1. Записка-сообщение и приложенный к ней рабочий план сборника просмотрены и одобрены консультантом издания проф. Н. П. Андреевым. <...>

20-V-38 г. А. Нечаев. <...>» [11].

Параллельно А. Н. Толстой размышлял над проектом полного фольклорного свода. 26 июня 1938 г., за 4 дня перед отъездом с женой в Кис-

ловодск, А. Н. Толстой направил письмо Председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову о научном замысле издания разножанрового фольклорного свода [12].

14 июля 1938 г., когда А. Н. Толстой еще находился в Кисловодске, А. Н. Нечаев из Ленинграда отправил письмо секретарю писателя О. Б. Никифоровой в Москву по поводу подготовки русских народных сказок для Детиздата:

«Глубокоуважаемая Ольга Брониславовна, не откажите в любезности сообщить, когда Алексей Николаевич предполагает вернуться в Москву.

Дело в том, что работа над сводом русских народных сказок для детей (5 книг) начата в апреле-месяце. Первые две книги будут закончены в самом начале августа. По условию с Детиздатом мы должны сдать материал, составляющий первую книгу Изборника, 1-го августа. Опоздаем дней на десять, но зато будут сданы тексты для двух книг.

Понятно, что в процессе работы накопилось много вопросов, требующих консультации у Алексея Николаевича.

Между 10-м и 20-м августа мы (Н. В. Рыбакова и я) поедем с рукописью в Москву. Естественно, было бы чрезвычайно важно в это же время встретиться с Алексеем Николаевичем» [13].

Из заключительной фразы письма А. Н. Нечаева, предосланной приветом и указанию адреса, следует, что решались одновременно вопросы о подготовке академического сказочного свода и «Изборника» в 4 томах (поименованного с заглавной буквы): «Кроме того, накопилось много вопросов в связи с проектом А. Н. об издании полного свода русских народных сказок и четырехтомного Изборника» [14].

Важно подчеркнуть, что в одном и том же письме назывались два сокращенных издания сказок – в 5 и 4 томах. Можно предполагать, что пятитомник предназначался для детей и готовился для печати в Детгизе, а четырехтомник только замыслился в качестве «малого свода» дополнительно к «полному своду» русских народных сказок. Также нельзя исключить замысел подготовки четырехтомника для другого издательства (в частности, ГИХЛ).

Мысль об изначальном предназначении пятитомника для Детгиза подтверждается еще и первой редакцией «Предисловия», прошедшей путь от чернового автографа до журнальной публикации. В черновом автографе Толстой писал: «Государственное» издательство Детская литература просило меня приготовить для издания пять томов русских сказок» [15]. Далее писатель немного изменил текст в двух авторизованных машинописях – АМ-1 и АМ-2: «Государственное издательство Детской литературы обратилось ко

мне с предложением приготовить для издания пятитомник русских сказок» [16]. Этот текст вошел в публикацию «Предисловия» в журнале «Молодая гвардия», 1939, кн. 4, с. 60. Журнальный номер был сдан в набор 17–22/IV-1939 г. и подписан к печати 16/V-1939 г.; следовательно, Толстой написал эту редакцию «Предисловия» до 17 апреля 1939 г. В другой (книжной) редакции «Предисловия» фразы о пятитомнике нет.

Сказочным «Изборником» сокращенно именовал А. Н. Нечаев «популярное издание» под редакцией А. Н. Толстого, причем число томов собрания в процессе работы над ним варьировалось от четырехтомного «Свода избранных сказок» до пятитомника для детей, включавшего «первую книгу Изборника» [17].

Сохранился уникальный документ, ошибочно смещающий время на год-другой позже и преуменьшающий долю участия консультантов в работе Толстого над сказками, а также называющий число томов сказочных сборников. Это рукописная автобиография А. Н. Нечаева, подписанная им и датированная «24 июля 1943», с фразой: «С 1939 г. по 1941 г. я совместно с Н. В. Рыбаковой принимал участие в работе по подготовке четырехтомника “Русские сказки” под редакцией А. Н. Толстого – предварительный отбор вариантов для А. Н. Толстого» [18].

Прослеживается история замысла этих многотомников по датам: 4 тома фигурируют у А. Н. Толстого в марте 1938 г. [19] и в «Автобиографии» А. Н. Нечаева 24 июля 1943 г. [20]. 5 томов обозначены как предназначенные для Детгиза в письмах 2 марта 1938 г., а без упоминания издательства – 8 марта и 14 июля 1938 г., в первой редакции «предисловия» (в черновом автографе, двух авторизованных машинописях и журнале «Молодая гвардия»), написанной до 17 апреля 1939 г., в автобиографии Толстого 1943 г. [21]

Сведения о четырехтомнике, помеченные датами 24 июля 1943 г. и 1946 г., имеются также в Личном листке по учету кадров А. Н. Нечаева (ССП). История о планируемом четырехтомнике выходит за пределы жизни Толстого и продолжается в обработке сказок под редакцией М. А. Шолохова (см. ниже).

10 августа А. Н. Нечаев отправил следующее (в содержательном плане – повторное) письмо О. Б. Никифоровой с планированием работы с «Изборником» для Детиздата. Это заказное письмо с обращением «Глубокоуважаемая Ольга Брониславовна» послано из Ленинграда по адресу: «Москва. Улица Горького, 122, кв. 79». Фольклорист писал:

«<...> Не откажите в любезности доложить Алексею Николаевичу содержание моего к Вам письма от 14-VII-38 г.

Около 20 августа мы (Н. В. Рыбакова и я) предполагаем быть в Москве с материалом для сборника русских народных сказок.

С Детиздатом мы уже списались на этот счет. Но время приезда хочу уточнить с Вами (как Вы уже и писали). День нашего приезда будет зависеть от того, когда Алексей Николаевич может принять нас.

Очень Вас прошу переговорить с ним и сообщить мне в самые ближайшие дни, когда мы можем быть в Москве. Лучше бы всего (если это возможно, между 20 и 24 августа).

С искр<енним> прив<етом> А. Нечаев» [22].

20 августа 1938 г. из Ленинграда А. Н. Нечаев написал очередное послание О. Б. Никифоровой на почтовой карточке – с тем же обращением «Глубокоуважаемая Ольга Брониславовна» и с изложением работы над пятитомником. Фольклорист сообщал:

«<...> 10-VIII я послал Вам письмо, в котором просил Вас помочь мне в ближайшие дни встретиться с Алексеем Николаевичем.

Речь в данном случае идет об издании русских народных сказок для детей. Две книги уже подготовлены и первую из них по условию мы должны сдать 1-VIII главному редактору издания – Алексею Николаевичу. Тут же необходимо разрешить ряд принципиальных вопросов, связанных именно с этим изданием. Очень я Вас прошу переговорить с Алексеем Николаевичем и устроить нам (мне и Н. В. Рыбаковой) встречу по этому вопросу. Детиздат ждет рукопись, а без предварит<ельных> переговоров с Алексеем Николаевичем мы не можем ее передать туда. Заранее Вам признателен и жду от Вас извещения.

С прив<етом> А. Нечаев» [23].

Сохранилось недатированное и безадресное письмо, но из его содержания следует, что оно являлось ответом О. Б. Никифоровой на августовские письма А. Н. Нечаева. Секретарь писателя сообщала фольклористу, именуя его «уважаемый»:

«Получив Ваше письмо, я тотчас же спросила Алексея Николаевича относительно Вашего приезда в Москву, на что Алексей Николаевич просил Вас передать, что еще нет окончательного решения по фольклору. Как только состоится такое решение – Алексей Николаевич сразу же Вас известит» [24].

Из приведенных выше писем явствует, что первую книгу вчерне подготовили Н. В. Рыбакова и А. Н. Нечаев для А. Н. Толстого в августе 1938 г. Поскольку эта книга ограничивалась сказками о животных, сюжетов которых было недостаточно по сравнению с другими сказочными разновидностями, то, вероятно, писатель

принял решение объединить первую и вторую книги в одну, затем опубликованную под названием «Русские сказки» в 1940 г.

6 сентября 1938 г. А. Н. Нечаев послал А. Н. Толстому письмо со сведениями о вариантах сказок «Журавль и цапля» и «Лиса и волк». Там же он сообщал о параллельной работе над проектом Полного свода русских народных сказок, который к 15 сентября 1938 г. планируется представить А. Н. Толстому [25].

11 сентября 1938 г. Н. В. Рыбакова написала А. Н. Толстому пространное (на 6 страницах) письмо, дающее подробные разъяснения о характере подготовительной работы консультантов-фольклористов над сказками и подписанное А. Н. Нечаевым с указанием ленинградского адреса и телефона. Фольклористы оправдывались в ответ на замечания А. Н. Толстого и перечисляли просмотренные издания:

«Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Вчера поздно вечером, точнее уже ночью, мы получили Ваше письмо. Содержание письма и в особенности комментарии В. А. Мануйлова к этому письму требуют исчерпывающих объяснений с нашей стороны.

Во-первых, у нас создалось впечатление, может быть ошибочное, что Вы рассматриваете всю нашу работу над первой книгой как простое списывание и редактирование наспех Афанасьева. Если это так, то мы с полной ответственностью можем заявить, что Ваше впечатление ошибочно. Нами просмотрены все материалы, опубликованные в следующих сборниках <...>.

Кроме того, нами привлекаются и рукописные материалы, имеющиеся в Ленинграде, и в том числе материалы, накопленные нами за 6 лет собирательской работы. Большинство сказок изучено нами в значительном количестве вариантов, иногда доходящем до 40 и более текстов.

Таким образом, с этой стороны совесть наша совершенно спокойна» [26].

Письмо было написано под диктовку А. Н. Нечаева, намечало новые планы по изучению фольклорных первоисточников:

«Без сомнения, было бы очень хорошо привлечь и просмотреть и дополнительные рукописные материалы, о чем я уже с Вами говорил, и на днях мы оба собирались выехать работать в Москву в Литературный музей.

К сожалению, материал для первой книги не изобилует. Количество вариантов сказок о животных значительно меньше, чем сказок других видов. И сказки о животных в сборнике Афанасьева представлены наиболее полно и количественно и качественно. Многие тексты, вошедшие в первую книгу, взяты из Афа-

нашева не потому, что не просматривались другие сборники, а потому что или сюжет не был представлен в другом сборнике, или он был качественно ниже Афанасьевского и меньше отвечал нормам народной сказки. Во всех случаях, когда было наоборот, тексты привлекались и из других источников (Ончуков, Карнаухова, Садовников и т. д.).

Конечно, такой отбор во многом субъективен, но, повторяем, мы все время стремились дать такой текст, такую интерпретацию сюжета, которые бы были типичными для народной сказки. Ошибки быть, безусловно, могли, но злой воли и нерадения не было. Нам просто об этом страшно подумать, так как мы несколько лет лелеяли и вынашивали идею этого издания, тщетно бились с издательской косностью и только благодаря Вашему вмешательству смогли приступить к ее осуществлению» [27].

Далее А. Н. Нечаев рассуждал о принципах редакторской правки и о долях участия в этом деле Толстого и его научных консультантов:

«Что касается Вашего замечания о редактировании текстов, то тут приходится прямо сказать:

В первой книге многие тексты (только в первой книге, во второй они остались неприкосновенными) подвергнуты некоторой предварительной правке, отнюдь не претендующей на литературную редакцию текста; и даже больше того, в некоторых текстах допускалась интерполяция, но как первое, так и второе вызывалось, по нашему мнению, необходимостью избавить Вас от лишней и, как нам казалось, неблагодарной работы. При этом мы подчеркиваем, что в целом ряде случаев то, что на первый взгляд может показаться произвольным редактированием текста, на самом деле является контаминацией текстов, всегда документированных, объясняющейся неполноценностью или другими недостатками основного текста. К сожалению, вышло, что мы оказали Вам медвежью услугу.

Вас здесь не было, когда мы работали, первая книга не велика по объему и потому мы решили сделать эксперимент, сделать так, как нам казалось лучше. Я, передавая Вам тексты первой книги, показывал Вам вторую книгу и при этом говорил, что тексты первой книги подвергались некоторой предварительной правке. Но я, очевидно, все это изложил недостаточно ясно и поэтому произошло страшно неприятное недоразумение.

Вслед за этим письмом мы высылаем Вам подробную документацию всех переданных материалов, в числе которых есть ряд текстов неприкосновенных. Если Вы найдете необходимым все остальные привлеченные нами тексты просмотреть лично в их полной неприкосновенности, мы можем их Вам предоставить буквально в течение нескольких дней.

Материал второго тома, над которым мы сейчас работаем, сохранен в полной неприкосновенности (выброшены только эротические эпизоды и слова, не

употребляющиеся в печати, как мы с Вами в свое время об этом и договаривались).

Простите за такое длинное и несколько взволнованное письмо. Оно пишется под свежим впечатлением беседы с В. А. Мануйловым, которая явилась для нас и неожиданной и чрезвычайно горькой. Не Ваше письмо, конечно, но то, что нам пришлось услышать в передаче В. А. Мануйлова, несколько дезориентировало и даже обидело нас, хотя мы понимаем, что устная передача третьим лицом может исказить и содержание, и тон передаваемого.

Два варианта сказки “Куручка Ряба” завтра получим от машинистки и немедленно Вам перешлем. Сказка же “Война грибов”, кроме Афанасьева, опубликована только Шейном.

Проект <sic!> большого издания подходит к завершению, и мы с Н. А. Брыкиным и Г. А. Гуковским предполагали его везти Вам на окончательную Вашу редакцию уже 14, 15 сент<ября>. Очень прошу Вас сообщить мне, считаете ли нужным наш приезд в это время.

С искренним приветом преданный Вам А. Нечаев. 11-IX-38 г.» [28].

Представленный в письме список изданий, которые могли послужить предварительными источниками текста, внушительен:

- «Афанасьев. Народные русские сказки. Авдеева. Русские сказки для детей. СПб. 1860. “Живая старина”. XXI (1912) вып. II-IV. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губ. П. 1914. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губ. П. 1915. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. Т. I. Вып. I и II, Красноярск, 1902, Томск, 1906. Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб. 1908. Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб. 1884. Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М. 1915. Смирнов А. М. Сборник Великорусских сказок Архива Русского Географического общества. Вып. I–II. Петроград, 1917. Худяков И. А. Великорусские сказки. I–III. М., 1860–1861–1862. Сказки Саратовской области. Саратовское областное издательство. 1937. Волжский фольклор. Советский писатель. 1937. Сказки Красноярского края. “Художественная литература”. 1937. Сказки Куприянихи. Воронежское областное книгоиздательство. 1937. Песни и сказки на Онежском заводе. Карельский научно-исследовательский институт. Петрозаводск. 1937.

Карнаухова. Сказки и предания Северного края. Academia. 1934.

Капица О. И. Детский фольклор. "Прибой". 1928.

Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск. 1918.

Ко II тому еще привлечены:

Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Иркутск. 1925.

Азадовский М. К. Русская сказка. I–II тт. Academia. 1932.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Т. III. М. 1910» [29].

В дальнейшем этот пространственный список фольклорных первоисточников, насчитывающий 22 пункта, будет указываться в «сказочных томах» собраний сочинений Толстого (1948, 1960 и отчасти 1985) – в комментариях (в дополненном или, наоборот, сокращенном виде).

Список изданий открывается сборником А. Н. Афанасьева не только потому, что он идет первым по алфавиту. Ориентация фольклористов на собрание А. Н. Афанасьева при подготовке сказок о животных для последующей обработки не случайна. Дело в том, что сам А. Н. Афанасьев при печатании сказочных текстов редактировал их, стремясь стройно и логично изложить народные сюжеты. Естественно, уже отредактированные сказки А. Н. Афанасьева было легче обработать в дальнейшем и А. Н. Толстому при помощи фольклористов-консультантов. Так думали А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова. Однако, как видно из содержания приведенного выше их письма, Толстой имел иной взгляд на редактирование сказок, считая это исключительно своей прерогативой.

Тем не менее даже после выраженного писателем недовольства фольклористы по-прежнему осмеливались посылать ему сказочные тексты, составленные ими из соединения разных вариантов. Это следует из письма А. Н. Нечаева от 22.IX.38 к Толстому о подготовленном им варианте "Лисы Повитухи": «Один из них, начинающийся словами: "Жили-были кум с кумой – волк с лисой...", является соединением афанасьевских текстов №№ 2а; 2б; 2д; 2с (2-е изд.)» [30]. В том же письме А. Н. Нечаева от 22.IX.38 сообщается о другом сюжете: «Сказка "Мужик и медведь" ("Тебе вершки, мне корешки...") просмотрена в 11 записях; присланный Вам вариант составлен из двух опубликованных и одного рукописного текста» [31].

Вернемся к приведенному выше письму фольклористов от 11-IX-38 г., из которого также известно ведущее направление правки сказок для детей: это устранение эротических эпизодов и нецензурных слов, о чем была договоренность фольклористов с писателем.

Не удовлетворившись письмом от 11 сентября 1938 г., уже через день, 13 сентября 1938 г.,

огорченный А. Н. Нечаев из Ленинграда отправил еще одно письмо писателю, в котором подробно описал характер их с Н. В. Рыбаковой помощи А. Н. Толстому в ходе первоначальной подготовки фольклорных текстов. В частности, А. Н. Нечаев сообщал: «Точно так же ни в одной из присланных Вам сказок ни один мотив не был придуман нами. Как мы Вам уже писали, нами допускалась контаминация мотивов и, в связи с этим, некоторая предварительная правка, ничуть не претендующая на литературную редакцию сказки» [32].

В этом же письме от 13.IX.1938 г. А. Н. Нечаев послал А. Н. Толстому варианты сказки «Петух и жорновцы» с сопроводительным посланием, которое завершалось первоочередными планами по изданию сказок:

«Выполняя Ваши указания, мы <с Н. В. Рыбаковой> в самой ближайшее время пришлем Вам все тексты для первой книги в их первоначальном нетронутым виде. Так как материал изучен и пробиблиографирован, то время потребуется только главным образом на перепечатку.

Все это может быть выполнено в течение шести дней. Одновременно с первой книгой будет доставлен готовый материал для 2-й книги» [33].

22 сентября 1938 г. А. Н. Нечаев адресовал А. Н. Толстому письмо, в котором содержатся фразы, показывающие ход подготовительной работы:

«Спешу ответить на Ваши вопросы. 1. Сказка "Мужик и медведь" ("Тебе вершки, мне корешки...") просмотрена в 11 записях; присланный Вам вариант составлен из двух опубликованных и одного рукописного текста. 2. У Вас имеются два варианта "Лисы Повитухи". <...> Вам присланы один афанасьевский, правленный мною вариант... <...> Сейчас для Вас перепечатываются пять лучших вариантов в неприкосновенном виде. Все тексты первой книги заново просмотрены, как Вы указывали... <...> Вся работа будет закончена к 25-му сентября. Одновременно с первой книгой Вам будут переданы тексты 20 сюжетов волшебных и волшебного-героических сказок» [34].

Четырехтомный проект получил дальнейшее развитие после смерти А. Н. Толстого, о чем опять-таки свидетельствует А. Н. Нечаев в 1946 г.:

«Свод русских народных сказок (4 книги), участвую в подготовке издания. Сейчас подготавливается (1-ый том).

Весь свод, начатый подготовкой А. Н. Толстым, теперь будет издаваться под редакцией М. А. Шолохова» [35].

Известно, что над этим проектом трудились А. Н. Нечаев и Андрей Платонов, добившиеся положительных результатов (другие писатели поначалу согласились, а затем отказались от этой работы).

В следующем году количество сказочных томов предполагалось уже увеличить до пяти, что являлось возвратом к раннему замыслу А. Н. Толстого; об этом говорится во 2-й части рукописной заметки А. Н. Нечаева «Над чем я работаю», помеченной «Москва, 8 сентября 1947»:

«В плане рукописном работаю, главным образом, по созданию свода избранных русских сказок под редакцией М. А. Шолохова.

Работа в этом направлении находится в таком состоянии:

1. В 1947 г. заканчиваю совместно с Н. Рыбаковой работу (начатую в 1946 г.) по договору с Детгизом – обследование всех печатных и рукописных источников записей русских сказок и отбор лучших в смысле идейно-художественной выразительности вариантов. Это подготовительная работа к созданию свода избранных сказок в пяти книгах» [36].

Исследователь Н. М. Макаров датирует начало работы более ранним временем: «Одновременно с конца 1945 года вместе с П. П. Бажовым, А. П. Платоновым и М. М. Пришвиным под руководством М. А. Шолохова Нечаев вновь работал над созданием свода русских народных сказок» [37].

В «Автобиографии» от 15 мая 1951 г. А. Н. Нечаев указывал на продолжение этой работы: «В настоящее время пишу статьи по вопросам советской народной поэзии и детской литературы и одновременно работаю, принимаю участие над созданием свода избранных русских сказок для детей под общей редакцией М. А. Шолохова, рецензирую, подготавливаю сборники народной поэзии» [38].

*Попытка сотрудничества
с Государственным издательством
«Художественная литература» в 1939 г.*

В 1930-е гг. Государственное издательство «Художественная литература» (ГИХЛ) занимало лидирующие позиции в выпуске книг соответствующего профиля. В статье «Мир – первое условие развития культуры» (1937) Толстой отмечал: «За прошлый год одним Государственным издательством художественной литературы издано русских и иностранных классиков, современных писателей – на русском языке и на языках народов, еще не имеющих своих издательств, – 24 млн экземпляров книг. На 1937 год этот план увеличен до 29 млн экз. книг» [39].

Толстой издавал в Государственном издательстве «Художественная литература» беллетристи-

ку и поэтому ратовал за включение в план на ближайшее будущее книги русских народных сказок в авторской обработке. В письме в Ленинградское отделение издательства писатель предлагал видоизменить взятые им ранее обязательства [40]:

«Государственному издательству “Художественная литература”.

Ленинградское отделение.

Уважаемый тов. Колесень,

на Ваше письмо от 19 января с. г. сообщая Вам следующее... <...> Поэтому предлагаю тот листаж, который запланирован на роман “1919 год”, использовать таким образом... <...>

3. Издать тиражом в 50 тыс. “Русские сказки”. Над этой книгой я сейчас работаю. Она будет готова в июне-июле 1939 г. Объем – 12–13 листов. Этой книге я придаю исключительно важное значение.

Депутат Верховного Совета СССР

Орденосеиц

Москва. 27-I-1939» [41].

Сотрудничество с ГИХЛ по поводу издания «Русских сказок» не состоялось. Можно лишь предполагать, что этому помешали следующие причины: 1) уже имевшаяся договоренность с Детгизом; 2) начавшаяся вскоре война с белофиннами.

При жизни писателя русские народные сказки в обработке Толстого были напечатаны в журналах «Мурзилка», «Молодая гвардия» и изданы отдельными книгами Детгизом в Москве и Ленинграде и Армгизом в Ереване (на русском языке). Также были осуществлены переводы на армянский и английский языки. Имеются сведения о сотрудничестве Толстого с журналом «Крестьянка», которому писатель также представлял сказки, но это уже тема для отдельного исследования.

Примечания

1. Нечаев А. Н., Рыбакова Н. В. А. Н. Толстой и русская народная сказка // Толстой А. Н. ПСС: в 15 т. М., 1948. Т. 12. С. 331.

2. ОР ИМЛИ (Отдел рукописей Института мировой литературы РАН). Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/2-6. Л. 13 – 1-й отпуск машинописи с адресом и телефоном, подписью А. Н. Нечаева и датой, проставленными фиолетовыми чернилами. Здесь и далее в письмах сохранены орфография и пунктуация авторов.

3. См.: Северные народные сказки / Обработала для детей Н. Рыбакова. Петрозаводск: Кирья, 1937, 2-е изд. Каргосиздат, 1938.

4. Толстой А. Н. Новый материк. М., 1982. С. 80.

5. См.: ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/2-а. 9 л.

6. Там же. Л. 7–8 – 1-й экз. машинописи. На л. 4 зеленым карандашом проставлена дата в правом верхнем углу: «8/III-38». Оpubл.: Толстой А. Н. ПСС: в 15 т. Указ. изд. Т. 10. С. 465–466 – под заглавием «В Детиздат», 8 марта 1938 г., без нумерации пунктов; А. Н. Толстой о литературе и искусстве: сб. М., 1984.

7. Там же.
 8. ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2219/2-а. Л. 1–3. Машинопись с правкой А. Н. Толстого.
 9. Там же. Л. 3.
 10. Там же. Инв. № 2199/6. Л. 1.
 11. Там же. Инв. № 2199/3. Машинопись с подписью, датой и припиской фиолетовыми чернилами.
 12. См.: *Перхин В. В.* А. Н. Толстой и власть (По поводу восьми писем 1933–1943 годов) // Русская литература. СПб., 1998. № 3. С. 239.
 13. ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/6. Л. 1–10б. Автограф.
 14. Там же. Л. 10б.
 15. ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 749. 6 л.
 16. АМ-1 – ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 859. Инв. № 846/1. 2 л.; АМ-2 – Инв. № 846/2. 2 л. Машинопись, 1-й и 2-й оттиски; текстуально совпадает с выправленным текстом – АМ-1.
 17. Там же. Л. 1.
 18. Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева. Л. 21.
 19. ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/5.
 20. Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева. Л. 21.
 21. ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/2, Инв. № 2199/6.
 22. Там же. Инв. № 2199/7.
 23. Там же. Инв. № 2199/8. Л. 1. Автограф.
 24. Там же. Инв. № 2199/9. 1 л. – Письмо к [Нечаеву А. Н.] Б/д. [1938, август.].
 25. См.: Там же. Инв. № 2199/10. 1 л.
 26. Там же. Инв. № 2199/11. Л. 1–3об.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. Там же.
 30. Там же. Инв. № 2199/13. Л. 1.
 31. Там же.
 32. Там же. Инв. № 2199/12. Л. 1–10б.
 33. Там же. Л. 10б.
 34. Там же. Инв. № 2199/13. Л. 1–2.
 35. Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева. Л. 13.
 36. Там же. Л. 2 (8).
 37. См.: *Макаров Н. М.* Писатель-фольклорист А. Н. Нечаев. (Литературно-краеведческий очерк: к 100-летию со дня рождения) // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 162.
 38. Архив отдела кадров Союза писателей СССР. Дело А. Н. Нечаева. Лист без №.
 39. *Толстой А. Н.* Новый материк. С. 80.
 40. Благодарим архивариуса Е. Ю. Литвин за указание на это письмо и научного сотрудника Ж. Н. Кирьянова за разыскание этого текста в ОР ИМЛИ.
 41. ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Ед. хр. 6/№. Л. 20.

УДК 82

О. С. Сухих

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
 НАД ИСТОРИЕЙ («ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ
 ИНКВИЗИТОРЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО,
 «ПОКУШЕНИЕ НА МИРАЖИ»
 В. Ф. ТЕНДРЯКОВА, «НЕТЕРПЕНИЕ»
 Ю. В. ТРИФОНОВА)**

В статье рассматривается ситуация эксперимента над историческим процессом, художественно отражённая Ф. М. Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе» и по-своему переосмысленная в романах «Покушение на миражи» В. Ф. Тендрякова и «Нетерпение» Ю. В. Трифонова. Анализируются параллели в художественных концепциях этих трёх произведений.

The article provides an overview of the experiment over the historical process, that was artistically reflected, in Dostoevsky's "Legend about the Great Inquisitor" and rethought in its own way in the novels "Attempt against illusions" by V. F. Tendryakova and "Impatience" by Y. V. Trifonov. The author analyses the parallels in the artistic conceptions of these three works.

Ключевые слова: эксперимент над историей, великий инквизитор, христианство, разум, утилитарная этика.

Keywords: experiment on the history, the Great Inquisitor, Christianity, mind, utilitarian ethics.

«Легенду о великом инквизиторе» можно назвать художественным экспериментом в том смысле, что изображённый Иваном герой – «одна фантазия», как говорит Алёша, первый слушатель «поэмы» своего брата, и Иван с этим соглашается. Да и сюжет по своей сути фантастичен: «Поэма развёртывается в фантастическом сюжете <...> Так и остаётся вопросом – оправдана ли фантастика поэмы «бредом», или «видением» 90-летнего старика после вчерашнего аутодафе. Эти оговорки и коррективы в духе «современного реализма» вовсе не отменяют того, чтобы Иван представил невероятное, с точки зрения внешне-го правдоподобия, вероятным. Так возник мир поэмы – экспериментальная реальность, мысленно созданная Иваном» [1]. Однако художественный мир «Легенды о великом инквизиторе» имеет экспериментальный характер и в другом смысле: перед нами своеобразный эксперимент над историей человечества, проведённый в сознании Ивана Карамазова – одного из героев Достоевского, «выведенных на орбиту вечности» [2].

В своей «поэме» Иван фактически излагает гипотезу о том, как сложилась бы жизнь человечества, если бы в основу её легли три принципа, сформулированные злым духом в форме иску-

шений, отвергнутых в своё время Христом. Иван, по сути, проводит в литературном произведении исторический эксперимент, представляя в художественной форме картину мира, какой она стала бы, если бы случилось невозможное и Христос в решающий момент избрал бы иной духовный путь, чем тот, который он предпочёл и прошёл в действительности.

По мнению великого инквизитора, советы «могучего и умного духа» заключали в себе «всю будущую историю мира и человечества» [3], потому что в них учтена природа как отдельного человека, так и всего общества; «железная логика мысли сливается воедино с <...> знанием человеческой души» [4]. Именно по этой причине великий инквизитор делает всё, чтобы «подтолкнуть» историю к движению в ином направлении, «смоделировать» её иначе, чем предполагалось христианством. Иван Карамазов, исходя из убеждения, что герой его «поэмы» прав, выстраивает сложнейшую художественную *экспериментальную ситуацию*, в основе которой лежит определённая *философско-этическая система*, затрагивающая не только принципы жизни общества, но и глубочайшие «вопросы духа» [5]. В основе этой системы взглядов лежит «утилитарная» этика, базовый принцип которой был наиболее чётко сформулирован И. Бенетом: **нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей**. Иначе говоря, с точки зрения великого инквизитора, можно основать духовную жизнь государства на лжи, можно сжигать сотни «еретиков», мешающих торжеству господствующей идеологии, можно полностью поработить общество, если это в конечном итоге обеспечит большинству людей спокойную и устроенную жизнь – «младенчески-наивное счастье», если «моральный расход не превысит дохода» [6]. Именно к такому результату, по мнению великого инквизитора, должен быть направлен исторический процесс.

Осмысливая законы мировой истории, герой опирается лишь на собственное понимание вещей, на собственную логику, которая представляется ему исчерпывающей. Он исключает из своей «системы координат» веру в Божий промысел, поскольку в глубине души он атеист (такое предположение высказывает Алёша, и Иван с ним соглашается; эту точку зрения поддерживает и русская философская мысль [7], которая сама по себе «стремилась к религиозному оправданию истории» [8]). В результате великий инквизитор остаётся в рамках собственного разума, «эвклидовского», по выражению Ивана, и он уверен, что этот разум может обладать абсолютной истиной и быть движущей силой мировой истории. Великий инквизитор фактически присваивает себе и своим приближенным преро-

гативы Творца и стремится взять историю в свои руки: «Таким образом, и неразрешимые противоречия истории, и непостижимые тайные движения человеческой души – всё то, что мешает человеку жить на земле – будет сосредоточено на плечах немногих, которые в силах выдержать познание добра и зла. Можно сказать – история умолкнет, и останется только тайная история немногих великих душ, которой, конечно, никогда не будет суждено стать рассказанною» [9]. И всё же она была рассказана: она поведена великим инквизитором Пленнику, изложена Иваном Карамазовым Алёше, передана Ф. М. Достоевским читателю.

Итак, в «Легенде о великом инквизиторе» перед нами разворачивается жизнь государства, основанная на трёх антихристианских принципах. Первый: накормить людей и тем самым поработить их. Второй: завладеть душами людей с помощью «обработки» сознания (чуда, тайны и авторитета). Третий: объединить человечество во «всеобщий и согласный муравейник» [10], подчиняющийся единовластному правителю.

По ходу рассуждений великого инквизитора перед читателем (а прежде всего перед слушателем – Алёшей Карамазовым) вырисовывается следующий *социальный проект*: миллионы людей, лишённых свободы воли, не имеющих возможности самостоятельно принимать решения и выстраивать собственную судьбу, но при этом субъективно убеждённых в своей полной свободе, – они живут в материальном благополучии, при налаженном и неизменном порядке, в безопасности и с уверенностью в завтрашнем дне, но под тотальным контролем власти (олицетворение её – великий инквизитор). Основой духовной стороны жизни в этом социуме является религия, которая *именуется* и официально *считается* христианской, и народ нисколько не сомневается в её христианской природе, но в действительности основана она на антихристианских принципах. Такова в своих основных чертах литературная «модель» истории человечества, предложенная в «Легенде о великом инквизиторе» и единственно оправданная с точки зрения её героя.

Каков же итог художественного эксперимента, проведенного Ф. М. Достоевским с помощью своих персонажей: Ивана Карамазова и великого инквизитора? Система, логично выстроенная и «математически» выверенная последним, вроде бы формально неуязвима, тем не менее она *сама себя морально уничтожает*, «сжигает изнутри». Желая достичь счастья для максимального количества людей, великий инквизитор создает такую модель общества, что человек, если он подчиняется её законам, превращается в обезличенного и бездуховного раба, а если не подчиняется, то об-

речен на гибель как еретик. Не случайно Алёша Карамазов, слушая «поэму» своего брата, чувствует, что столь ужасная, по сути, жизнь в государстве великого инквизитора может лишь убедить мыслящего человека в том, что Христос был поистине прав, когда отверг три принципа, так высоко чтимые кардиналом. «Поэма твоя хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того», – говорит Алёша Ивану [11]. Оказывается, что *Иван своим художественным экспериментом лишь доказал «от противного» правоту Христа*. Заметим, что позиция самого Ф. М. Достоевского по этому вопросу осмысливалась истолкователями по-разному. Например, В. В. Розанов полагал, что великий инквизитор выражает мнение не только Ивана, но и автора [12]. С другой стороны, Н. А. Бердяев [13], С. Л. Франк [14] считали, что Достоевский отвергает философию великого инквизитора. Мы позволим себе согласиться с последней точкой зрения, так как в романе существует целая художественная система дискредитации логики великого инквизитора (эта система была нами рассмотрена в одной из ранее опубликованных работ [15]).

Художественный эксперимент над историей человечества, воплощённый в «Легенде о великом инквизиторе», по-своему переосмысливается в произведениях художников слова XX в. Чаще всего это делается в форме антиутопии, которая изображает гипотетические результаты определённого социального эксперимента. Не случайно многие исследователи связывают генезис антиутопии с «Легендой о великом инквизиторе» [16]. Однако ситуацию художественного эксперимента над историей отражает не только антиутопия, но и традиционный реалистический роман. Это отчётливо можно увидеть в «Покушении на миражи» В. Ф. Тендрякова и в «Нетерпении» Ю. В. Трифонова.

В «Покушении на миражи» В. Ф. Тендряков изображает героев, которые стремятся решить сложнейшие вопросы: можно ли создать идеально справедливое общество, какова роль личности в истории и может ли человек волевым импульсом изменить ход жизни? По сути, те же проблемы решают великий инквизитор, а также написавший «поэму» о нём Иван Карамазов и, наконец, создавший оба эти образа Ф. М. Достоевский.

«Течёт поток рода людского. Куда? Какие силы гонят его? <...> Чем дальше, тем меньше человек зависел от внешних сил, тем сильнее он ощущал – опасность кроется в нём самом. Не кто-то и не что-то со стороны больше всего мешают жить, а непреходящая лютающая взаимонесовместимость» [17] – с таких философских рассуждений начинается роман В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи». Главный герой «Легенды» тоже полагал, что в человеке кроется разрушительное на-

чало, что рано или поздно люди погубят сами себя, истребят друг друга, если им дать свободу, как хотел Христос. Стремясь спасти их от перспективы взаимоуничтожения и устроить их судьбы, великий инквизитор строит жизнь государства не на христианских принципах, а на «советах могучего и умного духа», противопоставляя «эвклидовский» разум свободной вере и как бы моделируя определённый ход истории мира и человечества.

Герои тендряковского романа – историки, физики, программисты – по-своему повторяют этот опыт: они создают некую компьютерную модель истории, чтобы выяснить, каков был бы путь развития человечества без Христа. В «мозг» ЭВМ вводятся все данные об эпохе Рождества Христова, но из исторического контекста насильственно исключается личность Иисуса Христа. Герои, осуществляющие этот эксперимент, исходят из понимания только человеческой, но не божественной природы Христа, поскольку их сознание сформировано атеистической государственной идеологией нашей страны 70–80-х гг. XX в. (кстати говоря, великий инквизитор, по всей видимости, тоже воспринимает своего безмолвного собеседника именно так, ведь в ином случае намерение кардинала казнить Пленника приобрело бы совершенно абсурдный характер). Учёные у Тендрякова, как и великий инквизитор у Достоевского, исключают из своего миропонимания Божий промысел (автор «Покушения на миражи» тоже не был религиозен, хотя цензура и находила в некоторых его произведениях отголоски богоискательства [18]), они полагают, что историей движет *человеческий разум*, а значит, в его же власти изменить ход исторического процесса. Именно эту гипотезу и стремятся проверить энтузиасты-экспериментаторы.

«Люблю наше время, – пишет главный герой романа В. Ф. Тендрякова, – страдаю за него <...> и хочу счастливых в нём перемен! А возможно ли повлиять на время? Да, вмешиваясь в естественный ход развития. Да, внося элемент искусственности в стихийные события. Да, усилием разума! Меня теперь жестоко мучает этот вопрос» [19]. «Усилиями разума» группа экспериментаторов стремится точно определить наиболее значимые черты личности Христа, закодировать их в стопке перфокарт для ЭВМ и «изъять» из исторического процесса личность, обладающую совокупностью этих черт, чтобы с помощью хитроумной программы проверить, изменится ли ход исторического процесса и сможет ли «заменить» Христа какая-либо другая личность, например Апостол Павел.

Герои романа «Покушение на миражи» исповедуют исключительно научный, рациональный подход к истории, к осмыслению философских

категорий и противопоставляют этот рационализм иррациональности миропонимания Христа (как они его видят): «Иисус Христос – поэт, никак не строгий мыслитель», – говорит главный герой, отмечая формальные противоречия в Его высказываниях и объясняя это пренебрежением к логике. Можно сказать, что в данном случае речь идёт о той рациональной логике, которую вслед за Иваном Карамазовым мы назовём «эвклидовской». С её помощью невозможно в полной мере осмыслить суть христианства: здесь нужен подход более многомерный и диалектический, не исключающий «пересечения параллельных» и совмещения несовместимого на первый взгляд. Таким образом, В. Ф. Тендряков показывает два противостоящих друг другу подхода к жизни: *рациональный взгляд учёного и «беспечно» пренебрегающий формальной логикой взгляд Христа*. Причём в романе слово дано *представителям первой точки зрения*, а Христос, олицетворяющий собой противоположное миропонимание, остаётся как бы их *безмолвным оппонентом*, и его воззрения излагают читателю сами учёные-экспериментаторы (в своей интерпретации). Аналогичную ситуацию можно увидеть и в «Легенде о великом инквизиторе», где кардинал воплощает в себе рациональную, «эвклидовскую» логику, тогда как Христа он упрекает в том, что тот якобы поступил *вопреки разуму*, когда отверг три искушения. И здесь тоже слово *предоставляется* лишь великому инквизитору, Пленник же *молчит*, и его позицию фактически излагает кардинал, споря с ней. При этом в обоих случаях точка зрения «молчащего собеседника» нисколько не менее, а возможно, и более убедительна, чем мнение «говорящего»: как мы увидим впоследствии, оба писателя показывают, что в конечном итоге торжествует именно взгляд «безмолвного» героя.

К каким же результатам исторического эксперимента приводят своих героев Достоевский и Тендряков?

Великий инквизитор создаёт идеальное, с его точки зрения, общество. Казалось бы, жизнь государства вполне налажена и идёт согласно математически выверенной логике, НО появляется Христос, он как бы *воскресает для людей* – и власть грозного правителя в опасности, поэтому кардинал так мрачен, и поэтому он считает необходимым объявить Пленника еретиком и казнить его. Казалось бы, инквизитор навсегда убил в себе человечность, подчинил свою душу безжалостному разуму, НО безмолвный Пленник целует его – и в душе кардинала наступает смятение, и он отступает от собственного твёрдого решения: отменяет казнь. В этот момент в сердце великого инквизитора тоже как будто *воскресает Христос*. Казалось бы, Иван Карамазов

логично доказывает: только тем путём, который избрал его герой, можно избавить человечество от страданий; НО первый слушатель «поэмы» – Алёша – одной фразой опровергает его аргументы: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [20], потому что «*модель истории*», созданная Иваном, *лишь доказывает «от противного»*: *без Христа жизнь человечества превратится в ад, умело замаскированный под рай*.

Теперь обратимся к роману «Покушение на миражи». В компьютерной модели истории, созданной тендряковскими героями, заложен такой пункт, по которому электронно-вычислительный «мозг», порождая какую-либо личность или выдвигая её на первую роль в историческом процессе, не должен использовать ту совокупность качеств, которая соответствует личности Христа. И вот, казалось бы, «направление будущего развития человечества» [21] уже математически выверено и рассчитано, место Христа в истории занимает Апостол Павел, и остаётся лишь ждать результата. НО из памяти ЭВМ случайно стирается запрет на использование совокупности личностных характеристик Христа – и в созданной компьютером исторической реальности *появляется Христос*. Электронно-вычислительная машина «не ведала о его прежнем существовании, всякие следы об основателе христианства были стёрты из её машинной памяти, существовал лишь разрозненный набор многочисленных символов, означающих отдельные черты человеческих характеров. И то, что из этих частичек сложился облик Христа, случайностью уже быть не могло» [22]. Программист Ирина Сушко, поражённая произошедшим, звонит главному герою и говорит: «Докладываю официально: Иисус Христос воскрес, смертью смерть поправ» [23]. Исследование тендряковских героев, как и «Легенда о великом инквизиторе», *стало доказательством «от противного»*, что без Христа невозможна история человечества. И опыт Ивана Карамазова в «Легенде о великом инквизиторе», и эксперимент «самодеятельных историков» конца XX века в «Покушении на миражи» приводят в определённом смысле к торжеству Христа, к его своеобразному воскресению для воспринимающего сознания.

Ю. В. Трифонов испытывал огромное уважение к Достоевскому как философу и художнику [24], и, безусловно, вполне оправдано «аналитическое прочтение прозы Трифонова в контексте русской религиозно-философской литературы» [25], в частности творчества Ф. М. Достоевского. Ю. В. Трифонов вступил с ним в своеобразный философский диалог в своём романе «Нетерпение», который стал одним из примеров «экспедиции в прошлое» [26] этого писателя, для

которого история стала «духовной родиной» [27]. Героями его стали террористы «Народной воли». Наиболее глубоко и подробно разработан автором образ Андрея Желябова. Писатель рассматривает тот путь, который привел этого человека и остальных народовольцев к идее политического террора и к мысли о необходимости царевубийства (кстати, в романе «Нетерпение» автор замечает, что Ф. М. Достоевский собирался привести к подобным идеям Алёшу Карамазова [28]). Не раз на страницах романа упоминается о том, что народовольцы жаждут «подтолкнуть историю». В определённом смысле аналогичное стремление движет и великим инквизитора у Достоевского. Кардинал убеждён в том, что свобода воли спровоцирует саморазрушение человечества и после этого измученные люди придут наконец к отказу от свободы как от невыносимого бремени, но «инквизитор совсем не склонен ждать, когда “маленькие дети” после моря крови придут к нему и отдадут оставшееся у них наследство Христа – свободу. Он хочет поторопить события» [29]. Действительно, великий инквизитор проявляет инициативу, организуя своё государство по всем законам тоталитарного общества ради того, чтобы дать людям счастье, как он его понимает с точки зрения своего «эвклидовского» разума, поскольку ему кажется, что он обладает знанием абсолютной истины. Так же и трифоновские герои полагают, что им точно известно, в чём будет заключаться счастье народа (с их точки зрения, оно в демократическом устройстве общества, в главенстве конституции). Однако сам народ ещё этого не осознаёт, и, по мнению народовольцев, нужно волевым решением изменить его жизнь и обеспечить ему счастье. Если для этого понадобится пролить чью-либо кровь, то это будет оправданная, с точки зрения этих героев, мера. Как сказал бы Раскольников, «кровь по совести». Ю. В. Трифонов здесь рассматривает тему нравственности и революционного деяния, «как она ставилась ее родоначальником в русской литературе – Ф. М. Достоевским» [30]. Андрей Желябов и Софья Перовская далеко не сразу и не просто пришли к убеждению в необходимости террора; по натуре они вовсе не склонны к жестокости, и им приходится переступать через собственную человеческую природу, идя на убийство. В похожей ситуации находится и Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского. Пожалуй, то же можно сказать и о великом инквизиторе, изначальным мотивом действий которого является стремление дать счастье всем людям, то есть стремление гуманное. Рациональная логика приводит и инквизитора, и Раскольникова, и народовольцев к тому, что гуманная цель может быть достигнута лишь антигуманными средствами. Эти

герои отказываются терпеть такое положение вещей, которое представляется им несправедливым, и стараются изменить жизнь насильственно. Не случайно роман Ю. В. Трифонова назван «Нетерпение»: главный герой – Андрей Желябов – говорит, что «никакого терпения не хватит» ждать, пока человечество придёт к обновлению путем нравственной эволюции [31]. С его точки зрения, необходимо насильственное действие, которое подтолкнёт и ускорит изменения в жизни общества. Если говорить конкретно, то террористический акт, направленный против главы государства, должен, по мнению Андрея Желябова и его товарищей, всколыхнуть Россию, дать новое направление её развитию: стать концом самодержавия и одновременно началом народовластия, основанного на конституции. Это можно назвать своеобразным экспериментом над историей, как и действия великого инквизитора у Достоевского. Террористы «Народной воли», как и герой «Легенды», непоколебимо уверены в том, что их путь правомерен и непременно принесёт желаемые плоды. Однако в действительности вдохновенный монолог великого инквизитора, изложенный Иваном, оказывается «хвалой Иисусу, а не хулой», а дорога народовольцев, казалось бы логичная с точки зрения «эвклидовского» разума, приводит в тупик: «Громадная российская льдина не раскололась, не треснула и даже не дрогнула» [32]. Правда, как пишет Ю. В. Трифонов, что-то «сдвинулось в ледяной толще», но последствия этого проявились лишь спустя несколько десятилетий [33]. Народовольцы надеялись на более быстрый и более впечатляющий результат. В действительности же после решающего, казалось бы, террористического акта – убийства царя – «народ безмолвствует». В последних эпизодах романа читатель видит, что Андрей Желябов и Софья Перовская даже по пути на казнь ни о чем свершившемся не жалеют и лишь горят нетерпением увидеть лица людей, вдохновлённые свободой, освещённые новым мироощущением, но это лишь мечта, а в реальности всё остается по-старому. Действия террористов не приняты и даже не поняты народом. Безымянная эпизодическая героиня, пытающаяся проявить сочувствие к террористам, которых везут на казнь, сама оказывается жертвой толпы. Она исключение, которое, как известно, лишь подтверждает правило. *Народовольцы терпят поражение, потому что история не признает насилия над ее закономерностями. Опыт героев «Нетерпения» – доказательство тому «от противного», как и эксперимент в «Покушении на миражи», как и «социальный проект» великого инквизитора.*

«Многообразны отражения слова Достоевского в литературе, философии, искусстве

XX столетия», как писал В. А. Туниманов [34]. Не последнее место среди этих художественных «отражений» занимают, на наш взгляд, романы В. Ф. Тендрякова и Ю. В. Трифонова. «Зерно», брошенное в литературу Ф. М. Достоевским, его «Легендой о великом инквизиторе», по-своему «проросло» в творчестве писателей XX в. и дало разнообразные, иногда причудливые плоды, но финал всех художественных экспериментов над историей оказался в большой степени предопределён их литературным архетипом, каковым стала «Легенда о великом инквизиторе» в истории отечественной словесности.

Примечания

1. Пономарёва Г. Бунт Ивана Карамазова: источники и параллели. Послесловие // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 263.
2. Сохряков Ю. Творчество Ф. М. Достоевского и русская проза XX века (70–80-е годы). М., 2002. С. 50.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 230.
4. Долинин А. С. Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 80.
5. Горький М. Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 163.
6. Франк С. Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 33.
7. Бердяев Н. А. Великий Инквизитор // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 219–242; Франк С. Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 243–251.
8. Гачева А. Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 29.
9. Розанов В. В. О легенде «Великий инквизитор» // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 161.
10. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 235.
11. Там же. С. 237.
12. Розанов В. В. Указ. соч.
13. Бердяев Н. А. Указ. соч.
14. Франк С. Л. Легенда о Великом Инквизиторе. С. 243–251.
15. Сухих О. С. Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...». Н. Новгород, 1999.
16. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М., 2005; Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 4. С. 125–134; Ланин Б. А., Боршанская М. М. Русская антиутопия XX в. М., 1994.
17. Тендряков В. Ф. Покушение на миражи // Тендряков В. Покушение на миражи. Чистые воды Китежа. М., 1987. С. 5–6.
18. Беляев А. Долгая ночь после выпуска. К 20-летию со дня смерти Владимира Тендрякова. URL: <http://www.kultura-portal.ru> (дата обращения: 31.12.2010).
19. Тендряков В. Ф. Указ. соч. С. 20.
20. Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 237.

21. Огрызко В. Затмения и прозрения // Литературная Россия. 2006. 7 июля. С. 9.
22. Тендряков В. Ф. Указ. соч. С. 116.
23. Там же. С. 114.
24. Трифонов Ю. В. Нечаев, Верховенский и другие // Трифонов Ю. В. Ядро правды. Статьи, интервью, эссе. М.: Б-ка «Огонёк», 1987. С. 18–26.
25. Селеменова М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 59. С. 207.
26. Баевский В. С. История русской литературы XX века: Компендиум. М., 1999. С. 321.
27. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984. С. 167.
28. Трифонов Ю. В. Нетерпение // Новый мир. 1973. № 3. С. 109.
29. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). М., 1979. С. 306.
30. Суриков В. В. Юрий Трифонов: нравственность и революция. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/surikow_w_w/tri.shtml (дата обращения: 31.12.2010).
31. Трифонов Ю. В. Нетерпение // Новый мир. 1973. № 4. С. 57.
32. Там же. С. 84.
33. Там же.
34. Туниманов В. А. Достоевский и русские писатели XX в. СПб., 2004. С. 6.

УДК 002.2(470.34)

А. А. Вахрушев

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ XVII – НАЧАЛА XX в.). К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается проблема генезиса печати и литературы в провинциальной России и их просветительская миссия на примере Вятской губернии XVII – начала XX в. Дается историография вопроса, ставятся исследовательские задачи.

The paper discusses the genesis of the press and literature in provincial Russia and their educational mission basing on the example of Vyatka province of XVII – early XX century. It gives the historiography of the problem and sets research objectives.

Ключевые слова: печать, литература, просветительская миссия, вятский край, провинциальная журналистика.

Keywords: press, literature, educational mission, Vyatka region, provincial journalism.

История российской журналистики – объемный пласт истории общей культуры и общественного движения, в котором заложен непреходящий опыт многих поколений в становлении и

развитии прогрессивных, гуманистических начал человеческого общежития, просветительских, культурных, литературных и публицистических традиций. Уникальный вклад в этот опыт внесла и провинциальная журналистика, обогатившая его местными «соками» литературы и печати.

И сегодня, в начале XXI в., когда наше общество находится под натиском мощнейших, не однозначных по содержанию информационных потоков, востребованность в изучении практики журналистского творческого прошлого не ослабевает, а, более того, возрастает. Свидетельство тому – активизация историко-журналистской науки, охватывающей или стремящейся охватить как всю ее совокупность, так и отдельные проблемы и периоды. Так, только в последнее десятилетие в этой области вышли в свет учебники и монографии Е. В. Ахмадулина, А. Ф. Бережного, Л. П. Громовой, Б. И. Есина, Г. В. Жиркова, Д. Д. Ивлева, М. М. Ковалевой, И. В. Кузнецова, Р. П. Овсепяна, А. А. Роот, Л. Е. Татариновой и других, отличающиеся полнотой исследовательского анализа и отсутствием идеологических пристрастий [1]. Стимулировала научно-исследовательские изыскания знаменательная дата 2003 г. – 300-летие русской периодической печати. В ряду перспективных, столь же активно разрабатываемых направлений выделяются исследование провинциальной журналистики, чему способствуют центры изучения средств массовой информации, появившиеся в последнее время практически во всех регионах страны в связи с организацией отделений и факультетов журналистики, а также с тенденцией к регионализации СМИ.

Интерес к изучению провинциальной журналистики России повысился с 1970-х гг. и зафиксирован в исследованиях Г. В. Антюхина, Х. С. Булацева, Л. П. Бурмировой и других авторов [2]. Г. В. Антюхин, в частности, обратил внимание на то, что представление о русской журналистике (в данном случае, досоветского периода. – А. В.), основанное на изучении лишь центральных изданий, страдает не только неполнотой, но и в какой-то мере неточностью ее общей оценки. Х. С. Булацев призвал всерьез заняться систематическим изучением и периферийной (провинциальной) прессы [3].

С тех пор история журналистики России изучается продуктивно и разносторонне. Создана история печати Дона и Северного Кавказа, Сибири и Урала, Поволжья и Дальнего Востока и др. [4] В орбите перспективных исследований оказался и вопрос о роли периодики в становлении литературного процесса в провинции, об их взаимовлиянии. Впервые эта тема нашла свое отражение в конце 1960-х – начале 70-х гг. в научных сборниках «Русская литература конца

XIX – начала XX в.» [5], а также в ряде трудов, посвященных анализу проблем журналистики и литературного процесса в целом [6].

С появлением коллективных монографий стало очевидно, что нельзя игнорировать роль периодической печати в литературном процессе России. Так, ученые Башкирского пединститута издали три сборника научных статей под общим названием «Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX в.», где акцентирована важность этой проблемы и подчеркивается «стыковой» характер взаимодействия журналистики и литературы [7].

В 1987 г. Д. В. Ковалем впервые в СССР была защищена докторская диссертация, посвященная взаимодействию периодической печати и литературного процесса в Молдавии, и издана монография, исследующая основные этапы развития молдавской демократической журналистики XIX в. во взаимосвязи с эволюцией прозы, поэзии и литературной критики Молдавского княжества и Бессарабии; показано, как периодическая печать постепенно становится идеологической силой и стимулятором общественно-политических и эстетических идей, влияющих на литераторов Молдавии [8].

Теме провинциальной печати России и ее значению в зарождении национальных литератур народов бывшей Российской империи на материале Осетии посвящена докторская диссертация В. Д. Таказова, убедительно показавшего роль периодики в создании национальной литературной традиции [9].

Провинциальная периодика явилась источником для изучения литературной жизни Верхневолжья (Ярославской и Костромской областей) в кандидатской диссертации Л. Л. Смирновой [10].

Выявление связи местной печати и литературы с историко-литературным процессом России позволяет уточнить степень взаимной зависимости провинции и центров страны.

Изучение истории журналистики в контексте общей культуры, на стыке ее взаимодействия с литературой дает возможность изучить литературное движение, журналистский творческий процесс во всей полноте, получить представление о просветительской роли прессы в обществе.

Просветительская функция журналистики фактически – одна из основных. Всеобщность и универсальность ее заключается в просвещении населения в самом широком смысле слова. Разным граням и проявлениям этой функции посвящены научные сборники, подготовленные в последние годы кафедрой истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета «Журналистика – Церковь – Просвещение», «Просве-

тительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати» [11].

Для современной практики СМИ особенно актуально то, что большая часть литераторов и журналистов видит свою главную задачу в нравственном воспитании аудитории и ее просвещении.

Всё это в полной мере относится и к истории журналистики и литературы Вятской губернии, которая по праву всегда считалась одной из самых «литературных провинций» России. С Вяткой и Вятским краем связаны десятки имен известных писателей, поэтов, критиков, публицистов, издателей: Е. И. Костров и А. И. Попов, А. И. Герцен и М. Е. Салтыков-Щедрин, И. В. Селиванов и Н. А. Дурова, П. Л. Яковлев и Ф. Ф. Павленков, В. Г. Короленко и В. Е. Чехихин-Ветринский, М. И. Ожегов и П. А. Голубев, В. В. Воровский и А. С. Грин и множество других. Здесь зародилось уникальное издание «Вятская незабудка» Ф. Ф. Павленкова, возникло самое демократическое в России «Вятское книгоиздательское товарищество», выпустившее множество дешевых книг для народа; появился сатирический «Крутогорский ёрш» П. Н. Второва. Все эти имена причастны к истории вятской печати, сыгравшей значительную роль в общественной и культурной жизни не только губернии, но и России.

В разработку вопросов истории литературы и печати Вятской губернии заметный вклад внесли Кировские историки и литературоведы В. А. Бердинских, Н. П. Изергина, Е. Д. Петряев, В. Д. Сергеев, Г. Ф. Чудова и некоторые другие [12]. Ценные сведения о литературной и публицистической жизни края содержатся в различных краеведческих и научно-популярных изданиях и справочниках [13]. Полную библиографию о Вятке и крае можно найти в изданном в 1997 г. Указателе литературы [14]. Первое специальное комплексное исследование печати Вятской губернии было предпринято нами в монографии «Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX в.)» [15]. Существующий массив исследований позволяет ставить сегодня новые проблемы и разрабатывать методы их анализа.

Более 30 периодических изданий разного характера насчитывалось в крае в дореволюционный период. Значительное место в просветительской и литературной жизни губернии занимала первая в России крестьянская «Вятская газета» (1894–1907 гг.). Оригинальны во многих отношениях были прогрессивные газеты «Вятский край» (1895–1898 гг.), «Вятская жизнь» (1905–1906 гг.), «Прикамский край» (1906–1911 гг.), «Вятская речь» (1907–1917 гг.) и др. Большую роль в просветительском и литературном развитии региона сыграли «Вятские губернские ведомости» (1838–

1917 гг.). Динамично развивалось книгоиздательское дело. Провинциальная русская журналистика, в частности вятская, послужила мощной базой для возникновения и развития национальных журналистик и литератур (в данном случае удмуртской).

Складывание культурных и литературных традиций в Вятском крае происходит в XVII в. в контексте общелитературной российской словесности («Вятский временник», «Повесть о стране вятской», «Летописец старых лет»); целенаправленная духовно-просветительская деятельность начинается с организацией в 1658 г. Вятской и Великопермской епархии.

Представляются важными исследования взаимобусловленности и взаимодействия печати и литературы, местной журналистики и литературного процесса в контексте общей культуры, оценка роли периодической печати и книгоиздательства как неотъемлемой части историко-литературного процесса, изучение опыта просветительского движения в Вятской губернии, многих его аспектов, проявившихся через журналистский творческий процесс.

В связи с этим необходимо рассмотреть разные аспекты процесса взаимодействия журналистики и литературы: истоки зарождения местной периодической печати, формирование просветительских, литературных и публицистических традиций в Вятской губернии; роль книги и книгоиздательской деятельности в просвещении народа; эволюция типографского и библиотечного дела; просветительская миссия литературы и печати; деятельность редакторов и сотрудников местной периодики, участие в ней деятелей российской культуры, воздействие цензуры, губернской администрации и органов полиции на литературный процесс и местную печать; роль печати в качестве катализатора культурных и литературных традиций; начало журналистского и литературного процесса на удмуртском языке.

Таким образом, предстоит предпринять одну из первых попыток комплексного изучения местной печати и литературы а) в контексте их взаимовлияния на фоне всей истории российской журналистики, б) в их просветительском аспекте, в) в рассмотрении взаимосвязи формирования национальной журналистики и литературного процесса.

Комплексное изучение провинциальной журналистики и литературы и выявление их просветительской миссии позволит экстраполировать результаты исследования на многие проблемы современного общества.

Эмпирической базой исследования являются источники, находящиеся в различных архивах, в том числе в Государственном архиве Кировской

области, Центральном госархиве Удмуртской Республики, Центральном госархиве в С.-Петербурге; в фондах Российской национальной библиотеки, Библиотеки Российской академии наук (С.-Петербург) и др. Основной источник и предмет исследования – печатная и рукописная литература, периодические и непериодические издания, газеты и журналы, листовки, сборники и книги, продукция местных типографий и др. Важные сведения по истории создания отдельных изданий, о творческих и личностных оценках тех или иных журналистов, об отношении цензуры с издателями и т. п. представляют фонды 33, 242, 582 (ГАКО), 349 (ЦГА УР), 776 (ЦГИА С.-Пб.) и др.

Для всестороннего осмысления процесса становления и развития литературы и печати в регионе необходимо привлечь также литературные и краеведческие источники – сборники художественных произведений, историко-этнографические очерки, изданные в обозначенный период исследования.

Примечания

1. *Ахмадулин Е. В.* Правительственная печать России (конец XIX – февраль 1917 г.). Ростов н/Д, 2000; *Бережной А. Ф.* История отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.): материалы и документы. СПб., 1997; *Громова Л. П.* А. А. Краевский – редактор и издатель. СПб., 2001; *Есин Б. И.* История русской журналистики (1703–1917). М., 2000; Он же. История русской журналистики XIX века. 2-е изд. М., 2003; *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; Он же. Эпоха Петра Великого – основание русской журналистики. СПб., 2003; *Ивлев Д. Д.* История русской журналистики XVIII – нач. XX в. М., 2004; История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003, 2005; *Ковалева М. М.* Отечественная журналистика: вопросы теории и истории. Екатеринбург, 2000; *Кузнецов И. В.* История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. комплект. 3-е изд., испр. М., 2006; *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М., 1996; *Роот А. А.* Герцен и традиции Вольной русской прессы. Казань, 2001; *Татарфинова Л. Е.* Русская литература и журналистика XVIII века. М., 2001; и др.

2. *Антюхин Г. В.* Очерки истории печати Воронежского края. 1798–1917. Воронеж, 1973; *Булацев Х. С.* Пионеры провинциальной печати: Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX века. Л., 1981; *Бурмистрова Л. П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей. Казань, 1985.

3. *Антюхин Г. В.* Указ соч. С. 5; *Булацев Х. С.* Революционное движение в России второй половины XIX – начала XX в. и местная демократическая печать: автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. С. 3.

4. *Амирханов Р. У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад»: на примере развития русской культуры. Казань, 2002; *Антюхин Г. В.* Печатное слово России. Воронеж, 1993; *Ахмадулин Е. В., Яровой И. В.* Печать Дона в годы первой русской революции. Ростов н/Д, 1985; *Вахру-*

шев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994; *Гайнуллин М. Х.* Татарская литература и публицистика начала XX в. Казань, 1983; *Данилов А. П., Тенюшев И. Я.* Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Чебоксары, 1999; *Ермолинский Л. А.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX в. М., 1971; *Кондратьев Н. И.* Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885–1905). Иркутск, 1985; *Корнилов Е. А.* Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917–1925. Историческая типология. Ростов н/Д, 1984; *Курбакова Е. В.* История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгорода, 2008; *Лепилкина О. И.* История ставропольской журналистики: учебное пособие и хрестоматия. Ч. I. XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). Ставрополь, 2005; *Павлов В. А.* Очерки истории журналистики Урала: в 2 т. Екатеринбург, 1995; *Потанов П. Ф.* История мордовской журналистики (1917–1934). Саранск, 1994; *Прудкогляд Т. В.* Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России. 1865–1917. Владивосток, 2000; *Сквирская Л. М.* Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начала XX в. Владивосток, 1971; *Станько А. И.* Журналистика Дона и Северного Кавказа: (дооктябрьский период). Ростов н/Д, 1990; Он же. Пресса южного региона России (XIX в.). Краснодар, 1998; *Таказов В. Д.* Периодическая печать Осетии. Дооктябрьский период. Владикавказ, 1992; *Шинкарева А. П.* Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск, 2009; *Якимов О. Д.* Очерки истории печати Якутии (от формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 года): Вып. 1. М., 1998, Вып. 2. Новосибирск, 2003; и др.

5. Русская литература конца XIX – начала XX в.: в 3 кн. / отв. ред. Б. А. Бялик. Кн. 1. М., 1968; Кн. 2. М., 1970; Кн. 3. М., 1972.

6. Литературно-эстетические концепции России конца XIX – начала XX в. / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1975; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1981; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1982; Русская литература и журналистика. 1905–1917 гг. Большевицкие и общедемократические издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984; Русская литература и журналистика. 1905–1917 гг. Буржуазно-модернистские издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984.

7. Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX – начала XX вв. / отв. ред. В. Б. Смирнов. Вып. 1. Пермь, 1977. Вып. 2. Пермь, 1978. Вып. 3. Пермь, 1980.

8. *Коваль Д. В.* Периодическая печать и молдавский литературный процесс XIX века. Кишинев, 1987.

9. *Таказов В. Д.* Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.

10. *Смирнова Л. А.* Провинциальная периодика как источник материала для изучения литературной жизни Верхневолжья в XIX в.: автореф. ... канд. филол. наук. Череповец, 1996.

11. Журналистика – Церковь – Просвещение: сб. статей. Вып. 2 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2002; Просветительская миссия журналистики: к 300-летию русской печати: сб. статей. Вып. 3 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2004.

12. Бердинских В. А. Ермил Костров. Судьба поэта. Киров, 1989; Он же. Занимательное краеведение: Вятский сундук. Киров, 1991; *Изергина Н. П.* Литературная жизнь Вятки (1870–1917 гг.): Литературно-краеведческие очерки. Киров, 1990; *Петряев Е. Д.* Люди, рукописи, книги: Литературные находки. Киров, 1970; Он же. Записки книголюба. Киров, 1978; Он же. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров, 1981; Он же. Вятские книголюбы. Киров, 1986; *Сергеев В. Д.* Поборники просветительского служения: Из истории Вятки. Вятка (Киров), 2000; Он же. Из истории вятских газет. 1838–1917. Вятка (Киров), 2002; *Чудова Г. Ф.* В те далекие годы. Киров, 1981.

13. См. например: Вятская земля в прошлом и настоящем: материалы республ. IV науч.-практ. конф. (К 100-летию со дня рождения проф. А. В. Эммаусского). Киров, 1999; Город Киров: справочник / сост. Н. Г. Комаров. Киров, 1959; История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 1994; Писатели и Вятский край / отв. ред. И. А. Мохирев. Киров, 1976; *Эммаусский А. В.* История города Кирова: краткий очерк. 1374–1974. Киров, 1974; Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: в 10 т. Киров, 1994–1996. Т. 2, 4, 9; и др.

14. Вятка – Киров. 1374–1997: указатель литературы / сост. Т. В. Кузьмина. Киров, 1999.

15. *Вахрушев А. А.* Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994.

УДК 811.112.2'282.4(470.342)

Ю. В. Березина

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена изучению звукового строя немецких говоров Кировской области, подробно описываются случаи взаимодействия фонем в речевой цепи, перечисляются и анализируются их контексты взаимовлияния.

The article deals with the main phonetic processes in the German dialects in the Kirov Region such as accommodation, assimilation and dissimilation.

Ключевые слова: российские немцы, немецкие говоры, аккомодация, ассимиляция, диссимиляция.

Keywords: Russian Germans, German dialects, accommodation, assimilation, dissimilation.

Чередование аллофонов также является следствием коартикуляции – взаимной адаптации и уподобления реализации фонем. Каждый «живой» речевой континуум как сложный комплекс [1] представляет собой большое поле для такого взаимодействия фонем, где увеличивается число контекстов реализации фонем и усиливается влияние супrasegmentных факторов. Все это формирует фонетические характеристики значимых единиц как элементов речи, не только как элементов словаря.

Основными фонетическими процессами в немецких говорах Кировской области являются аккомодация (озвончение, палатализация, лабиализация, спирантизация), различные виды ассимиляции и диссимиляции.

В рамках коартикуляции звуки воздействуют друг на друга в двух направлениях:

1) антиципация: артикуляция предшествующего звука влияет, подготавливает артикуляцию последующего звука;

2) инерция: артикуляция последующего звука сохраняет элементы артикуляции предшествующего звука.

Аккомодация

Поскольку количественно прикрытые слоги преобладают над неприкрытыми и закрытыми, то более распространенными сочетаниями гласных и согласных можно считать сочетания модели «согласный + гласный» (CV).

Данный факт также подтверждает, что характеристики согласного довольно часто зависят в значительной степени от последующего гласного, потому что звуки, находящиеся в составе одного слога, связаны друг с другом более прочно, чем, например, постпозитивный согласный, который вполне может отделяться от гласного слоговой границей.

Итак, воздействие гласного на предшествующий согласный проявляется в следующих случаях: Преимущественно закрытые гласные переднего ряда вызывают палатализацию согласных. Губные согласные имеют высокую степень палатализации: p'enzion Pension, fi:l viel.

Артикуляция палатализованных согласных характеризуется появлением дополнительного фокуса, когда язык принимает свободное положение и подготавливается к артикуляции гласного. Также палатализованный статус принимают заднеязычные. Данная фонетическая позиция приближает их к заднесреднеязычным (изменение локализации фокуса): k'esel'ro:m Kesselraum, g'e:t geht. При палатализации переднеязычных, например смычных, наблюдается аффрикатизация последних, также это происходит вследствие увеличения площади контакта языка с твердым небом: t'estam'ent Testament. К тому же переднеязычные в говоре артикулиру-

ются как дорсальные и поэтому сильно подвержены смягчению.

Гласные заднего ряда, особенно высокого подъема, вызывают веляризацию согласного. В отличие от невеляризованных согласных у веляризованных наблюдается снижение усиления в области высоких частот и снижение тембра согласного: *vo:l.də wollte*. Огубленные гласные обуславливают лабиализацию предшествующего согласного. Лабиализации подвержены все согласные, которые могут выступать перед огубленным гласным относительно своей дистрибуции. Кроме того, лабиализованные согласные характеризуются более глубоким образованием перед гласными заднего ряда преимущественно низкого подъема, которые и вызывают лабиализацию последних. Действие гласного на последующий согласный имеет сходные характеристики по сравнению с описанными выше палатализацией, веляризацией и лабиализацией, которые распространяются только на начало согласного, захватывая его незначительную часть, но данные характеристики влияния гласного на последующий согласный выражены не так ярко. Все же заднеязычные [ŋ] и [k] достаточно сильно палатализованы после узких гласных переднего ряда, например: *ve:k'* – Weg, *tsurik'* – zurück, *eŋ'* – eng, *diŋ'k* – Ding.

Губной [v] также после переднего узкого долгого [i] характеризуется сильной палатализацией, например: *bri:v'ə* – Briefe.

По отношению к участию голоса в говоре распространена аккомодация гласных и глухих согласных с последующим озвончением последних. Чаще всего процесс озвончения фиксируется в позиции между гласными, а именно в интервокальной позиции, где большое влияние имеют инерция и предвосхищение. В говорах стабильно меняют глухой статус на звонкий все глухие щелевые (кроме [h]), звонкий смычный [t], аффриката [ts]. Процесс озвончения закономерен и распространяется не только в рамках слова, но и в пределах синтагмы, например: *d°az iz ainə gu:də ide:* – das ist eine gute Idee; *iç vil' z aox mer niçt tu:n* – ich will das auch mehr nicht tun; *das foøər va:r zo: štark / daz di: ku:xən un.dən gants švarts gebra:dən zint* – das Feuer war so stark, der Kuchen ist ja unten gantz schwarz gebrannt.

Большое распространение находит в говорах такой вид аккомодации, как спирализация, которая является одним из главных признаков системы согласных рассматриваемых говоров. Спирализации подвержены, прежде всего, звонкие согласные как имеющие более слабую смычку и вообще отличающиеся более слабой артикуляцией по сравнению с глухими. Наличие голоса у звонких также значительно упрощает приспособляемость их к соседним гласным, поскольку го-

лосовые связки работают непрерывно [2]. Акустически наличие спирализации выражается в появлении шумовых составляющих на участке, соответствующем смычной фазе согласного.

Немецкие говоры Кировской области представлены в основном спирализованными реализациями смычных /g/ и /b/, где смычные, оказавшись на месте перехода от одного гласного к другому, приобретают характер щелевого, например: *za:γə* – sagen, *tsvivelçən* – Zwibelchen. Звонкие /v/ и /γ/ способны в интервокальном положении подвергаться оснантизации, что обусловлено расширением щели согласного, уменьшением воздушности и выражается в ослаблении шума трения [3].

Глухие крайне редко спирализируются в речи [4]. Переднеязычный [t] в говоре не переходит в фрикативный, смычка при его образовании более энергичная.

Ассимиляция

Артикуляционное уподобление двух соседних звуков, в частности согласных, осуществляется по следующим признакам: 1) по способу артикуляции; 2) по месту артикуляции; 3) по глухости/звонкости (участием голоса).

В пределах слова реализация сочетания двух смежных пловивных согласных звуков характеризуется потерей первого смычного фазы рекурсии, а второго смычного – фазы экскурсии. В итоге гоморганное сочетание превращается в долгий согласный, например: *vek°:otəp* 'wegkommen', *aos:əp* 'aussehen', а в гетероорганном сочетании первый согласный становится имплозивным.

В гоморганном сочетании /pm/ наблюдается частичная имплозивность первого элемента сочетания /p/. Ртовый взрыв заменяет фаукальный, что является следствием опускания небной занавески на участке перехода ко второму элементу – звуку /m/, например: *armeldəp* 'abmelden'. Прерывание губной или ртовой смычки при этом не фиксируется.

Гетероорганное сочетание имеет следующие отличительные черты:

1) В сочетании, где предшествует согласный более глубокого образования, взрыв практически не проявляется акустически, поскольку он сопряжен лишь с отделением активного органа от пассивного, за которым не следует выхода воздуха, например: *šmek't* 'schmeckt', *vekt* 'weckt'. Сочетание воспринимается на слух как долгий смычный с достаточно глубокой экскурсией и более передней рекурсией. О присутствии в сочетании первого согласного свидетельствует акустическое качество предшествующего гласного, когда в сочетании в качестве первого элемента выступает более передний согласный, например: *glaopt* 'glaubt'. В таком случае он сохраняет взрыв,

но весьма слабый, потому что объем воздуха, заключенного в пространстве между передней и задней смычкой, очень мал. Итак, сочетание гетероорганых смычных характеризуется сохранением взрыва первого согласного при том, что смычка второго данному взрыву предшествует.

В гоморганых сочетаниях смычного и щелевого звуков рекурсия первого соединяется с экскурсией второго: смычка переходит в щель, и сочетание фонетически считается аффрикатой, например: arfu:r 'abfuhr', gu:t sou 'gut so'.

В гетероорганых сочетаниях смычных и щелевых элементы не теряют своей самостоятельности. Как щелевой в сочетании со смычным или другим щелевым не оказывает никакого влияния и не испытывает их воздействия в отношении способа образования [5].

Сочетание согласных "ndr" имеет свою особенность в говорах. В данном случае пловзвонный полностью уподобляется вибранту. Артикуляция вибранта отличается высокой интенсивностью, увеличивается его длительность и количество ударов, например: hunr:t 'Hundert', vunr: 'Wunder'.

Следует отметить, что во фразе на границе слов при сочетании двух одинаковых согласных длительность «удвоенного» согласного чаще всего не увеличивается, а данное сочетание произносится как один звук, например: mainumər war finf 'meine Nummer war fünf', main fatər wa: reçt 'mein Vater war recht'.

2) Уподобление согласных по действующему органу приводит к полной ассимиляции соседних звуков, например: i:š šla:fə 'ich schlafe'. Минимальная адаптация будет сводиться к приобретению соседними согласными окраски особого рода. Сонант /l/ перед /t/ и /s/ принимает веляризованный статус. А тембр /š/ будет отличаться в сочетаниях [št] и [šm].

3) Признак участия голоса в процессе ассимиляции соседних согласных проявляется в говоре в следующих фактах.

Влияние предыдущего сонанта и последующего гласного приводит к озвончению в середине слова глухих согласных, например: triŋkə(n) – getrunçən 'trinken – getrunken', kalt – kał,də 'kalt – kalte (Tage)' (смычка ослабляется). Перед конечными глухими происходит оглушение звонких, например: fərkaufən – fərkauft 'verkaufen – verkaufst (du)'.

Модификация согласных фонем также обусловлена просодически. В безударном слоге может происходить редукция согласных, которая в некоторых случаях проявляется в ослаблении артикуляции, когда активный речевой орган не имеет сильного напряжения, а объемы и интенсивность воздушной струи также уменьшаются, например: заднеязычный [x] редуцируется до фарингального [h]: pouh – noch, ðh – auch. Все

это может происходить потому, что традиционно безударный гласный не является напряженным и склонен к смешанной артикуляции в случае, если он не реализуется полностью.

Качество звуков также зависит от их места в синтагме. Произносительные органы в конце синтагмы вновь занимают положение покоя, в результате чего артикуляция к концу синтагмы ослабляется. Происходит оглушение звонких согласных звуков. В начале же фонации все звуки артикулируются четко и энергично, с высокой степенью интенсивности. Известно, что характер звука связан со своим положением в слове. Взаимная адаптация звуков в рамках одного слога происходит сильнее, активнее, чем на границе слогов. Уровень редукции повышается еще к тому же с ускорением темпа речи.

Описанные выше признаки и факты, их влияние на модификацию и функционирование фонем в потоке речи также ведут к качественным изменениям в фонетическом оформлении значимых единиц или количественным сдвигам их фонемного состава: добавление или опущение одной или нескольких фонем. К тому же модификация фонем в речевой цепи – явление как регулярное, так и ситуативное.

Диэрезы

1) Аферезис

Отпадение начального звука или группы звуков может носить спонтанный характер и проявляться, прежде всего, у безударных или слабоударных слов, которые преимущественно начинаются на гласный. Данный фонетический факт встречается чаще всего у наиболее употребительных привычных словосочетаний. Аферезису более подвержены артикли и местоимения, например: s < es, des 'es, das', ç < iç 'ich', va:š < va:r es 'war es', m < dem 'dem', n < in, den 'in', 'den'.

В говорах зафиксирована форма причастия, где полностью редуцируется приставка, например: vörn 'geworden', и частичная редукция одного начального звука также относящегося к приставке причастия, например: əbroxən 'gebrochen'.

2) Синкопа

Синкопа, как и аферезис, в говоре не носит регулярного характера. Ее случаи в речи информантов единичны, например: fə:šte:ə '(ich) verstehe', gatən 'Garten', unsəm 'in unserem (Dorf)', когда перед щелевым синкопируется [r]. По причине редукции исчезают постальвеолярный фрикативный, например: gra:t 'gereicht', заднеязычный фрикативный, например: g(ə)za:t 'gesagt', переднеязычные смычные, например: vern 'verden', aiər 'immer', zalz 'Salts' и переднеязычный носовой, например: fuftsic 'fünzig'.

3) Апокопа

Спонтанное отпадение одного или нескольких звуков происходит в следующих случаях:

– довольно часто апокопируется сонант [r], а также слог, в состав которого он входит, например: *va:* < *var* ‘war’, *triŋkə* < *triŋker* ‘Trinker’, *Doxta* < *doxta* ‘Tochter’;

– сонант [n], например: *klō:* < *klō:n* ‘klein’, *eldr* < *eldern* ‘Eltern’, *du* < *du:* ‘tun’;

– фрикативный [ç], например: *i* < *i:* ‘ich’;

– смычный [t], например: *un* (on) < *unt* ‘und’, *niç* < *niçt* ‘nicht’, *is* < *ist* ‘ist’;

– нечасто редуцируется суффикс второго причастия (*et*), но только в том случае, если основа глагола заканчивается на *-t*, например: *g(ə)šlaxt* ‘geschlachtet’, *gəhairat* ‘geheiratet’, *gəarbait* ‘gearbeitet’;

– зафиксировано также отпадение сочетаний согласных /nd/ и /st/ например: *zi* < *zi:* ‘sind’, *ha:* < *hast* ‘hast’.

Аугментация

Протеза и эпитеза в немецкой речи информантов отсутствуют. В говорах присутствует лишь эпентеза, которая представлена только в одной лексеме, например: слабый звонкий [v] возникает в слове ‘Januar’ как *januvar* < *januvar*,

где несет функцию разделения двух гласных [6].

Согласным звукам в говоре свойственна большая лабильность, поэтому основную смысловозначительную функцию в слове несут гласные. Роль согласных в смысловозначении гораздо меньше, вследствие чего они сильно обусловлены позицией и комбинаторным окружением. Согласные в исследуемых говорах достаточно легко уподобляются соседним звукам и варьируются от позиции к позиции.

Примечания

1. *Потапова Р. К., Линднер Г.* Особенности немецкого произношения: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1991. С. 51.

2. *Зиндер А. Р.* Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. С. 228.

3. *Серых Ю. В.* Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. С. 151.

4. *Зиндер А. Р.* Указ. соч. С. 228.

5. *Серых Ю. В.* Указ. соч. С. 152–153.

6. Там же. С. 154–160.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930.85(470.4/5)

Н. А. Розенберг

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье дается обзор основных историко-культурных событий и артефактов Уральского региона с точки зрения разных жанров и форм репрезентации диалектики традиционного и современного в культурном пространстве новой России (1990–2010-е гг.).

The article reviews main historical and cultural events and artifacts of the Ural region in terms of different genres and forms of representation of traditional dialectic and contemporary cultural space in the new Russia (1990–2010-s)

Ключевые слова: постмодерн, художественная культура, массовая и элитарная культура, многообразие форм и смыслов культуры Уральского региона.

Keywords: postmodern, art culture, mass and elite culture, variety of forms and meanings of the Ural region culture.

Реформы 90-х гг. привели к таким изменениям в российском обществе, которые оказались не менее значимы по своим последствиям, чем Октябрьская революция 1917 г. Иными стали социальная система и идеология, возникли кричащие имущественные отличия. Стали другими способ функционирования, содержание, основные доминанты художественной культуры. Эти изменения в условиях региона обнаружились в разных видах творческой деятельности и приобрели региональное своеобразие.

Соглашаясь с М. Фраем в его определении постмодерна как ситуации, в которой любой творец волен по-своему использовать наработанные прежними культурными эпохами стилевые принципы и формы, надо признать, что спектр этих принципов и форм оставался в региональной художественной культуре вполне конкретным [1].

Мировоззренчески искусство с начала 90-х до 2008 г. прошло очень стремительную и резкую траекторию. Это движение, полюсами которого в 90-е гг. стали выступления групп протестного молодежного рока и вполне тривиальные кон-

церты на аренах цирков и стадионов, к сегодняшнему дню эволюционировало в иную культурную ситуацию. Сложилась сфера коммерческого искусства, в значительной мере салонного, востребованного «на заказ» и сфера искусства экспериментального, функционирующего в своем театральном, телевизионном, студийно-выставочном пространстве.

Поляризуются вкус, интересы зрителя/слушателя/читателя, причем слово, текст вовсе не доминирует в пространстве художественной культуры.

Досуговая сфера занимает все более заметную нишу в региональной художественной культуре, теперь стало важно не только воспринимать, но и реализовывать свои творческие способности и потребности. Своеобразной средой такой деятельности для молодежи явились клубы. Их неформальный характер, многообразие, возможность чувствовать себя в кругу своих – очень привлекательны для молодежи. Сложилась новая идеология, культивирующая развитие личностных качеств, расширяющая возможности личностной идентификации.

Можно предположить, что именно молодежная культура будет отрабатывать и предлагать инновации, самым неожиданным образом сопрягающие ценности массовой и элитарной культуры. Только в наши дни в постмодернистской парадигме раскрывается подлинное многообразие смыслов культуры региона, проявленных в его художественной культуре. Урал предстает сегодня гигантской вытянутой от Приполярья до Великого пояса степей территорией, на всем протяжении которой человек создал неповторимые культурные ландшафты. Только молодым под силу было выстроить единственный в мире город в Заполярье – Салехард. Коммуникации, созданные в условиях вечной мерзлоты, – достижение инженерно-строительного расчета и дерзновенных решений архитекторов. Так, вантовый автодорожный мост «Факел» проектировала группа из 8 архитекторов и конструкторов, руководитель проекта И. А. Василевский. Декоративно-функциональная часть сооружения – Вантовый пролет шириной 408 метров – поднят на высоту 70 метров. Здесь расположены смотровая площадка, бар и ресторан. Сюда можно подняться на лифтах, встроенных в опоры. Открыт мост в декабре 2004 г. а в 2005 г. на Междуна-

родном фестивале «Зодчество» был удостоен бронзы [2]. В книгу рекордов Гиннеса занесен автодорожный вантовый мост, построенный в Сургуте через Обь. Его уникальность в том, что центральный почти полукилометровый пролет держит единственная вантовая опора. Мост действует уже почти 10 лет. Это сооружение стало символом самоутверждения молодых в соперничестве с суровой природой. Ярко освещенные в ночное время вертикали опор, устремленных в небо, резко изменили безлюдный прежде пейзаж, четко обозначив присутствие здесь человека. За строительство моста директор треста Э11 В. Ф. Солохин был удостоен звания академика [3]. Мосты выполняют самые различные коммуникативные функции и в обжитом городском пространстве. По молодежной инициативе обычный деревянный мост в Тюмени стал называться Мостом влюбленных. Это произошло после того, как на одном из городских праздников на мосту провели конкурс на самый долгий поцелуй. И мост обрел новую жизнь. Теперь здесь назначают свидания, сюда приходят молодожены, чтобы оставить на ограде моста символический замок на счастье. Новые традиции в частной, повседневной жизни – знак времени. Они обусловлены иными, чем в советскую эпоху, привычками и ценностями. Приверженность семье и друзьям – одна из них. Повсеместно в городах региона появились пешеходные улицы – место досуга и встреч с друзьями. В сквериках по соседству с кафе и магазинами можно встретить разнообразную скульптуру. Некая театрализация среды происходит в самых неожиданных формах. В Тобольске на одной из небольших площадей появилась скульптурная композиция «Пара коней, запряженных в экипаж», которая тут же стала обживаться молодежью, позировавшей фотографу так, словно молодые люди оказались в далеком прошлом.

Монументальная декоративно-ландшафтная композиция появилась в Челябинске. «Сфера любви» может укрыть под своим куполом не один десяток человек. Это монументальное сооружение высотой 12 и диаметром 10 метров вполне модернистское и по замыслу, и по концепции. Под голубой стеклянный купол, который поддерживают мощные опоры в виде деревьев с густой листвой, вознесены фигуры юноши и девушки устремившихся навстречу друг другу. Автор композиции – челябинский скульптор В. Митрошин, отливала ее в Италии [4]. Особенно эффектно «Сфера...» ночью, при неяркой подсветке. На пешеходной челябинской улице Кировка тоже немало необычных персонажей. Образы прошлого оживают в скульптурах городского, нищего, клоунов, гитаристов. В этом городе, втором по численности населения в УрФО (1 млн 100 тыс. чел.), празд-

ничная и яркая Кировка все-таки выпадает из массы типовой застройки советского времени, перемежающейся с деревянными домами, оставшимися от дореволюционного города. И это типично для многих уральских городов. Вместе с тем тенденция сместить акценты в городском пространстве с близких официозных площадей с одинаковыми почти всегда административными зданиями, выстроенными в советское время, вполне объяснима. Молодые архитекторы и скульпторы обустривают пространство повседневности с тем, чтобы оно отвечало современным вкусам и потребностям населения. Иным стал и образ жизни молодежи, появились новые свадебные обряды, связанные с новым городским пространством. Наиболее органичен облик столицы Урала – Екатеринбург. В плотной застройке центра с высотными башнями и многоэтажными домами-змеями не потерялись классицистические усадьбы горнопромышленников и купцов с окружающими их парками. Из 1 млн 300 тыс. населения города 180 тыс. составляют студенты. Молодежная культура Екатеринбурга всегда была генератором новых идей в различных областях творчества: литературе и журналистике, документальном кино и театральном искусстве. Сейчас в городе успешно работает филиал Центра современного искусства. Особая сфера культурной жизни Екатеринбурга – его клубная культура. Она сохранила традиции и память о протестной рок-культуре 60–80-х гг. В 2006 г. был открыт памятник В. Высоцкому и М. Влади, выполненный екатеринбургским скульптором А. Сильницким. Друзья поэта говорили на открытии памятника, что скульптор создал образ скорее лирический, а не гражданственный, образ любящего и любимого человека [5]. Заметное место в культурной жизни города занимают рок-фестивали. В числе лидеров современного русского рока – бывшая свердловская группа «Наутилус...». В прошлом году ушел из жизни И. Кормильцев, автор текстов многих знаменитых песен, замечательный поэт. Сплав социальности, экспрессии и сюрреалистичности его стихов обладает удивительной притягательностью. Хиты группы «Прогулки по воде», «На берегу безымянной реки», «Я хочу быть с тобой», «Сновидение» близки сегодняшним молодым. Симптоматично сближение «Наутилуса» с петербургскими рок-группами. В родном городе «Наутилус» с успехом выступил в 2003 г. на фестивале «Старый Новый Рок», а в 2006 г. – в «Нашествии». Рок-фестивали проходят в Екатеринбурге ежегодно. Среди десятков молодежных клубов нет похожих. В одних – звучит рок, в других – этно и даже экстремальная языческая музыка, как об этом заявили в клубе «Радапцы». Наряду с музыкальным экстримом на академических площадках города звучат классический джаз, фолк и этно.

В фестивале World Music в 2009 г. играл саксофонист Пол Уинтер, обладатель 6 премий Грэмми. Культурные связи Екатеринбурга очень широки и разнообразны, в городе 16 дипломатических представительств, работают культурные центры Японии, Франции, США и Великобритании.

Сами екатеринбуржцы стремятся сохранить память о лучшем, что связано с традициями региональной художественной культуры. Так, бывший лидер группы «Урфин Джус», композитор А. Пантыкин создал музей свердловского рок-клуба. Здесь собраны вещи и записи «Чайфа», «Наутилуса...», «Агаты...», «Насти...», «Смысловых галлюцинаций», и этот музей находится в его клубе «Вне Политики», что все-таки не вполне точно, потому что российский рок всегда был политически и социально ангажирован.

В наши дни меняется театральная культура Урала. В Екатеринбурге наряду с известными всей России, имеющими статус академических театрами – Оперы и балета, Драматическим театром, Театром музыкальной комедии, возник целый ряд экспериментальных площадок. Это театр-студия «Перекресток», молодежный театр «Галерка», театральные центры «Волхонка», экспериментальный театр «Бждын», «Коляда-театр». Репертуар, сценография, актерское мастерство в этих театрах формируются под воздействием опыта мировой сцены и активно его впитывают. Тенденции яркой зрелищности, интерактивного взаимодействия со зрителем, атмосфера непосредственности – делают их очень привлекательными для публики.

И поскольку столица Урала – город студенческий, именно они в значительной степени формируют культуру города, влияют на молодежную культуру региона, благодаря многочисленным конкурсам и фестивалям. Достаточно назвать КВНовское движение, конкурсы современного танца, сложившиеся традиции в рок-музыке. Событием общероссийского значения являются фестивали документального кино «Россия». На Свердловской киностудии работали и работают выдающиеся операторы, мастера анимационного кино и режиссеры-документалисты. Студия занимает одно из лидирующих мест в документальном кино нашей страны. Здесь существует преемственность поколений, лучшие фильмы известны за рубежом. Так, молодой документалист А. Федорченко, начавший снимать в 1999 г., за фильм «Давид» был удостоен в 2002 г. призов МКФ в Стокгольме и Люблине. Его фильм «Первые на луне» в 2005 г. в Венеции был признан лучшим документальным фильмом. Режиссер стал одной из знаковых фигур в современном кинематографе. Для его «Первых...» кинокритикам пришлось изобретать новый термин «мокьюментори», что не вполне точно переводится на русский язык как

«псевдодокументальный». Условно документальна правда о тоталитарном государстве, в котором рождались идеи освоения Космоса, и достоверна ситуация фантазмагоричности, в которой приходилось действовать героям космической истории. Важно, что фильм – завершающая часть трилогии о самых мучительных событиях тоталитарной эпохи: о сиротстве детей, родители которых репрессированы, – «Давид», трагедии вынужденных переселенцев, народов Кавказа, выселенных в Северный Казахстан, – «Дети Белой могилы» и, наконец, – «Первые на Луне». Режиссер не только публицистичен, он изобретает новые художественные средства, позволяющие в «Первых...» создать иллюзию полной достоверности якобы старых документальных кадров. Съемки частично происходили на Ленфильме. Музыка написал свердловский композитор С. Сидельников. В новом фильме о языческих марийских жрецах А. Федорченко намерен снимать настоящих жрецов, и это снова будет мокьюментори. Режиссер создал в Екатеринбурге Независимую киностудию. Европейский зритель запомнил и по достоинству оценил фильм А. Федорченко, последний из которых – отмеченная призом Венецианского фестиваля 2010 г. эротическая драма «Овсянки». Председатель жюри фестиваля Квентин Тарантино высказался о фильме исчерпывающе кратко «Великолепная картина по всем параметрам! Мы дали ей лучшие оценки! Здорово, просто шикарно!» О Космосе и не только делают свои картины известные екатеринбургские аниматоры – А. Харитиди «Гагарин» (Золотая пальмовая ветвь в Каннах), А. Золотухин «Розовая кукла», В. Ольшвант «Бабушка». Лауреатами последнего XIX Открытого фестиваля документального кино «Россия» за фильм «Гламур без глянца» стали режиссеры Е. Немченко и А. Погосян. И если А. Федорченко с его постмодернистской иронией явно чужд духа державности, документалисты, создавшие многосерийный фильм «Оружие Родины», вдохновлялись именно идеей значения Урала как оборонного щита России. Весьма показательны, что этот фильм демонстрируется на Международной выставке вооружений «Оборона и защита» в Нижнем Тагиле. О тоталитарном прошлом страны. ее национальной политике сняли фильмы режиссеры Ю. Демин «Спецпереселенцы» и С. Мартыанов «А был ли мальчик?».

Кадрами режиссеров, хормейстеров, балетмейстеров, постановщиков массовых зрелищ и актеров, уже 40 лет пополняет театры и концертные залы Урала и РФ Челябинская государственная академия культуры и искусств.

Изменившиеся социокультурные реалии обозначены в архитектурном облике городов региона. Массовая застройка утрачивает однообразие и унылость хрущевского времени. На рынке жи-

ля появляются дома разного уровня комфортности, возникают районы коттеджей элитного типа. Перепланировка и реконструкция происходят в административной части городов, на площадях и улицах, где располагаются государственные учреждения и офисы крупных фирм и банков. Новый облик приобрела центральная часть Екатеринбурга. На площади 1905 г., рядом с площадью заводского пруда поставлен памятник основателям города В. Н. Татищеву и В. де Геннину, а сами заводские здания стали музеями архитектуры, промышленности и природы Урала. Отреставрирован обширный усадебный комплекс уральских купцов Расторгуевых-Харитоновых с парком и прудом. Там находится Дворец детского и юношеского творчества. Здания промышленной архитектуры XVIII–XIX вв. и классицистические сооружения вполне непротиворечиво взаимодействуют с высотными башнями-блдингами, разнообразящими архитектурный ландшафт. В городе, несмотря на его промышленность, есть прекрасные парки и скверы. Недавно одной из главных достопримечательностей Екатеринбурга стал монументальный собор Спас-на-крови, построенный на месте дома Ипатьева, где была расстреляна царская семья. Вокруг него возник религиозный центр – Святой Квартал с Патриаршим подворьем. Историческая, культурная память репрезентирована в Екатеринбурге знаковыми архитектурными сооружениями прежде всего. Их сохранность – факт сам по себе не часто встречающийся.

Контрасты между старым и новым – отчетливее в облике Челябинска. Его пешеходная улица Кировка с высотными сооружениями, модными бутиками и кафе соседствует с двухэтажными зданиями старой застройки в исторической части города. Пешеходная зона – территория отдыха и развлечений – создана на одной из площадей Тюмени. Здесь находятся цирк и Парк отдыха. Появление в городской застройке специализированных территорий такого рода – примета времени, соответствующая ценностям культуры постмодернизма.

Особое значение в этом городском пространстве приобретает скульптура. Кажется, современный городской житель так обустроивает территории для отдыха, чтобы оживить их фигурами персонажей из прошлого – лошадками с экипажем (Тобольск, площадь им. С. Ремезова), бронзовыми изваяниями городских, клоунов, гитаристов (на ул. Кировка в Челябинске). Эта театрализация среды отвечает потребности современного человека в игре, фантазировании, достигающей иногда необычных форм. На Севере, например, появляются гигантские фигуры мамонтов в одиночку и целыми семьями, например бетонный мамонт высотой 10 метров разместился

у паромной переправы в Салехарде, а в Ханты-Мансийске, на горе рядом с геологическим памятником «Самаровский останец», встало семейство из 7 особей, самый большой в высоту достигает 8 метров, а общий вес композиции – 70 тонн. На Урале не жалеют цветного металла для монументальной скульптуры.

Необычное и действительно фантастическое зрелище представляют собой ледяные скульптуры. Фестивали-конкурсы «Ледяная рапсодия» проходят в Салехарде ежегодно и привлекают участников из зарубежных стран и многих городов России. С ноября по май столицу Ямала украшают мастерски выполненные светящиеся в условиях полярной ночи фигуры фантастических животных, людей, целые композиции на разные сюжеты.

Для детей и молодежи фантазийная городская скульптура наиболее притягательна.

Просторы Приполярья побудили скульпторов и архитекторов к поиску лаконичных и монументальных форм, к применению новых высокопрочных материалов. Стела «66 параллель» в Салехарде отмечает Полярный круг. Ритуал пересечения его проходят все, кто прибыл в Салехард. Монументальные сооружения величественно и лаконично. В центре двойной пирамиды укреплен дуга, символизирующая параллель. Материалом послужил сплав серебристого цвета. Ночью, благодаря внутренней подсветке стела светится.

Культурное сознание населения УрФО проявлено сегодня в феномене, который можно было бы назвать музеефикацией культурной памяти. Современные музеи необычны, формы и методы их работы не традиционны. Но их цель одна – визуализация знаковых исторических событий, сохранение и демонстрация таких артефактов, в которых проявлены концептуальные основания истории культуры региона. Так, в Нижнем Тагиле действует единственный в мире завод-музей. Металлургическое производство остановлено, но, переходя из цеха в цех, посетитель проникается сознанием необычности самого процесса. Поразительна промышленная архитектура, сохраненная здесь для потомков.

В Ханты-Мансийске, городе выдающемся по своему архитектурному облику, создан один из самых необычных российских музеев – Музей геологии, нефти и газа. Он открыт в 2003 г. и его здание «входит в десятку оригинальных архитектурных сооружений мира, спроектированных и построенных в экстремальных условиях» [6]. Музей представляет собой комплекс зданий, в которых развернуто 7 выставок, повествующих о «легендах и былых нефтяного края», – история нефтегазодобывающей отрасли Югры. На особых выставках демонстрируются уникальные минералы и самоцветы, найденные геологами в недрах края. Сияющим драгоценным кристаллом

кажется монументально-декоративная композиция из стекла и стали, поставленная в центре комплекса. Древность и постиндустриальная эпоха на земле Югры оказываются рядом. Уникальные археологические находки музейного комплекса межплеменного святилища Усть-Полуй можно видеть не только в витринах, но непосредственно на раскопе, входящем в музей в Салехарде. С родовыми культурами и ритуальной практикой хантов и манси знакомит музей под открытым небом «Торум маа», открытый в Ханты-Мансийске еще в 1987 г. Это напоминание, что традиционная культура – основа и ментальный стержень народов Югры. Вслушаемся в стихи выдающегося ненецкого поэта Л. Лапцуня.

Так-то... А я все лежу на пороге
Старого, старого, старого чума.
Схожий лицом с бородатою тучей,
Так и лежу на истлевшем пороге.
Чум мой кренился дряхлеющим старцем.

Что за недугом душа истомилась?
Там я оленя спросил головного,
Что небеса отражает глазами,
Можно ли стать мне пушистым зайчонком,
Можно ль попрыгать и мне с воробьями?

Взглядом смолистым и теплым дыханьем,
Мудрый олень осушил мои слезы.
Впряг я его в узорчатую нарту
И полетели мы к солнцу и звездам.
В тундре разбуженной, в новом селенье
Так и зовусь я – Спасенный Оленем.

(«Перед порогом». перевод Н. Грушиной)

Судьба и творчество лучших поэтов, художников, писателей Югры настолько тесно сопряжены с судьбой ее народов, что для А. Неркаги, Л. Лара, Г. Райшева, супругов Молдановых просветительская работа, изучение мифологии и этнографии своих народов, даже христианская миссионерская деятельность, значат не меньше, чем искусство. Благодаря их деятельности духовный и культурный опыт народов Югры становится общероссийским и общемировым культурным достоянием.

Концептуальное значение для формирования региональной культурной идентичности имеют комплексы, памятники и артефакты, сохранившие смыслы и образы конкретных культурных эпох. Географически они могут отстоять друг от друга на огромные расстояния. Это древняя Игнатьевская пещера и мольбище Усть-Полуй, Аркаим и Торум маа. Вещные знаки освоения человеком территории Южного Урала и Приполярья величественны. Здесь конкретны, явственны свидетельства межэтнических и межкультурных коммуникаций, сложившиеся тысячелетия назад.

Наши современники стремятся реконструировать и сохранить архитектурные сооружения средневековья – крепости Обдорска/Салехарда и Тобольска. Музеефикация памятников заводской архитектуры в Екатеринбурге и создание единственного музея-завода в Нижнем Тагиле свидетельствуют об актуализации культурной памяти и сложении новых традиций сохранения культурного наследия.

Даже далеко не бесспорные с эстетической точки зрения гигантские бронзовые изваяния мамонтов, поставленные в Ханты-Мансийске, в непосредственной близости от промышленных объектов, отличающиеся ясностью и динамизмом конструкций, – скорее вызов господству Природы в этом отдаленном краю. Это – знак памяти культуры и образ преодоления хаоса упорядоченностью.

Вероятно, только на Урале соприкосновение Древности и Современности, Истории и Культуры проявлены столь полно, что его территория обладает особой притягательностью для тех, кто хотел бы обрести себя в пространстве и времени российской культуры.

Примечания

1. Фрай М. Постмодернизм // Искусство против географии. СПб., 2000. С. 203–204.
2. URL: <http://www.suvenirograd.ru/sights.php?id=478&lang=1/&pid=1545>
3. URL: <http://www.suvenirograd.ru/sights.php?id=478&lang=1/&pid=992>
4. URL: <http://www.suvenirograd.ru/sights.php?id=478&lang=1/&pid=561>
5. URL: <http://rus-art.com/painters/raishev/default.htm>
6. URL: <http://www.ugra-service.ru>. С. 1.

Н. И. Поспелова

ИНОСКАЗАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА КАК СПОСОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье ставится проблема иносказания как способа интеллектуальной коммуникации во взаимоотношениях Шостаковича с властью, ближайшим окружением, самим собой. Под иносказанием в широком смысле понимается целый комплекс фигур речи и категорий эстетики (ирония, юмор, сатира, гротеск), играющий существенную роль как в прямых (текстовых) высказываниях композитора, так и в системе художественных образов и музыкальном языке. Подчеркивается значение культурного и личностного факторов в репрезентации разных форм иносказания.

This article deals with the problem of allegory as a means of intellectual communication in the Shostakovich's relationships with authority, immediate surroundings, themselves. By the allegory means a variety of speech figures and aesthetic categories (irony, humor, satire, grotesque), which plays an important role in both direct (textual) composer's utterances and in the system of artistic imagery and musical language. In the article emphasizes the importance of cultural and personal factors in the representation of different forms of allegory.

Ключевые слова: Шостакович, поэтика иносказаний, художник и власть, творческая личность, моральные аспекты творчества, семантический потенциал музыкального языка, интеллектуальная коммуникация.

Keywords: Shostakovich, poetics of allegory, artist and authority, creative personality, moral aspects of work, semantic potential of the musical language, intellectual communication.

Интерес к творчеству советского композитора Д. Д. Шостаковича (1906–1975) с годами не спадает. Одна из главных причин тому – неуклонно возрастающая временная дистанция, отделяющая жизнь гения от настоящего момента. Время, которое так остро чувствовал композитор, на наших глазах обращается в историю. Это новое качество восприятия (назовем его культурно-историческим) позволяет включать в исследовательское поле феноменологические аспекты (что уже блистательно сделал Левон Акопян в своей монографии) [1], герменевтические (сошлюсь на шостаковичиану последних лет в лице Кшиштофа Мейера, Элизабет Уилсон, Марины Сабининой, Генриха Арановского, Генриха Орлова и др.), биографические (имею в виду «Письма к другу» И. Гликмана, воспоминания Л. Лебединского, авторизованные тексты самого Шостаковича) [2], аксиологические, культурологические. Шостакович

с дистанции XXI в. – художественное и интеллектуальное достояние не только отечественной, но и мировой культуры. Мысль как будто бы не оригинальная, если не принимать во внимание такую тонкую, почти непроницаемую для герменевтики материю, как *иносказание* большого художника и человека. В случае характеристики жизни и творчества гения (именно таковой и является личность Д. Д. Шостаковича) оно выступает формой интеллектуального послания миру, содержащим главный для художника-гражданина обертон – ярко и определенно выраженную нравственную позицию.

Когда мы обращаемся к такой форме коммуникации, как иносказание [3], мы должны иметь в виду анализ всего мотивационного комплекса художника, сделавшего выбор на данном типе высказывания. Измерить иносказание до конца вряд ли возможно, если принять во внимание не верифицируемый, не поддающийся расшифровке слой подсознания человека, так или иначе принимающего участие в конструировании его моральных основ. В «Никомановой этике» Аристотель выходит на рассуждения о нравственном знании. Он дает такому типу знания имя *фронеzis* (рассудительного знания), отделяя его от *эпистемы* – достоверного и предметного знания [4]. Нравственный, или *действующий*, человек, по мнению Х.-Г. Гадамера, «всегда имеет дело с чем-то таким, что не совсем таково, каково оно есть, но что могло бы быть и другим. Он открывает здесь то, во что бы ему следовало вмешаться. Его знание должно *направлять его действия*» [5]. Сказанное справедливо не только в отношении позиции познающего, но и в отношении того, на кого направлено знание.

Как же быть в ситуации, когда «знающий не стоит перед фактами, которые он только устанавливает, но он непосредственно *затронут тем, что он должен делать*» [6]? Потенциал *moral sciencese* («наук о духе», «наук о культуре») не дает на этот вопрос однозначного ответа. Так, по отношению к характеристике творчества выходом из ситуации может служить метод, апеллирующий к рефлексивному опыту художника (причем рефлексивному в разномасштабных дискурсах – личностном, творческом, общественном) и одновременно к тому, что его формирует – культурной атмосфере эпохи. Эпоха 1930–1950-х гг. во многом определила как тип творческой личности Шостаковича, так и его интерес к «тайной» звукописи и иносказанию.

* * *

Д. Д. Шостакович был «властителем дум» не одного поколения мыслящих, думающих и, в гадамеровском смысле, *действующих* людей. Он остался в памяти современников «моральной ве-

личной и сильнейшим переживанием» [7] и вошел в историю XX в. как человек, которому не было безразлично его время, его собственные поступки, его мысли о вечной антиномии добра и зла. Вопрос: в какой мере на гражданскую позицию гениального композитора, его сомнения и силу духа, достоинства и слабости противоречивого и сложного характера повлияла идеология сталинского режима, какие «следы» в творчестве оставила? – до сих пор остается столь же острым, сколько и притягательным.

Эпоха тоталитаризма в Советской России для творческой интеллигенции официально началась с выхода в свет Постановления ВКП(б) «О перестройке художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Его публикация подвела черту под временем экспериментов и поисков 1920-х гг. и одновременно постулировала радикальный поворот в политике советского государства, которое решило взять на себя идеологическое руководство творческими союзами. Этот документ положил начало эстетике «социалистического реализма» в искусстве. Впервые термин «соцреализм» появился в редакционной статье «Литературной газеты» от 23 мая 1932 г. Применительно к музыке данный термин (опять же впервые) «применил» критик В. Городинский в статье, опубликованной в журнале «Советская музыка», которая называлась «К вопросу о социалистическом реализме в музыке» [8]. А. Акопян обращает внимание на два принципиально важных момента, которые легли в основу концепции соцреалистической музыкальной эстетики: это реабилитация народной песни и «шекспиризация» музыки (в отличие, например, от РАПМовского лозунга «одемянивания» музыки).

Д. Д. Шостакович в начале 1930-х, когда «социалистический по содержанию и национальный по форме» эстетический принцип был объявлен главным (если не единственно «правильным») творческим методом советского художника, активно работает над оперой «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову. Московская премьера оперы [9] состоялась в январе 1934 г. Приуроченный к открытию XVII съезда ВКП(б), новый опус Шостаковича был оценен как «победа» советского музыкального театра в освоении соцреализма в музыке. Окрыленный успехом первых премьерных постановок, Шостакович мечтает о новых театральных сочинениях.

В 1934 г. он вынашивает замысел «оперы о народолюбцах», предполагая написать трагедию-фарс в духе вагнеровской тетралогии. Недавно опубликованные факты (сошлемся на О. Дигонскую и ее статью «Шостакович в середине 1930-х: оперные планы и воплощения» в «Музыкальной академии» [10]) подтверждают, что это должна была быть опера, посвященная

народолюбцам, со всей вытекающей отсюда революционной атрибуцией – террором, смертью главной героини, предавшей любовь во имя революционных идеалов и т. д. Шостакович сам предложил сюжетную линию, оставляя автору либретто, А. Г. Прейсу, свободу в сочинении текста по мотивам М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова. Однако оперный план остался unrealized. Официальной причиной отказа композитора от дальнейшей работы над оперой называлось как раз оперное либретто. Если соотнести конкретный факт творческой биографии композитора с временем массовых репрессий в стране, то можно обнаружить между ними причинно-следственную связь. 28 декабря 1934 г. в газете «Ленинградская правда» Шостакович вступает в прямой диалог с властью «по поводу события, не “отреагировать” на которое было невозможно» [11]. В соответствующем политическом контексте композитор признается, что *«подлое и гнусное убийство Сергея Мироновича Кирова обязывает меня и всех композиторов дать вещи, достойные его памяти. Сугубо ответственная и тяжелая задача. Но отвечать полноценными произведениями на “социальный заказ” нашей замечательной эпохи, быть ее трубочками – дело чести каждого советского композитора»* [12]. Шостакович после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. оказался в ситуации заложника политически ангажированного истеблишмента, с одной стороны, а с другой – собственных убеждений и внутренней морали. В случае появления оперного произведения композитор подвергал себя реальной опасности, легализуя в «кровавой трагедии» апологетику «троцкистского» террора, к тому же усиленного фарсовым характером. Чем грозила обернуться опасность? Арестом и физическим уничтожением. Сюжет, где террористы убивают «врагов народа» по требованию народной воли, «косвенно давал повод услышать в опере еще верноподданные обертоны, созвучные массовым репрессиям в стране, а значит, являющиеся художественным их оправданием», – считает О. Дигонская [13]. Перед композитором со всей определенностью встала проблема нравственного порядка. Шостакович решил ее посредством ухода от открытой конфронтации с властью. «Ценой вопроса» стало нерожденное сочинение «о женщинах прошлого» [14]. Это всего лишь один пример. На самом деле их немало.

Отношения Шостаковича с властью в 1930-е гг. (со Сталиным лично и его партийным окружением) складывались сложно, драматично. Это сказалось не только на конформизме (в рамках модели поведения «для них»), но, главным образом, на творчестве (Четвертая, Пятая симфонии и другие сочинения), где нашли отраже-

ние реакция на внешнюю среду, пульсирующий нерв моральной рефлексии. В силу ярко выраженного публицистического дара, общественно-темперамента композитор не мог оставаться в стороне от «великих дел социалистического строительства». Он вел активную общественную деятельность, сочетая ее с сочинением музыки (это, конечно, было главным занятием для композитора), исполнительством, дирижированием, выступлением в печати, педагогией. Неотчужденность Шостаковича от жизни выдает в нем истинного интеллигента, о которых М. Гершензон еще в 1908 г. пронизательно заметил: «Русский интеллигент – это, прежде всего, человек, с юных лет живущий вне себя... то есть признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто, лежащее вне его личности – народ, общество, государство» [15]. Но вместе с тем Шостакович – «герой» своего времени, его «звуковая летопись», и это историческая данность. Эталонного композитора эпохи «великих строек» в глазах партийной элиты страны, однако, из него не получилось и почему – известно: его музыка (конкретно – опера «Леди Макбет Мценского уезда») когда-то не понравилась Сталину. Если бы этого не случилось, по-иному, возможно, сложилась бы творческая и личная судьба композитора. Но тогда, в 1936-м, на сочинения Шостаковича (а чуть позже и Прокофьева) был повешен ярлык – «формалист».

М. Сабина приводит воспоминания очевидцев, рассказывавших, как в дни выхода в «Правде» (1936) разгромной статьи «Сумбур вместо музыки», после которой «Леди Макбет Мценского уезда» более чем на 20 лет снимают с репертуара театров, Шостакович «усиленно советовал И. Соллертинскому отречься, осудить клейменную «общественностью» оперу, чтобы, паче чаяния, не пострадала его, Ивана Ивановича, семья. Но тогда же спокойно и твердо он заявил своему другу Исааку Гликману: «Если мне отрубят обе руки, я буду все равно писать музыку, держа перо в зубах» [16]. Ответственность интеллигента за судьбы тех, кто был с ним рядом, кому он считал необходимым помогать, была чрезвычайно высоко развита у Шостаковича. Собственная репутация казалась ему гораздо менее значимой ценностью. М. Сабина ссылается на воспоминания И. Шварца – друга композитора, которого Шостакович старался опекать (отец Шварца погиб в тюрьме в 1937 г., а мать была сослана в Киргизию): «В конце 1940-х Шостакович рассердился, когда Шварц, под угрозой исключения из консерватории, не согласился публично каяться, обвиняя своего кумира и наставника во вредном формалистическом влиянии на него, студента. “Вы не имели права так действовать, у Вас жена,

ребенок, Вы должны были думать о них, а не обо мне”» [17].

Другим испытанием стало для Шостаковича предательство близких друзей, в частности Ю. Олеси. 20 марта 1936 г. «Литературная газета» опубликовала речь советского писателя, в которой говорится: «Когда появлялись новые вещи Шостаковича, я всегда восторженно хвалил их... И вдруг я читаю в газете “Правда”, что опера Шостаковича есть “Сумбур вместо музыки”... Я вспоминаю: в некоторых местах она (музыка. – Н. П.) всегда казалась мне какой-то пренебрежительной. К кому пренебрежительной? Ко мне. Это пренебрежительность к “черни” и рождает некоторые особенности музыки Шостаковича – те неясности, причуды, которые нужны только ему и которые принижают нас... Я спрашиваю у Шостаковича мелодию, он ломает ее в угоду неизвестно чему, и это меня принижает» [18]. «Речь Юрия Карловича Олеси была одной из самых ранних и одной из самых блестящих моделей предательства образца 1934–1953 годов» [19].

Г. М. Козинцев считал, что Шостакович в 1930–1940-е сумел выжить благодаря своему редкостному чувству юмора. Действительно, юмор был для композитора не только прибежищем отдыха, разрядки, но и проводником его интеллекта, орудием самозащиты, самосохранения личности. По воспоминаниям современников, в юности Шостакович любил всевозможные озорные проделки, веселые розыгрыши. С возрастом, испытав ряд тяжелых ударов, он посуровел, однако вовсе не утратил склонности едко осмеивать ненавистные ему явления жизни и иронизировать над самим собой. В недрах самоиронии формируется поэтика иносказаний, рассчитанная на умного, равновеликого масштабу чувствования и понимания самого композитора собеседника. Иносказание становится своеобразной маской, за которой Шостакович прячет свое истинное лицо и скрывает глубинные смыслы, вкладываемые в музыку, слова, поступки.

* * *

Д. Д. Шостакович принадлежал к тому типу художников, которые обладали уникальной способностью фокусировать, перерабатывать и транслировать разную культурную информацию; способностью целостного и одновременно дифференцированного восприятия мира, адекватного отражения его содержания в текстах культуры. Этот тип интеллектуально-творческой личности назван Л. М. Баткиным «живым органом логико-культурного диалога, возникающего через свободный выбор индивидом мысли, поступка и пути» [20]. Генезис данного типа личности напрямую уходит корнями в философию экзис-

тенциализма с ее акцентированностью духовной сущности творчества. Представители экзистенциализма выделяют в жизни человека два бытия: неподлинное и подлинное. Первое – обычное существование человека, в котором утрачивается его сущность, второе – сущностное, истинное. Первое является экзистенцией человека, второе – его трансценденцией. Первое порождает человека, второе – личность. Трансценденция человека есть его духовная сущность, и всякое творчество, согласно экзистенциализму, представляет собой выход, прорыв из экзистенции в трансценденцию, из материи в сферу духа. Н. Бердяев описывает условия творчества человека, благодаря которому возможно создание нового, ранее не существующего. Оно зиждется на элементах свободы, включает в себя «элемент дара и связанного с ним назначения и, наконец, элемент уже сотворенного мира, в котором совершается творческий акт и в котором человек находит материал для творчества» [21]. Творческая личность, по Бердяеву, может/должна быть свободной: либо творческое начало должно быть опосредовано дарованием, либо личность копирует в себе оба эти условия творчества. Соотношение двух характеристик как баланс личностного и индивидуального само по себе определяет творческий метод и результат деятельности художника.

* * *

Был ли свободен Шостакович? И да, и нет. Да – если иметь в виду его мощный интеллектуально-нравственный стержень. Нет – если принять во внимание психологические особенности его личности и время, в которое жил и творил композитор. Для аргументации нарисуем «портрет» Шостаковича. Его характерными чертами будут: необычная и предельная скромность, благородная выдержка, умение владеть собой в тяжелейших ситуациях и приходить на помощь тем, кто в ней нуждался; внезапные, непредсказуемые перемены настроения, почти инфантильные по степени неожиданности; поразительная трудоспособность. Характер композитора, по наблюдению и признанию Г. Козинцева и М. Друскина, был «соткан из крайностей». Образцовая самодисциплина – и вспыльчивость, нервная возбудимость; доброта, деликатность, отзывчивость – и замкнутость, отчужденность. Ю. П. Любимов обращает внимание на его едкость, похоже на зощенковские сарказмы, необыкновенную остроту восприятия, ранимость. Никогда не умел отказывать в просьбе о помощи, житейской или профессиональной, несмотря на вечную поглощенность своей работой, на то, что (особенно к концу жизни) именно работа была его главной радостью, позволяла отстранить мысли о болез-

нях и смерти, доставляла дрожь вдохновения и счастья.

Самокритицизм Шостаковича – это иносказание на высоте феноменологии духа, которой управляет разум и совесть. Согласно типологии Т. Манна, Шостаковича можно отнести к «больному» типу художника, смело берущего на себя роль критика и судьи искусства, «несмотря на кажущееся противоречие, которое заключается в том, что некто, ощущающий собственное ничтожество перед лицом искусства, нисколько этим не смущаясь, позволяет себе выступать в роли его компетентного судьи» [22]. Критический элемент релевантен искусству. Он есть черта, имманентно присущая творческой личности – тому типу художника, который претендует на создание нового. У Манна эта идея претерпевает одну важную трансформацию: изначально сформулированная проблема «критики искусства» превращается в проблему аутокритики. «В художнике, который постепенно и непроизвольно начинает лично приобщаться к сверхличному величию искусства, рождается инстинктивное желание с насмешкой отвергать все, что называется успехом, все светские почести и связанные с успехом выгоды, и он отвергает их из приверженности к тому еще совершенно индивидуальному и бесполезному раннему состоянию искусства, состоянию легкой и свободной игры, когда искусство еще не ведало, что оно является “искусством”, и смеялось над самим собой» [23].

Помимо манновской типологии к характеристике творческого дарования и личности Шостаковича вполне применима идея творческой интенции Хайнца Хекхаузена. Немецкий ученый истолковывает интенцию как своего рода намерение, вписанное в природу самого творца, несущее на себе отпечаток особой окрашенности его таланта и представляющее главный мотив его творческой деятельности [24]. По мнению Хекхаузена, мотивы творчества, которые, так или иначе, провоцируют действие интенции художника, по существу, ненаблюдаемы. Мотив в этом случае можно описать через такие понятия, как потребность, побуждение, склонность, влечение, стремление и другие. Отсюда творческий процесс оказывается мотивированным даже в тех случаях, когда не сопровождается сознательным намерением художника. Уже внутри творческой интенции живет нечто, что позволяет выбирать между различными вариантами художественного претворения, не апеллируя к сознанию: нечто, что запускает творческое действие, направляет, регулирует и доводит его до конца. Интенция любого художника, таким образом, проявляет себя как внутренняя предрасположенность его к неким темам, способам художественной выразительности, к характерным языковым и компо-

зиционным приемам. В этом смысле интенция выступает своего рода регулятором, ориентирующим разных художников на разработку соответствующих их дарованию тем и жанров. Как известно, в истории есть немало таких примеров [25].

* * *

Об иносказании позволяет судить и *слово*. Шостакович уделял слову огромное внимание. Он оставил разные и нередко противоречивые высказывания на темы, включая политические, жизни близких и друзей [26].

Как потомственному интеллигенту, Шостаковичу в наследство от 1930-х гг. досталась проблема «народ – интеллигенция», официальная трактовка которой, навязываемая советскими идеологами, вызывала у композитора откровенное неприятие (приведем в пример «Крейцерову сонату» из цикла «Сатиры на слова Саши Черного», где сатирический оттенок получает противопоставление «Ты народ, а я – интеллигент»). Своеобразной инверсией дихотомии «народ – интеллигенция» стала проблема взаимоотношений художника и его судей. Она предложена композитором в вокальном цикле на стихи Микеланджело Буонаротти (сонеты «Данте», «Изгнаннику»), в вокальной 14-й симфонии (11-я часть на стихи Кюхельбекера «О, Дельвиг, Дельвиг!»).

Современники Шостаковича чувствовали контраст творений настоящего, великого композитора с опусами прикладного и полуприкладного характера. Вполне понятны были для них и мотивы возникновения таких опусов: социальный заказ, давление идеологической конъюнктуры («музыка должна быть доступна массам трудящихся»), наконец, элементарная нужда в гарантированном заработке. Кроме того, оратории и кантаты на ура-патриотические тексты и музыка ура-патриотических фильмов служили косвенным свидетельством лояльности автора партийным органам [27]. М. Сабина приводит свидетельства близких Шостаковичу людей (в частности, Э. Денисова), которым он горько признавался в трусости, объясняя ее ужасами пережитого. «“Я сволочь, трус и прочее, но я в тюрьме и я боюсь за детей и за себя, а он – на свободе, он может не лгать!” – это Дмитрия Дмитриевича возмутило, что Пикассо приветствовал советскую власть (свидетельство Ф. Литвиновой)» [28]. Согласно К. Ясперсу, в условиях террористических режимов человек испытывает небывалые, ранее непредставимые психологические муки, которые подчас гораздо острее физических, и единственный шанс уцелеть – повиновение, соучастие.

Жизнь Шостаковича – несмотря на присутствие в ней признания и славы – вместила в себя то, что Л. Гаккель назвал «трагическим отсут-

ствием выбора» [29]. Что это значит в моральном аспекте? Тот исторический интерьер, на фоне которого эта жизнь протекала, не предоставил композитору шанса быть свободным: смирение, повиновение, конформизм стали для него формой взаимоотношений с властью, а значит, формой выживания. В физическом и метафизическом (творческом) планах это оказалось, однако, спасением. Спасением не только для Шостаковича, но и всей советской музыки. В Пятой, Седьмой, Восьмой симфониях Шостакович демонстрирует пронзительный диссонанс внешнего и внутреннего планов бытия, непредсказуемость, бесконечную «технику превращений и поэтику иносказаний» (Л. Акопян). Его *голос* приобретает отчетливую артикулированность риторика, протестующего против всякого насилия над личностью, против пошлости, мещанства, бездуховности. Но при этом композитор «сохраняет целостность своего человеческого “Я”, благодаря которой ему удалось воспроизвести столь точную, беспощадную и бескомпромиссную модель разорванного, дезинтегрированного мира, в котором ему предстояло жить» [30].

Многочисленные свидетельства самого композитора, его современников, публицистика – это тот огромный документированный пласт культуры повседневности 1930-х, который дает основание считать, что, несмотря на жесты «смирения» и уступки властям в виде отдельных сочинений официально-конъюнктурного характера, Шостакович оставил послание потомкам – послание внутреннего эмигранта, вынужденного служить власти. Но главный аргумент в пользу звучания нравственного голоса композитора содержит семантически богатый «тайный язык» его музыки. Он скрывает еще не расшифрованные смыслы и пронзительную интонацию человека, не равнодушного к проблемам жизни, своей страны, к человеку и человечеству. Для современников композитора его музыка была моральной поддержкой и духовной опорой [31]. Э. Уилсон приводит в своей документированной биографии свидетельство С. Губайдуллиной о страшной реальности, постигшей страну: «...Забирали наших отцов, теток и дядей в тюрьму, а мы знали точно, что это замечательные, честные люди... Никто не может ответить, зачем, почему. И только сейчас мы знаем, почему... А тогда это был ужас. Многие сошли с ума в то время... Это была психологическая катастрофа, которая постигла Россию» [32]. Шостакович с глубиной и страстностью проповедника запечатлел эту катастрофу.

За разного рода иносказаниями (иронией, сарказмом, сатирой) прячется истинный голос художника. Статус внутреннего эмигранта не мог удовлетворить Шостаковича как служителя «государевой музыки» и как обладателя общественно-

го темперамента. Разумеется, это не избавило композитора от жестов «услужливости» и уступки властям в виде отдельных сочинений официально-конъюнктурного характера. Но показательные случаи с Шестой, Девятой симфониями обнаружили системно выстроенную технику подтекстов, формирование которой началось как раз в годы сталинского режима.

* * *

Оставляя в стороне многочисленные свидетельства самого композитора, его современников, публицистику, то есть огромный пласт документированной культуры 1930-х гг., сформулируем главный вопрос: было ли иносказание способом интеллектуальной коммуникации Шостаковича с миром и самим собой? Краткое «да» не прозвучит убедительно, поскольку, согласимся, измерить глубину искренности, правдивости, цельность внутреннего императива невозможно. Но можно услышать, почувствовать неповторимую интонацию, которая была, есть и останется, по выражению одного из друзей композитора Д. Житомирского, «источником сильнейших впечатлений и переживаний... Переживаний столь захватывающих, что даже язык как-то не поворачивается рассуждать по поводу стиля, жанра, композиционной техники и т. п. (sic!) Ибо здесь мы, прежде всего, ощущали наше время, нашу искаженную адскую реальность, по кругам которой он, подобно Вергилию, водил нас, его современников. Вместе с Шостаковичем и благодаря его творениям мы познавали правду об этой реальности, и это было как струя кислорода в удушающей атмосфере времени» [33].

Шостакович оставил нам много тайн. Главная из них – его музыка. Ее глубинные смыслы, соотносимые с мощными пластами музыкальной культуры прошлого и настоящего, адекватные «тайне тождественности» и есть *интеллектуально-нравственное* послание «властителя дум» XX в., адресованное «посвященным» – равнодушным, уважающим ценность свободы и ценность личности, людям. Слово, язык иносказаний, аллюзий и цитат – вот форма интеллектуальной коммуникации выдающегося музыканта и человека, его внутреннего голоса, в обертонах которого есть все – и страстная проповедь бунтующего интеллекта, и внутренний протест против власти предрешающей, и исповедальность, и гневный вызов, и жалоба, и тоска, поднобно той, что открывается в сонете «К Орфею» его любимого поэта Р.-М. Рильке:

Мы только голос. Кем воспета даль,
где сердца всех вещей непреходящий звон?
Его сплошной удар внутри нас разделен
на ровный пульс. Безмерная печаль

и радость сердца велики для нас,
и мы от них бежим, и каждый час
мы только голос.

Лишь внезапный миг –
его удар неслышно в нас проник,
и мы – весь крик...

И лишь тогда мы – суть, судьба и лик.

(пер. К. Свавьяна)

Примечания

1. Аюбян А. Дмитрий Шостакович. Опыт феноменологии творчества. СПб., 2004. С. 96.
2. Богатый материал для осмысления культурологии личности Шостаковича представлен в материалах научных собраний, посвященных прошедшему 100-летию юбилею композитора. Это Международные научные конференции: «Shostakovich-100» (Лондон, 2006), «Прокофьев и Шостакович: параллели и анти-тезы» (Москва, 2006), «Д. Д. Шостакович: к 100-летию со дня рождения» (Санкт-Петербург, 2006), «Столетию Д. Д. Шостаковича посвящается» (Астрахань, 2007). См. также: Элизабет Уилсон («Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками»).
3. Под иносказанием в широком смысле мы понимаем такие фигуры речи, где слово (высказывание) обретает значение, противоположное прямому (буквальному) смыслу или отрицающее его или ставящее его под сомнение. К ним отнесем целый комплекс комического – иронию, юмор, сатиру, гротеск, играющих существенную роль как в текстовых высказываниях композитора, так и в музыкальном языке. В данной статье речь идет о поэтике иносказаний во взаимоотношениях Шостаковича с властью.
4. *Аристотель*. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
5. Там же. С. 53–54.
6. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 371–375.
7. *Гаккель А.* Он ответил // Музыкальная академия. 2006. № 3. С. 26.
8. *Городинский В.* К вопросу о социалистическом реализме в музыке // Советская музыка. 1933. № 1.
9. 22 января 1934 г. состоялась мировая (Ленинградский Гос. академический Малый театр), а 24 января – московская (Государственный музыкальный театр им. В. И. Немировича-Данченко) премьеры оперы.
10. *Дигонская О.* Шостакович в середине 1930-х: оперные планы и воплощения // Музыкальная академия. 2007. № 1. С. 48–60.
11. Там же. С. 55.
12. *Шостакович Д.* Будем трубочами великой эпохи // Ленинградская правда. 1934. 28 дек. С. 3 (цит. по: *Барсова И. А.* Между «социальным заказом» и музыкой «больших страстей»: 1934–1937 годы в жизни Дмитрия Шостаковича // Д. Д. Шостакович: сб. ст. к 90-летию со дня рождения / сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб., 1996. С. 125).
13. *Дигонская О.* Указ. соч. С. 55.
14. Свидетельством замысла оперы исследователи считают не только рассказы, либретто, обсуждение концепции сочинения в письмах, публичные заявления в прессе, но и предварительную эскизную работу. Так, с атрибуцией неизвестного автографа, относимого к первой сцене оперы, познакомила О. Дигонская в упоминаемой статье.

15. *Гершензон М.* Творческое самосознание // Вехи. М., 1990. С. 71.
16. Цит. по кн.: *Сабинина М.* Было ли два Шостаковича? // Музыкальная академия. 1997. № 4. С. 235.
17. Там же.
18. *Белингов А.* Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М.: РИК «Культура», 1997. С. 262–263.
19. Там же. С. 266.
20. *Баткин Л. М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000. С. 63–64.
21. *Петухов А. В.* Что есть творчество. Донецк: Изд-во ДонНТУ, 2007. URL: http://www.masters.donntu.edu.ua/2007/eltf/petuhov/library/source_21.htm
22. *Мани Т.* Художник и общество // Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Статьи 1929–1955. М.: 1961. С. 478.
23. Там же. С. 478.
24. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. М: Педагогика, 1986. С. 124.
25. Один из них приводит Кривцун О. А.: «Пушкин презентовал Гоголю фабулу «Мертвых душ» не потому, что он сам не мог создать такого произведения, а потому, что сама идея не разжигала в нем интереса и воодушевления. Можно привести немало других примеров. Образный строй каждого крупного мастера отличается в этом смысле некоторым проблемно-тематическим единством, избирательной ориентированностью сознания на близкие ему стороны окружающего мира». *Кривцун О. А.* Психология искусства. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000. С. 18.
26. Документальным свидетельством считаются, в частности, авторизованная монография «Шостакович о времени и о себе» 1980 г., «Письма к другу» И. Д. Гликмана, «Свидетельство» С. Волкова (последнее не переведено на русский язык и существует в иноязычных версиях. Одна из них – Memoiren des Dmitri Schostakowitsch. Herausgegeben von Solomon Wolkov. List Verlag. 2003).
27. Хотя те же партийные органы, как известно, не приняли «Нос» – оперу 20-летнего композитора
28. Цит. по кн.: *Сабинина М.* Было ли два Шостаковича? С. 237.
29. *Тяккель Л.* Свидетельство, послание, сигнал // Музыкальная академия, 2007. № 1. С. 79.
30. *Акопян А.* Указ. соч. С. 96.
31. *Тяккель Л.* Указ. соч. С. 79.
32. *Уилсон Э.* Указ. соч. С. 346.
33. *Житомирский Д.* Шостакович официальный и подлинный // Даугава. 1990. № 3. С. 88.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378-057.175:54

Е. В. Береснева

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ХИМИИ

В статье раскрываются понятия технологико-методической подготовки учителя химии и технологико-методической компетентности как показателя качества этой подготовки. Определяется место технологико-методической компетентности в системе профессиональной компетентности педагога, раскрываются структура, содержание и этапы непрерывного формирования технологико-методических компетенций учителя химии.

In the article concepts of technologo-methodical preparation of a chemistry teacher and technologo-methodical competence as indicator of quality of this preparation are disclosed. A place of a technologo-methodical competence in system of professional competence of a teacher is detected, a structure, a content and stages of continuous formation of technologo-methodical competence of a chemistry teacher are disclosed.

Ключевые слова: технологико-методическая подготовка, технологико-методическая компетентность, индивидуальный образовательный маршрут.

Keywords: technologo-methodical preparation, technologo-methodical competence, individual way of education.

Компетентностно-ориентированное образование обозначило новые требования к качеству подготовки выпускников вузов, определив их в виде уровня сформированности компетенций.

Анализ педагогических исследований в области компетентностно-ориентированного образования показал, что среди педагогов нет единой точки зрения на определения понятий «компетенция» и «компетентность».

Учитывая трактовку данных понятий разными авторами (В. И. Байденко, И. А. Зимняя, В. В. Краевский, А. К. Маркова, Н. Ф. Радионова, А. П. Тряпицына, А. В. Хуторской и др.), мы в своей работе будем придерживаться следующих определений.

Под *компетенцией* будем понимать заранее заданную совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности, необходимую для эффективной педагогической деятельности. А под *ком-*

петентностью – владение педагогом соответствующей компетенцией, включающее его личностные качества и отношение к педагогической деятельности.

Для нашего исследования наиболее важным является понятие профессиональной компетентности, так как содействие её становлению – главная цель подготовки любого специалиста.

В структуре профессиональной компетентности учителя разные авторы выделяют различные составляющие: профессионально-педагогическую компетентность (Н. В. Кузьмина, Н. В. Лобанова), профессионально-методическую (Е. Я. Аршанский, М. А. Шаталов), педагогическую (Л. М. Митина), методическую (В. А. Адольф, Н. В. Кузьмина, О. В. Тумашева, В. С. Шаган), интеллектуально-педагогическую (Н. В. Введенский), ключевые, базовые и специальные компетентности (В. А. Козырев, Н. Ф. Радионова, А. П. Тряпицына) и др.

Для нас наибольший интерес представляют специальные профессионально-педагогические компетентности учителя химии, среди которых мы выделяем технологико-методическую компетентность. Необходимость выделения специальной технологико-методической компетентности диктуется поворотом учебно-воспитательного процесса в системе общего химического образования к технологизации обучения. Это, в свою очередь, требует изменений в системе профессионально-методической подготовки педагога-химика, а именно – включение в неё специальной технологической подготовки.

Под *технологической подготовкой педагога* мы понимаем процесс и результат формирования у него технологических знаний и умений, специальных профессиональных качеств, освоения им необходимого опыта новой деятельности, определяющей готовность учителя к технологизации обучения химии.

Взяв за основу определение, данное Н. Е. Кузнецовой [1], мы под *технологизацией процесса обучения* понимаем процедуру трансформации и широкого внедрения различных педагогических технологий и их элементов в реальный процесс обучения с целью повышения его рациональности, управляемости, результативности и эффективности в соответствии с образовательными потребностями общества.

Технологическая подготовка наряду с методической входит в дидактическую систему под-

готовки учителя химии. Эти два вида подготовки тесно связаны между собой, взаимно проникают друг в друга, образуя единую технологико-методическую подготовку, и должны осуществляться в единстве.

Важнейшим интегративным показателем качества подготовки учителя химии к технологизации обучения мы считаем *технологико-методическую компетентность педагога*.

Под *технологико-методической компетентностью* мы понимаем интегральную профессионально-личностную характеристику специалиста, предполагающую владение технологическими и методическими знаниями, умениями и способами деятельности, признание их ценности для эффективной профессиональной деятельности, наличие опыта применения в обучении различных педагогических технологий, готовность и способность к самообразованию и совершенствованию в области технологизации обучения химии.

Эффективность формирования технологико-методической компетентности зависит от разных факторов, но в том числе и от того, насколько полно находят отражение в подготовке студентов составляющие её компетенции. Анализ технологической подготовки студентов и учителей позволил нам сделать вывод о низком уровне технологико-методической компетентности большинства из них, и о том, что в настоящее время отсутствуют общие подходы к формированию такой компетентности и единые требования к структуре и содержанию технологико-методических компетенций.

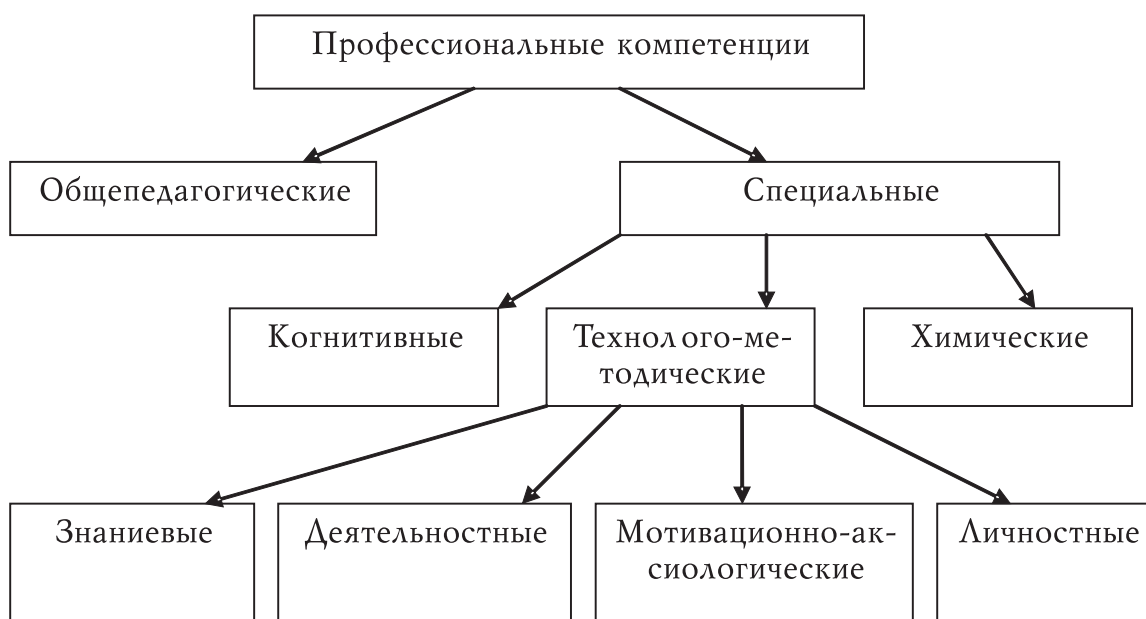
На основе анализа профессиональной деятельности учителя и придерживаясь в целом мнений Ю. Ю. Гавронской [2], М. М. Шалашовой [3], М. А. Шаталова [4], мы выделяем в группе специальных профессиональных компетенций учителя химии технологико-методические, являющиеся структурно-функциональными единицами технологико-методической компетентности (см. рисунок).

Под *технологико-методическими компетенциями* мы понимаем заранее заданную совокупность технологических и методических знаний, умений, навыков и опыта педагогической деятельности с использованием технологического подхода к обучению.

Анализ исследований разных авторов (Ю. Ю. Гавронская, С. А. Дочкин, А. А. Машиньян, В. М. Монахов, М. С. Пак, Ф. Т. Шагеева и др.) позволил нам представить технологико-методические компетенции учителя химии как единство четырёх компонентов: знаниевого, деятельностного, мотивационно-аксиологического и личностного.

Знаниевый компонент включает овладение учителем системой технологических и методических знаний и понимание важности и ценности этих знаний как для себя лично, так и для своей профессиональной деятельности, для профессионального роста.

Деятельностный компонент предполагает не только умение осуществлять отдельные технологические и методические действия и основные виды технологико-методической деятельности, но и опыт самоорганизации и творческой деятельности.

Структура профессиональных компетенций учителя химии

Мотивационно-аксиологический компонент объединяет систему мотивов, которые выражают осознанное побуждение к технологико-методической деятельности, ценности, смыслы, потребности, связанные с технологико-методической деятельностью учителя.

Личностный компонент вбирает такие профессионально-личностные качества, как субъектность (саморазвитие, самоконтроль и самооценка процесса саморазвития), самостоятельность, активность, ответственность, креативность и педагогические способности учителя (академические, дидактические, конструктивные, коммуникативные, креативные, организаторские, рефлексивные, способность педагога к преобразованиям, усовершенствованиям в образовательном учреждении).

Выделенные компоненты находятся в тесной взаимосвязи между собой, влияют друг на друга и образуют определённую целостность и единство. Так, от мотивационно-аксиологического компонента зависит активность в овладении технологическими и методическими знаниями, умениями, навыками, что сказывается на глубине и диапазоне знаниевого и деятельностного компо-

нентов технологико-методической компетентности. Знаниевый и деятельностный компоненты, в свою очередь, влияют на развитие профессионально значимых личностных качеств (личностный компонент). Результат рефлексии педагогической деятельности влияет на мотивы, ценности, постановку очередных профессионально-педагогических целей (мотивационно-аксиологический компонент).

Нами определено содержание каждого из компонентов технологико-методических компетенций учителя химии (см. таблицу).

Технологико-методическая компетентность является уровневым образованием. Нами выделены следующие критерии уровней сформированности данной компетентности: ценностное отношение к технологико-методической деятельности; ведущие мотивы; степень сформированности технологико-методических знаний; степень сформированности технологико-методических умений и способов деятельности; рефлексивные умения.

Анализ выделенных критериев позволил описать три уровня сформированности технологико-методической компетентности учителя химии:

Примерное содержание технологико-методических компетенций учителей химии

Знаниевый компонент	Деятельностный компонент	Мотивационно-аксиологический компонент	Личностный компонент
<ul style="list-style-type: none"> – знание и понимание технологизации как важной тенденции и принципа химического образования; – знание и понимание теоретических основ педагогической технологии; – знание сущностных характеристик педагогических и информационных технологий; – понимание сущности технологического подхода к организации педагогической деятельности; – понимание возможностей использования тех или иных технологий в обучении химии; – знание закономерностей и правил проектирования и реализации в реальном процессе обучения конкретных технологий; – знание форм, видов и методов контроля и диагностики результатов обучения 	<ul style="list-style-type: none"> – умение технологично сформулировать цели изучения химии (отдельных разделов, тем, уроков); – умение проектировать технологический процесс (этапы, способы организации обучения химии, методы и формы работы учителя и учащихся); – умение разработать технологические карты отдельных занятий или системы занятий; – умение осуществить выбор технологий обучения химии; – умение управлять процессом усвоения материала; – умение осуществлять мониторинг и диагностику учебного процесса; – умение работать на компьютере; – владение навыками составления электронных учебных материалов; – умение химически, технически и методически грамотно проводить демонстрационный эксперимент, организовывать безопасную работу учащихся при проведении ими ученического эксперимента 	<ul style="list-style-type: none"> – осознанное и уважительное отношение к педагогическому наследию прошлого; – мотивация к педагогической деятельности; – положительное эмоционально-ценностное отношение к процессу и результату педагогической деятельности; – доброжелательность по отношению к обучающимся, заинтересованность в их успехах; – субъект-субъектные отношения между участниками педагогического процесса, носящие характер сотрудничества и партнёрства; – правильные отношения с коллегами по работе 	<ul style="list-style-type: none"> – гуманистическая направленность; – организаторские способности; – коммуникативные способности; – ответственность; – вера в свои силы и потенциальные возможности детей; – педагогическая нацеленность на конечный результат; – деятельная любовь к детям, поиск эффективных путей сотрудничества с ними; – мобильность; – креативность; – готовность помочь коллегам по работе; – технологическая осознанность педагогических действий; – отношение педагога к самому себе, своему личному и профессиональному развитию

1-й уровень (репродуктивный) – склонность к устойчивому ценностному отношению к технологическим знаниям и умениям, стремление применить их в повседневной деятельности, владение технологическими знаниями и умениями на уровне воспроизведения собственного опыта или опыта коллег, творческая активность низкая, осознание необходимости повышения квалификации.

2-й уровень (продуктивный) – способность грамотного и обоснованного выбора путей, способов деятельности и технологии обучения, доминирование познавательных мотивов и мотивов профессионально-творческих достижений, личная ответственность за принятие решений, владение системой технологических знаний и умений и успешное и систематическое применение их в педагогической деятельности, поиск и внедрение новых технологий обучения, готовность передать свой опыт другим, а также перенять чужой опыт, постоянная рефлексивная деятельность.

3-й уровень (творческий) – ярко выраженные внутренние мотивы осуществления технологической деятельности и её высокая результативность, мобильность технологических знаний и способов деятельности, которые составляют целостную систему с предметными, психолого-педагогическими и другими видами знаний, способность строить стратегию применения технологических компетенций в долгосрочном периоде, методическая импровизация, методическая интуиция, воображение, развитая методическая рефлексия и творческая самостоятельность, постоянное стремление к самосовершенствованию.

Особенностями технологической подготовки учителя химии являются её мобильность, интегративность, нацеленность на конечный результат, направленность на творческое развитие и саморазвитие учителя. Мы достигаем этого

– *через внедрение* в цели, в содержание, в процесс обучения и в планируемые результаты профессиональной подготовки учителя системы технологических знаний и умений;

– *реализацию* внутри- и междисциплинарных связей в процессе технологической подготовки учителя химии;

– *создание* личностно-комфортных условий в процессе обучения;

– *разработку* эффективной системы организации самостоятельной работы студентов по активному и творческому освоению методических дисциплин;

– *ориентацию* на овладение опытом использования технологического подхода в обучении химии, на развитие и творческую самореализацию педагога в условиях технологизации учебно-воспитательного процесса;

– *систематическое вовлечение* студентов и учителей в процесс проведения, участия в проведении, обсуждении и анализе уроков с использованием тех или иных технологий обучения химии;

– *постоянное осуществление* педагогической рефлексии на всех этапах технологической подготовки учителя химии.

Технологическая компетентность педагога наиболее успешно формируется в системе непрерывного образования.

Концепция *непрерывного образования* предусматривает:

– более рациональное распределение периодов обучения и трудовой деятельности человека на протяжении всей его жизни;

– подразделение обучения на фазы первоначального, или базового, и последующего, или послебазового, образования;

– приобретение необходимых человеку умений, навыков, знаний, качеств, ценностных ориентаций по мере возникновения потребностей в них [5].

Формирование знаний и умений, связанных с использованием технологического подхода к обучению, должно происходить в течение всего процесса профессионально-методической подготовки учителя. Для обеспечения этого необходимо, чтобы такая подготовка реализовывалась в виде целостной методической системы. Созданная нами методическая система непрерывной подготовки учителя к технологизации обучения химии в качестве преемственно взаимосвязанных подсистем включает вузовскую подготовку и подготовку в системе дополнительного профессионально-педагогического образования, а также инновационную деятельность учителя.

Мы выделяем следующие *процессуальные этапы* непрерывной технологической подготовки учителя химии, а следовательно, и формирования технологической компетентности педагога:

1. Этапы базовой технологической подготовки учителя химии в системе высшего профессионально-педагогического образования:

– констатирующий (цель – выявление отношения первокурсников к будущей профессиональной деятельности и уровня сформированности у них интеллектуальных и экспериментальных умений);

– мотивационно-ориентировочный (цель – восполнение пробелов в формировании у студентов интеллектуальных и экспериментальных умений и ориентация их с первых занятий на предстоящую профессиональную деятельность);

– технологический (цель – осуществление профессиональной технологической и методической подготовки студентов);

– практико-прикладной (цель – применение приобретённых технологических и методических знаний, умений и опыта во время обучающей и стажёрской педагогических практик в школах разного типа).

2. Этапы послебазовой технолого-методической подготовки учителя химии в системе дополнительного профессионально-педагогического образования:

– диагностический (цель – диагностика достигнутого в вузе и в ходе работы в школе уровня технолого-методической компетентности и формирование индивидуального образовательного маршрута);

– деятельностный (цель – реализация индивидуального образовательного маршрута);

– констатирующий (цель – рефлексивный анализ реализации индивидуального образовательного маршрута, его коррекция при необходимости и определение путей дальнейшего профессионального роста педагога).

3. Самосовершенствование учителя в ходе инновационной педагогической деятельности.

Каждый этап системы непрерывного профессионально-методического образования учителя химии, как показано выше, направлен на реализацию разных и при этом достаточно конкретных самостоятельных целей. Совокупность этих целей, взаимосвязанных с другими компонентами учебного процесса, позволяет придать целостный характер процессу подготовки учителя химии к технологизации обучения.

Технолого-методическую подготовку мы осуществляем:

– через обязательные дисциплины «Теория и методика обучения химии», «Современные информационные технологии», «Современные средства оценивания результатов обучения»;

– инновационные и традиционные спецкурсы «Технологии обучения химии», «Техника химического эксперимента», «Внеклассная работа по химии», «Охрана труда»;

– инновационные факультативные курсы «Химический эксперимент в школе», «Методика углублённого изучения химии», «Конструирование и моделирование приборов»;

– отдельные содержательные блоки, логически распределённые в структуре традиционных химических дисциплин;

– курсы повышения квалификации учителей;

– методические семинары учителей.

Такая подготовка предполагает использование преподавателями как химических, так и методических дисциплин таких форм, методов и приёмов обучения, которые способствуют формированию у обучающихся фундаментальных знаний по основным разделам химии и одновременно несут технолого-методическую направленность.

Базовую технолого-методическую подготовку учителя химии в системе высшего профессионально-педагогического образования мы раскрыли ранее [6]. Однако достичь вершины профессионального становления за период обучения в вузе студент не может. Профессионализм специалиста является результатом систематического повышения квалификации, творческой активности, совершенствования знаний, умений, профессионально важных качеств.

Основную задачу сегодня мы видим в том, чтобы не только обеспечить соответствующую подготовку студентов педагогических вузов, но и, опираясь на жизненный опыт тех специалистов, которые работают сейчас, на их компетентность в результате предшествующей подготовки, помочь им в выработке новой технологической позиции, новых профессиональных качеств и навыков. И здесь главное, на наш взгляд, создание необходимых условий для саморазвития педагога. Достижение этой цели напрямую связано с индивидуализацией образовательного процесса, которую можно осуществить при формировании индивидуальных образовательных маршрутов учителей.

Под *индивидуальным образовательным маршрутом* (по В. С. Пьянину) мы понимаем структурированную программу действий обучающегося на некотором фиксированном этапе обучения [7].

Цель введения индивидуального образовательного маршрута – это создание условий для реализации педагогом возможностей непрерывного самообразования с учётом уровня своей компетентности, своих мотивов и потребностей в профессиональном развитии, которые соотносятся со стандартами дополнительного профессионального образования (инвариантная часть), со стратегическим планом развития образовательного учреждения, в котором работает педагог, и успеваемостью учащихся (вариативная часть).

При проектировании индивидуального образовательного маршрута педагог формулирует цель и задачи личностного и профессионального роста, определяет этапы и содержание индивидуального образовательного маршрута, выявляет организационно-педагогические условия его прохождения, выбирает наиболее приемлемые сроки и формы его реализации.

Педагогическое проектирование – технологический процесс, поэтому мы условно и обобщённо определяем в нём ряд последовательных шагов.

Шаг 1. Подготовительная работа педагогического коллектива системы дополнительного профессионально-педагогического образования по мотивации учителей к обучению по индивидуальным образовательным маршрутам. Мы в неё включаем:

– разъяснительную работу о необходимости и важности индивидуализированного обучения педагога;

– знакомство педагогов с современными концепциями, моделями индивидуализированного обучения (изучение литературы, лекционно-семинарские занятия, обсуждение различных вариантов обучения по индивидуальным образовательным программам и планам);

– коллективные и групповые продуктивные игры по разработке моделей индивидуальных образовательных маршрутов, составлению вариантов структуры индивидуальных образовательных программ и планов, по разработке научно-методического и организационного обеспечения образовательного развития педагога.

Шаг 2. Диагностика возможностей, интересов, потребностей, личных и профессиональных планов педагога, заказа школы и родителей на образование учащихся.

Для учителя при составлении индивидуального образовательного маршрута самое важное – верно оценить свои возможности, способности, перспективы, интересы, усилия, которые он предполагает приложить для теоретического изучения того или иного материала по использованию технологического подхода к обучению и для практического освоения тех или иных технологий обучения химии. Правильно проведённая самодиагностика позволит педагогу в дальнейшем добиться запланированного результата и удовлетворения запросов школьников, родителей и школы.

Шаг 3. Организация работы по составлению индивидуального образовательного маршрута педагога.

Проект образовательного маршрута учителя становится реальным, если он создаётся им самим, поэтому мы стараемся, чтобы сам педагог был активным участником проектировочной деятельности на всех её этапах. Определяя цель своего образовательного маршрута, учитель должен представлять те изменения, которые должны произойти в результате её достижения, опираться на уже достигнутый уровень компетентности, ориентироваться на близкие, а также средние и дальние перспективы своего профессионального роста. Разрабатываемый проект должен быть таким, чтобы отдельные его компоненты в случае необходимости легко заменялись, корректировались.

Шаг 4. Организация работы по выполнению индивидуального образовательного маршрута.

В помощь педагогам мы организуем следующие формы работы, позволяющие им реализовывать свою образовательную программу:

– постоянно действующие семинары по технологизации обучения химии, организуемые в режиме посещения 1–2 раза в месяц;

– работа временных проблемных семинаров, организуемых для удовлетворения образовательных потребностей и затруднений учителей;

– индивидуальные и групповые тематические консультации по просьбе учителей;

– оказание методической помощи на местах с выездом в образовательное учреждение.

Шаг 5. Отслеживание результатов выполнения индивидуальных образовательных маршрутов педагогами.

Сам учитель выбирает способы, виды, формы контроля своих результатов, т. е. программирует свою образовательную деятельность. В качестве результатов движения педагога по образовательному маршруту проверяются полученные знания и умения оперировать ими в стандартной или творческой ситуации, сформированность различных технологических и методических умений, созданный учителем продукт (учебные игры, тесты, логические схемы, дифференцированные задания для учащихся, модули, технологические карты и т. п.), результаты работы учащихся. Кроме этого необходима постоянная обратная связь, позволяющая не только корректировать движение педагога по маршруту (а иногда и сам маршрут), но и оценивать его продвижение.

Представление результатов реализации индивидуального образовательного маршрута осуществляется педагогом 1–2 раза в год. При этом производится рефлексия и своевременная коррекция действий учителя.

Шаг 6. Подведение итогов и анализ выполнения проектов индивидуального развития учителя.

Этот шаг может проводиться по-разному в зависимости от запланированной ранее педагогом формы отчёта, его желания, достигнутых результатов, необходимости (по мнению руководителей) презентации данного педагогического опыта и других факторов. Сюда мы включаем:

– повторную диагностику и анализ изменений возможностей или планов как самого педагога, так и учащихся, родителей и школы;

– индивидуальное собеседование руководителя проекта с педагогом о достижениях, проблемах, затруднениях, перспективных планах;

– письменный отчёт о выполнении проекта индивидуальной образовательной деятельности;

– при желании самого учителя публичный отчёт о выполнении проекта индивидуальной образовательной деятельности;

– выступление на ежегодно проводимой конференции учителей естественнонаучного цикла г. Кирова и Кировской области, организуемой Вятским государственным гуманитарным университетом совместно с Кировским институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования;

– выступление на методическом семинаре или заседании районного методического объединения учителей;

– написание статьи об опыте своей работы;

– коллективное обсуждение и анализ всеми участниками проектирования содержания и организации этого процесса в школе, определение путей и способов его совершенствования.

Реализация индивидуальных образовательных маршрутов позволяет педагогам на практике в реальных школьных условиях осваивать технологические и методические знания и умения, что способствует формированию (на том или ином уровне) их технолого-методической компетентности, так как компетенция только тогда становится компетентностью как характеристикой личности, когда она проходит через деятельность.

Проводимая таким образом работа со студентами и учителями в рамках созданной нами методической системы позволяет создавать краткосрочные и долгосрочные (охватывающие вузовский и послевузовский периоды) программы технолого-методического саморазвития педагога. Это существенно улучшает профессионально-методическую подготовку учителя, формирует его способность к инновационной педагогической деятельности и готовность к непрерывному образованию в течение всей жизни.

Примечания

1. Кузнецова Н. Е. Педагогические технологии в предметном обучении: лекции. СПб.: Образование, 1995.

2. Гавронская Ю. Ю. Интерактивное обучение химическим дисциплинам как средство формирования профессиональной компетентности студентов педагогических вузов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2009.

3. Шалашова М. М. Непрерывность и преемственность измерения химических компетенций учащихся средних общеобразовательных школ и студентов педагогических вузов: автореф. ... д-ра пед. наук. М., 2009.

4. Шаталов М. А. Система методической подготовки учителя химии на основе проблемно-интегративного подхода: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.

5. Змеёв С. И. Технология обучения взрослых: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.

6. Береснева Е. В. Подготовка учителя к технологизации обучения химии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1(1). С. 96–100.

7. Пьянин В. С. Функция тьютора в контексте психолого-педагогического сопровождения студентов // Среднее профессиональное образование. 2009. № 3. С. 4–6.

УДК 371.2 (470.51)

М. А. Захарищева

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье проанализированы модели содержания педагогического образования в уездном городе Удмуртской Республики в дореволюционный период и в 20-е гг. XX столетия.

The models of the pedagogical education content in a town of Udmurt Republic in the period before Revolution and in the 20th years of the XX century are analyzed in the article.

Ключевые слова: историко-педагогическое исследование, моделирование, содержание педагогического образования, педагогическая регионалистика.

Keywords: historical-pedagogical research, moderating, pedagogical education content, pedagogical region-studying.

На фоне происходящих перемен в системе педагогического образования актуальным становится обращение к историческому опыту. В связи с этим мы предприняли попытку обнаружить программы профессионального педагогического образования, которые были реализованы в городе Глазове в различные годы в процессе подготовки учителей.

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики нами были специально проанализированы фонды Глазовской учительской гимназии и семинарии, Глазовских педагогических курсов, где сосредоточены материалы разных лет. Среди множества материалов – отчётов, протоколов, журналов, конспектов, даже докладных записок – нас более всего интересовали те, в которых так или иначе отражен процесс специального педагогического образования. Оказалось, что наилучшим образом в архивных материалах представлено содержание образования по педагогике. В разные годы педагогическое знание было оформлено по-разному; получилось так, что будущие учителя изучали несколько разную педагогику.

Для более объективного анализа состояния и динамики любого историко-педагогического явления в региональном аспекте требуется понимание общего исторического и педагогического контекста тех же явлений в общероссийском масштабе. Педагогическая регионалистика требует от исследователя умения выявить не только особенное, специфическое для конкретно-исто-

рических условий, но и обозначения общего, сущностного для рассматриваемого явления.

Началом достаточно широкого распространения педагогического образования в России можно считать вторую половину XIX в. Общественно-педагогическое движение на рубеже XIX–XX вв. породило многочисленные педагогические теории, оказавшие как прямое, так и косвенное влияние на возникновение концепций педагогического образования. Передовая педагогическая мысль России характеризовалась нацеленностью на потребности народного просвещения, гуманистической ориентацией дидактических моделей на саморазвитие личности учащихся. Педагогические теории П. Ф. Каптерева, В. П. Вахтерова, биолого-медицинские концепции В. М. Бехтерева, П. Ф. Лесгафта, психолого-педагогические концепции А. П. Нечаева, сциентистские концепции М. М. Ковалевского, А. Л. Шанявского, Н. В. Сперанского создали богатейший социокультурный фон и сформировали теоретические предпосылки для развития системы педагогического образования.

Проблема подготовки учителя становится в начале XX в. одной из важнейших в жизни страны. В прессе, в общественных организациях разворачивается бурная дискуссия о подготовке учителя, о формах педагогического образования.

Учёные, теоретики, методисты, специалисты в области педагогического образования предлагали несколько моделей педагогического образования. Задача нашего исследования – выявить, описать и представить те модели, которые были реализованы в специальных педагогических образовательных учреждениях Удмуртии.

Одно из измерений в нашем исследовании задает целевую ориентацию содержания педагогического образования. Организация профессиональной подготовки педагогов в процессе обучения может быть направлена на будущую практическую деятельность. И тогда практика становится единственным критерием истины. Но можно направить содержание педагогического образования на освоение педагогической теории. В таком случае профессиональные знания становятся целью образования, и именно они подлежат оценке. Вторым измерением зададим всего лишь две крайние позиции – единообразие либо вариативность содержания педагогического образования. А третье измерение позволит нам показать динамику процесса дифференциации – интеграции как педагогического знания в целом, так и учебного предмета «педагогика».

При этом мы сознаем, что педагогическое образование находилось под влиянием экономических, социально-культурных, политических, научно-педагогических факторов. Нами представлены в данной статье лишь две модели препода-

вания и изучения предмета «педагогика» будущими учителями. Мы ограничили хронологические рамки статьи двумя периодами – до революции 1917 г. и сразу после неё, что позволило достаточно рельефно показать различие концепций педагогического образования.

Самыми ранними обнаруженными в архиве документами, относящимися к подготовке учителей, являются программы по педагогике для женских гимназий. Они были реализованы в период с 1907 по 1916 г. Нельзя сказать, что содержание педагогического образования в этих программах было чётко структурировано, предполагалось лишь формальное его разделение по четвертям. Однако современный анализ позволяет выделить законченные структурные составляющие содержания образования: физическое воспитание, душевное воспитание, история педагогики, дидактика.

Насколько мудры были предшественники! После вводной темы «Понятие о науке», первая рубрика программы – физическое воспитание. Всё остальное время первого года приобщения к педагогической науке посвящалось изучению «душевных явлений» ребенка. Душевными явлениями считали не что иное, как психические процессы – ощущения, внимание, память, воображение, мышление, речь, а также чувствования, волю, сознание.

В течение второго года изучали историю педагогики, зарубежную и русскую. Отметим, что отбор содержания историко-педагогического знания пока происходит исключительно в рамках научной парадигмы. Будущие педагоги знакомились и с лучшими образцами гуманной педагогики, например «школой радости» Витторино де Фельтре, и с иезуитской педагогикой, основанной на противоположных принципах.

Небольшой по содержанию раздел «Дидактика» был завершающим. Он предполагал знакомство с общими дидактическими правилами, формами обучения. Интересно, что специально изучались темы «Школьная дисциплина», «Наказания и награды». Вероятно, эти проблемы были актуальными для педагогов тех лет. И последняя тема педагогики – «Личность учителя» [1].

Преподаватели педагогики, видимо, достаточно строго следовали программно-методическим рекомендациям. Однако заметно, что программы более поздних лет, которые уже составлены преподавателями самостоятельно, становятся богаче по содержанию, сопровождаются научно-методологическими комментариями. Так, автор программы и преподаватель педагогики Глазовской женской гимназии А. Фалеров (1910–1911 учебный год) в раздел истории зарубежной педагогики добавляет изучение философии Канта и Гегеля, гуманизма Лютера; а его программа

изучения истории русской педагогики содержит такие имена: барон Корф, Рачинский, Модзалевский, Сикорский [2]. На наш взгляд, это убедительное свидетельство осведомленности глазовского преподавателя об актуальном состоянии педагогической науки и даже о методологии педагогики того времени.

В целом же следует признать, что первые известные в Удмуртии программы по педагогике созданы под заметным влиянием идеи К. Д. Ушинского о педагогической антропологии. В задуманном великим русским педагогом учебнике «Человек как предмет воспитания» систематический курс педагогики изложен именно в такой логике – от знакомства с анатомо-физиологическими особенностями ребенка к пониманию психических процессов и явлений, и лишь на этой основе осуществляется решение педагогических проблем воспитания и обучения. Такова, в основном, концепция программ по педагогике первого рассматриваемого периода. Её целевую ориентацию можно считать скорее общеобразовательной, чем специальной, поскольку программа адресована учащимся гимназий; судить о вариативности или единообразии программного содержания пока нет оснований; но мы можем точно определить, что педагогическое знание здесь интегративно, изучается только один предмет – педагогика. Назовем эту модель антропологической.

Существенные перемены в политической, экономической, социальной сферах, произошедшие в первое послеоктябрьское десятилетие, не могли не оказать влияния на содержание педагогического образования. Народный комиссариат просвещения изменил и систему образования в стране. Основным типом образовательного учреждения стала единая трудовая школа. Учителей для такой школы нельзя было готовить по-старому, программы педагогического образования изменились. Подготовку учителей для новой школы, непродолжительную по времени в силу объективно сложившихся конкретно-исторических обстоятельств, осуществляли в Удмуртии учительские семинарии, которые ещё некоторое время продолжали работать по прежним программам, но постепенно вынуждены были перестраиваться; и педагогические курсы, в большей степени соответствующие новым задачам.

Известно, что программы для единой трудовой школы разрабатывались членами Государственного Учёного Совета (ГУСа). Содержание образования в них «укладывалось» в знаменитые три колонки: природа – труд – общество. Стержнем программ являлся труд, знания школьников о природе и обществе тоже непременно должны быть связаны с трудовой деятельностью человека. Самым эффективным методом освоения знаний считали трудовой метод, его ещё на-

зывали исследовательским, большую значимость придавали также самостоятельной познавательной деятельности учащихся – таков коротко основной замысел авторов «марксистских» по содержанию программ.

Принципиальные положения ГУСовских школьных программ оказались реализованными и в программах по педагогике. В первую очередь это касалось цели профессионального педагогического образования. Очевидно, что новые программы были сориентированы на школьную практику. Но этого мало. «Занятия первой половины осеннего триместра носят преимущественно практический характер и происходят в поле, в саду, на огороде, в мастерских, на экскурсиях, в школах, на летних площадках» – так указано в Положении о педагогических курсах первых лет советской власти. Будущие учителя – курсанты – занимались настоящим общественно полезным трудом для «усвоения тех приемов и навыков труда, которые необходимы каждому учителю трудовой школы для проведения обучения на трудовой основе» [3]. Производительный труд был существенным компонентом подготовки учителя. Это была принципиальная позиция – без опыта трудовой деятельности невозможно вести педагогическую работу в трудовой школе.

Учительские семинарии, ориентируясь на будущую практическую деятельность своих выпускников, очень много времени отводили на «самостоятельные работы в школе». В журнале заседаний педагогического Совета семинарии есть такая запись: «На практические занятия отводится 6 часов в неделю, разбор же пробных уроков производится два раза в неделю в послеобеденное время в присутствии председателя педагогического совета, наставника того же предмета, по которому дан урок, учителя начального училища, в классе которого давался урок, и всего состава выпускного класса» [4]. Организованная подобным образом педагогическая практика была «обречена на успех», не могла не сформировать практических умений и навыков. Анализ урока студента, сделанный преподавателями в присутствии коллег и всех выпускников, можно признать великолепной школой педагогического мастерства и общения. В архиве хранятся толстые тома протоколов с анализом разных студенческих уроков, удачных и не очень, с самыми разнообразными выводами и рекомендациями, адресованными каждому будущему педагогу.

Объединителем всех видов практической деятельности будущих учителей, по общему мнению педагогического коллектива, должен быть преподаватель педагогики. «Если директор семинарии присутствует на уроках лишь “экс-оффицио” и часто совсем не с педагогическими целями, то преподаватель педагогики, не наделенный ника-

кими официальными полномочиями и начальственными функциями, является действительным идейно-педагогическим руководителем и объединителем работ учащихся в семинарии в области педагогической практики с точки зрения общих педагогических принципов и требований» [5], ему же следовало председательствовать на проводимых конференциях по разбору пробных уроков.

Определив целевую ориентацию педагогического образования в рассматриваемый период, обратимся к анализу его содержания. Преподаватели ориентировались на проект программы по педагогике, предложенный П. П. Блонским, одним из самых известных членов Государственного Ученого Совета. Общие положения и обозначенные цели задают три больших самостоятельных раздела.

«Программа по педагогике распадается на три части», – предлагал П. П. Блонский. А далее следуют разъяснения. Основой нормального воспитания является психология ребенка, и потому психология должна быть основой педагогического образования будущего народного учителя. Первая основная задача преподавания педагогики в учительских семинариях – дать будущим учителям привычку и умение «психологического подхода» к ученику, т. е. дать им те навыки и знания, которые необходимы для понимания душевной жизни ученика. Такая психологическая подготовка явится самым надежным фундаментом для успешной будущей педагогической практики, самой необходимой подготовкой учителя той совершенной школы, которая исходит не из произвольных знаний, но из природы самого ребенка. Очевидно, что, не нарушая схему ГУСовских программ, эти знания П. П. Блонский относит к разделу «природа».

Вторым краеугольным камнем подготовки будущего народного учителя является ознакомление его с «миросозерцаниями» мировых педагогов. Таким образом он станет как бы наследником великих педагогических идей. Усвоение им этих идей должно быть не пассивным, но критическим. Для этой цели изучение педагогических идей должно происходить при помощи исторического метода. История педагогических идей даст будущему народному учителю необходимое для него умение идейно подходить к педагогической действительности и осмысливать последнюю в духе великих мировых педагогов. Так, по мнению П. П. Блонского, наполняется содержанием раздел «общество».

И наконец, выучившись психологически подходить к ребенку и идейно-критически относиться к своей педагогической работе, воспитанник учительской семинарии может считаться достаточно подготовленным для «изучения школьной проблемы в её конкретной постановке». Школовед-

ение является заключительным отделом в программе педагогики для учительских семинарий, цель которого знакомство с организацией воспитания и обучения в народной школе, что и является собственно предметом педагогического «труда». Такую педагогику предлагалось изучать будущим учителям единой трудовой школы. Педагогика была структурирована на тех же самых основаниях, предложенных Государственным Ученым Советом, что и программы единой трудовой школы, в которой предстояло работать будущим учителям.

Модель педагогики для трудовой школы тоже предполагала интеграцию педагогического знания, но уже на принципиально иной основе. Как и все ГУСовские программы, программа по педагогике носила рекомендательный характер, давала преподавателю возможность «разностороннего конкретизирования её в зависимости от внешних условий, особенностей класса и своих методических убеждений» [6]. Так, раздел «психология» П. П. Блонский завершает напоминанием, что здесь намечен лишь минимум того, что должен усвоить по психологии будущий народный учитель, и преподаватель имеет право расширить эту программу, если, по его мнению, это не повредит делу.

Точно так же и по поводу количества изучаемых авторов по истории педагогики, в программе есть предупреждение, что чрезмерно большое их количество может принести огромный вред основательному и проникновенному изучению их наследия. Преподавателю предоставляется право выбирать из рекомендуемых по своему усмотрению, причем и здесь следует обращать внимание не на количество педагогов, а на основательность изучения их идей. Невозможно не отметить особо, что знакомство с «миросозерцаниями» известных педагогов, по замыслу П. П. Блонского, должно не превращаться в мертвое знание, а становиться воспитанием в будущем учителе идейного подхода к явлениям школьной практики. Для этого он рекомендует основываться, по возможности, на непосредственном чтении их сочинений, учебник же должен быть избегаем и допустим лишь в случаях крайней необходимости.

Обратим внимание на список книг для чтения по курсу педагогики для учительских семинарий, составленный П. П. Блонским, и отметим, что пока он не отличается особой идеологической «чистотой». Есть в нём весьма полезная книжка «Очерки педагогической психологии в связи с общей педагогикой» М. М. Рубинштейна, которого в 1930-е гг. назовут создателем «педагогики туманной реакции», и именно этот его учебник будет запрещен; рекомендованы произведения Марии Монтессори (педагогика свободы),

Пауля Наторпа (социальная педагогика), Вильгельма Августа Лая (педагогика действия), Георга Кершенштейнера (гражданское воспитание) [7], чуть позже их педагогические идеи тоже будут подвергнуты сокрушительной критике, а их произведения изъяты из программ педагогического образования. Но в 1920 г. в городе Глазове преподаватель педагогики Б. И. Левинский, оформляя заявку на пособия по педагогике, включает в нее работы Бинэ, Челпанова, Лазурского, Шаррельмана. Вряд ли преподаватель уездной учительской семинарии проявил бы такую отчаянную смелость в выборе персоналий, значит, их произведения считались в рассматриваемый период едва ли не классикой.

Таким образом, у нас достаточно оснований для утверждения о том, что модель педагогики для трудовой школы была практико-ориентированной, структурированной по схеме «природа – труд – общество», она допускала некоторую вариативность научно-методологического и даже идейно-политического характера.

В заключение отметим, что история педагогического образования нами рассмотрена в органичной связи с историей школы, при этом заметно сильное влияние школьных реформ на изменения в педагогическом образовании. Региональная система педагогического образования в Удмуртии следовала теми же основными путями, что и российская.

Доброй традицией, сложившейся в педагогическом образовании Удмуртии, можно считать его нацеленность на практическую деятельность выпускников, связь со школами и учителями.

Ещё одной отличительной особенностью нельзя не назвать своеобразную «укорененность» преподавателей педагогики, многие из них начинали свою деятельность ещё до революции, а заканчивали её уже в советских учреждениях педагогического образования. Верность профессии, благотворительность, взыскательное отношение к собственной деятельности коллег из тех давних лет вызывают и сегодня искреннее уважение.

В целом же проведенное исследование убедительно показало, что на цель и содержание профессионального педагогического образования влияют и социально-политические события, и происходящие в школьном образовании перемены. Иными словами, оно находится под двойным давлением «сверху» и «снизу» одновременно. Чутко реагируя на малейшие изменения с обеих сторон, профессиональное педагогическое образование в исторической ретроспективе оформилось в такие модели:

Начальный, дореволюционный период становления профессионального педагогического образования отличается четким соответствием его содержания общим научно-педагогическим представлениям того времени, будущие педагоги изучали один предмет, его содержание было интегрированным и включало знания из области физиологии, психологии, истории и теории педагогики; учебный предмет «педагогика» строился в рамках парадигмального подхода к его содержанию. Такая модель названа нами *антропологической*.

В первое послереволюционное десятилетие политические перемены не могли не повлечь за собой изменения цели педагогического образования и его содержания; педагогическое образование было построено по той же модели, что и программы Государственного Учёного Совета для школы, содержание педагогического образования укладывалось в знаменитые три колонки «природа – труд – общество», где трудовая деятельность, практика становятся критерием истины любой теории, в том числе и педагогической. Так оформилась модель *педагогики для единой трудовой школы*.

Предпринимая данное исследование, мы не искали правильной модели, мы хотели показать динамику профессионального педагогического образования в уездном городе Глазове, взаимосвязь и зависимость педагогического образования от комплекса внешних и внутренних факторов. На наш взгляд, это важно для понимания и происходящих в настоящее время изменений – реформирования, модернизации и иных процессов, которые далеко не всегда положительно влияют на педагогическое образование республики и страны в целом.

Приложения

1. ЦГА УР. Ф. 81. Глазовская женская гимназия. Оп. 1. Ед. хр. 13. 1907-08 гг. Учебные программы Глазовской женской гимназии. 49 л.
2. ЦГА УР. Ф. 81. Глазовская женская гимназия. Оп. 1. Ед. хр. 145. 1911 г. Учебные программы Глазовской женской гимназии. 79 л.
3. ЦГА УР. Ф. Р-258. Глазовские педагогические курсы. Оп. 1. Ед. хр. 12. Положение о трехлетних педагогических курсах для подготовки учителей школ I ступени. Л. 34.
4. ЦГА УР. Ф. 121. Глазовская учительская семинария. Оп. 1. Ед. хр. 26. Журналы заседаний педагогического Совета семинарии. 161 л.
5. ЦГА УР. Ф. 121. Глазовская учительская семинария. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 21.
6. ЦГА УР. Ф. 121. Глазовская учительская семинария. Оп. 1. Ед. хр. 22. Проект программы по педагогике, выработанный П. П. Блонским. Л. 86–88.
7. Там же. Л. 29–30.

Е. А. Кувалдина

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются научные и методические основы деятельности классного руководителя в современной школе. Определяются принципы, цели деятельности, наиболее рациональные методы и формы воспитательной работы.

In this article scientific and methodical basics of class teacher activity in modern school are considered. Principles, purposes of activity, rational methods and forms of educational work are determined.

Ключевые слова: научно-методическое обеспечение, классный руководитель, цели, принципы, функции деятельности, методы и формы воспитательной работы.

Keywords: scientific-methodical provision, class teacher, purposes, principles, function of activity, methods and forms of educational work.

Необходимость поиска новых подходов к научно-методическому обеспечению деятельности классного руководителя обусловлена изменением его статуса и современными требованиями. Актуальной в связи с введением новых образовательных стандартов становится разработка программ воспитания и социализации учащихся. В этом контексте продуктивны исследования В. С. Семенова, который выделяет основные тенденции развития учащихся: движение человека к самореализации как личности; приоритет духовного в развитии человека; приоритет социальности в структуре личности и социально справедливых отношений между людьми; всестороннее развитие человека во всем богатстве его способностей; развитие свободного человека [1].

В современных условиях основой образовательного процесса является принцип гуманизации. Передовую воспитательную практику школы всегда связывают с гуманистической педагогикой, в центре внимания которой целостная уникальная личность воспитанника, стремящаяся к максимальной реализации своих возможностей. На реализацию данного принципа направлены ФГОС второго поколения где указано, что образовательный процесс в системе общего образования должен быть направлен на формирование у учащихся базовых компетенций современного человека: информационной, коммуникативной, компетенции в самореализации, самообразования. Обеспечение реализации компетен-

тного подхода в современном образовательном учреждении направлено на развитие самоактуализирующейся и самореализующейся личности школьника, создание условий для самоопределения учащихся в жизни и будущей профессиональной деятельности. Также большое значение приобретает развитие толерантности учащихся, адаптивных и творческих способностей к жизни в динамично меняющемся, многонациональном и многоконфессиональном обществе, готовность учащихся к непрерывному образованию и самообразованию.

В современной школе профессиональная миссия педагога, на которого возлагается функция классного руководителя, – педагогическое сопровождение процесса индивидуального становления и развития личности школьника [2]. Цель деятельности учителя и классного руководителя – «разбудить, вызвать к жизни» внутренние силы воспитанников и использовать их для более полного и свободного развития личности. Эти целевые ориентации реализуются, если педагог, классный руководитель создает условия для творчества и саморазвития личности, предоставляет воспитаннику право на свободный выбор, право на ошибку, на собственную точку зрения. В условиях современной школы, организуя воспитательную деятельность, «педагог не запрещает, а направляет действия школьников, не принуждает, а убеждает, не командует, а помогает им организовать собственную деятельность, соуправляет ею» [3].

Научно-методическое обеспечение педагогической деятельности предполагает определение научных основ, выявление наиболее рациональных методов обучения и воспитания, повышение уровня общепедагогической и методической подготовки педагога, изучение актуального педагогического опыта.

Однако, как показывают результаты изучения нами деятельности классных руководителей образовательных учреждений (исследование проводилось в шести образовательных учреждениях г. Кирова), современная школьная практика не в полной мере обеспечивает реализацию целей ФГОС второго поколения. В исследовании участвовали педагоги, которые являются классными руководителями школьников с 5-го по 8-й класс – 36%, с 9-го по 11-й класс – 64%, имеющие стаж работы до 10 лет – 18,5% и больше 10 лет – 81,5%. В целом можно сделать вывод о том, что в исследовании участвовали педагоги, длительное время проработавшие в школе и имеющие большой опыт работы. Несмотря на социальные, материальные и нравственные проблемы, с которыми сталкиваются педагогические работники, большинство из них (54%) в отношении своей профессиональной деятельности считают, что работа им «нравится»,

45% – «очень любят свою работу», и только 1,6% педагогов считают, что работа учителя им совсем не нравится.

Полученные данные свидетельствуют о том, что 83% классных руководителей практически не придерживаются системы в воспитательной работе. Большинство обращает внимание лишь на организационную часть деятельности: посещают уроки в своем классе и контролируют успеваемость и посещаемость – 12%, организуют учеников своего класса для участия в предметных неделях – 15%, организуют сотрудничество с учителями, работающими в их классах – 73%.

При ответе на вопрос «Какие формы и методы Вы используете для организации воспитательной работы в классе?» около 83% классных руководителей ответили: организуют экскурсии со школьниками по литературным и историческим местам г. Кирова и по России (23%), по учебным заведениям (5%), в библиотеку (11%), в пожарную часть (5%), по музеям г. Кирова и Кировской области (41%). 35% классных руководителей проводят разнообразные беседы, 16% – интеллектуальные игры и викторины.

Анализируя деятельность классных руководителей по организации воспитательной работы в классе, мы выявили, что около 5% отслеживают, чтобы все дети были записаны в кружки и секции, 15% проводят тематические классные часы, КВН и встречи с известными людьми, около 3% классных руководителей ведут в своих классах предметные кружки и клубы, например «Мир информатики».

Выясняя, что классные руководители считают результатом своей работы, выявили следующее: 29% отмечают у учеников расширение кругозора и повышение эрудиции, 5% наблюдают проявление активности при участии во всех школьных делах, 11% замечают «любопытность детей и желание вступать в контакт с интересными людьми», 10% за результат принимают «100% успеваемость школьников и ответственное отношение к учебе», 11% классных руководителей результатом своей деятельности называют профориентацию школьников, отмечая, что «ученики до окончания школы знают, какие знания им потребуются в их профессиональной деятельности». Но 23% классных руководителей не задумывались о том, что является результатом их работы.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно говорить о том, что необходимо формировать актуальное системное научно-методическое обеспечение деятельности классного руководителя, которое включало бы и теоретические, и методические аспекты.

В качестве научного обеспечения выступает система принципов воспитательной работы, соответствующая закономерностям развития совре-

менного образовательного процесса. Деятельность классного руководителя должна опираться на принципы, ориентированные на личность ученика, – это, в частности, принципы деятельности, гуманистической ориентации воспитания, свободы выбора, обратной связи.

Опора на принцип деятельности определяет такую организацию, при которой ученик становится её субъектом, т. е. деятельность становится для него лично значимой, он активно участвует в достижении её результатов. Причём деятельность не просто мероприятие, а деятельность созидательная, так как в ней создаётся и раскрывается личность, творческая, так как в ней ведётся поиск способов, средств решения важных практических и воспитательных задач; коллективная, так как она планируется, обсуждается, готовится и совершается учениками и классным руководителем совместно. Деятельность по интересам для детей предоставляет возможность самоутверждения, саморазвития, вхождения в мир, в общественные отношения через социально полезные формы самоутверждения. Особое значение это имеет для подросткового возраста.

Принцип гуманистической ориентации воспитания предполагает безусловное принятие ребёнка, любовь и уважение к нему, уважение его прав и свобод, в том числе – права на ошибку; веру в ребёнка, терпимость к его недостаткам, безусловный отказ от морального и физического насилия по отношению к нему. Этот принцип требует добровольности включения ребёнка в деятельность, наличия у него цели – доступной и осознанной; доверия ребёнку в выборе средств и способов достижения поставленной цели, веры в возможности каждого ребёнка и его собственной веры в возможность достижения поставленных задач. Такой подход обращает педагога к личности ребёнка, его внутреннему миру, к его способностям и возможностям.

Принцип свободы выбора предполагает «в любом обучающем или управляющем действии, где только возможно, предоставлять ученику право выбора. С одним важным условием – право выбора всегда уравнивается осознанной ответственностью за свой выбор!» [4] Создание ситуаций выбора – одна из особенностей организации воспитательного процесса в современной школе. Задача школы сегодня – предоставить возможность воспитаннику выбирать дело по душе, на основе своего желания, интересов и способностей, меру участия и область деятельности во внеклассной работе, характер и способы равноправного взаимодействия с окружающими. Чем больше и разнообразнее выбор, тем лучше он способствует развитию индивидуальности ребёнка, формированию в нем человека, способного к социальному творчеству.

Принцип обратной связи предполагает корректирование педагогического процесса на основании системы приемов обратной связи [5]. Педагогу с помощью разнообразных способов и методов необходимо отслеживать настроение учеников, степень их заинтересованности, уровень понимания и т. п. для того, чтобы вовремя и умело корректировать свое поведение и взаимоотношения в коллективе. Для осуществления обратной связи классный руководитель побуждает подростков к анализу выполняемой деятельности, стараясь избегать сравнений учащихся между собой и обеспечивать возможность проявиться всем, поощряя естественность, стремление к самостоятельности, независимым суждениям. Суть рефлексии – в приучении учащихся к самоконтролю, самооценке и саморегулированию, в формировании привычки к осмысленной жизни.

Обозначенные принципы позволяют классному руководителю активно вовлекать школьников в управление своим коллективом, организовать совместную деятельность, дают возможность каждому школьнику проявить себя, ощутить свою значимость в коллективе, найти возможности своего участия в жизни класса.

Исходя из рассмотренных выше принципов, следует обозначить методическое обеспечение деятельности классного руководителя, включающее методы и формы воспитательной работы и реализуемое посредством функций деятельности классного руководителя:

- аналитическая функция предполагает изучение индивидуальных особенностей, интересов и склонностей школьников, изучение и анализ взаимоотношений в группах школьников, изучение и анализ воспитательных возможностей педагогического коллектива, изучение и анализ воспитательных влияний окружающей среды на развитие учащихся класса;

- развивающая функция подразумевает создание развивающей среды, адекватной природе ребёнка, обеспечивающей физическое и психическое развитие его задатков и способностей в процессе разнообразной деятельности; развитие индивидуальных способностей школьников через включение их в соответствующую деятельность; развивающая функция воспитательной работы заключается также в выявлении и развитии способностей и интересов ребёнка;

- образовательная функция реализуется через интенсификацию образования – качественное углубление образования в определённой сфере знания (сверх тех знаний, которые ученик получает на уроке), экстенсификацию образования – количественное расширение образования (освоение образовательных областей, не предусмотренных школьной программой); допрофесси-

ональную подготовку – освоение основ какой-либо профессии;

- координационная – определяет согласование всех влияний, установление взаимодействия между всеми участниками воспитательного процесса: учителями, работающими в классе, психологами, родителями, руководителями кружков и секций;

- компенсаторная – способствует осуществлению желания ребёнка решить личные проблемы, реализовать потребность в самоутверждении и самоуважении, компенсировать жизненные проблемы;

- досуговая – реализуется через удовлетворение потребности учащихся в содержательном и развивающем отдыхе, возможности отдохнуть, сменить вид деятельности, уйти от жёсткой регламентации в семье и школе.

В современной школе классному руководителю необходимо ориентироваться на приоритет некоторых методов работы с современными школьниками. К ним относятся дискуссионные; игровые, состязательные, творческие; психологические, тренинговые; консультативные методы воспитательной работы.

Дискуссионные методы (к ним можно отнести дискуссию, дебаты, проблемную беседу, круглый стол и другие диалоговые методы) наиболее актуальны для современной школы, потому что позволяют повысить интенсивность и эффективность воспитательного процесса за счет активного включения школьников в коллективный поиск истины, формировать у них рациональное, критическое мышление, при котором «ученики смогут воспринимать как само собой разумеющееся то, что люди расходятся в мнениях и убеждениях, и относиться к этому обстоятельству не как к досадной человеческой слабости, а как возможности для познания» [6]. Цели проведения дискуссионных методов могут быть очень разнообразными: обучение, тренинг, диагностика, изменение установок, стимулирование творчества и др. Дискуссионные методы не часто используются в работе классного руководителя, потому что обсуждение различных проблемных вопросов требует от него знаний, опыта и специальных методических умений. В нашем опыте мы активно используем дискуссионные методы, организуя дискуссии на такие темы, как «Актуален ли брак в XXI веке?», «Социальные сети: уход от реальности или возможность общаться?», «Деньги: плохой хозяин или хороший слуга?» и др. При использовании дискуссионных методов наиболее важным для школьников является не только получение и осмысление информации, а в значительной степени самостоятельное размышление и выбор собственной точки зрения по дискутируемым проблемным вопросам. Педаго-

гу важно помнить, что главным действующим лицом в дискуссионных методах является ученик, а учитель выступает в роли консультанта или руководителя дискуссии, более компетентного, но равноправного участника. Для педагога очень важно акцентировать значимость процесса дискуссии, избегать оценочных суждений и не придавать слишком большого значения итоговым выводам.

Игровые, состязательные, творческие методы относятся к косвенным методам воздействия, когда ребенок не ощущает себя объектом воздействия взрослого, когда он полноправный субъект деятельности. В игре воспитание переходит в самовоспитание. Именно в игре строятся отношения между взрослым и ребенком. Эти отношения лежат в основе личностного подхода, когда педагог ориентирован на личность ребенка в целом, а не только на его функции как ученика. Игровые методы включения школьника в деятельность и общение предполагают именно личностный подход. Игра – не только развлечение, а особый метод вовлечения школьников в творческую деятельность, метод стимулирования их активности. В игре ребенок проигрывает, «примеривает» еще не использованные, не выбранные возможности. Именно это и делает игру активным средством социализации ребенка, предоставляя ему право пробы и выбора своих сил, возможностей, интересов. Задачи педагога в процессе организации игровой деятельности можно охарактеризовать так: обеспечение доброжелательной атмосферы общения; «заражение» интересом, азартом, интригой; отказ от категорических оценок; поддержка оригинальных идей; поддержка индивидуального, нестандартного стиля самовыражения. Один из творческих методов, пришедших в школьную практику с телевидения – шоу-технологии. Различные шоу-мероприятия требуют соответствующих умений и согласованной подготовки организаторов, участников и зрителей. Можно воспользоваться опытом известных шоу-технологий, имеющих педагогический смысл, таких, как «Умники и умницы», «Минута славы», КВН и т. п., или реализовать собственные замыслы. Подготовка и проведение шоу-мероприятий имеют некоторые общие черты, они могут включать подготовку участников конкурсов, разработку или подбор конкурсных заданий, оформление помещения, «сцены», музыкальное сопровождение, работу со зрителями, ведение шоу, работу жюри, танцевальную и музыкальную программу.

Психологические, тренинговые методы используются в современной школе преимущественно в работе психологической службы. Но возможностей психолога не всегда достаточно для работы со всеми учащимися, и классные ру-

ководители осваивают эти формы и методы коллективной работы. Позитивное в этом – использование психологических методов в создании условий для самораскрытия учеников, самостоятельного поиска ими способов решения проблем. Проведение тренингов по развитию творческого мышления, познавательных интересов, уверенности в себе позволяет участникам получить своеобразный социальный опыт и определенные способы поведения. Подлинно коммуникативная обстановка требует умения создавать благоприятный психологический климат, ситуацию успеха: подбадривать детей, находить доброе слово для каждого ученика, тактично исправлять и помогать. Такие занятия дают возможность педагогу понять школьника, осознать, что в воспитании учащихся важно меньше заниматься разъяснением, уговариванием, чтением нотаций, проведением бесед, а больше – организацией деятельности, в которой формировались бы нужные личностные качества и опыт, усваивались соответствующие привычки и навыки, чувства и переживания, способствующие гармонизации внутренней сферы личности субъекта и адекватности его представления о своем Я [7]. В тренинге объединяется профессиональная воспитательная деятельность и процесс самовоспитания, так как в группе подросток может увидеть себя другими глазами, скорректировать свое поведение, создать программу собственного личностного развития.

Консультативные методы используют как методы педагогической поддержки. Личностная педагогическая поддержка состоит в совместном с учеником определении его целей, интересов, возможностей и путей преодоления препятствий в самоорганизации им собственной жизни. При этом педагог должен увидеть проблему с точки зрения ребенка, зафиксировать в его сознании те способы и аргументы, через которые он успешно её решает, помочь увидеть результаты. Суть поддержки состоит в том, чтобы стимулировать подростка к преодолению препятствий, ориентируясь на имеющиеся у него реальные и потенциальные интересы и способности, развивая потребность в успешности самостоятельных действий. Проблема должна обозначаться и в целом решаться самим ребенком при опосредованном участии взрослого, таким образом ребенок становится субъектом своей жизнедеятельности.

В разнообразных формах внеклассной и внеучебной работы классный руководитель, родители, учителя должны быть не только организаторами, но и участниками, работающими в сотрудничестве и сотворчестве с детьми. Выбирать формы деятельности следует, исходя из следующих условий:

- многообразии используемых форм;
- познавательный характер деятельности (в процессе её учащиеся должны приобретать новые знания, расширять свой кругозор);
- эмоциональная окрашенность, формирующая положительное отношение к процессу интеллектуального труда, к учению, к людям науки, к учителям, организация бесконфликтного общения;
- индивидуальный подход (необходимо помочь подобрать такие формы работы, которые учащиеся будут выполнять с интересом);
- интеграция знаний по различным предметам, с целью учета разнообразных интересов как можно большего числа детей.

В новых социальных условиях организация совместных творческих дел в школе осложняется разнообразными проблемами. Во-первых, сегодня в классе есть определенная группа школьников, чьи интересы находятся далеко за пределами учебной деятельности. Имеется и определенная часть воспитанников, потребности и интересы которых «размыты», они хотели бы заняться интересными и полезными для себя делами, но не могут самостоятельно в них определиться. Во-вторых, сегодня мы наблюдаем, резкое расхождение между тем содержанием, на котором готов работать классный руководитель, и теми проблемами, которые волнуют учащихся. Возможность для педагога влиять на этот процесс и стимулировать его происходит только через диалог. Диалог – наиболее благоприятная форма утверждения отношений сотрудничества педагога и школьников. Это обмен не только информацией, но и инструментом педагогической поддержки, обмен смыслами, отношениями, переживаниями. Через диалог классный руководитель реализует всю

систему педагогических стимулов влияния на учащихся.

Важнейшая черта современного образования – его направленность на то, чтобы готовить учащихся не только адаптироваться, но и активно действовать в ситуациях социальных перемен. Научно-методическое обеспечение деятельности классного руководителя должно определять актуальные подходы в организации воспитательной работы в соответствии с требованиями новых ФГОС и условиями современной школы. При этом главная задача деятельности классного руководителя заключается в стимулировании внутренней активности учеников, нахождении способов для индивидуального включения воспитанников в деятельность, увлечении их интересной перспективой, организации интересной деятельности по собственному выбору школьников.

Примечания

1. Семенов В. С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 27.
2. Щуркова Н. Е. Проффессиональное мастерство классного руководителя. М.: Айрис-пресс, 2007. 160 с.; Ксензова Г. Ю. Психолого-педагогические основы воспитательной деятельности классного руководителя и учителя. М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. 224 с.
3. Ксензова Г. Ю. Указ. соч. С. 146.
4. Гин А. А. Приемы педагогической техники: Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обратная связь. Идеальность: пособие для учителя. М.: Вита-Пресс, 1999. С. 8.
5. Там же. С. 9.
6. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. С. 46.
7. Оганесян Н. Т. Методы активного социального-психологического обучения: тренинги, дискуссии, игры. М.: Изд-во «Ось – 89», 2002. С. 10.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.016:003

А. А. Мосунова

СМЫСЛОВОЕ ЧТЕНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЕЁ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Чтение представлено как процесс, подчинённый сознательной цели открытия в художественном тексте личностных смыслов. Содержанием такой деятельности утверждается иконическое (изобразительное) реконструирование текста. Иконическая модель выступает в качестве репрезентации в сознании читателя стоящей за текстом действительности. Рассматривается один из уровней иконического реконструирования, а именно, конкретно-образный. Создание словесных картин – воспроизведение предметных образов, возникающих при чтении, – помогает реализовать смыслообразующую функцию чтения.

Reading is a process for discovery in subordinate sentient artistic text personal senses. The content of such activities is iconic (fine) reverse engineering. Iconic model acts as the representation in the mind of the reader behind the text. Considered one of the iconic reverse-engineering, specifically-shaped. A verbal pictures – play meaningful images that arise when reading – helps implement sense-make function read.

Ключевые слова: Смысловое чтение художественной литературы, смысловое структурирование художественного текста, иконическое (изобразительное) реконструирование текста, словесное рисование.

Keywords: Semantic reading fiction, semantic structuring of artistic text, iconic (fine) reconstructed text, verbal drawing.

Задача статьи – анализ смыслового чтения с точки зрения его структурно-функциональной организации.

Развитие представления о смысловом чтении как деятельности важно по двум причинам.

Во-первых, несмотря на то, что принцип структурно-функционального анализа познавательной деятельности, составляющий ядро деятельностного подхода к обучению, в педагогической психологии разработан давно и детально, он практически не реализуется в преподавании литературы. Поставив же задачу обучения смысловому чтению, мы должны позаботиться о чётком описании формируемой деятельности во всей полноте ее функциональных и структурных харак-

теристик. Чем полнее мы раскроем содержание освоения литературного текста, тем успешнее сможем организовать акты смыслопорождения в процессе чтения художественной литературы. Решение этой задачи вне всякого сомнения приведет к росту психологической осведомленности преподавателей словесности и повысит их психологическую готовность к управлению чтением художественных текстов.

Во-вторых, идея структурно-функционального анализа деятельности в психологии замечательным образом коррелирует с идеями структурализма в литературоведении. Структурирование художественного текста автором (по Ю. М. Лотману, художественный текст – это сложно построенный смысл) и структуру освоения этого текста читателем объединяют общие механизмы смыслопорождающей активности, которые могут быть описаны в терминах деятельностного подхода. Задачу выделения элементов художественного текста и установления их функций и отношений можно соотнести с задачей выделения действий и операций, которые определяют характеристики смыслового чтения, нахождения их связей и функционирования. Тем самым анализ структуры художественного текста и актуального функционирования его элементов может составить деятельностьную основу смыслового структурирования.

О влиянии художественной структуры произведения искусства на порождение и актуализацию личностных смыслов читателя пишут многие авторы. Вспомним известное положение о том, что смысл, извлекаемый человеком из произведения искусства, – это всегда его собственный смысл, обусловленный контекстом его собственной жизни и его личности, а не смысл, «заложенный» художником в структуре произведения. Вместе с тем, по Д. А. Леонтьеву, структура произведения строится художником – осознанно или неосознанно – таким образом, чтобы передать или, точнее, подсказать людям совершенно определённый смысл [1]. Эта идея родственна хрестоматийной метафорической тезе, кочующей из одной публикации в другую и из одного контекста в другой, которую сформулировал в известной статье «Чтение как труд и творчество» искусствовед и литературовед В. Ф. Асмус: «Содержание художественного произведения не переходит – как вода, переливающаяся из кувши-

на в другой, – из произведения в голову читателя. Оно воспроизводится, воссоздается самим читателем – по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя» [2]. «Ориентиры», данные в произведении, – смысловые «вехи» – элементы художественной структуры, несущие определенное смысловое содержание, наделенные смысловым опытом художника. «Умственная, душевная, духовная деятельность читателя» – соотношение своего смыслового опыта с опытом писателя – духовное производство, производство смыслов. Таким образом, художественный текст в силу своей специфической организации способен инициировать процессы смыслообразования, связанные с порождением и актуализацией личностных смыслов реципиента. Некоторые авторы определяют данную функцию художественной литературы как смыслообразующую функцию [3].

Исходным для нас выступает семиотическое понимание художественного текста как структуры – особо организованного целого, все элементы которого находятся в определенном взаимоотношении, когда изменение одного из них влечет за собой изменение остальных. В этом ракурсе чтение художественной литературы представляет собой многооперационный акт воссоздания различных элементов текста и определённого переструктурирования исходного материала. Воспроизведение и комбинирование элементов сопровождается выдвиганием гипотез, концептуальных схем, планов, позволяющих читателю конципировать смысл произведения. Обобщая, можно представить смысловое чтение как содержательную систему актов деятельности, составляющих процесс смыслопонимания и смыслопорождения и проходящих ряд закономерно сменяющих друг друга этапов. Структурно-функциональный подход к чтению подразумевает, что тот или иной элемент произведения рассматривается не как отдельная материальная данность, а как функция с несколькими или чаще многими связями. Всякая структурная единица текста есть явление, зависящее от других и изменяющееся по мере изменения этих других явлений. Результат каждого момента чтения всегда «выяснение отношений»: отношения заглавия к сюжету, событий – к героям, характеров – к действиям и поступкам, пространства-времени – к идее и т. д. Вне установления этих связей творческий результат открытия личностных смыслов просто не существует. Простое перечисление элементов структуры ничего нам не даст (равно как и рассмотрение художественных образов, их природы – вообще, вне ситуации текста как органического единства), поскольку, входя в различные струк-

туры целого, один и тот же элемент приобретает различный смысл.

Таким образом, выделение действий, фиксирующих взаимосвязи элементов художественного текста, а затем определение их целевого, предметного и операционального компонентов позволяет представить смысловое чтение как деятельность, описать её содержание и структуру.

Если исходить из того, что художественный текст – сложно построенный смысл, что все структурные элементы его «суть элементы смысловые» [4], естественно предположить важную роль соотношения этих элементов друг с другом (с целью выявления максимального числа их взаимосвязей) в построении личностных смыслов. Но, чтобы актуализировать смыслы, прежде необходимо привести элементы в движение, как бы «раскачать» текст, что происходит в процессе различных форм взаимодействия с произведением.

Задача, однако, не так проста, как может показаться с первого взгляда. Комбинирование элементов в процессе чтения не является простым механическим соединением, а представляет собой органический синтез. Поэтому для синтеза читательских представлений нужна некая «литературная форма». Роль последней могут играть особые вспомогательные структурные образы. Мы предположили, что создание читательского «гештальта» – читательского образа текста, обусловленное специфическим вниманием к структурным элементам произведения и их функциям, будет инициировать процессы смыслопонимания и смыслопорождения. Вспомогательный структурный образ может служить наглядно-действенным способом соединения в читательском сознании частей художественного произведения в смысловое целое, способом конципировать его смысл.

Остается сделать еще одну оговорку. Осуществляя структурно-функциональный подход к чтению художественного текста, мы руководствуемся принципами, служащими основой всех форм структурного анализа. Это означает стремление к экономности объяснений, к единству решения, к возможности восстановить целое по его части и предвидеть дальнейшее развитие взаимодействия в триаде «автор – художественный текст – читатель», исходя из наличествующих данных. Внимание сразу сосредоточивается на главном, что позволяет быстро достичь художественного переживания.

Описание смыслового чтения как деятельности мы начнем с понятия смысловой реконструкции текста. Оно возникло на основе психологической концепции понимания, согласно которой «понимание текста есть процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления» [5]. В учебном процессе смысловая реконструкция «заложена» во всевозможные

формы толкования художественного произведения. Эта работа, как следует из тезиса Леонтьева, несет смыслопорождающий потенциал, позволяет практически добиться глубокого понимания читателем смысла произведения. Поскольку «понятно то, что может быть иначе выражено» [6], приведение текста к некоторому иному виду есть задача его смыслопонимания. Текст наделяется смыслом благодаря различным способам «опредмечивания» процессов его понимания. Родовым по отношению к способам «опредмечивания» понимания выступает понятие смысловой реконструкции текста.

Интересно, что с похожими представлениями связаны и лингвистические, и семиотические теории понимания текстов. Я. Линцбах, например, считал, что необходимость применения одновременно нескольких точек зрения чувствуется и в обыкновенном языке, ибо, желая сделать нашу мысль возможно более понятной, мы высказываем ее многократно, различными словами. Он подчеркивал, что это повторение одной и той же мысли в различных выражениях составляет, как известно, необходимую принадлежность ораторского и писательского искусства [7]. Ю. М. Лотман, говоря о том же в терминах теории информации, утверждал, что многократность перекодировки позволяет построить общее для разных систем семантическое ядро, которое воспринимается как значение, выход за пределы знаковых структур в мир объекта [8]. Развивая эту мысль далее, можно сказать, что многократность «перекодировки» художественного текста позволяет открыть его смыслы.

Примером смысловой реконструкции художественного текста, определённым образом интегрирующим и открытие взаимосвязей, и их создание, является разработанный Р. Р. Каракозовым метод хронотопического чтения [9]. Опираясь на идею М. М. Бахтина, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов», автор метода выделяет в качестве исходных детерминант процесса восприятия художественного текста его пространственно-временное устройство. Он выявляет в акте чтения особые действия реконструирования читателем пространственно-временных структур художественного текста. Читатель, руководствуясь идеей хронотопического чтения, перестраивает взаимосвязи между такими элементами структуры художественного текста, как сюжет, герой, смысл, их пространственно-временная организация. Каракозов предлагает организовать акт чтения с помощью следующих приёмов читательского взаимодействия с текстом: «продолжение действия», «прерывание действия», «опробование границ смыслового поля» произведения. Раскроем кратко их суть.

Приём «продолжения действия» организует соотношение сюжетно-смысловых структур и включает операции построения вариантов сюжетного развития: вычленение эпизодов, построение альтернативных сюжетных моделей, определение смыслов эпизодов. Приём «прерывания действия» содержит операции «дистраивания» – предвосхищения смысла произведения, которое всегда в той или иной мере присуще акту чтения и обуславливает его целостный характер: прерывание действия на кульминации и выдвижение гипотез относительно сюжета, судьбы героев, смысла в целом. Приём «опробования границ смыслового поля» охватывает ряд операций-трансформаций: изменение ситуации при тех же героях; изменение героев при той же ситуации; построение сообщений, несущих альтернативные смыслы; соотношение смыслов нескольких текстов; сочинение собственных текстов по проблемам, отраженным в авторских текстах. Первые две операции приёма «опробование границ смыслового поля» по сути идентичны: это видоизменение героев и ситуаций. Поэтому в более обобщенном виде приём сводится к четырем операциям: трансформация героев и ситуаций; сообщения с альтернативными смыслами; сравнение смыслов ряда произведений; собственные сочинения с близким смыслом.

По Каракозову, модель хронотопического чтения позволяет дифференцировать разные пласты умственных и рефлексивных действий читателя во взаимодействии с текстом, а также управлять чтением как продуктивной деятельностью, связанной с порождением смыслов. В результате такого рода взаимодействия происходят положительные изменения в понимании испытуемыми смысла художественного произведения. На смену ответам, носящим репродуктивный характер (пересказ или «общий» ответ), приходят собственные открытия и адекватное понимание смысла текста.

Разделяя представление Каракозова и ряда других современных авторов о том, что процесс изучения литературы должен прежде всего являться введением в область смыслов, мы поставили задачу более дифференцированного описания способов смыслового структурирования литературного произведения. В первую очередь нас занимал вопрос расширения сферы исходных детерминант процесса восприятия художественного текста. Нам хотелось, по возможности, обогатить взаимодействие с текстом реконструкцией не только пространственно-временных, но и конкретно-образных структур. Мы стремились найти такие приёмы чтения, которые бы обнажали, как бы выносили наружу назначение максимального числа структурных элементов. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой их ком-

прессии, ибо, расширив количество осознаваемых структур, мы вынуждены осмысливать их в определённых временных рамках. «Медленное чтение», о котором всегда мечтали методисты, остается уделом домашнего общения с книгой.

Мы исходили из того, что каждая структурная единица художественного текста по природе своей есть некое отношение, ибо структура всегда функциональна. Поскольку текст состоит из совокупности элементов, структурно-функциональный анализ должен учитывать их все. Но деятельность читателя – это не деятельность литературоведа, а рассмотрение всех элементов художественной структуры на ограниченном пространстве учебного занятия невозможно даже теоретически. Поэтому структурные единицы смыслового чтения должны представлять собой не отдельные отношения, а «пучки» отношений. В результате комбинаций таких «пучков» структурные элементы художественного текста приобретают функциональную значимость, инициируя порождение личностных смыслов воспринимающего произведение. Здесь становятся необходимы определенные способы переструктурирования и/или «смысловой компрессии» художественной информации.

Поставим теперь вопрос об этих способах, памятуя, что при восприятии художественного текста перед читателем стоит непростая задача: обнаружить «ориентиры, данные в самом произведении», опираясь на которые он проникает «за значение» в смысл художественного сообщения. Обратимся вновь к идее влияния художественной структуры на порождение и актуализацию личностных смыслов читателя. Поскольку знаки в искусстве имеют не условный, как в языке, а иконический, изобразительный характер (Лотман, 1970), естественно полагать, что опора на образ выступает неоспоримым условием смыслового понимания художественного текста (хотя схожие закономерности можно наблюдать при понимании любого текста). Процесс создания структурного образа текста может стать конкретным способом «смысловой компрессии» художественной информации. Вследствие образной смысловой реконструкции образуется читательская форма текста. «Форма очень странная вещь. Ее элементы и связи между ними делают возможными некоторые события» [10]. Не что иное как «значение для меня» конкретной ситуации или эпизода, открываемое в ходе построения различных смысловых конструкций из элементов художественной структуры превращает «потребительское» чтение произведения в событие, приводит к смысловым перестройкам, обогащению смыслового опыта личности. Особые действия иконического (изобразительного) реконструирования художественного текста помогают обнаружить,

проявить писательские «ориентиры». Эти действия способны составить основу смыслового структурирования при чтении и тем самым сыграть важную роль в актах смыслопонимания и смыслопорождения. Следовательно, иконическое реконструирование является частным случаем смысловой реконструкции текста, своеобразным средством «опредмечивания» процессов его понимания.

Начнем рассмотрение этого метода с выстраивания общего представления об иконическом моделировании.

К иконическим (образным) моделям текстов, явлений и процессов относят разного рода рисунки, чертежи, схемы, передающие в образной форме структуру и другие особенности моделируемых предметов или явлений. Иконическое моделирование используется для интерпретации изучаемых явлений и текстов с тем, чтобы сделать их понимание более простым и удобным, а самообучение – средством формирования смысловых образований личности [11]. Мы под иконической имеем в виду словесную образную конструкцию, в которой рисунок или схема играют лишь вспомогательную роль смысловой опоры, каркаса. Иконическое реконструирование художественного текста формирует конструктивные образы, в которых выделяются «узлы», связи, главные моменты в художественной информации, необходимые для производства смыслов. Основным итогом творческой работы иконического реконструирования – создание речевых произведений, сочинение текстов, выражающих личностные смыслы. Новый текст является здесь и результатом понимания, и способом опредмечивания процессов понимания. Иконическая конструкция предстает формой надления текста смыслом, его трактовкой на основе данных личного опыта.

Обратимся далее к рассмотрению иконического реконструирования с содержательной стороны: ответим на вопрос, какие характеристики определяют его суть.

Смысловая реконструкция художественного текста может идти по меньшей мере в двух направлениях. Во-первых, по пути сотворчества с автором, когда читатель создает новые связи таких элементов текста, как образ, деталь, эпизод, смысл, их конкретно-образная организация. Образцами подобного смыслового переустройства могут служить различные способы перевода художественного произведения в конкретные читательские представления. Это открывающиеся внутреннему взору картины, сцены и мизансцены, кадры и эпизоды воображаемого киносценария. За счет выделения в тексте отдельных картин происходит его «смысловая компрессия». Читатель уточняет, конкретизирует, детализирует

картины, созданные писателем, не противоречат их образной природе, но мысленно помещая их в новую ситуацию. Во-вторых, иконическая реконструкция может идти по пути творческих приёмов читательского анализа, когда происходит поиск взаимосвязей элементов художественной структуры: героев, событий, пространства, времени, деталей, смыслов и др. Это составление структурных схем, таблиц, рисунков, которые также наглядно воплощают «смысловую компрессию» текста. В них концентрируются системы бинарных оппозиций, сосредоточиваются выявленные причинно-следственные связи и т. п. Здесь также формируется читательский образ содержания текста, но он носит не конкретно-образный, а обобщенно-символический характер. И те и другие приёмы способствуют активному взаимодействию с произведением, реализуют как общий принцип положение о том, что смыслопонимание есть результат целенаправленного взаимодействия с текстом. Таким образом, художественный текст может быть приведен к иному виду, осмыслен двумя способами: через создание читательского образа текста, его образно-смысловой картины (всевозможные приёмы «словесного рисования») и через создание логико-смысловой картины текста (структурные схемы бинарных оппозиций, модели причинно-следственных и других внутритекстовых связей и т. п.).

Общая закономерность такого освоения текста сводится к тому, что сочетание приёмов иконического реконструирования помогает целостному восприятию художественного произведения, включая в процесс художественного познания личность в «единстве аффекта и интеллекта». Специально организуемая работа предстает условием смыслообразования, затрагивая «ядро» личности – динамическую смысловую систему, представляющую, по Выготскому, «единство аффективных и интеллектуальных процессов». Первый способ актуализирует деятельность воссоздающего и творческого воображения, второй – деятельность мышления. В первом случае концепт текста носит конкретно-образный характер и сформирован действиями конкретизации и детализации образов, созданных автором, их «дорисовывания» и уточнения. Во втором – образ содержания возникает в результате логического оформления элементов текста и основывается на действиях анализа и выделения главного, синтеза, сравнения, систематизации, обобщения. Взаимодействие с произведением предопределено эмоциональным переживанием ситуации текста, активизирующим деятельность и мышления, и воображения.

Устанавливая данную закономерность, мы опираемся на принятое в психологии понятие

«целостный человек» с подчеркиванием в нем единства когнитивных и аффективных аспектов. Вовлечение в чтение всего человека не может базироваться только на правополушарной активности. Правое полушарие функционирует несколько иначе, чем левое. Оно интуитивно, схватывает сущность прежде деталей, воспринимает целостный гештальт (образ), общую конфигурацию. Оно оперирует метафорами, скорее эстетично, нежели логично, совершает креативные скачки, ассоциировано с чувственными, эмоциональными аспектами жизни. Однако вовлечение в чтение всего человека означает использование также левого полушария мозга. Левое полушарие имеет тенденцию к логическому и линейному функционированию. Сосредоточенные в нем процессы следуют шаг за шагом по прямой линии, акцентируя элементы, образующие целое. Оно принимает только то, что определённо и ясно, манипулирует идеями и понятиями.

Иконическое реконструирование объединяет логическое и интуитивное, интеллект и чувства, понятие и переживание, идею и смысл. Когда мы читаем таким образом, мы целостны, мы используем все способности. Внимательный, тонкий анализ художественного произведения не только не убивает его живую ткань, как часто полагают, но, наоборот, может усилить воздействие этого текста на читателя, потому что позволяет выявить те особенности произведения, которые иначе остались бы незамеченными. Личностно значимое, смысловое чтение, таким образом, инициируется созданием разнообразных иконических конструкций текста.

Рассмотрим теперь психологическую функцию иконического реконструирования, ответим на вопрос, чему служит подобного рода взаимодействие с художественным текстом, на что «работает».

Психологическое значение иконического «опредмечивания» процессов понимания заключается в том, что иконическая конструкция, являясь читательской формой текста, связывает элементы художественной структуры в «пучки». Это вспомогательный структурный образ для синтеза читательских представлений, наглядный способ соединения частей в целое. Иконическое реконструирование как способ смыслового структурирования художественной информации служит основанием для построения читательского варианта произведения, выражающего личностные смыслы. Таковой вариант читатель либо получает извне, от литературоведа, критика, преподавателя, либо строит его сам по ориентирам, данным в произведении, как свой знак, свой символ, как свой образ текста. Во втором случае он должен осуществить сложную оценочную деятельность. Читательский вариант есть образ тек-

ста, воссоздающий содержание художественного произведения, но проявляющий собственные смыслы читателя как особые формы отношений к действительности, обусловленные контекстом его собственной жизни и личности. С помощью образа, построенного читателем, достигается выявление неповторимого содержания художественной картины мира в каждом отдельном случае. Иконическая модель является репрезентацией в сознании читателя стоящей за текстом действительности. Читательский образ текста возникает в результате взаимосвязанной духовно-нравственной, художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности, передается словами и целиком входит в сферу высказывания. Иконическое реконструирование побуждает о любом элементе художественного текста задуматься, какова его структурная роль, какую функцию несет он в общем построении текста. Становится уместным не только поставить вопрос, как организован текст, но и зачем он так организован. Иконическое реконструирование служит амплификации (усилению характеристик) деятельности смыслового чтения. Данную функцию мы определили как смыслопорождающую функцию.

Поясним все сказанное нами о смыслопорождающей функции иконического реконструирования на более подробном рассмотрении одного из его уровней, а именно конкретно-образного. Тем самым мы последовательно углубляем и расширяем анализ его содержательной стороны. Под уровнем в данном контексте понимается «подразделение чего-нибудь целого, получаемое при его рассмотрении» [12], имеется в виду определённый пласт художественного текста.

Создание словесных картин – воспроизведение в устной или письменной форме предметных образов, возникающих при чтении, носит название метода «словесного рисования» и имеет давние традиции в преподавании российской словесности. Современные психолого-педагогические основы обучения этому приёму, а также деятельностные аспекты его содержания и структуры исследованы нами в предыдущих работах [13]. Здесь кратко остановимся только на главных моментах.

Метод «словесного рисования» может быть претворен в жизнь путем разных приёмов: «рисование словесных картин», «составление диафильма», «создание киносценария», «инсценирование», «мизансценирование». Возможны и другие варианты конкретно-образного структурирования текста. Различие между ними в основном количественное: «кадры», из которых составляется «диафильм», представляют собой отдельные словесные картины. Из них же складываются эпизоды «киносценария», «сцены» и

«мизансцены» воображаемого спектакля. Объединяет разные приёмы словесного рисования то, что рассмотрение текста осуществляется с определённой точки зрения – под углом выявления в нем конкретных, целостных, с деталями картин.

Словесная картина – это читательский образ текста, словесное воспроизведение представлений, возникших в сознании под воздействием прочитанного. Она отличается образностью, эмоциональностью, субъективной модальностью. Словесная картина, как всякая картина, статична, одномоментна. Она дает читателю возможность как бы остановиться и «вглядеться» в текст, рассмотреть его элементы, определить их смысл, соотнести их с другими структурными звеньями и с художественным целым. Приступать к ее созданию можно лишь после того, как произведение прочитано целиком. По мнению В. Ф. Асмуса, подлинным первым прочтением может быть только повторное прочтение, «в ходе которого восприятие каждого отдельного кадра уверенно соотносится читателем к целому» [14]. «Рисование словесных картин» требует умения воссоздавать воображаемую картину максимально точно, с деталями, целостно, конкретизировать и детализировать представления. Читатель должен уметь концентрироваться на возникших представлениях, наблюдать и удерживать в воображении детали увиденного. От него потребуются умение определять свое отношение к представляемой картине, привносить в интерпретацию произведения личностные, оценочные моменты, не противоречащие его образной природе и выражающие понимание эмоциональной окраски образа, сопереживание ему. Наконец, словесное рисование невозможно без умения подбирать средства художественной изобразительности для словесного воплощения представлений.

Тем самым словесная картина выступает в качестве одного из критериев уровня читательского взаимодействия, обнаруживающего степень эстетической компетентности читателя. Мы полагаем, что феномен словесной картины может быть показателем полноты и адекватности понимания текста. В свою очередь признаками полноценной словесной картины служат ее цельность, художественность, субъектность. Цельность, завершенность словесной картины возникает в том случае, если ее элементы описаны полностью, а применение художественных деталей эстетически оправдано. Цельность словесной картины понимается нами как сведение частей в нечто единое, как слияние замысла и результата, мотивов и их речевого выражения в словесном образе. Умелое использование изобразительно-выразительных средств языка: эпитетов, сравнений, метафор и т. д., понимание их функций – другой существенный признак уров-

ня взаимодействия читателя с авторским текстом. Критерием открытия личных смыслов служит наличие оценочных суждений, осознанное выражение эмоционально-личностного отношения к изображаемому, явное или опосредованное присутствие в словесной картине субъекта высказывания. Все эти признаки возникают, подчеркнем еще раз, как следствие активного взаимодействия с художественным текстом.

Завершая в общих чертах описание конкретно-образного способа иконического реконструирования, отметим, что не любое художественное произведение может служить материалом для создания словесных картин. Там, где автор, живописуя, подробно детализирует изображение (таковы, например, тексты Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др.), отсутствует предметная возможность выразить свое видение образа. Научной основой для данного положения послужила концепция воображения как элемента творческой деятельности (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и др.), согласно которой механизмы воображения приходят в действие лишь в ситуациях, «отличающихся значительной неопределённостью» [15]. В условиях значительной художественной определённости можно говорить об актуализации не творческого, а воссоздающего воображения, хотя, как считают психологи, между ними нет непреходимых граней. Воссоздающее воображение строит образы, соответствующие описанию, образы того, что уже есть, что уже известно, не выходя за пределы образной конкретизации того, что сказано в тексте. Поэтому для словесного рисования предпочтительнее тексты, где автор не воспроизводит действительность досконально, а оставляет читателю простор для творческого воображения, которое характеризуется самостоятельным созданием новых образов, мысленным преобразованием действительности.

Подведём итоги.

Смысловое чтение как деятельность – это процесс, подчинённый сознательной цели открытия в художественном произведении личностных смыслов. Включение авторских смыслов в свой жизненный контекст, а значит, обогащение своего внутреннего мира не происходит автоматически. Решение «задачи на смысл», проникновение за «равнодушные» значения к личностным смыслам требуют от читателя определённой работы. Анализ смыслового чтения с точки зрения его структурно-функциональной организации привёл нас к выводу о том, что сутью такой работы может стать иконическое (изобразительное) реконструирование текста. Иконическая модель выступает в качестве репрезентации в сознании читателя стоящей за текстом действительности. В данной статье мы рассмотрели один из уров-

ней иконического реконструирования, а именно конкретно-образный. Создание словесных картин – воспроизведение предметных образов, возникающих при чтении, способствует реализации смыслообразующей функции чтения.

Развитие представления о смысловом чтении как деятельности, приобщающей субъекта к процессам духовного производства, позволяет искать пути и средства для решения глобальной проблемы чтения.

Примечания

1. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., Смысл, 2003. С. 430.
2. *Асмус В. Ф.* Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики: сб. ст. М.: Искусство, 1968. С. 62.
3. Психологические условия управления чтением художественных текстов: метод. указания / сост. Р. Р. Каракозов, Р. Г. Кадырова, З. А. Керимова. Баку: Б. и., 1993. С. 5.
4. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 19.
5. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. С. 142.
6. Там же.
7. *Линьбах Я.* Принципы философского языка: опыт точного языкознания. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. С. 28.
8. *Лотман Ю. М.* Что дает семиотический подход? // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 131.
9. *Каракозов Р. Р.* Процесс смыслообразования при чтении художественной литературы // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 122–128.
10. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: «Московская школа политических исследований», 2000. С. 363.
11. *Круглова Е. А.* Развитие образного мышления учащихся посредством иконического моделирования (на материале истории): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 10.
12. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1996. С. 826.
13. *Мосунова А. А.* Обучение словесному рисованию на уроках литературы в VI классе // Развитие творческой деятельности школьников в процессе обучения: сб. науч.-метод. ст. / под ред. А. А. Мосуновой. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. С. 27–33; *Мосунова А. А.* Словесное рисование как речевой жанр // Проблемы теории и практики современного литературного образования. М.: Изд-во МПГУ, 1998. С. 36; *Мосунова А. А.* Методика обучения словесному рисованию на уроках литературы в V–VII классах: учеб.-метод. пособие. Киров: Изд-во ВГПУ, 1999.
14. *Асмус В. Ф.* Чтение как труд и творчество // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики: сб. ст. М.: Искусство, 1968. С. 66.
15. *Петровский А. В.* Воображение // Общая психология: учеб. для студентов пед. ин-тов / А. В. Петровский, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко и др., под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1986.

Е. И. Комкова

АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ ПРИ РАЗНЫХ ФОРМАХ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ

В статье анализируются данные интеллектуального и личностного развития детей младшего школьного возраста и подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях. Сравнивается связь показателей общего интеллекта, социального интеллекта с личностными факторами и ценностными ориентациями в четырех группах (дети из полной семьи, приемные дети, дети из детской деревни и усыновленные дети).

The contemporary experimental results studying intellectual and personal development of primary scholar's and juveniles, raising in different social conditions are analyzed. The data obtained in research of thinking capacities primary scholar's, social intellect juvenile's and personal factors and values in four groups (family children, orphans, Children's Village and foster-children) by test method are exposed.

Ключевые слова: интеллект, когнитивные функции, социальный интеллект, ценностные ориентации, интеграция психического развития, корреляция.

Keywords: intellect, cognitive function, social intellect, values, integration mental development, correlation.

Комплексное изучение человека предполагает рассмотрение его целостности через выявление разнообразных связей, составляющих эту целостность. Б. Г. Ананьевым была заложена основа комплексного изучения человека, в основе чего лежит идея о том, что в целостной природе человека не существует изолированных функций, процессов, независимых способностей, свойств, качеств. Отмечая разноуровневые признаки психического, он указывал на необходимость изучать и выявлять координацию и субординацию структур, входящих в состав сложной системы. Отсюда при изучении структурных компонентов человека он предлагал руководствоваться двумя принципами: субординационным и координационным. Субординационный, или иерархический, принцип представляет собой подчинение элементарного сложному. Координационный – допущение относительной автономности или самостоятельности коррелируемых свойств. Структура человека как субъекта деятельности образуется из определенных свойств индивида и личности. Социальное формирование человека не ограничивается формированием личности, а происходит становление его как субъекта познания, тру-

да и общения. Человек как целостная интегрированная система требует при его изучении не только системного подхода, но и сочетания последнего со структурным подходом, что может быть обеспечено специальной организацией исследования. Критериями интегрированности системы согласно Б. Г. Ананьеву служат число и величина значимых коэффициентов корреляции, отражающих межфункциональные связи [1].

Цель данного психолого-диагностического исследования заключалась в описании системы функционирования интеллектуально-личностных показателей как целостности и интегрированности психического развития. Оно было проведено в феврале – марте 2002–2003 гг. в рамках государственной программы «Дети Беларуси», подпрограммы «Сравнительная характеристика условий и результатов развития детей, лишенных родительского попечения в семье и различных типах детских интернатных учреждений» (раздел I 1/5). Выборка составила 42 мальчика и 48 девочек 9–10 лет и 186 детей 13–15 лет: учащиеся СШ № 181 (дети из полной семьи), дети из детского дома № 4 и Клецкого детского дома, дети из детской деревни и приемные дети.

Для изучения интеллекта младшего школьника был использован тест Д. Векслера [2], для изучения личности младшего школьника использовался личностный опросник Р. Б. Кеттелла [3]. Личностные качества у подростков также изучались с помощью опросника Р. Кеттелла (форма С) [4], а социальный интеллект – на основе модели Дж. Гилфорда [5]. Система ценностей изучалась с помощью методики Рокича [6], которая позволяет охарактеризовать систему терминальных (целевых) ценностей и инструментальных (т. е. с помощью чего и как цели будут достигнуты).

Следует сразу отметить, что полученные результаты личностных показателей у младших школьников отличаются от показателей, которые обнаружены И. М. Никольской и Р. М. Грановской (2001) при исследовании более 200 детей в 2001 г. [7] Они отличаются как по факторам, так и по полу. Если в их исследовании отмечена bipolarность в шкалах D (уравновешенность/возбудимость), H (робость/смелость), I (твердость/мягкосердечность), O (самоуверенность/подавленность), Q3 (социальная нормативность) и Q4 (расслабленность/напряженность), то в нашем исследовании для всех детей оказались характерными низкие значения по шкалам B, D, E, F и высокие по шкале G. Поскольку дети, которые были обследованы нами, находятся в разных социальных условиях, то нет ничего удивительного в том, что в нашем исследовании обнаружилось различные данные у детей различных форм семейного воспитания.

И. М. Никольская и Р. М. Грановская согласно сочетанию цифрового диапазона средних значений описывают тип личности. На основе часто встречаемой типологии в каждом из факторов можно определить, хотя и приблизительно, наиболее преобладаемый тип личности младшего школьника. В основу данной типологии положена типология личности Р. Кеттелла, в которую входят гармоничный, конформный, чувствительный, тревожный, доминирующий, интровертированный, инфантильный типы и тип личности с задержкой интеллектуального развития. Последний тип личности нами не принимался во внимание, поскольку он требует точного подтверждения диагноза степени умственной отсталости. В некоторых факторах средние значения не вписывались в предлагаемый диапазон средних значений. Однако это не помешало нам определить наиболее часто встречаемую типологию личности в изученных группах.

В данном исследовании представилось возможным определить тип личности у детей из полных семей: у мальчиков – гармоничный, у девочек – гармоничный и чувствительные типы; у девочек из детского дома – гармоничный тип. У остальных детей тип личности определить не удалось. Следовательно, устойчивый тип личности формируется при постоянных семейно-воспитательных условиях, которыми являются полная семья и детский дом.

Статистически значимые коэффициенты корреляции при уровне значимости 0,05 одиннадцати личностных шкал по Кеттеллу (исключая шкалу В – мышление) и пятнадцати показателей интеллекта по Векслеру у детей младшего школьного возраста в первом срезе показали следующее (табл. 1).

У девочек, воспитывающихся в полной семье, хорошая долговременная память связана с высокой уравновешенностью и независимостью, а способность сохранять арифметические процессы – с независимостью. Зрительно-двигательная интеграция – с эмоциональной неуравновешенностью. Вербальный интеллект коррелирует с независимостью и беспечностью, а общий интеллект – с озабоченностью и низкой добросовестностью. Из четырех статистически значимых коэффициентов корреляции три связаны с вербальными способностями и только один – с не-

вербальными. В младшем школьном возрасте у девочек, воспитывающихся в полной семье, в большей степени с интеллектуальными функциями связан такой личностный фактор, как независимость.

У мальчиков младшего школьного возраста из полной семьи холодность связана с визуальной перцепцией и невербальным КИ, долговременная память, общая осведомленность и овладение понятиями соотносятся с эмоциональной стабильностью. Уравновешенность коррелирует со способностью к анализу соотношений, независимость – со скоростью арифметических операций, робость – с визуальной перцепцией, а смелость – с зрительно-двигательной интеграцией. Высокая напряженность соответствует хорошей осведомленности и визуальной перцепции отношений.

У девочек из детского дома способность усваивать основные арифметические процессы соотносится с такими личностными качествами, как независимость, беспечность, добросовестность, смелость и озабоченность (связь арифметического субтеста с факторами F, G, H, O). Однако ясно, каким образом способность к зрительно-двигательной интеграции способствует независимости (субтест «лабиринты» и фактор E). При этом общие вербальные способности позволяют им реалистично подходить к решению ситуации. У девочек из детского дома личностные факторы в большей степени связаны с вербальными способностями (пять из шести).

У мальчиков, воспитывающихся в детском доме, система связей интеллектуальных функций и личностных факторов еще более усложнена. Фактор С, высокие значения которого отражают уверенность в себе и спокойствие, связаны с хорошей визуальной перцепцией и способностью к синтезу невербального материала. Достаточная способность организовывать индивидуальный опыт и овладевать вербальными понятиями, а также хорошее функционирование кратковременной памяти коррелируют с подчинением взрослым при социальном взаимодействии. Визуальная образность и зрительно-моторная координация связаны с самоуверенностью и спокойным оптимистичным настроением. Личностные факторы одинаково связаны как с вербальными, так и с невербальными способностями. Поскольку у этих детей получено больше всего статистически

Таблица 1

Количество значимых коэффициентов корреляции у разных групп испытуемых

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни		Приемные дети	
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.
Векслер и Кеттелл	6 3,6%	11 6,7%	7 4,2%	16 9,7%	3 1,8%	5 3%	9 5,5%	5 3%
Величины	0,433–0,805	0,387–0,867	0,586–0,82	0,538–0,985	0,62–0,748	0,683–0,813	0,771–0,914	0,683–0,775

значимых коэффициентов корреляции, возможно, что именно мальчикам младшего школьного возраста, воспитывающимся в условиях детского, приходится в большей степени применять интеллектуальные способности (как вербального, так и невербального характера), чтобы взаимодействовать в социальном окружении и развивать свои личностные качества.

У детей, воспитывающихся в условиях детской деревни, получено меньше всего статистически значимых коэффициентов (всего три). Девочки, обладающие хорошей способностью к организации индивидуального опыта, обнаруживают высокую возбудимость или сверхреактивность на слабые провоцирующие стимулы. Хорошая визуальная перцепция связана у них с высокой активностью и настойчивостью, а зрительно-двигательная интеграция и зрительная образность – со склонностью к самоутверждению, стремлению к лидерству и доминированию. Мальчики из детской деревни, которые хорошо усваивают основополагающие арифметические процессы, безмятежны и спокойны и редко расстраиваются, а те, кто хорошо овладевает вербальными понятиями и имеет высокий общий интеллект, полны предчувствия неудач, легко выводятся из душевного равновесия и часто имеют пониженное настроение. У мальчиков, воспитывающихся в условиях детской деревни, больше всего с интеллектуальными функциями связан фактор О (самоуверенность и подавленность).

У девочек из приемных семей имеет место отрицательная связь фактора D (уравновешенность/возбудимость) с субтестами «кодирование» и «лабиринты», которые, в свою очередь, положительно связаны с фактором Н (робость/смелость). Субтест «общая осведомленность» имеет отрицательный статистически значимый показатель с фактором G (низкая/высокая добросовестность), а субтест «нахождение сходства» также отрицательно связан с фактором F (озабоченность/беспечность). Следовательно, эмоциональная уравновешенность соответствует у этих девочек таким интеллектуальным функциям, как хорошая кратковременная механическая память и зрительно-моторная интеграция, которые, в свою очередь, имеют место у застенчивых и робких детей. Хорошие способности в овладении вербальными понятиями и анализ соотношений соответствуют рассудительности, осторожности и предупредительности. Однако у девочек, воспитывающихся в данных условиях, у которых часто отмечается отсутствие стойкой мотивации и пренебрежение к своим обязанностям, отмечается хорошая долговременная память и организация индивидуального опыта. Общие коэффициенты интеллектуальности не связаны с личностными факторами.

У мальчиков из приемных семей «арифметический» субтест и «нахождение сходства» положительно связаны фактором F, «лабиринты» – положительно с фактором С, вербальный КИ – положительно с F, а невербальный – отрицательно с фактором С. Другими словами, беспечность связана с сохранением арифметических процессов и овладением вербальных понятий, а зрительно-моторная координация – с эмоциональной возбудимостью.

У мальчиков всех групп система связей личностных факторов и интеллектуальных функций имеет более сложный характер, поскольку у них получено больше, чем у девочек, статистически значимых коэффициентов.

Наиболее комплексная система связей, при которой наибольшее количество личностных факторов связано с интеллектуальными функциями, обнаружена у детей из полной семьи и детского дома.

У девочек всех групп постоянными личностными факторами, связанными с интеллектуальными функциями, оказались факторы D (уравновешенность/возбудимость), E (покорность/независимость) и F (озабоченность/беспечность), а варьирующими, т. е. встречающимися в системе статистически значимых связей только в какой-то из групп детей, – С (эмоциональная неустойчивость/стабильность), G (низкая/высокая добросовестность), H (робость/смелость) и O (самоуверенность/подавленность). У мальчиков факторами, которые имели статистически значимые результаты во всех группах, оказались факторы С (эмоциональная неустойчивость/стабильность) и E (покорность/независимость), а варьирующими – А (холодность/доброжелательность), D (уравновешенность/возбудимость), H (робость/смелость), I (твердость/мягкосердечность) и Q(4) (расслабленность/напряженность). Скорее всего, что те факторы, которые встречаются в данной системе связей у всех категорий детей, являются не зависящими от социальных условий воспитания, а те, которые варьируют в какой-либо определенной из обследуемой категории детей, являются зависимыми от таковых. Можно сделать вывод, что связь (или влияние на интеллектуальные функции) у девочек младшего школьного возраста уравновешенности/возбудимости, покорности/независимости и озабоченности/беспечности не является зависимой от условий семейного воспитания. У мальчиков таковыми являются эмоциональная неустойчивость/стабильность и покорность/независимость.

У девочек всех групп значимыми в системе связей с личностными факторами оказались следующие интеллектуальные функции: долговременная память и организация индивидуального опыта, усвоение основополагающих арифметических

процессов, овладение вербальными понятиями, визуальная перцепция, зрительно-двигательная и моторная координация. Все эти интеллектуальные способности не оказались в системе связей с личностными факторами у других категорий детей. Но у мальчиков связанными с личностными факторами оказались следующие интеллектуальные способности: сохранение арифметических процессов, овладение вербальными понятиями, кратковременная механическая память и зрительно-двигательная интеграция. Среди варьирующих способностей, которые встречаются в системе данных связей у мальчиков, оказались долговременная память, рассуждение при абстрагировании и овладение понятиями, визуальная перцепция и синтез невербального материала, а также вербальный и общий интеллект.

Следует отметить, что соотношение связей личностных факторов с вербальными и невербальными интеллектуальными способностями у всех категорий детей (как мальчиков, так и девочек) фактически одинаково, поскольку не было обнаружено у какой-либо из групп количественного преобладания коэффициентов корреляции в первых шести субтестах над субтестами невербального характера.

Ценностные ориентации (ЦО) являются техникой, направленной на изучение индивидуальных или групповых представлений о системе значимых ценностей, определяющих наиболее общие ориентиры их жизнедеятельности. Эти представления формируются в процессе социализации путем интериоризации групповых и общекультурных ценностей. Особенность ЦО состоит в том, что шкалирование фиксированного и заранее известного набора объектов (ценностей) по задаваемым инструкцией шкалам происходит с помощью процедуры ранжирования или парного сравнения.

Как предмет психологического исследования и психодиагностики ЦО занимают место на пересечении двух больших предметных областей: мотивации и мировоззренческих структур сознания. Они являются одной из самых личностно-значимых «зон».

Для изучения структуры ЦО использовался модифицированный вариант шкалы терминальных ценностей Рокича, в основе которого лежат ценностные представления испытуемых об идеальной (правильной) организации человеческой жизни. Модификация была проведена в диссертационном исследовании преподавателем кафедры общей и детской психологии О. В. Леганковой [8] с учетом младшего школьного возраста испытуемых. В качестве базовой использовалась форма Д как дающая более надежные результаты. Испытуемым предлагался набор из 15 карточек, на которых были представлены в

виде несложных словосочетаний различные терминальные ценности (ценности-цели). Например, «быть здоровым», «давать счастье другим», «любить и быть любимым» и т. д. После предварительного ознакомления и проверки адекватности восприятия смысла предлагаемых высказываний, испытуемым необходимо было проранжировать предложенные ценности, т. е. разложить карточки по порядку в зависимости от значимости соответствующего вида ценностных представлений для испытуемого. Для облегчения задачи в набор добавлено вводное незаконченное предложение: «В жизни надо стремиться к тому, чтобы...», которое испытуемые завершали при ранжировании. Ранговое место каждого высказывания и определяло показатель соответствующего типа ценности в когнитивном компоненте системы ЦО испытуемых. Начисление рангов производилось согласно общепринятой системе ранжирования: максимально высокому положению соответствовало минимальное ранговое значение. Иерархия системы ценностей определялась на основе первых трех, которые получили наименьший ранг, и трех максимальных значений. Все ценности были сгруппированы в три подгруппы: 1 – конкретные жизненные цели, 2 – ценности развития, творчества и активности и 3 – ценности межличностных отношений.

У всех детей прослеживается одинаковая тенденция как в сильно значимых, так и в менее значимых ценностях. Все дети на первое место в системе значимости ценностей отмечают здоровье (исключение составили мальчики из приемных семей, которые на первое место поставили ценность «поступать справедливо»). На втором месте также практически во всех группах детей стоит ценность «иметь хороших друзей» (кроме мальчиков из детской деревни). В наименее значимых ценностях дети отметили ценности активности и творческого развития – совершенствовать существующее, много рисковать и применять свои способности, т. е. дети не видят в себе потенциальный источник творческого развития и не стремятся совершенствовать и развивать свои способности.

Среди различий в иерархии ценностей можно отметить следующее: самый высокий ранг – быть здоровым (1,3) имеет место у девочек из детского дома, поступать справедливо (1,7) отметили мальчики из приемных семей, ценность здоровья (2,1) также ценят девочки из полных семей. Другими словами, в данном исследовании прослеживаются не столько различия в ценностях у детей при разных типах семейных условий, сколько половые различия. Дети из полных семей ставят перед собой весь диапазон ценностей, а дети при разных условиях попечения и усыновления концентрируются на конкретных жизненных целях.

Связь системы ценностей и вербального, невербального и общего интеллекта оказалась несколько не соответствующей первоначальному предположению.

Ожидалось, что будут получены статистически значимые показатели, прежде всего, в очень значимых ценностях. Однако связь интеллекта и ценностей зависит не от их значимости. У детей, воспитывающихся в разных семейных условиях, не только значимость ценностей оказалась разной, но и их связь с интеллектом также оказалась разной. Так, у девочек из полной семьи получены статистически значимые положительные коэффициенты (0,05) вербального интеллекта и таких ценностей, как «иметь хороших друзей» (высоко значимая ценность) и «много рисковать» (мало значимая ценность), которая также положительно связана и с общим интеллектом. С общим интеллектом отрицательно связана ценность «все время действовать» (средне значимая ценность). У мальчиков, воспитывающихся в полной семье, статистически значимых корреляций интеллекта и ценностей не обнаружено.

У девочек из детского дома имеет место положительная связь невербального интеллекта и ценности «все время действовать» (мало значимая ценность). У мальчиков получена отрицательная корреляция невербального интеллекта и ценности «иметь хороших друзей» (высоко значимая ценность) с мало значимой ценностью – «много рисковать», которая, в свою очередь, также отрицательно связана с общим интеллектом.

Вербальный интеллект у девочек, воспитывающихся в условиях детской деревни, связан с ценностями «получать новые знания» (сильно значимая ценность) и «давать счастье другим» (средне значимая ценность). У мальчиков обнаружены отрицательные связи вербального интеллекта и ценности «быть богатым» (средне значи-

мая ценность) с невербальным интеллектом и ценностью «применять свои способности» (низко значимая ценность).

У девочек из приемных семей значимые показатели касаются интеллекта и ценностей: «быть здоровым» (высоко значимая ценность) и ценность «любить и быть любимым» (высоко значимая ценность), а также средне значимая ценность «все время действовать» отрицательно связана с общим интеллектом.

Связь системы ценностей детей младшего школьного возраста и интеллекта (как вербального, невербального, так и общего) не определяется иерархичностью ценностных ориентаций. Поскольку ЦО включают две большие предметные области – мотивацию и мировоззренческие структуры сознания, то у детей, воспитывающихся в разных семейных и социальных условиях, воздействие интеллекта на формирование систему ценностей будет также происходить по-разному. Причем механизм этого воздействия у мальчиков и девочек будет также различный. Возможно, что это воздействие будет зависеть от того, насколько ребенок вообще способен осознавать и интеллектуально принимать те ценности и идеалы, которые ему предлагают родители и окружающие его взрослые. Если ценности, идеалы и личностные качества принимаются сразу несколькими микрогруппами, то она осознается и принимается намного быстрее. Отрицательный характер коэффициентов корреляции у мальчиков из детского дома и детской деревни (у остальных детей все коэффициенты имеют положительный знак) позволяют сделать предположение, что повышение интеллекта не способствует интеллектуальному принятию этими детьми некоторых ценностей.

Анализ значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта по Гилфорду и шестнад-

Таблица 2

Количество значимых коэффициентов корреляции у разных групп испытуемых

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни		Приемные дети	
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.
Векслер и ЦО	4	0	1	3	2	2	3	2
Величины	0,459–0,469	–	0,671	0,586–0,81	0,707–0,782	0,704–0,863	0,85–0,943	0,721–0,821

Таблица 3

Количество значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта и шестнадцати личностных факторов по Кеттелу у разных групп испытуемых

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни	Приемные дети
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.		
Социальный интеллект и Кеттел	2	4	2	0	1	2
Величины	0,312–0,32	0,254–0,561	0,47–0,532	–	0,224	0,47–0,785

цати личностных факторов по Кеттеллу (плюс самооценка) у подростков, воспитывающихся в разных семейных условиях, показал следующее.

У девочек из полной семьи ни в первом срезе, ни во втором срезе не было получено статистически значимых результатов ни по одной из исследуемых шкал. Тот же факт имел место у мальчиков из детского дома и у детей из детской деревни. У мальчиков из полной семьи были обнаружены отрицательная связь социального интеллекта и фактора В (мышление), положительная связь с фактором С (эмоциональная устойчивость/неустойчивость) и отрицательная – с фактором N (прямолинейность/гибкость). После проведения повторного исследования у мальчиков из полной семьи ни один из указанных коэффициентов корреляции не повторился, но был получен отрицательный коэффициент корреляции с фактором О (спокойный/беспокойный). Следовательно, результаты первоначального корреляционного анализа позволили описать мальчиков из полной семьи, которые имеют хорошие способности социального познания, как склонных медленно понимать материал при обучении, эмоционально устойчивых, трезво оценивающих действительность, однако одновременно застенчивых, сдержанных, неуверенных и робких. Но через год соотношение исследуемых характеристик изменилось. Те, кто способен извлекать максимум информации о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими, стали безмятежны, доверчивы и спокойны.

Девочки из детского дома показали положительную корреляцию социального интеллекта с фактором В (мышление) и отрицательную – с фактором F (серьезность/беспечность), а через год – положительную с фактором Q1 (склонность к новаторству/консерватизм). Следовательно, первоначально девочки-подростки, воспитывающиеся в условиях детского дома, имеющие хорошие способности социального интеллекта, характеризовались как более интеллектуально развитые и абстрактно мыслящие, осторожные, серьезные и молчаливые. Однако через год соотно-

шение личностных черт и социального интеллекта изменилось: девочки с хорошими способностями социальной перцепции – это экспериментирующие, критические, либеральные, аналитически и свободно мыслящие девочки.

У приемных детей способности к социальному познанию положительно связаны с фактором G, т. е. повышение данных способностей предполагает у этих детей наличие сознательности, настойчивости и обязательности. Однако данная связь не устойчива, поскольку при повторном исследовании не было получено ни одного статистически значимого коэффициента корреляции.

У девочек из полной семьи обнаружены положительная связь социального интеллекта и терминальных ценностей «материально обеспеченная жизнь» (6-й ранг) и отрицательная с ценностью «счастье других» (15-й ранг), а среди инструментальных – отрицательная с ценностью «аккуратность» (4-й ранг). Во втором срезе среди терминальных ценностей, связанных с социальным интеллектом, оказались «здоровье» (1-й ранг) и «творчество» (18-й ранг), которые имеют положительную направленность. Среди инструментальных ценностей все коэффициенты корреляции имеют отрицательный знак: «жизнерадостность» (3-й ранг), «смелость в отстаивании своего мнения и своих взглядов» (9-й ранг), «непримиримость к недостаткам в себе и других» (14-й ранг), «эффективность в делах» (15-й ранг), «рационализм» (17-й ранг). У мальчиков в первом срезе статистически значимых коэффициентов корреляции обнаружено не было. Но во втором срезе их оказалось семь. Социальный интеллект у мальчиков оказался отрицательно связан с терминальными ценностями «любовь» (3-й ранг), «развитие» (4-й ранг), «красота природы и искусства» (17-й ранг) и положительно с ценностями «жизненная мудрость» (6-й ранг), «общественное признание» (12-й ранг), «познание» (13-й ранг).

У детей из детского дома статистически значимых коэффициентов не обнаружено. У детей из детской деревни все коэффициенты имели положительный знак. Среди терминальных – это ценность «счастливая семейная жизнь» (4-й ранг), а среди инструментальных – «жизнерадостность» (11-й ранг).

Таблица 4

Количество значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта и ЦО у разных групп испытуемых

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни	Приемные дети
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.		
Социальный интеллект и ЦО	3	0	0	1	2	3
Величины	0,368–0,523	–	–	0,558	0,445–0,598	0,69–0,79

У детей из приемных семей социальный интеллект положительно связан с терминальными ценностями «наличие хороших и верных друзей» (3-й ранг) и «свобода» (5-й ранг) и с инструментальными – «самоконтроль» (11-й ранг). Следовательно, можно обобщить, что у девочек подросткового возраста, воспитывающихся в полной семье, мальчиков, воспитывающихся в детском доме, а также детей того же возраста, воспитывающихся в условиях детской деревни, функционирование социального интеллекта в общем не связано с теми личностными факторами, которые описаны Р. Кеттеллом. Скорее всего, какие-то другие личностные качества и особенности будут влиять на образование и развитие адекватности понимания поведения людей. Либо данный возрастной период является переломным в становлении социального интеллекта, после которого идет подъем его развития и функционирования (по Б. Г. Ананьеву). Но это предположение требует исследования связи социального интеллекта и личности с помощью других методик, либо в изучении данного феномена необходимо проведение более длительного лонгитюдного исследования. У мальчиков из полной семьи способности к социальному познанию больше связаны с эмоциональными характеристиками личности, а у девочек из детского дома – с интеллектуальными. У детей из приемных семей исследуемая связь малочисленна и неустойчива.

Связь социального интеллекта и системы ценностей у детей подросткового возраста определяется не значимостью ценностей, а их содержанием. Само социальное взаимодействие, в котором и развиваются способности социального познания, «диктует» ребенку ценности, которые должны быть приняты им как личностью. И именно они позволяют (или не дают возможности) развиваться социальному интеллекту. Все зависит от того, насколько значимым для ребенка будет это взаимодействие (именно этим и определяется сила его воздействия), и насколько устойчивы (или постоянны) будут черты его личности.

У детей, воспитывающихся в полной семье, в большей степени, чем у детей, оставшихся без опеки родителей, детей из детской деревни и приемных семей, социальный интеллект связан с системой ценностей. Причем у девочек социальный интеллект отрицательно связан с инструментальными, а у мальчиков – положительно с терминальными ценностями, которые касаются межличностных отношений и индивидуального развития. У девочек из детского дома способность к социальному познанию практически не связана с системой ценностей. У мальчиков все ценности, которые связаны с социальным интеллектом, касаются индивидуального развития. Это

можно объяснить ограничением социального взаимодействия данной категории детей. У детей из детской деревни социальный интеллект коррелирует с группой терминальных (т. е. целевых) ценностей, а у детей из приемных семей – с инструментальными (т. е. с помощью чего и как цели будут достигнуты), хотя количество этих связей невелико. Ценности, которые имеют связь с социальным интеллектом, у детей из детской деревни и приемных детей объединить в какую-либо группу не представилось возможным.

Сравнение детей всех исследуемых групп позволяет сделать вывод о существенных различиях между группами по показателям интеллектуального и личностного развития. Прежде, чем сделать вывод о нахождении ребенка в детском доме или какой-либо из форм опеки как источнике данных различий, необходимо рассмотреть достоинства и недостатки использованного плана исследования. Понятно, что исследователь не имеет возможности контролировать переменную «наличие семьи», что с необходимостью ведет к принятию плана «ex post facto», т. е. сравнения групп после свершившегося факта. Это всегда таит опасность невалидного вывода, поскольку при отсутствии контроля независимая переменная «наличие семьи» смешана с другими потенциально значимыми переменными. Следовательно, для повышения валидности выводов представляется необходимым рассмотреть альтернативные интерпретации полученных результатов. Результаты сравнения всех групп по тесту Векслера могли бы быть объяснены в терминах различных начальных характеристик детей во всех группах. Действительно, почему следует приписывать различия влиянию детского дома, а не предположить, что в детский дом изначально поступают дети с худшими перспективами развития? Данное предположение может быть опровергнуто на том основании, что показатели развития детей из детского дома коррелируют с возрастом поступления ребенка в детский дом и длительностью его пребывания там. Корреляция между переменными А и В свидетельствует о том, что либо А влияет на В, либо В влияет на А, либо А и В имеют общий источник влияния – третий фактор С.

Понятно, что влияние показателей развития на возраст поступления в детский дом или к приемным родителям можно легко исключить. Следовательно, серьезным альтернативным объяснением остается существование третьего фактора, влияющего на показатели развития. Таким фактором может быть, например, наследственность. К сожалению, настоящее исследование не позволяет ни элиминировать данное альтернативное объяснение, ни представить поддерживающие его эмпирические данные. Необходимы новые исследу-

дования с идентификацией и тщательным измерением независимых переменных.

Аналогичные аргументы могут быть приведены относительно выявленных различий в когнитивном и личностном развитии. Вместе с тем наличие общего для всех показателей развития паттерна, когда эти показатели существенно различаются у детей всех групп (а в группе воспитанников детского дома данные показатели связаны с возрастом поступления в него и длительностью пребывания там), позволяет допустить, что именно пребывание в детском доме оказывает влияние на развитие детей. Необходимо ввести в исследование меры детдомовского контекста (например, социальной изоляции детей, взаимоотношений между сотрудниками и воспитанниками), и исследовать связь этих мер с показателями развития.

Несмотря на большое количество эмпирического материала и огромное желание исследователей однозначно приписать нарушения или отставания в развитии ребенка факту пребывания его в детском доме или каким-либо формам опеки и тем самым окончательно найти ответ на вопрос относительно данных, сделать это пока еще не удалось.

Примечания

1. *Ананьев Б. Г.* Проблемы комплексного изучения развития интеллекта и личности // Человек и общество проблемы социализации индивида: сб. ст. / под общ. ред. Б. Г. Ананьева, М. Д. Дворяшиной, В. Т. Лисовского. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1973. С. 3–7.

2. Измерение интеллекта детей / под ред. Ю. З. Гильбуха. Киев: Изд-во РОВО УКРВОЗПОЛИГРАФ, 1992.

3. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттелла: метод, рекомендации / сост. Э. М. Александровская и И. Н. Гильяшева. Л.: Изд-во НПИ им. В. М. Бехтерева, 1985.

4. *Елисеев О. П.* Конструктивная типология и психодиагностика личности / под ред. В. Н. Панфилова. Псков: Изд-во Псков. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1994.

5. *Михайлова (Алешина) Е. С.* Методика исследования социального интеллекта. СПб.: ГП., 1996.

6. *Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: «СМЫСЛ», 1992.

7. *Никольская И. М., Грановская Р. М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Изд-во «Речь», 2001.

8. *Леганькова О. В.* Роль ценностных ориентаций в структуре интегральной индивидуальности младших школьников: дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2001.

УДК 378.147

Е. П. Киселева

ДИНАМИКА НАПРАВЛЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗВИВАЮЩИХ ЗАНЯТИЙ

В статье рассматриваются особенности динамики направленности учебной мотивации в ходе специально организованных занятий по развитию способности к принятию собственной личности и актуализации стремления к самосовершенствованию. Представлены описание развивающей программы и анализ полученных результатов исследования.

In article are discussed peculiarities of students learning motivation direction dynamics during specially organized lessons on the development of abilities to accept their own personalities and actualization self-perfection aspiration. Description of the developing program and the study results analysis is presented.

Ключевые слова: направленность учебной мотивации, принятие собственной личности, стремление к самосовершенствованию.

Keywords: learning motivation direction, self-acceptance, self-perfection aspiration.

В современной педагогической психологии восприятие студента как активного субъекта учебного процесса становится наиболее приемлемой позицией. Образовательный процесс в вузе направлен не только на получение необходимого объема знаний об основах наук, создание условий для овладения общими и профессиональными умениями, но также на развитие потребности познавать, формирование субъектной позиции студента.

Действенным средством совершенствования практики обучения в вузе является повышение уровня учебной мотивации, так как мотивы являются главной движущей силой в деятельности человека, в процессе становления и развития его личности, в формировании будущего специалиста-профессионала (Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, Д. И. Фельдштейн и др.).

В отечественной психологии имеется большое количество исследований, посвященных изучению учебной мотивации студентов (А. А. Вербицкий, Ю. П. Платонов, Т. А. Платонова, В. А. Якунин и др.). Меньшее количество исследований посвящено вопросам направленности учебной мотивации.

Обобщению и анализу исследований по особенностям направленности мотивации посвящены работы Т. В. Борзовой, Т. О. Гордеевой, Д. А. Леонтьева, В. Э. Мильмана, Ю. М. Орлова,

В. И. Чиркова, Т. Д. Дубовицкой, В. А. Климука. Особенности направленности учебной мотивации на студенческой выборке исследовала А. Г. Бугрименко, Ю. Л. Верхова и др.

Однако до настоящего времени недостаточно изученной остается проблема направленности учебной мотивации студентов вуза и факторов, ее определяющих.

По направленности мотивацию делят на внутреннюю (интринсивную) и внешнюю (экстринсивную). Внешняя мотивация – конструкт для описания детерминации поведения в тех ситуациях, когда факторы, которые его инициируют и регулируют, находятся вне «Я» личности или вне поведения [1].

Проблема внутренней мотивации стала разрабатываться в работах Эдварда Л. Деси и Ричарда М. Райана. Внутренняя мотивация понимается Э. Деси и Р. Райаном как врожденная характеристика человека, основанная на применении своих интересов и упражнении своих способностей, включающая стремление к поиску и преодолению задач оптимального уровня сложности. Внутренняя мотивация – выполнение определенной работы из-за интереса к ней, субъективного ощущения ее ценности. При выполнении деятельности, которая мотивирована внутренне, человек ощущает удовлетворение, покой, быстрое течение времени, исчезает все лишнее, остается лишь работа – появляется «ощущение потока» (М. Чиксентмихали).

Отмечая взаимообусловленность внешней и внутренней мотивации, некоторые психологи и педагоги ведущую роль отводят внешней мотивации. При этом они не отрицают и непременно наличие и значения внутренней мотивации (И. А. Зимняя, В. А. Сонин и др.).

Каждый вид мотивации имеет свои плюсы и минусы, оказывая различное влияние на психические процессы. Более верной представляется точка зрения В. И. Чиркова, считающего, что наиболее положительное влияние как на познавательные процессы, так и на личность в целом оказывает внутренняя мотивация. Внутренне мотивированное поведение может продолжаться достаточно долго при отсутствии всяких видимых наград. В творческом плане оно способствует креативности и положительно влияет на когнитивную гибкость. В эмоциональном плане внутренняя мотивация способствует получению удовольствия от работы, вызывает эмоции интереса и радостного возбуждения. Кроме того, преобладание внутренней мотивации повышает самоуважение [2].

Учебная мотивация и ее направленность обуславливаются многими объективными и субъективными факторами. К объективным факторам относят: образовательную систему, особенности

образовательного учреждения, специфику учебного предмета и др. К субъективным факторам – особенности педагога и студента, специфику их взаимодействия (Б. Г. Ананьев, Н. Е. Горская, С. А. Жорник, И. А. Зимняя, К. О. Меджитова и др.).

Важнейшими субъективными особенностями студентов являются самоуважение, самооценка, самопринятие и др. Ценность самопринятия подчеркивается многими исследователями (Р. Бернс, В. Г. Маралов, В. В. Столин, К. Роджерс и др.).

В соответствии с этим можно предположить, что самопринятие студента как отношение к себе будет оказывать влияние и на отношение к деятельности, её результативность, повлияет на мотивацию учения.

В то же время имеются данные о том, что само по себе высокий уровень самопринятия еще не обеспечивает результативности деятельности и успешного функционирования личности в социуме (Ф. Перлз, К. Роджерс и др.). Он должен сочетаться одновременно с выраженным стремлением личности к самосовершенствованию.

В частности, С. М. Рогожниковой показано, что соотношение самопринятия и стремления к самосовершенствованию обуславливает развитие коммуникативной компетентности (исследование проведено на примере педагогов). Она выделяет типы взаимодействия самопринятия и тенденции к самосовершенствованию педагогов: самоактуализирующийся, характеризующийся высоким уровнем самопринятия и выраженной тенденцией к самосовершенствованию; самодостаточный, отличающийся высоким уровнем самопринятия и невыраженной тенденцией к самосовершенствованию; самоутверждающийся – невысокое самопринятие, но выраженная тенденция к самосовершенствованию; внутренне конфликтный – невысокое самопринятие и невыраженная тенденция к самосовершенствованию [3].

Н. Л. Прохорова выделяет базовую часть тенденции к самосовершенствованию – мотивацию достижения и в совокупности с самопринятием рассматривает эти особенности как фактор ориентации педагогов на личностную модель взаимодействия с детьми. Эти данные наводят на мысль, что высокий уровень самопринятия только тогда будет детерминировать внутреннюю направленность мотивации учебной деятельности, когда он сочетается со стремлением личности постоянно развиваться, совершенствоваться.

Следует констатировать, что в таком ключе проблема в педагогической психологии практически не рассматривается, тогда как ее решение позволяет выявить достаточно сложные психологические механизмы влияния отношения к себе на отношение к деятельности. В свою очередь, это даст возможность формировать адекватную

мотивацию учебной деятельности через актуализацию позитивного отношения к себе и стремления к личностному росту [4].

Развивающая программа в исследовании направлена на выработку ответственного отношения к жизни в целом и учебной деятельности, на возможность почувствовать себя источником собственного жизнотворчества. Оптимизация уровня самопринятия и стремления к самосовершенствованию становится необходимой базой для такого отношения.

Методологической основой развивающей работы стали положения концепции личностной причинности (Р. де Чармс и др.), теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан). В соответствии с теорией самодетерминации Деси и Райана (в своих исследованиях они опирались на теорию мотивации А. Маслоу, работы Ф. Хайдера, Р. де Чармса и Р. Уайта) внутренне мотивированное поведение заключается в удовлетворении трех базовых потребностей: в самодетерминации, компетентности и близких отношениях с другими людьми.

К участию в эксперименте были привлечены 3 академические группы студентов третьего курса социально-гуманитарного и психологического факультетов Вятского государственного гуманитарного университета. За счёт этого эффект «состава группы» в нашем случае был сведён к минимуму.

1. Первая группа – экспериментальная. Практическая развивающая программа в данной группе была направлена на повышение уровня самопринятия и стремления к самосовершенствованию. В эту группу вошли студенты психологического и социально-гуманитарного (специальность «Организация работы с молодежью») факультетов в количестве 40 человек. Группа была разделена на четыре подгруппы для повышения эффективности занятий.

2. Вторая группа – контрольная. В данной группе не было произведено никаких психологических воздействий. В нее вошли студенты психологического и социально-гуманитарного (специальность «Социальная работа») факультетов в количестве 24 человек.

До начала формирующего эксперимента группы имели показатели, достоверно не отличающиеся друг от друга (уровень значимости отличий по критерию U Манна – Уитни больше 0,68). Так, студентов с высоким уровнем самопринятия в экспериментальной группе было 48%, в контрольной – 60%, студентов с высоким уровнем стремления к самосовершенствованию в экспериментальной группе было 44%, в контрольной – 38%, студентов с внутренней мотивацией в экспериментальной группе было 44%, в контрольной – 33%.

Проведение формирующего эксперимента охватывало три этапа:

– подготовительный этап включал подбор экспериментальной и контрольной групп студентов, а также их предварительное тестирование с целью выявления исходного уровня самопринятия и стремления к самосовершенствованию, разбиение существующих выборок на типы по сочетанию самопринятия и стремления к самосовершенствованию;

– основной этап включал непосредственное проведение развивающих практических занятий со студентами экспериментальной группы;

– на заключительном этапе проводились повторное тестирование, изучение и анализ результатов экспериментального воздействия.

В ходе формирующего эксперимента была реализована комплексная программа, нацеленная на оптимизацию самопринятия и актуализацию стремления к самосовершенствованию. Формирующий эксперимент проходил в течение одного семестра учебного года.

В основу эксперимента была положена гипотеза о том, что динамика направленности мотивации в сторону внутренней возможна через повышение уровня самопринятия и актуализацию стремления к самосовершенствованию.

Темы всех занятий комплексной развивающей программы в целом включаются в два основных направления: развитие способности к принятию собственной личности и актуализация стремления к самосовершенствованию. Темы были подобраны таким образом, чтобы способствовать развитию субъектности студентов, выработать способность видеть причины происходящего в их жизни в истоках собственной личности. Все содержание программы было построено на материале, связанном с учебной деятельностью и учебной мотивацией.

В направление «Развитие способности к принятию своей личности» вошли занятия по следующим темам: «Самопознание. Какой я студент?», «Работа с чувствами: обиды», «Самопринятие себя как студента». Самопознание необходимо для того, чтобы расширить представления о себе как о студенте, о своих принимаемых и непринимаемых качествах, помогающих или мешающих в учебной деятельности. Неприятие качеств часто сопровождают негативные эмоциональные переживания, например обиды на себя, на преподавателей, на сокурсников, которые мешают процессу самосознания и самопринятия. Непосредственно обучение самопринятию происходит на занятиях с аналогичным названием.

В направление «Актуализация стремления к самосовершенствованию» вошли занятия по темам: «Как достичь целей в учебной деятельности», «Иррациональные суждения (ограничиваю-

щие убеждения) в учебной деятельности», «Стремление к самосовершенствованию. Я – идеальный студент». Для осознания направлений своего совершенствования в качестве студента определяются приоритетные цели. Далее для достижения более эффективных результатов определяются иррациональные суждения, которые мешают учебе. Иррациональность, в соответствии с концепцией рационально-эмотивной терапии А. Эллиса, подразумевает мышление, чувства и поведение, препятствующее достижению поставленных целей [5].

На занятии «Стремление к самосовершенствованию. Я – идеальный студент» происходит углубление процессов самораскрытия и разработка идеальной модели себя как идеального студента.

Групповой процесс развивающих практических занятий включал следующие виды методических средств, приёмов и заданий: мини-лекции («Возможные мотивы достижения целей в учебной деятельности», «Что такое рациональные и иррациональные суждения» и др.); беседы («Самопринятие», «Критерии ответственного отношения к учебе» и др.); рефлексивный анализ; задания на самопознание, самопринятие и самосовершенствование; упражнения на повышение самопринятия, стремления к самосовершенствованию; медитационные, релаксационные техники («Успех», «Мудрец из храма») и др. При разработке содержания использовались как известные упражнения и их модификации, так и авторские упражнения.

По результатам итогового исследования самопринятия и стремления к самосовершенствованию контрольной и экспериментальной групп, программа отличается достаточно высокой эффективностью.

В связи с тем, что самопринятие в рамках данного исследования рассматривается в сочетании с самосовершенствованием, считаем необходимым остановиться изначально на анализе разделения студентов в контрольной и экспериментальной группах на типы сочетания самопринятия и тенденции к самосовершенствованию.

В таблице представлено распределение студентов по типам соотношения самопринятия и

стремления к самосовершенствованию в контрольной и экспериментальной группах.

Приведенные данные наглядно иллюстрируют тот факт, что проведение эксперимента существенно повлияло на увеличение количества студентов самоактуализирующегося типа в экспериментальной группе (с 18 до 70%). Больше количество студентов стало принимать себя и стремиться к самосовершенствованию. Снизился процент студентов самоутверждающегося (с 26 до 22%) и внутренне конфликтного типов (с 26 до 4%).

В контрольной группе также увеличился процент студентов самоактуализирующегося типа (с 14 до 23%), но эти изменения не так значимы, как в экспериментальной группе. Незначительные изменения произошли и по другим типам. На основании данных фактов можно сделать вывод, что высокое самопринятие в сочетании с выраженной тенденцией являются фактором направленности мотивации в сторону внутренней.

Для подтверждения значимости сдвигов мы использовали критерий χ^2 – угловое преобразование Фишера. На статистически достоверном уровне значимости различается количество самоактуализирующихся ($\chi^2 = 4,06$, при $p \leq 0,01$), самодостаточных ($\chi^2 = 2,77$, при $p \leq 0,01$), внутренне конфликтных ($\chi^2 = 2,44$, при $p \leq 0,05$) студентов в экспериментальной группе. В контрольной группе статистически значимых различий нет.

По результатам эксперимента наблюдаются значимые изменения мотивации во всех типах взаимодействия самопринятия и стремления к самосовершенствованию. Положительные сдвиги произошли у студентов самоактуализирующегося и самодостаточного типов, отрицательные – у студентов самоутверждающегося и внутренне конфликтного типов.

Вследствие произошедших изменений значительно изменилось количество внутренне мотивированных студентов в экспериментальной группе (с 44 до 63%, значимость по Т-критерию Вилкоксона – на уровне 0,001).

В контрольной группе под влиянием некоторых неконтролируемых переменных произошли

Распределение студентов по типам соотношения самопринятия и стремления к самосовершенствованию в контрольной и экспериментальной группах, %

Типы сочетания самопринятия и стремления к самосовершенствованию	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
Самоактуализирующийся	18	70	14	23
Самодостаточный	30	4	48	43
Самоутверждающийся	26	22	24	19
Внутренне конфликтный	26	4	14	15

отрицательные сдвиги в направленности мотивации. Студентов с внутренней мотивацией стало меньше на 5% (с 33 до 28%). Можно предположить, что данные изменения связаны с окончанием учебного года, накопившейся усталостью и нежеланием двигаться куда-то дальше, тревожными ожиданиями перед предстоящей сессией. В то время как у студентов, прошедших комплекс развивающих занятий, не только повысился уровень самопринятия и стремления к самосовершенствованию, но и мотивация приобрела в большей степени внутренний характер.

Показательны данные анонимных письменных самоотчетов, полученных на завершающем занятии: «Я почувствовала больше уверенности в себе, поняла, что именно я и никто другой, делаю жизнь свою, мир вокруг меня», «Я приняла все свои отрицательные качества, перевела их в положительные, почувствовала уверенность в учебе и, главное, в самой себе», «Тренинг дал больше понять себя и сделать определенные позитивные выводы для дальнейшей самореализации в учебе и жизни», «Благодаря тренингу я действительно почувствовала целостность своей личности, отсутствие конфликта. Тренинг вселил в меня уверенность в том, что нужно действовать и мое время настало».

Отдельно оценивались ответы на вопрос «Произошли ли какие-либо изменения в Вашем отношении к учебе после тренинга?», которые были получены во время итоговой диагностики. Студенты отвечали, что появилось больше уверенности в своих силах, повысилась академическая успеваемость, стало легче и интереснее учиться, некоторые предметы стали иметь большее значение, повысилась целеустремленность.

Практические занятия в рамках комплексной программы, направленной на оптимизацию самопринятия и стремления к самосовершенствованию, на достоверном уровне значимости повлияли на самопринятие, стремление к самосовершенствованию и направленность мотивации.

В экспериментальной группе значительно увеличилось количество студентов самоактуализирующегося типа, характеризующегося высоким самопринятием и выраженной тенденцией к самосовершенствованию. Снизился процент студентов внутренне конфликтного типа. Все эти данные позволяют делать вывод о том, что самопринятие в сочетании с тенденцией к самосовершенствованию является значимым фактором динамики направленности мотивации в сторону внутренней, что дает возможность решения задач повышения эффективности и качества учебного процесса в вузе.

Примечания

1. Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.
2. Там же.
3. Рогожникова С. М. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию как фактор развития коммуникативной компетентности учителя: дис. ... канд. психол. наук. Череповец, 2002.
4. Киселева Е. П. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию субъектов образовательного процесса вуза как фактор направленности учебной мотивации студентов: дис. ... канд. психол. наук. Киров, 2008.
5. Стишенок И. В. Тренинг уверенности в себе: развитие и реализация новых возможностей. СПб.: Речь, 2006.

ПЕРСОНАЛИИ

ВЯЧЕСЛАВУ НИКОЛАЕВИЧУ ОНОШКО – 70 ЛЕТ

За почти столетнюю историю существования нашего вуза здесь работало не одно поколение ученых, преподавателей, сотрудников, приумножавших научно-исследовательские достижения, накапливавших богатый педагогический опыт, укреплявших авторитет своей alma mater.

Имена и дела наиболее ярких и талантливых ученых и преподавателей навсегда вписаны в историю нашего университета.

Несомненно, профессор Вячеслав Николаевич Оношко, отдавший 44 года жизни нашему вузу – один из немногих, кого по праву и без преувеличения можно назвать людьми-легендами, яркими образцами высокого служения российской науке и образованию, педагогического мастерства и человеческого обаяния.

28 мая 2011 г. исполняется 70 лет со дня рождения заведующего кафедрой романо-германской филологии ВятГГУ, члена-корреспондента Международной академии наук педагогического образования, отличника народного просвещения СССР, заслуженного работника высшей школы РФ – Вячеслава Николаевича Оношко.

Его жизнь – удивительно насыщенная и плодотворная – наполнена большой и содержательной научно-исследовательской, педагогической и организаторской работой.

Интеллектуальные и нравственные основы этой неординарной личности закладывались в его учительской семье – отцом, Николаем Александровичем, участником Великой Отечественной войны, и матерью – Галиной Иосифовной.

Окончив факультет иностранных языков по специальности «учитель немецкого и английского языков средней школы», В. Н. Оношко с 1965 по 1967 г. работал учителем немецкого языка и завучем Безбожниковской средней школы Мурашинского района Кировской области, а с сентября 1967 г. – на кафедре немецкого языка Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. В 1974 г. окончил очную аспирантуру при кафедре немецкого языка Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. В 1975 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С 1976 г. в течение 31 года возглавлял факультет лингвисти-

тики. В феврале 1992 г. он избран на должность заведующего кафедрой романо-германской филологии.

Вячеслав Николаевич проявил деловые и организаторские способности в решении сложных научных и учебных вопросов, в укреплении материально-технической базы факультета. При его непосредственном участии было подготовлено около 3000 дипломированных специалистов иностранного языка.

Научные труды В. Н. Оношко явились значительным вкладом в развитие такого перспективного направления в лингвистике, как синтаксическая семантика. Он опубликовал 92 научные работы, среди которых 3 учебных пособия (одно издано в Голландии), монография.

В. Н. Оношко является научным руководителем аспирантуры по специальности 10.02.04 – германские языки. За последние годы подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации 12 выпускников аспирантуры, четверо из них сейчас работают над докторскими диссертациями. В настоящее время Вячеслав Николаевич руководит работой 5 аспирантов.

Как член учебно-методической комиссии по второму иностранному языку при Министерстве

просвещения СССР в 1980–1985 гг. В. Н. Оношко участвовал в разработке программы по второму иностранному языку для институтов и факультетов иностранных языков. Он является членом учебно-методического объединения по лингвистическому образованию России при Московском государственном лингвистическом университете, членом Координационного научно-методического центра по иностранным языкам при Нижегородском государственном лингвистическом университете.

В. Н. Оношко – один из ведущих преподавателей ВятГГУ. Его лекции по «Введению в языкознание», «Истории лингвистических учений», «Сравнительным типологиям немецкого и русского языков», «Теоретической фонетике немецкого языка» и многие другие отличаются тщательностью подготовки, ясностью и четкостью изложения. Под руководством В. Н. Оношко составлена серия научно-методических рекомендаций по немецкому языку. Многочисленные выпускники факультета с благодарностью вспоминают лекции В. Н. Оношко, где он с большим тактом и педагогическим мастерством вводил слушателей в мир новых и сложных идей и понятий лингвистики. Не забудут они его душевную, поистине отеческую заботу о каждом студенте, искреннее стремление помочь. В числе его учеников 2 профессора, 19 доцентов, 2 декана факультетов, 3 заведующих кафедрами, 2 дипломата, директора и завучи школ, главы администраций органов местного самоуправления, переводчики, журналисты, сотрудники радио и телевидения, ответственные работники ФСБ и УВД. В марте 2009 г. В. Н. Оношко награжден нагрудным знаком Министерства образования и науки Российской Федерации «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

В. Н. Оношко постоянно работает над повышением своего научно-теоретического уровня. Он проходил языковую стажировку в Венском университете (Австрия), в университетах Германии. По линии Министерства образования РФ был

руководителем делегации преподавателей немецкого языка вузов России в Австрии (1993 г.), руководителем делегации учителей немецкого языка Кировской области в Германии (1980 г.).

В. Н. Оношко оказывает постоянную помощь администрации области и города в укреплении международных контактов. Он входит в состав Совета немецкого культурного центра и шведского культурного центра. Вячеслав Николаевич курирует языковую подготовку участников президентской программы повышения квалификации.

В. Н. Оношко проводит большую работу по совершенствованию преподавания иностранных языков среди учителей г. Кирова и области; курирует проведение Всероссийской олимпиады по иностранным языкам «Полиглот», проводимой с 2003 г. МГУ на базе Вятской гуманитарной гимназии.

Талантливый человек талантлив во всем. Когда-то, будучи юным выпускником школы, Вячеслав Николаевич не мог определиться и выбрать одно из двух страстных стремлений – театральные подмостки или изучение иностранных языков. Поэтому он и поступил одновременно и в театральное училище, и на инфак.

К счастью, тяга к языкам, блестящие лингвистические способности победили. Но любовь к театральному искусству, опере, балету, декламации Вячеслав Николаевич сохранил на всю жизнь. И как знать, может, исполняя профессионально оперные арии и украинские народные песни, он вспоминал город своего детства, небольшой и уютный Казатин Винницкой области. Его пение завораживает и очаровывает потому, что идет из глубин души, от щедрого сердца.

Поздравляя Вячеслава Николаевича с юбилеем, мы рады видеть его в расцвете творческих сил, полным энергии и оптимистических замыслов. Коллеги, друзья, ученики желают Вячеславу Николаевичу Оношко крепкого здоровья, новых побед и «лет до ста расти Вам без старости, год от года расти Вашей бодрости»!

ВЛАДИМИРУ СТЕПАНОВИЧУ ДАНЮШЕНКОВУ – 60 ЛЕТ

Владимир Степанович Данюшенков родился 29 апреля 1951 г. в городе Армавире Краснодарского края в семье интеллигентных, глубоко порядочных людей. Царившие в семье чувства уважения, согласия и любви навсегда остались для Владимира Степановича приоритетными жизненными ценностями. Страстное увлечение со школьных лет различными видами спорта – легкой атлетикой, лыжами, гандболом – способствовало воспитанию черт настоящего лидера – упорства, воли к победе, спортивного азарта и бесстрашия.

После окончания восьмилетней школы в г. Шахтерске на Сахалине в 1965 г. В. С. Данюшенков уезжает в Комсомольск-на-Амуре и становится студентом самолетостроительного факультета политехнического техникума. Незаурядные интеллектуальные способности Владимира Степановича позволили ему, обучаясь на III курсе техникума, одновременно экстерном закончить вечернюю среднюю школу и в 1969 г. поступить в педагогический государственный институт. Уже обучаясь на III курсе физического факультета, В. С. Данюшенков работает в должности лаборанта кафедры общей физики, ему доверяют проведение практических занятий для однокурсников. Даже в период военной службы на острове Даманском В. С. Данюшенков находит силы и время для подготовки к кандидатскому экзамену по философии. После возвращения из рядов вооруженных сил в 1974 г. трудовая деятельность Владимира Степановича продолжается в должности учебного мастера кафедры общей физики педагогического института г. Комсомольск-на-Амуре. В это время окончательно утверждаются научные интересы молодого преподавателя, связанные с методикой обучения физике.

С 1 октября 1976 г. В. С. Данюшенков становится аспирантом Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. 1 ноября 1979 г. после успешной защиты кандидатской диссертации на тему «Осциллографирование в курсе физики средней школы» начинается «вятский период» жизни молодого ученого. В нашем университете пройден путь от должности ассистента кафедры общей физики до доктора педагогических наук, профессора Вятского государственного гуманитарного университета, члена-корреспондента Российской академии образования. Ещё до поступления в докторантуру (1992 г.) В. С. Данюшенковым опубликовано 20 научных работ в центральных журналах «Квант», «Физика в школе», «Новые исследования в педагогических науках», написаны сценарии к ряду учебных фильмов студии «Школфильм». Яркой страницей

в научной жизни Владимира Степановича является его деятельность на Кубе (в 1988 г. командирован на 2 года) в качестве преподавателя-консультанта, заведующего кафедрой физики педагогического института им. С. Бланко. В этот период ученым написано учебное пособие по истории физики, учебник по дидактике физики, опубликовано 6 статей в различных авторитетных журналах. Возвратившись в Киров, В. С. Данюшенков в 1996 г. блестяще защищает докторскую диссертацию на тему «Целостный подход к формированию познавательной активности личности в обучении». К этому времени Владимиром Степановичем опубликовано 18 книг, значительная часть из которых вышла в центральных издательствах. Идеи системно-целостного подхода в образовании остаются актуальными по сей день. В 1996 г. молодой доктор с высоким творческим и административным потенциалом назначается проректором по научной работе Вятского государственного педагогического университета. Научный авторитет В. С. Данюшенкова неуклонно возрастает: ученый выступает на международных конференциях; участвует в международных программах «Наука вокруг Европы», «США в помощь образовательным реформам России» и т. д.; становится вице-президентом ассоциации учителей физики Российской Федерации, академиком Академии педагогических и социальных наук России.

С мая 1999 г. по февраль 2010 г. В. С. Данюшенков работает ректором ВятГГУ. В этот период в нашем вузе произошли значительные перемены, кардинально изменившие структуру, идеологию и

роль вуза в подготовке высокопрофессиональных кадров, способных оказать заметное влияние на экономику региона, его науку, образование и культуру. Вуз приобрел статус классического гуманитарного университета и укрепил свои позиции также в области проведения фундаментальных и прикладных научных исследований. Владимир Степанович – руководитель научной школы «Развитие личности посредством формирования познавательной активности в процессе обучения», которая сегодня интенсивно развивается. Под его руководством ежегодно разрабатывается более десятка исследовательских проектов для различных фондов. Владимир Степанович являлся и является руководителем таких грантов, как ГО2-2.2.-20 МО РФ «Роль и место адаптивных технологий в системе активизации познавательной деятельности учащихся сельских школ» (2002–2004 гг.); проект «Университеты России» № УР.10.01.014 «Исследование специфики влияния интегрированного и дифференцированного обучения на формирование познавательной активности школьника в условиях сельской школы» (2002–2003 гг.); ГРНТИ 14.25.07 «Исследование эффективности применения интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе» (2005–2009 гг.); ГРНТИ 14.25.07 (2.1.10) «Исследование принципов и закономерностей функционирования деятельности самокомпетентностного обучения в новой сельской школе» (2010–2013 гг.); тематический план университета «Исследование закономерностей формирования познавательной активности обучающихся в инновационной образовательной среде» (2009–2011 гг.) и др.

Владимир Степанович стоял у истоков создания Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра Российской академии образования в 2006 г., председателем которого он является и руководит научно-исследовательской деятельностью Центра по двум комплексным направлениям: «Модернизация сельских школ Волго-Вятского региона» (линия – Модернизация предметного обучения в режиме профилизации сельских школ Волго-Вятского региона); «Организация регионального образования с позиций концепции развития личности на основе формирования познавательной активности» (линия – Реализация новой образовательной инициативы «Наша новая школа» в образовательных учреждениях Волго-Вятского региона).

В 2009 г. В. С. Данюшенков становится лауреатом Премии Правительства Кировской области в области образования за комплект двух учеб-

ных пособий «Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы». Под руководством Владимира Степановича продолжается создание учебно-методического комплекта по естественнонаучному направлению для сельской школы. Следует особо подчеркнуть достойный вклад В. С. Данюшенкова и его учеников в развитие педагогики и дидактики современной сельской школы, в частности малочисленного образовательного учреждения села. Это ставшие уже известными не только в России, но и за рубежом идеи по разработке технологий обучения в условиях малой наполняемости класса (в 2010 г. опубликовано учебное пособие «Технология обучения в малочисленной сельской школе на основе интегративно-дифференцированного подхода» на английском языке), приемам, средствам и дидактическим системам обучения, активизирующим познавательную активность обучающихся; вопросам гражданского воспитания сельских школьников и др. Только в серии «Сельская школа» под научной редакцией ученого за последние 4 года сделано 9 выпусков совместных с учителями-экспериментаторами сборников научно-методических трудов и учебных пособий, которые представляют собой ценное методическое и психолого-педагогическое обобщение опыта работы современной сельской школы. Развитие данного направления научной деятельности является приоритетно важным в условиях умирания сел и деревень России. Это поистине настоящее служение своему Отечеству и Вятскому краю.

Заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель науки РФ, удостоенный медали К. Д. Ушинского, член-корреспондент Российской академии образования, Владимир Степанович Данюшенков – руководитель нового типа, крупный ученый (опубликовал более 200 научных трудов, является председателем диссертационного совета по специальности 13.00.01, членом диссертационного совета по специальности 13.00.02 – теория и методика обучения; под его научным руководством защищено 25 кандидатских и 5 докторских диссертаций); незаурядный хозяйственник, любящий глава семейства, разносторонний и широкообразованный человек.

Поздравляем Владимира Степановича с юбилеем и выражаем искреннее восхищение его профессиональной компетентностью, активной жизненной позицией, неиссякаемой энергией. Творческого вдохновения и благополучия, разработки новых идей, крепкого здоровья и долголетия Вам, Владимир Степанович!

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН»

Во всех высокоразвитых и среднеразвитых странах происходит неумолимый процесс старения людей. Это означает, что в совокупном населении возрастает доля пожилых людей. Всемирная организация здравоохранения приняла следующее различие: возраст от 60 до 74 лет – пожилые, от 75 до 89 – старые люди, с 90 лет и более – долгожители. Если не брать эти внутренние различия, то старость есть период жизни людей, возраст которых составляет 60 лет и более. И вот эта возрастная группа по своему объему неуклонно растет почти везде, включая и Российскую Федерацию. Социальные причины такой тенденции ясны: 1) относительный рост экономического благополучия; 2) отсутствие глобальных войн, революций и природных катаклизмов; 3) улучшение медицинского здравоохранения. Когда в жизни общества появляется нечто новое и значимое, оно становится тем вызовом, который требует адекватного ответа типа «что нужно делать». Старение населения есть тот процесс, который должно осознать, понять и на основе этого выработать программы действий для властных структур, гражданского общества, включая сообщества пенсионеров и отдельных пожилых граждан. Здесь важно учесть не только российские реалии, но и мировые, европейские и другие региональные формы опыта работы со старыми и пожилыми людьми.

В октябре 2010 г. профессор технического университета К. Асмут (Берлин) обратился к кафедре философии и социологии ВятГУ с инициативным предложением провести совместную научную конференцию по теме старости. Этот проект был принят под названием «Старость как социокультурный феномен». Идейным организационным ядром стала кафедра философии и социологии в тесном творческом союзе с кафедрой культурологии и рекламы под общим руководством декана факультета Н. И. Поспеловой.

Конференция состоялась 12 мая 2011 г. Ее открыл проректор по научной работе, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин. Он отметил научную ценность обсуждения весьма актуальной темы. В своем выступлении

декан факультета философии и культурологии Н. И. Поспелова обратила внимание собравшихся на особую практическую значимость данной конференции. Подтверждением этого стало подписание договора о сотрудничестве Вятского государственного гуманитарного университета и регионального отделения по Кировской области общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России». Председатель Правления Союза Т. И. Черезова открыла пленарное заседание своим докладом «Социальная активность пожилых людей: поиск путей самореализации на новом этапе жизни». Она отметила, что российская общественность еще только начинает искать оптимальные формы самоорганизации пожилых людей. Здесь необходимо использовать те формы, которые уже открыты и удачно апробированы за рубежом. Прежде всего, это университеты для пожилых людей. В создание такого университета способен внести большую лепту ВятГУ.

Профессор кафедры культурологии и рекламы ВятГУ Н. О. Осипова выступила с докладом на тему «Жили-были старик со старухой: семантизация архетипа в фольклоре». Взяв за исходную предпосылку идею К. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, она интерпретировала типичные образы старика и старухи в русских сказках. Результатом эволюции архетипа является формирование его дуалистической модели, включающей профанную и сакральную сферы. Эта модель модифицировалась в фольклоре посредством трикстериады, образов комических стариков. На большом фольклорном материале Н. О. Осипова показала национальную специфику данной модели. В докладе зав. кафедрой лингвистики ВятГУ О. В. Байковой обсуждалась тема «Возраст как один из социально-демографических факторов, детерминирующих речевое поведение старшего поколения российских немцев Кировской области». Ее исследование показало, что немцы, родившиеся до 1933 и 1937 гг., обнаруживают прочные знания родного языка. Представители же среднего и младшего поколений говорят и пишут только по-русски, немецкий диалект у них уже исчез.

Пленарный доклад доктора философии, профессора Кристофа Асмута (Берлин) носил название «Статус пожилого спартиата». Речь идет об общественном и политическом положении по-

жилого гражданина в античной Спарте. Докладчик показал, что в олигархическом государстве пожилым и именитым гражданам оказывалась всемерная поддержка и они были самыми уважаемыми людьми. Пленарное заседание завершал доклад профессора кафедры философии и социологии ВятГГУ В. Ф. Юлова. Его темой стала «Исповедь пожилого профессора (опыт феноменологической саморефлексии)». Жанр исповеди позволяет сочетать интересные фрагменты личного опыта жизни с широкими обобщениями, которые докладчик выстроил в русле одной из форм современной философии – экзистенциальной феноменологии. Если любую личность можно свести к союзу тела, психики и интеллекта, то схематически процесс старения можно проследить по динамике изменений этих трех уровней. Процесс деградации сильнее всего отражается на состоянии тела, хотя активный образ жизни может существенно его затормозить. Деструкция оставляет свои следы на психике, но определенные психотехники противостоят ей. Непрерывная и интенсивная научная работа и преподавание позволяют держать память и другие интеллектуальные способности в должном тонусе. Ответы докладчиков на вопросы создали атмосферу активного диалога.

Затем состоялась работа секций. Работой первой секции «Социально-философские проблемы пожилого человека» руководил профессор В. Ф. Юлов. Темой сообщения доцента О. В. Курис стала «Античная философия старости: некоторые аспекты». Здесь было отмечено, что один из первых опытов осмысления феномена старости дали античные мыслители. Они предложили четыре основания актуальности данной темы: 1) старость предшествует смерти как отрицанию человеческого бытия; 2) старость завершает предшествующее развитие личности; 3) старость концентрирует духовный рост личности; 4) старость как необходимый возраст житейской и философской мудрости. Доцент ВятГУ И. Г. Завойчинская провела «Философский анализ типов старости». Ее главная идея свелась к тому, чтобы представить старость во всех измерениях человеческой жизни и отразить в вариантах классификационных матриц. Речь идет о хозяйственно-бытовых, экономических, социально-политических, интеллектуальных и духовных аспектах бытия личности. Оригинальную тему предложил А. В. Брагин (Новосибирск) – «Отказ от естествознания как дисфункция фенотипа». Главная функция пожилых людей состоит в сохранении и передаче знаний молодым поколениям. В академической науке ныне происходит массовый отказ зрелых ученых от традиционных и эффективных методов. Докладчик полагает, что такая тенденция может привести к

негативному процессу дисфункции фенотипов пожилых ученых.

Доцент ВятГГУ Е. А. Счастливецва сделала сообщение на тему «Адаптационные возможности в процессе старения». Существует явление «витаукт» как приспособление организма к особенностям старения. Если гены определяют старение примерно на 20%, то 80% детерминации приходится на внешнюю среду, где природным условиям отводится около 20%, здравоохранению – 10%, образу жизни – 50%. Отношение к старости самого пожилого человека может быть двойственным – пассивным и активным. Второе, включающее оптимизм, работу тела и ума, ведет к здоровому долголетию.

Тему «Проблема выбора стратегии старения» обсудила М. В. Коваленко (Ставрополь). Докладчик согласилась с мнением предшествующего выступающего, что существует выбор только из двух стратегий – активной и пассивной. Важно различать их психологические особенности. Если последняя оценивает старость негативно (сохранение на фоне угасания), то первая трактует старость как этап прогрессивного развития и настраивает пожилого человека на конструктивное созидание. Аудиторию заинтересовала аспирант М. М. Старикова (Нижний Новгород) своим сообщением «Социальная субъективность личности в пожилом возрасте: операционализация понятия». В социальной геронтологии пожилые люди рассматриваются в качестве объекта помощи тех или иных социальных служб. Докладчик считает это ошибочной стратегией и практикой. Все пожилые люди способны иметь особую субъектность, несмотря на свои соматические и социальные риски. В сообщении доцента кафедры социальной работы ВятГГУ Ф. Р. Зевахиной «К вопросу о браках пожилых людей» на материале Кировской области убедительно показано, что, несмотря на разные мотивы заключения браков, браки как таковые положительно влияют на качество жизни пожилых людей и их долголетие. Старший преподаватель кафедры издательского дела ВятГГУ Л. В. Краснова сделала доклад на тему «Чтение пожилых людей с нарушением зрения: социологический анализ». Ослабление зрения и даже слепота подстерегают пожилых и ухудшают качество их жизни. И все же существуют современные технологии, которые позволяют существенно снизить влияние этих рисков и обеспечить эффективное чтение.

Работой второй секции «Культурологическое измерение старости» руководила профессор Н. О. Осипова. Зав. кафедрой философии и социологии ВятГГУ В. А. Тимшин выступил с темой «Борьба со старостью: метаморфозы и симуляция». Он выдвинул несколько неожиданный тезис о том, что старость и молодость во многом

родственны. Пожилые нередко симулируют кое-что из молодости, молодые симулируют взрослую жизнь. Тяга к общению также объединяет молодых и старых. Тему «Валеологическая самоидентификация пожилых: личность в культуре и культура в личности» предложила Л. А. Гинзбург (Санкт-Петербург). Она попыталась осмыслить такой феномен, как «культура старения». Ведущее место здесь занимает внутренняя картина здоровья, которую выстраивает в себе пожилая личность. Являясь продуктом валеологической рефлексии, эта картина определяет строй жизненного мироощущения. «Двойная система ценностей по отношению к пожилым людям в древнем Риме» – такова тема сообщения старшего преподавателя кафедры иностранных языков ВятГГУ Н. В. Уткиной. Она показала, что в римском обществе доминировали две системы ценностей: высокий статус граждан высших сословий и низкий статус пожилых из нижних сословий. Студентка отделения «социология» ВятГГУ А. А. Медведева провела социологическое исследование «Старость в представлении различных когорт населения». Оказалось, что представители разных групп населения различным образом оценивают пожилых людей. Если для молодежи они бытийствуют как люди из совершенно другого мира, то среднее поколение имеет уже более реалистические представления. Весьма актуальную тему «Проект “Преимственность поколений” как форма коммуникации молодежи и ветеранов Великой Отечественной войны» рассмотрела доцент кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ П. В. Попова. На ярком фактуальном материале она показала, как ветераны войны воспитывают патриотизм у молодых людей и как последние придают пожилым бодрость и силы жизни. Аспирант этой же кафедры М. В. Соболева выступила с темой «Специфика рекламы для людей пожилого возраста». Главный вклад в это своеобразие вносит богатый жизненный опыт. Здесь не нужны слишком яркие образы и громкие призывы, многое сводится к практической целесообразности. Работа секции завершилась сообщением студента IV курса психологического факультета ВятГГУ С. Э. Дровосекова «Психологические подходы к изучению мудрости в Германии и США». Издавна старость коррелирует с мудростью. Последняя обладает сложной неоднозначностью, ибо не поддается прямому изучению. В оценках мудрости выделяются две парадигмы: 1) Берлинская – мудрость как экспертное знание об основах жизни; 2) Восточная (которая господствует в США) – мудрость как образ жизни успешных и опытных личностей.

Итак, научная конференция прошла успешно и реализовала поставленные цели. Большинство докладов и сообщений были содержательными и

интересными. Вопросы и ответы на них создали обстановку многоликого диалога. Тема старости стала во многом ясной и понятной.

*В. Ф. Юлов, доктор философских наук,
профессор по кафедре философии
и социологии ВятГГУ*

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»
(К 150-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО
ПРАВА В РОССИИ)**

19–20 мая 2011 г. в Вятском государственном гуманитарном университете прошла Всероссийская конференция, посвященная 150-летию со времени отмены крепостного права. Конференция проводилась историческим факультетом ВятГГУ при поддержке Российского гуманитарного научного фонда с целью обсуждения актуальных вопросов истории буржуазных реформ Александра II.

Для обсуждения на конференции были предложены следующие темы:

- Россия накануне реформ;
- историография, источники изучения буржуазных реформ 1860–1870-х гг.;
- выработка концепции «великих реформ» Александра II и их основное содержание;
- реализация крестьянской реформы в регионах;
- аристократическая и демократическая оппозиция реформе;
- причины и формы крестьянского движения в удельных и государственных имениях; особенности организации и формы крестьянского быта в имениях дворцового ведомства и Министерства государственных имуществ;
- региональные варианты крестьянского быта, обрядов и фольклора.
- деятели эпохи великих реформ;
- судьбы российского крестьянства.

Конференция собрала историков, культурологов, педагогов, краеведов, архивных и библиотечных работников из Москвы, Архангельска, Кирова, Перми, Тамбова, Ульяновска, Чебоксар, Челябинска и Елабуги. Всего приняли участие (в очно-заочной форме) более 60 человек.

Конференция открылась пленарным заседанием. Общий тон задало выступление зам. директора ИРИ РАН, доктора исторических наук В. М. Лаврова. Рассмотрев попытки решения крестьянской проблемы в XVIII – первой половине XIX в., докладчик остановился на проблеме о соотношении революции и реформ. В. М. Лав-

ров особо подчеркнул значение в эпоху преобразований духовно-нравственного воспитания, без которого любой экономический прогресс может обернуться катастрофой. Была подчеркнута актуальность этой проблемы и для сегодняшнего дня. Докладчик поставил вопрос о месте и роли Церкви в современном обществе.

Эту линию продолжил в своем выступлении кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН И. А. Курляндский, который описал попытки реформирования Церкви в эпоху Александра II, направленные на улучшение духовно-нравственного состояния общества, материального положения духовенства и возвращение Церкви к идеалу соборности. Духовно-нравственной проблематике либеральных реформ посвятил свое сообщение кандидат исторических наук, протоиерей Александр Бальбердин (Вятская епархия), давший оценку крепостничества в православной стране, показав его истоки и последствия.

В реализации реформ важную роль играл субъективный фактор, что убедительно прозвучало в докладе директора Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, заслуженного работника культуры РФ Н. П. Гурьяновой о выдающем общественном деятеле Петре Владимировиче Алабине (1824–1896), который сумел возродить Вятскую публичную библиотеку, находившуюся до него в состоянии упадка. О роли человеческого фактора в эпоху буржуазных реформ говорил на пленарном заседании доктор исторических наук, профессор Т. С. Сергеев (Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева).

Важнейшим условием проведения реформ и их эффективности стала готовность к ним самого общества. Этой проблематике было посвящено выступление доктора исторических наук, профессора В. И. Бакулина (ВятГГУ) «Политическое самосознание российского крестьянства периода последних десятилетий XIX – первой четверти XX века». Завершил пленарное заседание доклад главного специалиста ГОУ «Государственный архив Кировской области» А. В. Колотова, который представил архивные изыскания по поводу празднования в Вятской губернии 50-летия отмены крепостного права.

Затем прошли заседания четырех секций. Первая секция – «Реформа 1861 г. и судьбы российского крестьянства» – открылась философско-теоретическим выступлением кандидата исторических наук, доцента Ю. Н. Тимкина (Вятский социально-экономический институт). Докладчик затронул важную проблему новаций и традиций в русском мировоззрении XVIII–XX вв., рассмотрев, в частности, вопрос о взаимодействии идеологии Просвещения и традици-

онного мировоззрения крестьянского населения. Необычный подход в оценке пореформенных волнений в деревне был представлен в докладе кандидата исторических наук, доцента А. А. Машковцева (ВятГГУ). Рассматривая выступления 1860-х гг. удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии, он показал роль в этих волнениях религиозного фактора.

Особое внимание на секции было уделено проблеме судеб крестьянства в пореформенное время. Наибольшие дискуссии вызвал доклад кандидата исторических наук, доцента И. В. Чемоданова (Вятский государственный университет) «Столыпинская аграрная реформа: экономические и социальные последствия», в котором акцентировалось внимание на негативных последствиях столыпинской аграрной реформы. Обыденная жизнь вятского крестьянства в сравнении с другими регионами в исторической перспективе XVIII–XIX вв. была представлена в докладе краеведа А. Л. Рашковского (Киров).

Доклады второй секции – «Формирование институтов гражданского общества в пореформенный период» – были посвящены влиянию «великих реформ» на развитие общественного сознания в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Важные изменения в пореформенный период происходили в сознании представителей разных сословий, о чем говорилось в выступлении зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ, кандидата исторических наук, доцента М. С. Судовикова. На примере региональной деловой элиты докладчик особо отметил, что в течение XIX в. служба в органах местного самоуправления постепенно позволяла ей преодолевать узкосословные интересы и становиться на путь заботы о росте благосостояния местного сообщества в целом. В докладе кандидата культурологии, доцента А. Н. Зориной (ВятГГУ) было рассмотрено явление «буржуазной элитарности», которое стало отражением процесса социокультурного сближения сословий купечества и дворянства.

Либерально-демократические преобразования Александра II существенно повлияли на положение российского крестьянства, получившего не только личную свободу и земельную собственность, но и основные гражданские права. Реализации их на практике в сфере торгово-предпринимательской деятельности было посвящено выступление ведущего специалиста ГОУ «Государственный архив Кировской области» А. С. Касанова. В докладе кандидата исторических наук, ассистента Н. В. Чернышевой (ВятГГУ) отмечалось, что для крестьянского менталитета второй половины XIX в. было характерно сохранение традиционного наивного монархизма. В выступлении кандидата исторических наук, доцента

А. В. Скутнева (Кировский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов) новое звучание получили различные аспекты церковной реформы 1860–1870-х гг., существенно повлиявшей на трансформацию менталитета российского духовенства. Высокой степенью научной новизны отличались выступления, характеризовавшие влияние «великих реформ» на положение представителей различных национальностей, проживавших на территории Вятско-Камского региона, работу благотворительных и издательских учреждений – доклады ассистента А. М. Рафикова (ВятГГУ) и ст. преподавателя Л. В. Красновой (ВятГГУ).

На третьей секции – «Деятели эпохи великих реформ» – рассматривалась тема личности в истории буржуазных реформ. Доктор исторических наук, профессор В. А. Бердинских (ВятГГУ) охарактеризовал деятельность приходских священников как историков-любителей. Доктор исторических наук, профессор Т. С. Сергеев (Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева) осветил вопрос о вкладе школьных инспекторов в развитие земских школ многонационального Поволжья. Учительство эпохи реформ Александра II стало темой выступления литератора, заслуженного работника культуры РФ Т. К. Николаевой (Киров). Член Кировского областного краеведческого объединения «Вятка» Л. М. Романенко рассказала о деятельности вятского губернатора Н. А. Тройницкого.

Одной из задач конференции стало привлечение к участию в ее работе молодых исследователей. На конференции выступили с докладами 20 студентов-историков ВятГГУ, для которых была организована специальная секция – «Крестьянская реформа Александра II глазами молодых исследователей». В числе проблем, рассмотренных на секции, стали региональная историография и источниковедческие аспекты крестьянской реформы. Студенческие работы основывались преимущественно на документах Государственного архива Кировской области, связанных с вопросами землеустройства и землепользования в до- и пореформенный период, историей крестьянского самоуправления, деятельностью сельских сходов, волостных старшин, губернского и уездных по крестьянским делам присутствий. Большой интерес у слушателей вызвали сообщения по этнографической тематике. Отмечая высокий уровень докладов студентов, участники конференции выразили благодарность работникам Государственного архива Кировской области за серьезную поддержку и консультативную помощь в работе студентов. Огромный вклад в подготовку выступлений молодых исследователей внесла кандидат философских наук, доцент В. А. Криушина (ВятГГУ).

В целом конференция продемонстрировала, что проблематика «великих реформ» и сегодня не теряет своей актуальности, имея значимость и практическую востребованность в современном обществе. Особенностью научной конференции стало раскрытие региональных аспектов реформы, использование широкого и разнообразного круга исторических источников из областных архивохранилищ, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также построение исследований на новой методологической основе. Все это позволило ученым глубоко осмыслить многие аспекты буржуазно-демократических преобразований Александра II, выделить их региональную специфику.

По итогам конференции издан сборник научных статей.

*Е. В. Кустова, кандидат исторических наук,
доцент по кафедре
отечественной истории ВятГГУ.*

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В ИННОВАЦИОННОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ»**

Научная школа «Развитие личности посредством формирования познавательной активности в процессе обучения» (научный руководитель – д. пед. н., проф., чл.-кор. РАО В. С. Данюшенков) совместно с ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» (ВятГГУ) и АНО «Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр РАО» (ВВРНОЦ РАО) выступила инициатором проведения 27–28 апреля 2011 г. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Развитие познавательной активности обучающихся в инновационной образовательной среде». Конференция направлена на поддержку и развитие научной деятельности профессорско-преподавательского состава университета, аспирантов, магистров, а также педагогов-практиков.

Повышение познавательной активности учащихся – одна из главных задач в образовании на протяжении многих лет. Проблема развития познавательной активности школьников была предметом внимания многих российских и зарубежных исследователей (К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, Л. П. Аристовой, А. А. Вербицкого, В. С. Данюшенкова, В. И. Лозовой, А. М. Матюшкина, Т. И. Шамовой, Г. И. Щукиной и др.). В этой области сделано немало как

в разработке содержания самого понятия, так и в исследовании процессуальных основ. Однако необходимо отметить, что большая часть этих работ в России проводилась с учетом педагогической системы, сформированной в годы так называемой «авторитарной», традиционной педагогики, и, следовательно, не учитывала тех социально-экономических изменений в обществе, которые произошли за последние десятилетия.

В настоящее время в связи с изменяющимися условиями функционирования российского общества и образования как одной из определяющих успешное совершенствование социума области деятельности приоритетным свойством современного человека становится его мобильность, инициативность, активность участия в позитивных преобразованиях социума. При этом важнейшей составляющей, значительно определяющей указанные качества личности, выступает познавательная активность, являющаяся составной компонентой учебно-познавательной компетентности обучающегося любого возраста.

Сложившимися обстоятельствами обусловлена тема конференции – «Развитие познавательной активности обучающихся в инновационной образовательной среде», целью которой является обсуждение идей и опыта использования в практике обучения образовательных учреждений новых социальных, воспитательных, дидактических систем, технологий, методов, приемов развития познавательной активности обучающихся.

Актуальность проведения конференции усиливается необходимостью поиска возможностей развития познавательной активности в свете новой концептуальной позиции, заложенной в основу новых образовательных стандартов и связанной с реализацией компетентностно-деятельностной модели обучения; необходимостью формирования универсальных учебных действий (личностных, регулятивных, познавательных, коммуникативных); достижения личностных, метапредметных и предметных результатов образования; реализацией программы воспитания и социализации.

Основными направлениями конференции явились следующие:

- Анализ инновационных тенденций образования в России и влияния их на формирование познавательной активности личности обучающегося.
- Исследование влияния системы педагогических средств на формирование познавательной активности.
- Исследование особенностей формирования познавательной активности при использовании информационных технологий и дистанционных форм образования.
- Исследование закономерностей формирования познавательной активности в инновационной

образовательной среде при использовании различных дидактических подходов.

- Специфика формирования познавательной активности обучающихся малочисленных сельских школ России.

Конференция была построена нетрадиционно, поскольку вслед за пленарными докладами вместо секционных докладов участникам конференции был предложен дайджест в компьютерном презентационном варианте, кратко обобщающий сущность материалов, представленных для заочного участия в мероприятии. Следует заметить, что присланные работы характеризуются широкой географией – участниками конференции являются ученые, приславшие статьи от Украины до Дальнего Востока, – и разнообразными инновационными идеями о формировании познавательной активности в обучении.

На пленарном заседании были предложены для осмысления и обсуждения следующие темы:

- Развитие познавательной активности в высшей школе: проблемы и перспективы (В. С. Данюшенков, заслуженный деятель науки РФ, чл.-кор. РАО, д. пед. н., проф., ВятГГУ, Киров).

- Усовершенствование стандартов подготовки инженерно-педагогических кадров России (Ю. Н. Петров, д. пед. н., проф., чл.-кор. РАЕН, Нижний Новгород).

- Педагогический потенциал аспирантских классов в образовательной среде вуза (М. А. Захарищева, д. пед. н., проф., зав. кафедрой педагогики ГППИ им. В. Г. Короленко, Глазов).

- Развитие познавательной активности аспирантов средствами профессионально ориентированных технологий в инновационной среде университета (Е. О. Галицких, д. пед. н., проф., зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ, Киров).

- Педагогические технологии стимулирования познавательной активности учащихся в новых информационных условиях (Н. С. Александрова, д. пед. н., проф., зав. кафедрой педагогики Вятского социально-экономического института).

- Развитие познавательной активности обучающихся при использовании средств информационно-коммуникационных технологий (Г. Н. Некрасова, д. пед. н., проф., декан факультета технологии и дизайна, зав. кафедрой теории и методики обучения технологии ВятГГУ, Киров).

Второй день работы конференции включал два мероприятия:

- Круглый стол «Приемы развития познавательной активности в современном образовании».

- Слет представителей экспериментальных школ Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра Российской академии образования (ВВРНОЦ РАО) «Развитие творческого потенциала субъектов обучения как важного

фактора их познавательной активизации в рамках опытно-экспериментальной работы».

В рамках круглого стола были поставлены и обсуждены проблемы, связанные с педагогической поддержкой познавательной активности школьника как субъекта учения (О. Г. Селиванова, г. Киров); компетентностным подходом при формировании экологической культуры в системе общеобразовательной школы (Н. Г. Дюкина, г. Глазов); развитием познавательной активности учащихся при изучении геометрических величин в школьном курсе математики (В. В. Шмырова, З. В. Шилова, г. Киров); деятельностью творческих объединений учащихся как одним из оптимальных средств формирования познавательной активности и профессионального самоопределения старшеклассников (Г. В. Кощев); инновационной деятельностью преподавателя в условиях колледжа (Т. Г. Глазырина); исследовательской деятельностью (Н. Г. Князева); электронными образовательными ресурсами (А. В. Петухова, г. Киров; М. А. Окулова, г. Москва). Наибольшую заинтересованность участников конференции вызвало сообщение М. Ш. Ракиповой (г. Киров) «Об обновленной таксономии Б. Блума». Завершилось данное мероприятие на патриотической ноте: участникам был предложен фильм, посвященный 66-летию Великой Победы над фашизмом, созданный в результате поисково-исследовательской деятельности студентов.

Затем состоялся Слет представителей экспериментальных школ ВВРНОЦ РАО. Целью было знакомство участников опытно-экспериментальной работы с педагогическим опытом друг друга. Представители экспериментальных площадок Центра поделились в своих выступлениях-презентациях следующей информацией:

1. Визитная карточка школы (своего образовательного учреждения).

2. План-проспект экспериментальной работы площадки: его характеристика (методологическое основание, базовые теоретические идеи), основные этапы, планируемые результаты.

3. Представление уже достигнутых результатов.

4. Выступления «Хочу поделиться...» учителей-экспериментаторов.

5. Проблемы и перспективы развития школы как экспериментальной площадки. Влияние педагогического эксперимента на совершенствование образовательного процесса в целом.

Сегодня Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр Российской академии образования на основе договоров взаимодействует с 5 образовательными учреждениями Кировской области:

– МОУ ООШ д. Пунгино Верхошижемского р-на Кировской области (исторически первая экспериментальная площадка ВВРНОЦ РАО).

– МОУ СОШ ст. Просница Кирово-Чепецкого р-на Кировской области.

– МОУ ООШ с. Мякиши Верхошижемского р-на Кировской области.

– МОУ СОШ пгт Верхошижемье Кировской области.

– МОУ СОШ с. Среднеивкино Верхошижемского р-на Кировской области (сотрудничество по вопросам гражданского воспитания).

МОУ ООШ д. Мякиши и МОУ СОШ пгт Верхошижемье Кировской области находятся на начальном этапе опытно-экспериментальной деятельности – организационно-подготовительном, поэтому они представили программы педагогического эксперимента и отдельные учителя поделились опытом работы в направлениях, задаваемых общей темой исследований.

Коллектив МОУ ООШ с. Мякиши уже не первый год работает в рамках методической темы, связанной с реализацией дифференцированного подхода в обучении и воспитании сельских детей. Педагоги в качестве темы опытно-экспериментальной работы (ОЭР) выбрали тему «Дифференцированное обучение в малочисленной сельской школе в условиях подготовки к реализации стандартов второго поколения» и показали преимущества дифференцированного подхода в обучении.

Тема ОЭР МОУ СОШ пгт Верхошижемье – «Развитие творческого потенциала педагогов и учащихся в условиях социокультурной образовательной среды». Коллектив данного образовательного учреждения считает, что важным фактором познавательной активизации субъектов обучения (педагогов и обучаемых) выступает участие в опытно-экспериментальной деятельности, проводимой в образовательном учреждении. Педагогическая деятельность учителей в режиме педагогического эксперимента является своеобразным катализатором, ускоряющим и интенсифицирующим процессы актуализации творческого потенциала субъектов обучения. В связи с этим с 01.10.2010 г. в МОУ СОШ пгт Верхошижемье Кировской области открыта опытно-экспериментальная площадка, реализующая научно-исследовательскую деятельность по вышеобозначенной проблеме.

Темы ОЭР: МОУ СОШ ст. Просница Кирово-Чепецкого р-на – «Интегративно-дифференцированный подход к образованию в сельской школе: правовой аспект»; МОУ ООШ д. Пунгино Верхошижемского р-на Кировской области – «Повышение качества обучения в малочисленной сельской школе на основе интегративно-дифференцированного подхода»; МОУ СОШ с. Среднеивкино Верхошижемского р-на – «Гражданское воспитание сельских школьников на базе школьного краеведческого музея». Данные образовательные учреждения уже могут характе-

ризоваться как школы, прошедшие длительный путь сотрудничества с научными организациями в рамках ОЭР. Исследования учителей-экспериментаторов при этом отражены в большом количестве публикаций (до уровня рецензируемых журналов).

В выступлении С. В. Огородниковой, руководителя школьного краеведческого музея (МИССИ), учителя истории и обществознания высшей квалификационной категории МОУ СОШ с. Среднеивкино освещено взаимодействие ВВРНОЦ РАО, ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» с музейно-образовательным комплексом с. Среднеивкино по теме «Гражданское образование сельских школьников».

В настоящее время при содействии Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра в издательстве Вятского государственного гуманитарного университета с участием учителей-экспериментаторов подготовлено и опубликовано 9 выпусков серии «Сельская школа». И это ещё одно важное направление сотрудничества опытно-экспериментальных площадок (школ) и научно-образовательных центров (ГОУ ВПО «ВятГГУ» и АНО «ВВРНОЦ РАО»).

Общению коллег и обмену опытом на слете способствовала деловая и доброжелательная атмосфера, свободный режим общения, открытость мероприятия для представителей потенциальных инновационных площадок. Общий вывод, который следует сделать по результатам проведения слета: такая форма научно-методического общения учителей-экспериментаторов значительно обогащает каждого из них в методологическом и методическом планах, мотивирует на дальнейшее участие в научно-исследовательской деятельности и постоянное профессиональное самосовершенствование.

В интерактивном режиме работы конференции её организаторами получены статистические данные (83 респондента) о состоянии исследуемой проблемы в реальной практике обучения высшей школы, средних профессиональных учебных заведений и общеобразовательной школы. Приведем ниже некоторые результаты.

Прежде всего мы выяснили, понимают ли опрошенные логику процесса формирования познавательной активности, для чего предложили ответить на вопрос о том, что первично – интерес или активность. 74% опрошенных верно считают, что активность возникает на основе интереса и что познавательная активность как внутренняя готовность учащегося к осмыслению, усвоению, применению и творческому переосмыслению общественного опыта проявляется тогда, когда возникают потребность, а затем и интерес к познавательной деятельности. Далее мы пред-

ложили проанализировать следующие определения понятия «познавательная активность».

1. Познавательная активность – качество деятельности личности, которое проявляется в отношении ученика к содержанию и процессу деятельности, в стремлении его к эффективному овладению знаниями и способами деятельности за определенное время, мобилизации нравственно-волевых усилий на достижение учебно-познавательной цели (Т. И. Шамова).

2. Познавательная активность – личностное образование, которое выражает интеллектуальный отклик на процесс познания, живое участие, мыслительно-эмоциональную отзывчивость ученика в познавательном процессе (Г. И. Щукина).

3. Познавательная активность – системообразующий фактор, основополагающее свойство личности ученика, которое проявляется в готовности, адаптации, стремлении к самостоятельной деятельности, направленной на усвоение индивидом общественного опыта, накопленных человечеством знаний и способов деятельности, осуществляемой путем выбора оптимальных путей для достижения целей познания (В. С. Данюшенков).

Большинство опрошенных (57%) предположили, что наиболее полно и точно суть исследуемого понятия раскрыта в третьем определении, которое, вобрав в себя опыт предыдущих исследований, отразило (в том числе и терминологически) реалии современного образования. Первое и второе определения выбрали 17 и 22% анкетированных соответственно.

Изучая особенности процесса формирования познавательной активности в педагогической практике, мы предложили участникам анкетирования ответить на вопрос «Какие методы Вы используете для формирования познавательной активности?». На рис. 1 отображены полученные результаты.

Дополнительно педагоги указывали, например, такие приемы, как конкурс (тендер), маршрутные листы, открытые задания, хотя мы считаем, что это именно приемы, которые могут включаться в перечисленные методы. В целом можно отметить, что участники анкетирования достаточно активно пользуются продуктивными методами формирования познавательной активности; популярность же метода проектов объясняется еще и тем, что данный вид деятельности в настоящее время является обязательным для процесса обучения в средней школе.

Сегодня использование тестов стало неотъемлемой частью всех уровней образования, а в средней школе – обязательной формой итоговой аттестации. В связи с этим выяснялось мнение участников конференции о том, позволяет ли тестовый контроль формировать у учащихся познавательную активность. Несмотря на повсеместное

введение ЕГЭ, а также на то, что его разработчики стараются увеличить объем заданий, требующих обоснования, рассуждений и доказательств, большинство опрошенных нами педагогов (65%) отрицают возможности использования тестов в формировании познавательной активности. Мы предполагаем, что это связано, во-первых, с тем, что тест как форма организации учебной деятельности не является традиционным для отечественного образования, во-вторых, с тем, что опыт введения ЕГЭ вряд ли можно назвать полностью удачным, такая форма экзамена до сих пор порождает негативные отзывы представителей почти всех ступеней образования. Возможно, в дальнейшем, с приобретением опыта, появятся тесты, которые будут более эффективно способствовать формированию познавательной активности учащихся.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся неотъемлемой составляющей инновационного образовательного процесса. Подавляющее большинство участников анкетирования (87%) уверены в том, что использование средств ИКТ способствует развитию познавательной активности. Многие из опрошенных используют те или иные средства ИКТ в педагогической деятельности, что и показали результаты ответа на вопрос «Какие средства ИКТ Вы используете в своей профессиональной деятельности для повышения познавательной активности учащихся?».

На рис. 2 видно, что в основном используются ставшие уже традиционными средства ИКТ, такие, как приложения для обработки текста, таблиц, создания мультимедийных презентаций; также применяются электронные тесты для контроля знаний. Вместе с тем отметим, что недоста-

точно вводятся в процесс обучения такие эффективные и перспективные технологии, как ресурсы сети Интернет (обучающие сайты, электронная почта, социальные сети и т. п.), электронные учебные пособия и обучающие игры.

Использование педагогами-участниками конференции современных технических средств (ТСО) проиллюстрировано рис. 3 (можно было выбрать несколько ответов).

Очевидно, что в основном применяются наиболее доступные технические средства, которые в настоящее время есть практически в любом учебном заведении. 8% анкетированных совсем не используют ТСО в своей деятельности.

Вывод об использовании средств ИКТ мы делаем неоднозначный: с одной стороны, учителя и преподаватели уже давно и успешно применяют отдельные средства для повышения эффективности процесса формирования познавательной активности обучающихся, с другой – несмотря на все многообразие известных и доступных средств новых информационных технологий, а также на их богатые дидактические возможности, многие педагоги по-прежнему не имеют возможности и/или не готовы вводить их полностью в свой арсенал.

Подытожил анкету вопрос о влиянии познавательной активности на творческое саморазвитие личности учащегося. Все опрошенные указали, что сформированная познавательная активность, безусловно, будет способствовать развитию готовности личности не только перенимать существующий опыт, но и творчески переосмысливать его, применять в изменившихся условиях, самостоятельно решать возникающие проблемы, что в конечном итоге и является целью образования на современном этапе его развития.

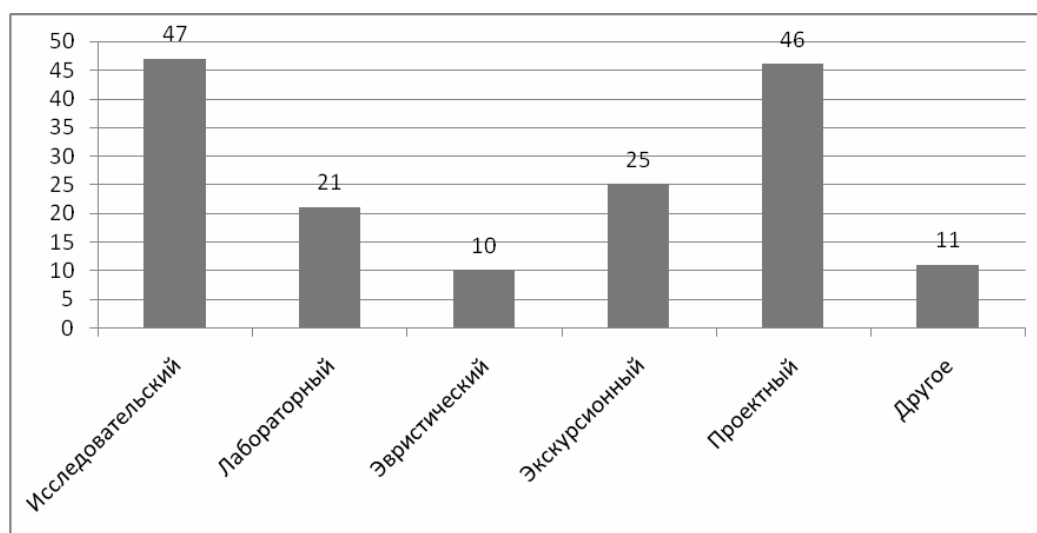

Рис. 1. Методы, используемые для формирования познавательной активности

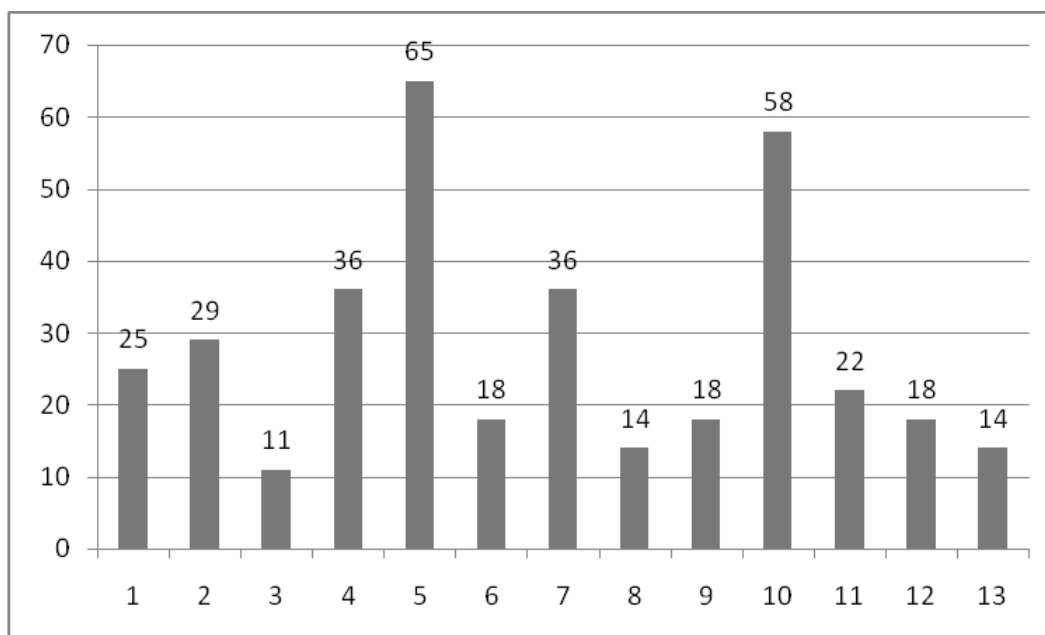

Рис. 2. Средства ИКТ, используемые для повышения познавательной активности учащихся

1. Текстовый редактор. 2. Электронные таблицы. 3. Базы данных. 4. Программы для работы с видео, звуком и графикой. 5. Мультимедийные презентации. 6. Электронная почта. 7. Электронные учебные пособия, энциклопедии. 8. Электронные обучающие игры. 9. Электронные тесты. 10. Информационные ресурсы интернет-сайтов. 11. Сетевые технологии. 12. Социальные сети. 13. Компьютерное моделирование

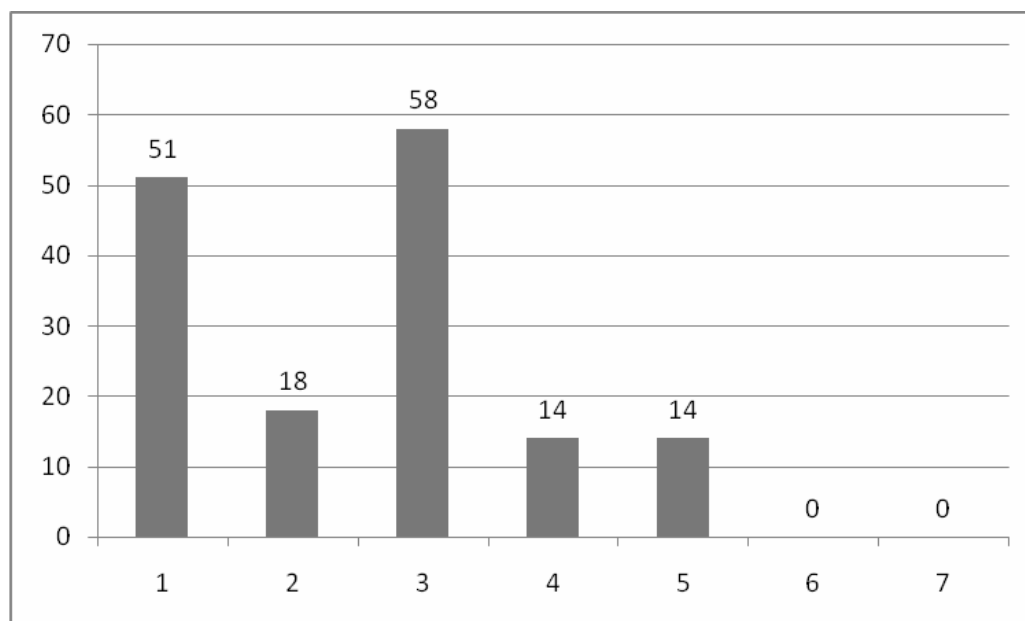

Рис. 3. Использование современных технических средств на занятиях

1. Отдельный персональный компьютер/ноутбук. 2. Несколько персональных компьютеров/ноутбуков, объединенных в сеть (например, занятия в компьютерном классе). 3. Проекционное оборудование (проектор). 4. Цифровые камеры (фото-, видео-, веб-камеры). 5. Интерактивная доска. 6. Системы опроса и голосования. 7. Другие технические средства

Основной результат конференции – принятие резолюции, центральными позициями которой выступают следующие положения:

1. Введение новых образовательных стандартов и обеспечение качества образования в школе и вузе будет успешным только при условии создания целостной системы активизации познающих субъектов во всей системе образования (на всех этапах образования). При этом важнейшим фактором и условием эффективного функционирования системы активизации в обучении является принцип преемственности и согласованности методик, технологий, приемов, средств активизации.

2. Новыми формами развития познавательной активности обучающихся в современной образовательной среде являются ведение портфолио (портфеля достижений) учеником, учителем, студентом, преподавателем; балльно-рейтинговая система оценки образовательных достижений; использование педагогического потенциала информационно-коммуникационных технологий; организация процесса образования в экспериментально-исследовательском режиме и др.

3. Результаты конференции целесообразно в обобщенном виде трансформировать в коллективную монографию «Развитие познавательной активности в современном образовании».

4. Увеличить число разрабатываемых по проблеме развития познавательной активности грантов методом проектной деятельности, реализуемой совместно профессорско-преподавательским и аспирантским составом университета и коллективами образовательных учреждений. В связи с этим расширить сеть экспериментальных школ и других образовательных учреждений, на базе которых проводить апробацию новых педагогических механизмов познавательной активизации обучающихся.

5. Создать в составе ВВРНОЦ РАО и ВятГГУ временные творческие коллективы, разрабатывающие проблемы формирования познавательной активности в инновационной образовательной среде.

О. В. Коршунова, доктор педагогических наук, доцент по кафедре ТФи МОФ;
А. А. Печенкин, аспирант кафедры ТФи МОФ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ЯЗЫК, ЛИЧНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

7–8 апреля 2011 г. на факультете лингвистики ВятГГУ прошла очно-заочная студенческая научно-практическая конференция. Уже второй год она носит статус Всероссийской конференции с международным участием. Тема конференции – «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей». В этом году конференция была приурочена к 70-летию факультета лингвистики, проводилась при содействии и участии представителей Ассоциации выпускников ВятГГУ и являлась одним из мероприятий, посвященных юбилею факультета.

Конференция проводилась в целях обмена опытом исследовательской работы по проблемам современного языкового образования и повышения мотивации студентов к проведению теоретических и эмпирических исследований в области лингвистики и лингводидактики.

В конференции приняли участие студенты факультета лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета, а также студенты профессиональных образовательных учреждений разных регионов Российской Федерации (Кировская область, Московская область, Архангельская область, Брянская область, Волгоградская область, Свердловская область, Ставропольский край, Республика Татарстан), стран дальнего зарубежья (США). Общее число участников – 95 человек.

В ходе двухдневной работы конференции молодые учёные обменялись опытом и представили результаты своих научных исследований, посвящённых актуальным проблемам лингвистики и теории и методики обучения иностранным языкам. Программа конференции включала работу по секциям, представление стендовых докладов, а также встречу участников конференции с выпускниками.

Конференцию открыли проректор по НИР Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин, председатель оргкомитета конференции, декан факультета лингвистики кандидат филологических наук В. А. Банин и заместитель председателя оргкомитета конференции, представитель Ассоциации выпускников ВятГГУ С. М. Бушмелева, которые обратились с приветственным словом к её участникам.

В ходе пленарного заседания были заслушаны следующие доклады: «Вклад предмета “Иностранный язык” в формирование базовых компетенций выпускников общеобразовательных школ» (С. С. Куклина, доктор педагогических наук, до-

цент кафедры английского и немецкого языков и МОИЯ), «Этапы становления билингвизма российских немцев» (О. В. Байкова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода), «Ролевая игра как организационная форма упражнений для обучения учащихся лексической стороне говорения» (Д. А. Хлыбова, студентка факультета лингвистики), «Молодёжный язык Германии» (А. Ю. Шихалева, студентка факультета лингвистики), «Особенности жанра и языка интернет-блога» (Я. А. Бардашевич, студентка факультета лингвистики), «Политическая риторика: лингвистические стратегии аргументированного дискурса в современном английском языке» (А. Д. Малина, студентка факультета лингвистики).

В первый день работы конференции открыли работу 14 секций по следующим направлениям:

- Реализация принципов личностно ориентированного обучения в образовательном процессе.
- Современные подходы в языковом образовании.
- Актуальные вопросы современной методики преподавания иностранного языка.
- Концепты в языке и речи.
- Лингвистика текста.
- Выразительные средства языка.
- Проблемы истории языка и перевода.
- Структурно-семантические и функциональные аспекты языка.
- Актуальные проблемы изучения текстов различных типов.
- Перцептивный аспект звукового строя английского языка.
- Лексические и стилистические приемы как способ выражения концепта.
- Лингвокультурологические исследования.
- Семиотические и стилистические аспекты языка.
- Современные германские языки: тенденции развития.

Секционными заседаниями руководили преподаватели факультета лингвистики: В. А. Банин, С. С. Кукулина, О. В. Байкова, М. Г. Швецова, С. М. Бушмелева, Т. В. Щербакова, Т. А. Лопарева, А. В. Казаков, Н. В. Шамова, В. С. Гуляева, В. А. Ситникова, Л. Я. Метелёва, И. А. Кондакова, С. В. Ленина, Н. Н. Кряжевских, О. В. Чупракова, Э. Н. Гениятова. В ходе работы секций было заслушано более 70 докладов.

Наибольший интерес вызвали доклады М. В. Злобиной «Условия для развития коммуникативной мотивации в действующих учебно-методических комплексах», О. Л. Смирновой «Использование идиоматических выражений при обучении лексике английского языка на среднем этапе», С. И. Овечкиной «Обучение креативной письменной речи на среднем этапе обучения»,

М. Н. Кислицыной «Лингвокультурные особенности концепта “гейша” в современном английском языке», Ю. В. Труновой «Средства и способы конструирования образа страны как коллективного политического субъекта», М. Н. Родомской «Табу и древние эвфемизмы», К. И. Зориной «О лингвокультурологическом аспекте перевода художественного произведения», Е. М. Карташевой «Стилистические особенности афроамериканского варианта английского языка в художественной литературе (на материале анализа языка персонажей рассказа Т. С. Bambara “The Lesson”)», В. Н. Питиримовой «О проблеме классификации междометий английского языка», Е. В. Лопатиной «Структурно-семантические особенности новых типов общения: SMS, форумов, электронных писем», С. М. Ковязиной «Языковые средства реализации “минус-приема” в рассказе Э. Хемингуэя “Белые слоны”», К. Н. Карауловой «Язык современного англоязычного женского романа (феномен “чиклит”», Е. А. Шерстневой «Способы формирования образа потустороннего мира в сериале “Твин Пикс” Дэвида Линча», И. Н. Анфилатовой «Проблема выделения признаков фразеологических единиц немецкого языка».

В программу второго дня конференции входило представление стендовых докладов участников конференции. Вниманию слушателей были предложены доклады по актуальным проблемам лингвистики и методики преподавания иностранных языков.

Также для участников конференции была организована встреча с выпускниками факультета лингвистики (С. М. Бушмелевой, И. В. Санниковым, О. Г. Прохоренко, И. В. Кувалдина, А. Р. Долгоаршинных), на которой они поделились опытом, дали практические советы будущим выпускникам по применению знаний, полученных в процессе обучения, в своей профессиональной деятельности.

Конференция завершилась подведением итогов и награждением авторов лучших работ дипломами ВятГГУ и грамотами, вручением благодарственных писем студентам-членам СНО факультета (Е. П. Волощенко, А. Д. Малиной, Е. С. Поповой) за активное участие в организации и проведение конференции. В ходе заключительного заседания были также подведены итоги научно-исследовательской работы студентов факультета лингвистики за год: отмечены участники и победители международных, общероссийских, региональных, общеуниверситетских мероприятий.

По материалам конференции подготовлен к печати сборник студенческих работ «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей».

*Е. П. Волощенко, А. Д. Малина, Е. С. Попова,
студентки факультета лингвистики ВятГГУ,
члены студенческого научного общества
факультета*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕРЕЗИНА Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: j1206deberg@yandex.ru

БЕРЕСНЕВА Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре химии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: evberesneva@mail.ru

БЛАГОДИР Алла Леонтьевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданско-правовых дисциплин Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

ВАХРУШЕВ Александр Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент по кафедре истории и теории журналистики Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.

E-mail: narezka@mail.ru

ВИДЕНЕЕВА Алла Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического отдела Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». 152155, Ярославская обл., г. Ростов, Кремль, музей.

E-mail: alla.vid@yandex.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент по кафедре философии Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: dekanatfsf@psu.ru

ВОРОБЬЕВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ЗАХАРИЩЕВА Марина Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко. 427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, д. 25.

E-mail: zahari-ma@rambler.ru

ЗБОЕВ Артём Вячеславович – студент IV курса исторического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: zboev.art@mail.ru

КИСЕЛЕВА Екатерина Павловна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

КОМКОВА Елена Ивановна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре юридической психологии Минского института управления. 220102, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Лазо, д. 12.

E-mail: lena-komkova@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Алла Борисовна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

КУВАЛДИНА Елена Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lenaku63@yandex.ru

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

НАУМОВ Александр Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, руководитель Аналитического управления фонда «Русский мир». 119285, г. Москва, ул. Мосфильмовская, д. 40.
E-mail: anaoumov@mail.ru

ОРЕХАНОВ Юрий Леонидович (священник Георгий Ореханов) – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, корп. 5А.
E-mail: oGeorgO@pstgu.ru

ПЕТРУНЁВА Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_grpd@vshu.kirov.ru

ПОДПРЯТОВ Николай Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре общей отечественной истории Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: Podpryatov@psu.ru

ПОЛЯКОВ Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Филиала Московского государственного индустриального университета в г. Кирове. 610000, г. Киров, Октябрьский проспект, д. 26.
E-mail: agp17@rambler.ru

ПОСПЕЛОВА Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре культурологии и рекламы, декан факультета философии и культурологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

РОЗЕНБЕРГ Наталия Абрамовна – доктор культурологии, профессор по кафедре гуманитарных дисциплин Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Выборгский филиал). 188811, Ленинградская обл., г. Выборг, ул. Парковая, д. 2.
E-mail: admin@vbgherzen.spb.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: marina_rosina@mail.ru

САМОДЕЛОВА Елена Александровна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН. 121069, г. Москва, Г-69, ул. Поварская, д. 25А.
E-mail: samodelova@imli.ru

СЕМЕНО Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, декан юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: law@vshu.kirov.ru

СОЛОВЬЁВ Рустам Арсланович – соискатель кафедры общей отечественной истории Пермского государственного университета, старший инженер 3-го отдела войсковой части 62834. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: solorus@mail.ru

СРЕТЕНСКАЯ Светлана Валерьевна – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: SretenskayaS@gmail.com

СУСЛОВ Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой общей отечественной истории Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: Suslovmi@yandex.ru

СУХИХ Ольга Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской литературы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

E-mail: ruslitxx@list.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отдела при Кировском ЛОВД на транспорте Управления на транспорте МВД России по ПФО, майор юстиции. 610002, г. Киров, ул. Горького, д. 67.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – преподаватель Кировского филиала Юридического колледжа Российской секции Международной полицейской ассоциации, соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВятГГУ. 610017, г. Киров, ул. Маклина, д. 40.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ТАЗЕТДИНОВА Руфина Ринатовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре режиссуры и актерского мастерства театрального факультета Казанского государственного университета культуры и искусств. 420015, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, д. 3.

E-mail: kguki@i-set.ru

ЧЕРНИГОВСКИЙ Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ЯРЫГИН Николай Николаевич – доктор философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophi@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BEREZINA Yulia Valerievna – Candidate of Philology, senior teacher of the Department of Linguistics and translation in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: j1206deberg@yandex.ru

BERESNEVA Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Chemistry in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: evberesneva@mail.ru

BLAGODIR Alla Leontievna – Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of civil-law disciplines in Kirov branch office of Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

VAKHRUSHEV Alexander Alekseevich – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of History and journalism theory in Udmurt State University. 426034, Izhevsk, 1 Universitetskaya str.

E-mail: narezka@mail.ru

VIDENEEVA Alla Evgenyevna – Candidate of History, senior research assistant of the Department of History in State reserve museum “Rostov Kremlin”. 152155, Yaroslavl region, Rostov, the Kremlin, museum.

E-mail: alla.vid@yandex.ru

VNUTSKIKH Alexander Yurievich – Doctor of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy in Perm State University. 614990, Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: dekanatfsf@psu.ru

VOROBYOVA Tamara Albertovna – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ZAKHARISCHEVA Marina Alekseevna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy in Glazov State Pedagogical Institute. 427621, Udmurtian Republic, Glazov, 25 Pervomayskaya str.

E-mail: zahari-ma@rambler.ru

ZBOEV Artem Vyacheslavovich – IV course student of the Faculty of History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: zboev.art@mail.ru

KISELEVA Ekaterina Pavlovna – Candidate of Psychology, senior teacher of the Department of Practical Psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

KOMKOVA Elena Ivanovna – Candidate of Psychology, Assistant Professor of the Department of Psychology in Minsk Management Institute. 220102, Belarus, Minsk, 12 Lazo str.

E-mail: lena-komkova@yandex.ru

KONOVALOVA Alla Borisovna – Candidate of Justice, Head of the Department of criminal-law disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

KUVALDINA Elena Alekseevna – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Pedagogy in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: lenaku63@yandex.ru

MOSUNOVA Lyudmila Alexandrovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Publishing and Editing in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

NAUMOV Alexander Olegovich – Candidate of History, Research Assistant of Russian Academy of Sciences Institute of International Affairs, chief of analytical administration of “Russian World” foundation. 119285, Moscow, 40 Mosfilmovskaya str.

E-mail: anaoumov@mail.ru

OREKHANOV Yuri Leonidovich (priest G. Orekhanov) – Doctor of Church History, Candidate of History, Assistant Professor of the Department of Russian Church history in St. Tikhon’s Orthodox University. 115184, Moscow, 23/5A Novokuznetskaya str.

E-mail: oGeorgO@pstu.ru

PETRUNYOVA Anna Nikolaevna – senior teacher of the Department of civil-law disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_grpd@vshu.kirov.ru

PODPRYATOV Nikolay Vyacheslavovich – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of General native history in Perm State University. 614990, Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: Podpryatov@psu.ru

POLYAKOV Alexey Gennadievich – Candidate of History, Assistant Professor of the Kirov department of Moscow State Industrial University. 610000, Kirov, 26 Oktyabrskiy prospekt.

E-mail: agp17@rambler.ru

POSPELOVA Natalya Ivanovna – Candidate of Art, Assistant Professor of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSUH, Dean of the Faculty of Philosophy and Cultural Studies in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ROSENBERG Natalia Abramovna – Doctor of Cultural studies, Professor of the Department of nonsciences in Herzen University (Vyborg branch office). 188811, Leningrad Region, Vyborg, 2 Parkovaya str.

E-mail: admin@vbg Herzen.spb.ru

ROSINA Marina Anatolyevna – postgraduate student of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: marina_rosina@mail.ru

SAMODELOVA Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, senior research assistant in Institute of world literature. 121069. Moscow, G-69, 25A Povarskaya str.

E-mail: samodelova@imli.ru

SEMENO Andrey Valeryevich – Candidate of History, Dean of the Faculty of Law in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

SOLOVYEV Rustam Arslanovich – fellow applicant of the Department of Native history in Perm State University, senior engineer of the 3rd office in troop unit № 62834. Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: solorus@mail.ru

SRETENSKAYA Svetlana Valeryevna – postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: SretenskayaS@gmail.com

SUSLOV Mikhail Grigoryevich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General native history in Perm State University. Perm, 15 Bukireva str.

E-mail: Suslovmi@yandex.ru

SUKHIKH Olga Stanislavovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian literature in Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University. 603000, Nizhniy Novgorod, 37 Bolshaya Pokrovskaya str.

E-mail: ruslitxx@list.ru

SUCHKOV Andrey Viktorovich – senior investigating officer, major of justice. 610002, Kirov, 67 Gorkogo str.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

SUCHKOVA Tatyana Evgenyevna – teacher of Kirov branch office of Juridical college of International police association of Russian section, fellow applicant of the Department of state-law disciplines in VSHU. 610017, Kirov, 40 Maklina str.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

TAZETDINOVA Rufina Rinatovna – Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Stage direction and Acting technique of the Theatrical Faculty in Kazan State University of Culture and Art. 420015, Kazan, 3 Orenburgskiy trakt str.

E-mail: kguki@i-set.ru

CHERNIGOVSKIY Dmitriy Nikolaevich – Doctor of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian and foreign literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

YARYGIN Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Sociology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: filosophi@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2(1)

Подписано в печать 25.05.2011 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 1000. Заказ № 1772.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674